

DOI: 10.21209/1996-7853
DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4

ISSN 1996-7853 (Print)
ISSN 2542-0038 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕКТОР

Humanitarian Vector

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ

672007, Россия, Забайкальский край,
г. Чита, ул. Бабушкина, 129,
кабинет № 126

Телефон: 8 (3022) 35-24-79

Факс: 8 (3022) 41-64-44

FOUNDER AND PUBLISHER

FSBEI HE

“Transbaikal State University”

30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita,
Transbaikal Territory, Russia, 672039

EDITORIAL OFFICE ADDRESS

Office no. 126, 129 Babushkina st.,
Chita, Transbaikal Territory,
Russia, 672007

Phone: 8 (3022) 35-24-79

Fax: 8 (3022) 41-64-44

E-mail: zab-nauka@mail.ru

<http://www.zabvektor.com>

Том 16, № 4
2021

Vol. 16, No. 4
2021

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации

ПИ № ФС 77-71267 от 10.10.2017

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней доктора и кандидата наук:

- 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки);
- 07.00.03 – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки);
- 07.00.06 – Археология (исторические науки);
- 07.00.07 – Этнография, этнология и антропология (исторические науки);
- 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки);
- 09.00.11 – Социальная философия (философские науки);
- 09.00.13 – Философская антропология, философия культуры (философские науки);
- 10.01.01 – Русская литература (филологические науки);
- 10.01.10 – Журналистика (филологические науки)

Направление номера журнала

Филологические науки

Авторы несут полную ответственность за подбор и изложение фактов, содержащихся в статьях; высказываемые взгляды могут не отражать точку зрения редакции

Языки издания: русский, английский, китайский

Редакция журнала руководствуется положением Гражданского кодекса РФ по авторскому праву, международным стандартом редакционной этики, лицензией Creative Commons "Attribution" («Атрибуция») 4.0 Всемирная

Подписной индекс журнала в «Пресса России» **42407**

Редакционная коллегия

Главный редактор

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия)

Выпускающие редакторы

Пименова Марина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, Институт иностранных языков (Санкт-Петербург, Россия);

Куликова Елена Юрьевна, доктор филологических наук, доцент, сектор литературоведения, Институт филологии СО РАН (Новосибирск, Россия)

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна, кандидат культурологии (Чита, Россия)

Размещение и индексация журнала

Научная электронная библиотека, CrossRef, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Соционет, Знаниум, БиблиоРоссика, Арбикон, ИВИС, КиберЛенинка, Университетская библиотека онлайн, IPRbooks.

Редакционная политика журнала ориентирована на исследование, в которых рассматриваются *ценностные ориентиры современного общества* – новые и традиционные, значимые не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом в условиях вызовов и угроз технологической революции, кризиса культур и их ценностных оснований, тотальной цифровизации мирового сообщества. В контенте номера представлено осмысление социокультурных проблем и аксиологических практик в рамках русской и зарубежной филологии, аксиологии медиадискурса, языковой картины мира и поэтики текста.

Материалы журнала будут интересны широкой научной общественности, преподавателям и учащимся, деятелям культуры и образования – всем, кто обеспокоен вопросами гуманизма в его исконном и фундаментальном статусе, проблемой сохранения культурного многообразия общества, интересуется ментальной картиной мира, знаковыми реалиями разных социумов.

© Забайкальский государственный университет, 2021

Редактор О. Ю. Гапченко, редактор перевода В. М. Ерёмина, вёрстка Г. А. Зенковой

Подписано в печать 24.10.2021. Дата выхода в свет 26.10.2021

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Гарнитура "Arial"

Способ печати оперативный. Заказ № 21146

Усл. печ. л. 22,8. Уч.-изд. л. 20,0. Тираж 1000 экз. (1-й з-д 1–100 экз.)

Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет» 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрo-Заводская, 30

The journal is registered

by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor)

Registration certificate

ПИ № ФС 77-71267 of 10.10.2017

The journal

is in the list of the leading refereed scientific journals and editions which publish the main results of dissertations for academic degrees of doctors and candidates of sciences:

- 07.00.02 – National history (historical sciences);
- 07.00.03 – Universal history (of the corresponding period) (historical sciences);
- 07.00.06 – Archeology (historical sciences);
- 07.00.07 – Ethnography, ethnology and anthropology (historical sciences);
- 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical sciences);
- 09.00.11 – Social philosophy (philosophical sciences);
- 09.00.13 – Philosophical anthropology, philosophy of culture (philosophical sciences);
- 10.01.01 – Russian literature (philological sciences);
- 10.01.10 – Journalism (philological sciences)

Journal Issue direction

Philological Sciences

The authors are fully responsible for the selection and presentation of the facts contained in their articles; the views expressed by them may not necessarily reflect the views of the editorial board

Publication languages:

Russian, English, Chinese

The editorial board is guided by the provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Copyright, International Editorial Ethics Standards, Creative Commons license "Attribution"

("Attribution") 4.0 Universal

Subscription index of the journal in "Press of Russia" **42407**

Editorial Board

Editor-in-chief

Erofeeva, Irina V., Doctor of Philology, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia)

Main Handling Editor

Pimenova, Marina V., Doctor of Philology, Professor, Institute of Foreign Languages (St. Petersburg, Russia);

Kulikova, Elena Yu., Doctor of Philology, Institute of Philology, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia)

Executive Secretary of the Editorial Board

Sedina, Elena V., Candidate of Culturology (Chita, Russia)

Journal placement and indexing

E-library, Crossref, DOAJ, Index Copernicus, Ulrich's Periodicals Directory, Citefactor, JIFACTOR, Journal Factor, Google Scholar, WordCat, Socionet, Znanium, BiblioRossica, Arbicon, IVIS, KiberLeninka, University library online, IPRbooks.

The dominant subject matter of the journal is connected with key meanings, values and artifacts of culture. The problem of meaning is found in existential issues, questions of place and role of the person in the modern world, culture and society, transformation of identity and evolution of sociocultural means of person's consciousness, crisis of culture and its value foundations. Within the framework of a relevant cultural and semantic approach, any phenomenon of culture and society is considered as a cultural text possessing an appropriate value and coding cultural meanings by different sign systems. The issue content presents interpretation of sociocultural problems within Russian and world philology, axiology, media discourse, linguistic worldview, and text poetics.

Materials will be interesting to the wide scientific community, university lecturers, postgraduates, students, workers in culture and education.

© Transbaikal State University, 2021

Editor O. Yu. Gapchenko, Editor of the English Translation V. M. Eremina,
Make-up G. A. Zenkova

Signed to print 24.10.2021. Date of publication 26.10.2021

Format 60×84 1/8. Offset paper. Headset "Arial"

Operative printing. Order No. 21146

Conv. quires 22,8. Ed.-print quires 20,0. Circulation 1000 copies. (first impression 1–100 copies)

Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, Russia, 672039

Члены редколлегии

- Алеврас Наталия Николаевна**, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия);
- Афанасьева Эльмира Маратовна**, доктор филологических наук, главный научный сотрудник, Государственный институт русского языка имени А. С. Пушкина (Москва, Россия);
- Базаров Борис Ванданович**, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Улан-Удэ, Россия);
- Батмаз Вейзель**, доктор наук, профессор, Стамбульский университет, заведующий отделом методов исследования, факультет коммуникаций, кафедра связей с общественностью и рекламы (Стамбул, Турция);
- Бернюкевич Татьяна Владимировна**, доктор философских наук, доцент, Московский государственный строительный университет (национальный исследовательский университет) (Москва, Россия);
- Буржо Андре**, доктор социальных наук, академик, Национальный центр научных исследований Франции (Париж, Франция);
- Ванчикова Цымжит Пурбуевна**, доктор исторических наук, профессор, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Россия);
- Воронченко Татьяна Викторовна**, доктор филологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Геруля Мариан**, доктор филологических наук, профессор, Институт политических наук и журналистики Силезского Университета в Катовице (Катовица, Польша);
- Гомбоева Маргарита Ивановна**, доктор культурологии, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Гончаров Юрий Михайлович**, доктор исторических наук, профессор, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия);
- Граля Хероним**, доктор исторических наук, Варшавский университет (Варшава, Польша);
- Дербишева Замира Касымбековна**, доктор филологических наук, профессор, Кыргызско-Турецкий университет Манас (Бишкек, Киргизская Республика);
- Диев Владимир Серафимович**, доктор философских наук, профессор, Институт философии и права НГУ (Новосибирск, Россия);
- Жуковская Наталья Львовна**, доктор исторических наук, Центр азиатских и тихоокеанских исследований Института этнологии и антропологии РАН (Москва, Россия);
- Захарова Елена Юрьевна**, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Зубарева Вера Климовна**, доктор филологических наук, профессор, Пенсильванский университет (Филадельфия, США);
- Изухо Масами**, доцент, Токийский столичный университет (Токио, Япония);
- Иизука Фуми**, доктор антропологии, Калифорнийский государственный университет (Калифорния, США);
- Камалова Алла Алексеевна**, доктор филологических наук, профессор, Варминско-Мазурский университет в Ольштыне (Ольштын, Польша);
- Карасик Владимир Ильич**, доктор филологических наук, профессор, Волгоградский государственный социально-педагогический университет (Волгоград, Россия);
- Келли Бэрн**, доктор наук, профессор факультета театральных искусств университета Луисвилля (Кентукки, США);
- Ковтун Наталья Вадимовна**, доктор филологических наук, профессор, Красноярский государственный педагогический университет имени В. П. Астафьева (Красноярск, Россия);
- Константинов Александр Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Константинов Михаил Васильевич**, доктор исторических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Костырченко Геннадий Васильевич**, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт российской истории РАН (Москва, Россия);
- Лига Марина Борисовна**, доктор социологических наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Маслова Валентина Авраамовна**, доктор филологических наук, профессор, Витебский государственный университет (Витебск, Беларусь);
- Мисонжников Борис Яковлевич**, доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия);
- Новиков Александр Николаевич**, доктор географических наук, доцент, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Петров Александр Юрьевич**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН (Москва, Россия);
- Розов Николай Сергеевич**, доктор философских наук, профессор (Новосибирск, Россия);
- Романова Екатерина Назаровна**, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирское отделение РАН (Якутск, Россия);
- Саймонс Грег**, доцент, Центр российских и евразийских исследований (Уппсала, Швеция);
- Сонг Чжон Су**, профессор, университет Чжунг-Анг, Институт зарубежной филологии (Сеул, Корея);
- Строевский Дмитрий Леонидович**, доктор политических наук, доцент (Ариэль, Израиль);
- Субботина Надежда Дмитриевна**, доктор философских наук, профессор, Забайкальский государственный университет (Чита, Россия);
- Сяобин Чжао**, доктор литературы, доцент, Хэбэйский университет (Баодин, КНР);
- Цэцэгма Жамбалын**, доктор исторических наук, профессор, Международный университет Их Засаг (Улан-Батор, Монголия);
- Черникова Ирина Васильевна**, доктор философских наук, профессор, Томский государственный университет (Томск, Россия);
- Шапошник Вячеслав Валентинович**, доктор исторических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории (Санкт-Петербург, Россия);
- Шевцов Вячеслав Вениаминович**, доктор исторических наук, Томский государственный университет (Томск, Россия)

Editorial Board

- Alevras, Natalya N.**, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk State University (Chelyabinsk, Russia),
- Afanas'eva, Elmira M.**, Doctor of Philology, Chief Researcher, the Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russia);
- Bazarov, Boris V.**, Doctor of History, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Veysel, Batmaz**, Istanbul University, Faculty of Communications, Head of Research Methods Branch, Public Relations and Advertising Department (Istanbul, Turkey);
- Bernyukevich, Tatiana V.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Moscow State University of Civil Engineering (National Research University) (Moscow, Russia);
- Bourget, Andre**, Doctor of Sociology, Academician, French National Center for Scientific Research (Paris, France);
- Vanchikova, Tsymzhit P.**, Doctor of History, Professor, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russia);
- Voronchenko, Tatiana V.**, Doctor of Philology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Gierala, Marian**, Doctor of Philology, Professor, Head of the Journalism Chair at the Institute of Political Science and Journalism of Silesia in Katowice (Katowice, Poland);
- Gomboeva, Margarita I.**, Doctor of Culturology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Goncharov, Yurii M.**, Doctor of History, Professor, Altai State University (Barnaul, Russia);
- Grala, Hieronim**, Doctor of History, Warsaw University (Warsaw, Poland);
- Derbisheva, Zamira K.**, Doctor of Philology, Professor, Kyrgyz Turkish Manas University (Bishkek, Kyrgyz Republic);
- Diev, Vladimir S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia);
- Zhukovskaya, Natalya L.**, Doctor of History, Head of the Center for Asian and Pacific Studies, Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Zakharova, Elena Yu.**, Doctor of Philosophy, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Zubareva, Vera K.**, Doctor of Philology, Professor, University of Pennsylvania (Philadelphia, USA);
- Izuho Masami**, Associate Professor, Tokyo Metropolitan University (Tokyo, Japan);
- Izuka Fumie**, Doctor of History, Anthropology, California State University (California, USA); Alla A. Kamalova, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Kamalova, Alla A.**, Doctor of Philology, Professor, University of Warmia and Mazury in Olsztyn (Olsztyn, Poland);
- Karasik, Vladimir I.**, Doctor of Philology, Professor, Volgograd State Social and Pedagogical University (Volgograd, Russia);
- Kelly Baron**, Doctor of Sciences, Associate Professor, University of Louisville (Kentucky, USA);
- Kovtun, Nataliya V.**, Doctor of Philology, Professor, Astafiev Krasnoyarsk State Pedagogical University (Krasnoyarsk, Russia);
- Konstantinov, Aleksandr V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Konstantinov, Mikhail V.**, Doctor of History, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Kostyrchenko, Gennady V.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Liga, Marina B.**, Doctor of Sociology, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Maslova, Valentina A.**, Doctor of Philology, Professor, Vitebsk State University (Vitebsk, Belarus);
- Misonzhnikov, Boris Ya.**, Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Novikov, Aleksandr N.**, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Petrov, Aleksandr Yu.**, Doctor of History, Chief researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia);
- Rozov, Nikolai S.**, Doctor of Philosophy, Professor, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia);
- Romanova, Ekaterina N.**, Doctor of History, Ethnography of the North-Eastern Russia's Peoples Department, Siberian Branch, Russian Academy of Sciences (Yakutsk, Russia);
- Simons Greg**, Associate Professor at Uppsala Centre for Russian and Eurasian Studies Box (Uppsala, Sweden);
- Song Chon Su**, Professor, Chung-Ang University, Foreign Philology Institute (Seoul, Korea);
- Strovsky, Dmitry L.**, Doctor of Political Science, Associate Professor, Ariel University (Ariel, Israel);
- Subbotina, Nadezhda D.**, Doctor of Philosophy, Professor, Transbaikal State University (Chita, Russia);
- Xiaobing Zhao**, Doctor of Literature, Associate Professor, Hebei University (Baoding, People's Republic of China);
- Tsetsegma Zhambalyn**, Doctor of History, Professor, 1st Vice Rector, Ikh Zasag International University (Ulaanbaatar, Mongolia);
- Chernikova, Irina V.**, Doctor of Philosophy, Professor, Tomsk State University (Tomsk, Russia);
- Shaposhnik, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Associate Professor, Department of History, Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia);
- Shevtsov, Vyacheslav V.**, Doctor of History, Tomsk State University (Tomsk, Russia)

Содержание

ПОЭТИКА И ИСТОРИЯ ТЕКСТА

<i>Забияко А. А., Землянская К. А.</i> «Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода	8
<i>Тран Тхи Тху Ха</i> Короткий рассказ как особенный жанр вьетнамской национальной литературы	18
<i>Чжоу Синьюй</i> Образы хунхузлов в литературе Маньчжурии 20–40-х годов XX века (на материале творчества Сяо Цзюня)	26

ИГРА В БИСЕР: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ТЕКСТА

<i>Васильева Г. М.</i> Антропоцентричность как принцип перевода: «Фауст» К. А. Иванова	36
<i>Нури Джаннат</i> Женские персонажи в «Докторе Живаго» и их роль в судьбе главного героя	46
<i>Чжао Сюе, Говорухина Ю. А.</i> Восприятие современной китайской литературы русским профессиональным читателем: особенности исследовательского ракурса	58

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

<i>Бактыбаева А. Т.</i> Авторская повествовательная стратегия с элементами комизма в структуре концептуальной картины мира прозы Б. Канапьянова	69
<i>Дмитриева Л. М., Чжан Юньфэй</i> Топонимы «Россия», «Москва», «Барнаул» в сознании китайских студентов	78
<i>Юрченко М. Г.</i> Мотивирующие признаки концепта <i>студент</i>	89
<i>Ерофеева И. В., Толстокулакова Ю. В.</i> Аксиосфера концепта <i>Война</i> в медиадискурсе о Нагорно-Карабахском конфликте	96
<i>Цветова Н. С.</i> Актуальные медиаконцепты: динамика ценностных смыслов	107

АКСИОЛОГИЯ МАССМЕДИА

<i>Сидоров В. А.</i> Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения	117
<i>Иванян Р. Г.</i> Ценность солидарности в современной журналистике	126
<i>Курушкин С. В.</i> Ценностный базис российских сетевых сообществ: интегративная функция коммуникативных агрессий	136
<i>Войцех Новяк, Кишиштоф Моленда</i> Медиадискурс «Восстания женщин»: спор о ценностях	145
<i>Антропова В. В., Федоров В. В.</i> Верификация ценностных доминант в региональном медиадискурсе: травмирующе-фобический сегмент информационного поля	158
<i>Рогозин Д. М., Вьюговская Е. В.</i> Три гипотезы о медиасреде в условиях распространения коронавируса	169

РЕЦЕНЗИИ

<i>Третьяков Е. О.</i> «Время варваров»: феномен варварства в фильме Алексея Балабанова «Брат 2»	179
<i>Ильченко С. Н.</i> Фейк и реальность нашего времени	189

CONTENTS

POETICS AND HISTORY OF THE TEXT

Zabiyako A. A., Zemlyanskaya K. A. <i>Stories of the East</i> in the Context of Artistic Ethnography by V. Mart of the Soviet Period	8
Tran Thi Thu Ha A Short Story as a Special Genre of Vietnamese National Literature	18
Zhou Xinyu Images of the Hunghuz in the Literature of Manchuria in the 1920s–1940s (The Case of Xiao Jun’s Works)	26

THE GLASS BEAD GAME: HIDDEN MEANINGS OF THE TEXT

Vasilyeva G. M. Anthropocentricity as a Principle of Translation: Faust by K. A. Ivanov	36
Nure Jannat Female Characters in <i>Doctor Zhivago</i> and Their Role in the Fate of the Protagonist	46
Zhao Xue, Govorukhina Yu. A. The Modern Literary Process in China in the Works of Russian Literary Scholars-Sinologists: Features of the Research Perspective	58

CONCEPTUAL WORLDVIEW

Baktybaeva A. T. Author’s Narrative Strategy with Comic Elements as a Component of the Conceptual Picture of the Prose World of B. Kanapyanov	69
Dmitrieva L. M., Zhang Yunfey Toponyms “Russia”, “Moscow”, “Barnaul” in the Minds of Chinese Students	78
Iurchenko M. G. Motivating Signs of the <i>Student</i> Concept	89
Erofeeva I. V., Tolstokulakova Yu. V. Axiosphere of the Concept of <i>War</i> in the Media Discourse on the Nagorno-Karabakh Conflict	96
Tsvetova I. S. Current Media Concepts: Dynamics of Value Meanings	107

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

Sidorov V. A. Axiology of Mass Media: Problem Fields and Study Strategies	117
Ivanyan R. G. Solidarity as Value in Journalism	126
Kurushkin S. V. The Value Basis of Russian Network Communities: the Integrative Function of Communicative Aggression	136
Wojciech Nowiak, Krzysztof Molenda Media Discourse “Rebellions of Women”: Dispute about Values	145
Antropova V. V., Fedorov V. V. Verification of Value Dominants in the Regional Media Discourse: a Traumatic-Phobic Segment of the Information Field	158
Rogozin D. M., Vyugovskaya E. V. Three Hypotheses about the Media Content Amidst the Coronavirus Infection.....	169

REVIEWS

Tretyakov E. O. “Time of the Barbarians”: The Phenomenon of Barbarism in the Film <i>Brother 2</i> by Aleksey Balabanov.....	179
Il’chenko S. N. Fake and Reality of Our World.....	189

ПОЭТИКА И ИСТОРИЯ ТЕКСТА

POETICS AND HISTORY OF THE TEXT

УДК 821.161.1

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-8-17

Анна Анатольевна Забияко,
Амурский государственный университет
(г. Благовещенск, Россия),
e-mail: sciencia@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

Ксения Александровна Землянская,
Амурский государственный университет
(г. Благовещенск, Россия),
e-mail: phlox@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>

«Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода

Актуальность исследования определяется интересом современного литературоведения к методологическим парадигмам изучения текстов художественно-этнографического наполнения в тематическом, жанрово-стилистическом, рецептивном аспектах. Новизна – в источниковедческом, текстологическом, жанрово-стилистическом анализе неопубликованного сборника В. Марта «Рассказы о Востоке». Проблема – в поэтологической реконструкции истории творческой неудачи конъюнктурно грамотного писателя в советской литературе начала 1930-х гг. Методология исследования базируется на жанрово-стилистическом, структурно-семантическом анализе, источниковедческом анализе текстов рукописи с точки зрения их этнографической направленности. Авторы устанавливают типологические черты художественной стратегии В. Марта на основе следующих методов: историко-литературного, структурно-семантического, источниковедческого, мифологических реконструкций. Исследователи констатируют, что объединяющим началом сборника В. Марта «Рассказы о Востоке» служит его «былевая» установка. Автор собрал в единое художественное пространство вариации ранее опубликованных «восточных» рассказов и лишь несколько абсолютно новых произведений (индийской, японской, корейской, китайской тематики). При их создании он применял в основном типологические приёмы, используемые в предыдущих публикациях советского периода: контаминацию традиционных мифологических сюжетов и революционных максим, транспозицию инокультурных реалий на российскую действительность, упрощённые лингво-, этнокультурные, мифологические комментарии и т. д. Авторы статьи пришли к выводу, что сборник скомпоновали в начале 1930-х гг.; при этом ни художественные недочёты, ни проблемы с достоверностью этнографического материала не повлияли на то, что рукопись не приняли в печать. В начале 1930-х гг. ситуация на Северо-Востоке и Юго-Востоке Азии резко изменилась вправо, и роковую роль анахронизма в изображении революционных событий в Китае и других странах конца 1920-х гг. сыграл именно фактографизм, былевая установка В. Марта. Этнографические «были» писателя, собранные воедино, стали убедительными «вредительскими» свидетельствами поражения революционного движения на Востоке и стратегических ошибок советской дипломатии в регионе.

Ключевые слова: художественная этнография, образ восприятия, Китай, Маньчжурия, быль, контаминация, транспозиция

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20-40-х гг. XX в.)».

© Забияко А. А., Землянская К. А., 2021

Anna A. Zabiako,
Amur State University
(Blagoveshchensk, Russia),
e-mail: sciencia@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>

Kseniya A. Zemlyanskaya,
Amur State University
(Blagoveshchensk, Russia),
e-mail: phlox@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>

Stories of the East in the Context of Artistic Ethnography by V. Mart of the Soviet Period

The relevance of the research is determined by the interest of modern literary criticism in the methodological paradigms of studying texts of artistic and ethnographic content in thematic, genre-stylistic, receptive aspects. The novelty lies in the source study, textual, genre-stylistic analysis of the unpublished collection *Stories of the East* by V. Mart. The research problem lies in the poetological reconstruction of the history of the creative failure of the opportunist literate writer in the Soviet literature at the beginning of the 1930s. The research methodology is based on genre-stylistic, structural-semantic analysis, source analysis of manuscript texts from the point of view of their ethnographic orientation. Based on the experience of research published in the USSR and works of artistic ethnography of the writer, the authors establish the typological features of the artistic strategy by V. Mart. Research methods: historical and literary, structural and semantic, source analysis, mythological reconstructions. The authors state that the unifying principle of V. Mart's collection *Stories of the East* is his "old-fashioned" attitude. It turned out that V. Mart collected variations of previously published "oriental" stories and only a few completely new works (Indian, Japanese, Korean, Chinese themes) into a single artistic space. When creating them, he mainly used typological techniques used in previous publications of the Soviet period: the contamination of traditional mythological plots and revolutionary maxims, the transposition of foreign cultural realities into Russian reality, simplified linguistic, ethnocultural, mythological commentaries, etc. The authors of the article came to the conclusion that the collection was compiled in the early 1930s; at the same time, neither artistic flaws nor problems with the reliability of the ethnographic material became the reason for the rejection of the manuscript for publication. Factography in depicting revolutionary events in China and other countries of the late 1920s played the fatal role of anachronism in the early 1930s, when the situation in the Northeast and Southeast Asia changed dramatically. The ethnographic "true stories" of Mart put together became convincing "sabotage" evidence of the defeat of the revolutionary movement in the East and the strategic mistakes of Soviet diplomacy in the region.

Keywords: artistic ethnography, image of perception, China, Manchuria, reality, contamination, transposition

Acknowledgment: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research grant No. 20-012-00318 "Images of Russia and China in artistic ethnography (based on the materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s–1940s)".

Введение. В 1923 г. в Москву из эмигрантского Харбина приезжает поэт и писатель Венедикт Март (Матвеев). Имея за плечами разнообразный дальневосточный опыт – футуризма [1], художественной этнографии [2], подёнщины в «жёлтых» газетёнках, – В. Март всеми силами пытается встроиться в советский литературный процесс. Несколько лет вынужденный выживать в Харбине, даже организовывать подписку на собственные неизданные книги¹, В. Март на первых порах ощущает, что готов к требованиям соцзаказа в литературе [3].

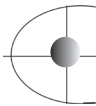
С детства воспитанный в народолюбческом духе [4], уже свои досоветские произведения В. Март пронизывает сочувствен-

ным вниманием к жизни простых людей, их чаяниям, их бедам. Поиски писателем новых трактовок, стилистики, форм дискурсивного выражения совпадают с периодом острых дискуссий в советской литературе о «беллетристике» (как литературе вымысла) и «литературе факта»² [5; 6]. Несмотря на ироническую критику со стороны коллег по цеху [2], бывшему дальневосточнику удаётся занять пустующую нишу «востоковеда» в советской литературе.

«Восточный» идеологический вектор возрастающей литературы Страны Советов в середине 1920-х гг. направлен в первую

¹ Алымов С. Правнук Виллона (о Венедикте Марте) // Гонг: журнал современной жизни. – 1923. – № 2.

² Литература факта: Первый сборник материалов работников ЛЕФа / под ред. Н. Ф. Чужака. – М.: Федерация, 1929. – 272 с.; Перцов В. История и беллетристика // Новый ЛЕФ. – 1928. – № 4. – С. 3–8.

очередь в сторону политической жизни Китая [7, с. 446–450]. По следам горячих событий В. Март успевает издать «революционно-китайский» «Сборник рассказов» (1928). Линию освобождения угнетённого китайского народа Март продолжит в «повести для детей из быта современного Китая» «Речные люди»¹ (1930), показав события сквозь призму детского сознания и мироощущения своего героя Ку-Сяо [2].

Особое место в художественной этнографии В. Марта советского периода занимает неопубликованный сборник «Рассказы о Востоке»². Его рукопись была послана в ГИХЛ и отвергнута редакторским отделом³. Датировка написания отдельных произведений сборника и их компоновки в художественное целое до конца не ясны [8, с. 133]. Исторические события, описанные в былях и рассказах сборника, относятся к событиям Китайской революции (1825–1927), движению 30 мая 1925 г. в Шанхае⁴, захвату КВЖД в середине 1929 г. При этом уже почти половина текстов, включённых в рукопись, была опубликована под теми же или иными названиями в перечисленных ранее сборниках и отдельно⁵, в разных вариантах. Часть рассказов («Хун Чие-фу», «Красный плат китайки», «В японском мешке») напечатаны писателем в «Сборнике рассказов», были «Фудзяданский кооператор Ван-Сы», рассказы «Прядильщица Лю-Чьен», «Кику» – в ленинградском журнале «Юный пролетарий»⁶. Что же на самом деле стало причиной не-принятия рукописи, большинство из рассказов которой увидели свет в других сборниках?

В данном исследовании мы обращаем внимание на жанрово-тематическое, стилистическое своеобразие неопубликованного

¹ Март-Матвеев В. Н. Речные люди: повесть для детей из быта современного Китая. – М.; Л.: Молодая гвардия, 1930. – 51 с.

² Российский государственный архив литературы и искусства (РГАЛИ). – Ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – Л. 1–93.

³ Там же. – Л. 1.

⁴ Неожиданный номер.

⁵ Хун Чие-фу. В японском мешке. Красный плат китайки // Сборник рассказов (с рисунками) / В. Н. Март-Матвеев. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 32 с.; Маленькая прядильщица // Юный пролетарий. – 1928. – № 3; Хитокои // Юный пролетарий. – 1929. – № 11; Маньчжурская быль // Юный пролетарий. – 1929. – № 22; Яд за яд // Вокруг света. – 1934. – № 3.

⁶ Маньчжурская быль // Юный пролетарий. – 1929. – № 22; Маленькая прядильщица // Юный пролетарий. – 1928. – № 3; Хитокои // Юный пролетарий. – 1929. – № 11.

сборника, приёмы, определяющие его художественно-этнографическую специфику. Возможно, это направление работы поможет понять причину «неудачи» В. Марта.

Методология и методы исследования. Историко-литературный контекст советской эпохи исследуется с опорой на работы Н. В. Корниенко и др. В работе используются работы китаеведов, индологов, востоковедов. Имагологические аспекты изучения образов восприятия опираются на исследования «культурного образа» А. Пажо [9], «образа художественного восприятия» А. А. Забияко, Е. В. Сениной [10], изучения образов взаимовосприятия русских и китайцев Ли Иннань [11]. Теоретическое обоснование концепции художественной этнографии, практические подходы к анализу текстов данного направления разработаны в статьях и монографических исследованиях А. А. Забияко, в частности, посвящённых дореволюционному и послереволюционному творчеству В. Марта. Опыт жанровой трансформации писателем художественно-этнографического текста в советский период исследуется с опорой на работы К. А. Землянской.

Результаты исследования и их об-суждение. Рукопись сборника В. Марта с обобщающим «восточным» названием включает шесть «былей» (две «китайских были», «маньчжурская быль», «корейская быль», «индийская быль», «японская быль») и шесть рассказов на китайскую тему.

Внешне рассказы и были объединены одной темой – противостояния простого народа стран Востока (китайцев, корейцев, индийцев, японцев) социальному угнетению. Конец 1920-х – начало 1930-х гг. становятся эпохальными для национально-освободительных и антиколониальных движений во всём мире (в Индии, Корее и т. д.), потому В. Март расширяет диапазон своих сугубо дальневосточных этнографических интенций⁷ его художественный интерес распространяется и на Юго-Восточную Азию.

«Былевая» жанровая заданность текстов тоже не случайна. Быль, как известно, – это рассказ о том, что «было», то есть о реальных событиях. Казалось бы, понятно: писателю необходимо не только оправдывать своё амплуа «знатока Востока», но и следовать «генеральной линии», а она в это время нацелена на очерковость, фак-

⁷ См., напр.: Март-Матвеев В. Н. Логово рыжих дьяволов. – М.: Гос. изд-во, 1928. – 15 с.

тографизм, злобу дня. Однако Март не был бы тем Мартом – «своим среди чужих, чужим среди своих», который в своё время «и от реалистов ушёл, и от футуристов ушёл», если бы он не использовал второе, фольклорное понимание жанра. Быль в фольклористике – это устный рассказ о событии, с *установкой* на правдоподобность излагаемого, лишенный авторства. По своей стилистике быль сближается с народными легендами, преданиями, сказами. В эти годы отечественная фольклористика обращается к собиранию устной повествовательной прозы в разных регионах СССР¹, в частности, рабочего фольклора² [12].

Структурный принцип былей Марта определяет *жанровая мимикрия*. Это некий «трёхслойный пирог», форму которому задаёт былевой каркас. Развитию сюжета предпослана экспозиция (*зачин*), дающая предысторию изображаемых событий, например:

«Ван вернулся на родину.

Ещё в 1915 году Ван с партией китайских рабочих покинул Китай, чтобы работать где-то далеко-далеко – в Архангельске на постройке Мурманской железной дороги.

Чего только не повидал в тех пор Ван на чужой земле. Железнодорожные работы на самом севере, рытьё окопов во время войны на Западе, борьба с Колчаком на востоке.

Покинул СССР Ван в красноармейской шинели» («На живом теле Китая. Китайская быль»).

В остальных былях – маньчжурской «Фудзядянский кооператор Ван-Сы», японской «Кику», корейской «В японском мешке» – предыстории более развёрнуты за счёт пространственных описаний и даже могут претендовать на самостоятельность как очерки. Но главное то, что в каждом таком зачине автор четко обозначает свою идейно-политическую позицию. Данный структурный принцип позволяет Марту «под сурдинку» написать по той же схеме и некоторые рассказы («Прядильщица Лю-Чьен»,

¹ Легенды и были: фольклор старых горнорабочих Южной и Западной Сибири / сост. А. А. Мисюрев; предисл. М. К. Азадовского. – Новосибирск: Новосибирск, 1940. – 228 с.

² Бирюков В. П. Дореволюционный фольклор на Урале. – Свердловск: ОГИЗ; Свердлов. обл. изд-во, 1936. – 364 с.; Бажов П. П. Уральские были. Из недавнего быта Сысертских заводов. Очерки / предисл. А. Вилиева. – Екатеринбург: Уралкнига, 1924. – 80 с.

«Человек с шариком. Китайский рассказ»). Поэтому в художественном целом сборника были и рассказы резко не дифференцированы, и, хотя сборник назван «Рассказы...», «былевое» начало в нём доминирует.

Установка на достоверность в первую очередь действует в основной сюжетной линии, что свойственно были как жанру «рабочего» фольклора. Изображена борьба трудового народа Востока, его стремление одержать победу над эксплуататорами, поработителями и колонизаторами: бывший красноармеец, китаец Ван понимает, что спасти его односельчан от навязанной японцами наркомании могут только революционные войска («На живом теле Китая»); «речные люди» помогают революционным китайским войскам («Через Ян-Цзы-Цзян»); заклинатель змей мстит своим обидчикам-англичанам («Яд за яд»); обезьянка отвешивает оплеуху сикху-жандарму («Неожиданный номер») и т. д.

Зло в новеллах рукописи по большей степени персонифицировано: это корейский лекарь-душегуб, по сговору с японцами обманом затянувший всю китайскую деревню в тяжкий морок морфинистской зависимости («На живом теле Китая»); белый офицер Намаконов и жирный китаец-купец Лю-Ханбин, спровоцировавшие убийство передового кооператора Ван-Сы («Фудзядянский кооператор Ван-Сы»); полковник Перкинс, отдающий приказ отравить паралитическими газами демонстрантов-индусов, восставших против поработителей-колонизаторов («Яд за яд»); учитель Чжао-Лин, начётчик и наркоман, мучающий детей в школе, а потом становящийся предателем и карателем своих односельчан («Человек с шариком»), и т. д. Однако В. Март может использовать и обобщённые образы «нанкинских контрреволюционных солдат», «ненавистных белых дьяволов» (англичан) и т. д.

Добро воплощено в образах героев-бессеребрянников, патриотов, искренних радетелей за народное благо – бывшего красноармейца Вана, кооператора Ван-Сы, факира Чаман-лала, рабочего Тина и мужественной прядильщицы Лю, хунхузианки Вы-и и т. д. Их помыслы – чисты, речи – плакатны. Так, герой китайской были «Через Ян-Цзи-Цзян» *Тун-Чен говорит на митинге среди подочников: «...Вы почти все были крестьянами, владели крохами земли... Но долги и налоги пожрали эти крохи;*

пауки-помещики вырвали у вас изо рта последнюю горсть риса. Из землевладельцев вы стали арендаторами, из арендаторов – батраками. И, наконец, вас во все вытеснили из земли, вышвырнули на реку... “Рыжие дьяволы” – европейцы, свои мандарины, кулаки и генералы доконали вас...»¹.

Описания злодеев и героев носят лубочный характер – в прямом соответствии со стилистическим своеобразием былевой прозы². При этом рассказы о Востоке читаются с большим интересом, тому способствует ряд «чисто-мартовских» содержательных и стилистических примет. Они определяют второй и третий упомянутые ранее слои повествовательной организации.

Восточным «козырем» В. Марта становится художественная этнография: доскональное знание бытовых традиций и национальных характеров японцев, китайцев, корейцев, образовательной системы Китая, историко-политических процессов, русско-китайского пиджина, личный опыт социальной адаптации в Харбине, собственные детализованные познания в опиумокурении, а также активный интерес к расширению этнографического кругозора. Всё это в прозе В. Марта конвертируется в запоминающиеся интродукции, яркие детали, придаёт ещё более правдивый колорит изображаемому:

«В глазах рябит от пёстрых красок, вертлявых витрин...

Таков Фудзядян, сосед “города Великих Могил” – Харбина, на могучей кормилице Маньчжурии – реке Сунгари.

Тысячелетия отражаются в облике города. Иногда на высоком шесте выше голов живых прохожих вынырнет волосатая мёртвая человеческая голова с запёкшимися кусками чёрной крови на шее. Это голова хунхуза-разбойника, казнённого в назидание народу» («Фудзядзянский кооператор Ван-Сы»).

Март не скупится на разного рода комментарии – от лингвокультурных («фанза/хата», «в таянг-ване – курильне опиума», «тучки <...> сампэнов-лодок-туфель», «Харбин – город Великих Могил»), этнокультурных («чаще они захаживали вечерами друг к другу – выкурить трубку чёрного опийного дыма или выпить фунт-другой

горячей гаоляновой водки с полсотней треугольников-пельменей» («Фудзядзянский кооператор...»); «На мизинцах обеих рук – большие ногти – винтами, под металлическими колпачками: не обломать. Большой, средний и указательный пальцы правой руки в постоянном движении: ими Чжао-лин вечно крутит маленький шарик. Отполированный, покрытый красным лаком шарик из мягкого дерева для Чжао-лина, что чётки для даосского ламы-монаха на его усердных молениях» («Человек с шариком»)) до мифологических – упрощённых, в духе политпроса: «Отец похоронил мать, вложив в гроб мужские туфли, чтобы в будущем воплощении подруга его жестокой жизни родилась более достойным и счастливым существом, то есть мужчиной» («Прядильщица Лю-Чьен»).

Этнографические зарисовки в основной части рассказов сюжетно значимы. Они служат завязкой – в них содержится описание традиций, которые герои, как правило, должны решительно изжить: мальчик Сяо – перестать выступать с обезьянкой, чтобы заработать себе на жалкую порцию риса; ткачиха Лю Чьен – отринуть многовековые заветы, определяющие поведение китайской женщины; бывший красноармеец Ван – разорвать наркотические сети, раскинутые над его односельчанами – англичанами, японцами и их корейскими прихвостнями, и т. д.

Писатель выбирает наиболее яркие приметы традиционной жизни и быта народов Северо-Восточной и Юго-Восточной Азии – культурные коды, отвечающие за стереотипизацию образов восприятия восточной инокультуры. Например, в «китайском рассказе» «Человек с шариком» таким героем становится Чжао-лин – учитель в сельской китайской школе. Знаковыми мазками-детальками Март характеризует многовековую китайскую систему образования (кстати, сохранившуюся в своих концептуальных основах до нашего времени): «Вся жизнь Чжао-лина вложена в бессчётные иероглифы – пестрящие знаки, начертанные десятки веков назад мудрым Конфуцием и его учениками <...> В школе учитель свято соблюдал древние традиции. Он никогда не улыбался в присутствии учеников и никогда не сказал ни одного ласкового слова ученику. Проявление радости добрых человеческих чувств в присутствии учеников считалось недопустимым для учителя:

¹ РГАЛИ. – Ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – Л. 57.

² Сибирские сказы, предания, легенды / сост. А. Мисюрев; послесл. Н. А. Каргаполова. – Новосибирск: Кн. изд-во, 1959. – С. 4.

такая «слабость» нарушила бы обычай старого времени»¹.

Нет ничего удивительного в том, что тематически большинство рассказов сборника – «китайские»: здесь В. Март «у себя дома», к тому же большая часть этих рассказов была написана им ранее. Его интересует базовая основа традиционной картины мира китайцев – переходная обрядность. В рассказе «Хун Чизэ-фу» это похоронная традиция и культ предков: главный герой старик Хун Чизэ-фу уже три года носит траур по казнённому сыну: «Он нацепил белую шишечку на шляпу и надел белые туфли»². Герой рассуждает о смерти как об единственной желанной последней встрече «на осиротелом тупике его жизни»³. В сюжетной основе рассказа «Красный плат китайянки. Китайская быль» – свадебные, семейно-бытовые традиции⁴.

Одним из характерных приёмов художественной этнографии В. Марта советского периода становится про-революционная трансформация традиционных мифологических сюжетов. Усечение архетипического сюжета, его новая интерпретация, транспозиция представлений о священном на новые мифологемы, контаминация разных мифологических сюжетов обнаруживается практически во всех этнографических текстах автора той поры («Дэрэ – водяная свадьба» [13], «Речные люди» [2, с. 307]). В «Красном плат китайянки» таким революционным образом «эксплуатируется» легенда о небесной ткачихе Чжи-нью и её возлюбленном, волопасе Ню-лане [14, с. 108–110]. В комментариях к рассказу В. Март выносит легенду о происхождении национального праздника пряльщиц седьмого числа седьмой луны [15], укорачивая народную легенду и оставляя лишь те структурные её элементы, что соотносятся с событиями рассказа. Март акцентирует «эксплуататорскую» подоплеку несчастий Чжи-нью.

Романтический эпизод вышивания Вы-и на красном «революционном» платке клятвы отмщения за жизнь своего любимого мужа Тянь-ши-нэ соотносится с известным литературным сюжетом. «Красный плат» уподоблен легендарному парчовому платку известной китайской поэтессы Су Жолань (IV в. н. э.), на котором та вышила поэму

¹ РГАЛИ. – Ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – Л. 75.

² Там же. – Л. 1.

³ Там же. – Л. 2.

⁴ Там же.

из 841 иероглифа в виде палиндрома. Красивая любовная история, которая должна была вписать трагедию Вы-и в общекультурный китайский контекст, также востребована В. Мартом лишь частично – исключительно в её антиэксплуататорской части.

Наряду с мифологическими и литературными аллюзиями писатель обытовляет своё былевое повествование, усиливая эффект этнографической достоверности. В рассказе «Через Ян-Цзы-Цзян. Китайская быль» этнографический колорит В. Марту обеспечивает подробное описание процесса рыболовного промысла на юге Китая⁵ – древнейший китайский способ ловли рыбы на баклана, для лучшего понимания советским читателем именуемого кормораном (*cormoran* – фр., нем.)⁶.

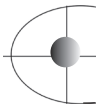
Сюжет рассказа «Дракон комсомольца Ли-Хуна» отталкивается от традиции встречи китайского Нового года, самого любимого и самого древнего семейного праздника. Писатель подробно описывает ритуальные действия, сопровождающие многодневный праздник. Вершиной празднования становится шествие по улицам города дракона, который в рассказе выполняет роль троянского коня: под масками и звериными шкурами скрываются революционеры, в финале рассказа безжалостно расправляющиеся с «вечными врагами китайского народа»⁷. В. Март контаминирует расхожий гомеровский сюжет с китайской живой мифологией. Традиционный красный цвет лент соотносится с набирающим силу коммунистическим движением, стрекот пулемёта – с треском хлопушек, отгоняющих злых духов, которые в рассказе персонифицированы в чиновников и солдат, укrywшихся в Яо-Мыне. Таким образом, обращённый на самом деле в глубокую древность китайский Праздник Весны по воле В. Марта знаменует начало нового времени, возвещает коренную революционную ломку старой жизни и одновременно вписывается в широкий культурный и литературный контекст.

Не являясь специалистом в индийской теме, недостаток научных знаний в повествовании «Яд за яд. Индийская быль» В. Март компенсирует огромной эрудицией, писательским чутьём и пониманием задач соцзаказа. Для советского читателя индийская тема вплоть до 1947 г. была практи-

⁵ Там же. – Л. 55.

⁶ Там же. – Л. 61.

⁷ Там же. – Л. 18.

чески terra incognita [16]¹. Кроме кратких сведений географического, политического, экономического характера, в брошюрах, предназначенных политработникам, неизменно высказывалась уверенность в коммунистическом будущем Индии², созданном массами «эксплуатируемых рабочих, крестьян и угнетённых париев, которые стремятся сейчас, помимо всех кастовых и иных перегородок, установить союз борьбы с революционным пролетариатом всего мира»³. Основная идея этих изданий – грядущая победа революционного и антиколониального движения в Индии⁴.

Автор мог узнать о змеином промысле и традициях заклинания змей в дореволюционных рассказах Н. Карпова⁵ и многократно переиздававшейся в советскую пору «Жизни животных» А. Брэма⁶. Кроме того – в номере журнала «Всемирный следопыт», где В. Март опубликовал свой этнографический триллер «За голубым трепангом» (1928, № 3), не только обложка представляла собой красочное изображение факира со змеей, но и был представлен мини-цикл «змеиных историй» Шелланда Брэдли «Заклинатель змей» и «Индусские змееловы»⁷.

Однако писатель не повторяется. Он представляет читателю подробную кастовую классификацию людей, «*профессии которых связаны с ловлей и заклинанием змей*»⁸, к одной из которых жители индийского предместья – «крысиного скопища» – пытаются отнести главного героя рассказа Чаман-Лала [17; 18]. Для убедительности в этнографической состоятельности описываемого В. Март подробнейшим образом перечисляет виды змей, подходящих для работы заклинателя: «*Корзины дополна кишели светло-шоколадными виперами, юркими змеями-крысами, зелёными дре-*

*весными змеями и самыми разнообразными очастыми “тшинта-негу”. Здесь были и совершенно чёрные, и жёлто-оранжевые, и бледно-коричневые, и отливающие всеми цветами радуги, перламутровые, пятнистые кобры»*⁹.

Март подробнейшим образом воссоздаёт этапы подготовки змеелова и заклинателя; читатель узнаёт о материалах ловли и правилах поведения змееловов. При этом автор снова использует приём мифологической транспозиции, поражающий воображение читателя и убеждающий в предопределённости коммунистического выбора индусом-заклинателем – герой рассказа Чаман-Лал «*принадлежал к новому жуткому тайному ордену целующихся змей. На его дудочке, которой он вызванивал змей из гнёзд, был начертан странный знак: – крест-накрест серп и молот в ореоле-кружке перевившихся целующихся змей; внизу хвосты змей упирались в священный цветок индусов – лотос*»¹⁰.

В финале рассказа змеи становятся орудием мести, адресованной мистеру Перкинсу. В подобной развязке Март, с одной стороны, грешит против этнографических и натуралистических фактов – как известно, миролюбивому характеру индусов претит склонность к убийству, тем более, столь изошрённому. Кроме того, сами змеи, как правило, не трогают человека, если тот не ведёт себя агрессивно. С другой стороны, тем же индусам присуща вера в то, что змеи кусают лишь тех, кто нарушает религиозные традиции и нравственные установки. И здесь английский чиновник Перкинс – самый подходящий объект.

Третий уровень мартовской художественной этнографии обнаруживается на уровне металитературной и метастилевой рецепции. Писатель потрафляет не только вкусу среднего советского читателя – он постоянно декларирует свою встроенность в новую социалистическую эстетику и идейную направленность советской литературы. Помимо подчёркиваемой самоидентификации своих текстов с актуальным жанром *были* Март соотносит их с прозой Б. Пильняка (абзацная ритмизация, постоянное использование тире, ономотопеи); А. Сефафимовича (описания движения революционных масс); с «обличительной» (по тем временам) прозой А. Чехова («Человек с

¹ Штейнберг Е. Индия / под ред. Т. Паскаля. – М.: Новая Москва, 1925. – С. 1.

² Бартенев О. Индия. – М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1928. – 31 с.

³ Штейнберг Е. Индия / под ред. Т. Паскаля. – М.: Новая Москва, 1925. – С. 108.

⁴ Там же; Бартенев О. Индия. – М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1928. – 31 с.; Али М. Индия. – М.: Изд-во ЦК МОПР СССР, 1930. – 32 с.; Кочарьянц Г. Индия. – М.: Молодая гвардия, 1930. – 62 с.

⁵ Карпов Н. Заклинатель змей // Аргус. – 1913. – № 6. – С. 87–95.

⁶ Брэм А. Жизнь животных: в 13 т. – СПб.: Деятель, 1911–1916.

⁷ Брэдли Ш. Змеиные истории. Заклинатель змей // Всемирный следопыт. – 1928. – № 3. – С. 210–218.

⁸ РГАЛИ. – ф. 613. – Оп. 1. – Д. 7053. – Л. 44.

⁹ Там же. – Л. 48.

¹⁰ Там же. – Л. 45.

шариком»). Включая «соцреалистические» культурные коды, писатель словно сигнализирует: я свой, я с вами, мои тексты – плоть от плоти русской словесности в её новом, социалистическом, изводе.

К сожалению, ни эти посылы, ни авторские окказиональные узоры, ни интереснейшие этнографические и историко-политические подробности не помогли сборнику «Рассказы о Востоке». Причина не-публикации рукописи, очевидно, – не в этом. Реальность была такова, что к 1932 г. китайская революция захлебнулась, всю наступала японская оккупация Маньчжурии, и в целом – утопические планы СССР и Коминтерна на скорую революцию в Восточной Азии потерпели фиаско. Потому финалы в «Рассказах о Востоке» В. Марта по большей части пессимистичны и исполнены трагического пафоса. Особенно страшен финал предпоследнего рассказа – «Человек с шариком», описывающий события, наступившие после «уханьского предательства»¹.

На листах рукописи «Рассказы о Востоке» указан адрес автора: «г. Киев, Львовская улица, дом № 33, кв. 19, В. Н. Матвееву».

В 1932 г. писатель был отправлен в свою вторую ссылку в Киев, куда он попал за очередные вольные проделки, и находился там по 1934 г. Таким образом, рукопись была передана в издательство не ранее 1932 г., что многое объясняет.

Заключение. Фактографизм и установка на достоверность как раз и стали ахиллесовой пятой В. Марта. События, описываемые писателем в «Рассказах о Востоке», свидетельствуют об определённых неудачах коммунистического движения и советской дипломатии. Над самим писателем уже тогда начали сгущаться тучи как над «японским шпионом» и «белогвардейским пособником», за что в 1937 г. его арестовали и после скорого суда расстреляли.

Дальнейший имманентный анализ неопубликованных текстов сборника, текстологическое соотнесение их с ранее изданными вариантами, встраивание данных материалов в общую парадигму исследования художественной этнографии В. Марта советского периода и его творческой биографии в целом представляют собой ближайшую перспективу продолжения данной темы.

Список литературы

1. Кириллова Е. О. Дальневосточная гавань русского футуризма. Кн. 1. Модернистские течения в литературе Дальнего Востока России 1917–1922 гг. (поэтические имена, идейно-художественные искания). Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2011. 636 с.
2. Забияко А. А. От мистики Востока к литературе факта (Венедикт Март) // Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2016. С. 283–307.
3. Землянская К. А. «Смерть под маской. Святочная быль» Венедикта Марта: беллетристический опыт советского писателя // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8. Культура, литература, история дальневосточной эмиграции в воспоминаниях, письмах, архивах: сб. науч. работ / под ред. А. А. Забияко, Г. В. Эфендиевой. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2021. С. 161–171.
4. Takayuki Yokota-Murakami. The Future in the Margin: the National and the International in the Russian Émigré Poetry from the Far East // Primerjalna knjizevnost – Ljuljana. 2009. Vol. 32. Pp. 123–135.
5. В поисках новой идеологии: социокультурные аспекты русского литературного процесса 1920–1930 годов / отв. ред. О. А. Казнина. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 608 с.
6. Корниенко Н. В. «Нэповская оттепель»: становление института советской литературной критики. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 504 с.
7. Воскресенский А. Д. Китай и Россия в Евразии: Историческая динамика политических взаимовлияний. М.: Восток-Запад, 2004. 608 с.
8. Гребенюкова Н. «Мой сын возлюбленный...»: письма Венедикта Марта из саратовской ссылки // Словесница искусств. 2019. № 1. С. 129–133.
9. Pageaux D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle // Synthesis. Bucarest. 1981. No. VIII. Pp. 169–185.
10. Забияко А. А., Сенина Е. В. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имопоэтики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. XVIII. Вып. 1. С. 166–171.
11. Ли Иннань. Русские и китайцы: образ «другого» // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9. Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2010. С. 140–147.

¹ Речь идёт о событиях 7 апреля 1927 г., когда в Ухане состоялся V Всекитайский съезд КПК, в его работе приняли участие Мао Цзэдун, Чжоу Эньлай [19, с. 271].

12. Аникин В. П. Рабочий фольклор и современные проблемы фольклористики // Фольклор Урала. Вып. 9. Фольклор в духовной культуре современного рабочего класса. Свердловск: Урал. гос. ун-т, 1986. С. 5–12.
13. Землянская К. А. Свадебная обрядность гольдов в художественной этнографии Венедикта Марта (на материале рассказа «Дэрэ – водяная свадьба») // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13. Народы и культуры Северо-Восточного Китая: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. / под ред. А. П. Забияко, А. А. Забияко. Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. С. 304–313.
14. Юань Кэ. Легенды и мифы китайской нации. Чэнду: Народное изд-во провинции Сычуань, 2019. 992 с. @@ 袁珂. 华夏民族的传说与神话. 成都: 四川人民出版社, 2019, 992 页.
15. Ци Ляньсю, Сяо Ли. Словарь китайских легенд и историй. Пекин: Издательский дом Китайской федерации литературы и искусства, 1992. 906 с. @@ 祁连休, 肖莉. 中国传说故事大词典. 北京: 中国文联出版社, 1992. 906 页.
16. Сапанжа О. С. Образы Индии в советской повседневной культуре 1950–1960-х гг. // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2018. № 4. С. 22–27.
17. Гусева Н. Р. Индия в зеркале веков. М.: Вече, 2002. 448 с.
18. Ольденбург С. Ф. Культура Индии / сост. И. Ю. Крачковский. М.: Наука, 1991. 277 с.
19. Jacobs D. N. Borodin – Stalin’s man in China. Massachusetts: Harvard University Press, 1981. 381 p.

Статья поступила в редакцию 08.05.2021; принята к публикации 30.06.2021

Сведения об авторах

Забияко Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор, Амурский государственный университет; 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; e-mail: sciencia@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>.

Землянская Ксения Александровна, аспирант, Амурский государственный университет; 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатьевское шоссе, 21; e-mail: phlox@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>.

Вклад авторов:

А. А. Забияко – основной автор, исследовала концептуальное развитие методологии анализа жанровых разновидностей художественной этнографии, осуществляла источниковедческий анализ.

К. А. Землянская осуществляла жанрово-стилистический анализ художественных текстов, исследовала историко-литературные и биографические реконструкции творчества Венедикта Марта.

Для цитирования:

Забияко А. А., Землянская К. А. «Рассказы о Востоке» в контексте художественной этнографии В. Марта советского периода // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 8–17. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-8-17.

References

1. Kirillova, E. O. Far Eastern harbor of Russian futurism. Book. 1: Modernist trends in the literature of the Russian Far East 1917–1922. (poetic names, ideological and artistic searches). Vladivostok: DVFU, 2011. (In Rus.)
2. Zabyako, A. A. From the mysticism of the East to the literature of fact (Venedict Mart). The mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin. Novosibirsk: SO RAN, 2016: 283–307. (In Rus.)
3. Zemlyanskaya, K. A. “Death under the mask. Christmas story” by Venedict Mart: the fictional experience of a Soviet writer. Ed. by Zabyako A. A., Efendiev G. V., Russian Harbin imprinted in the word. Issue 8. Culture, literature, history of the Far Eastern emigration in memoirs, letters, archives. Blagoveshhensk: Amur State University, 2021: 161–171. (In Rus.)
4. Takayuki Yokota-Murakami The Future in the Margin: the National and the International in the Russian Émigré Poetry from the Far East. Primerjalna knjizevnost – Ljuljana, 2009: 123–135. (In Engl.)
5. In Search of a New Ideology: Sociocultural Aspects of the Russian Literary Process of 1920–1930. Moscow: IMLI RAN, 2010. (In Rus.)
6. Kornienko, N. V. “The NEP Thaw”: the Formation of the Institute of Soviet Literary Criticism. Moscow: IMLI RAN, 2010. (In Rus.)
7. Voskresenskiy, A. D. China and Russia in Eurasia: Historical Dynamics of Political Interactions. Moscow: Vostok-Zapad, 2004. (In Rus.)
8. Grebenukova, N. “My beloved son ...”: Letters from Venedict Mart from the Saratov exile. Word of the arts, no. 1, pp. 129–133, 2019. (In Rus.)

9. Pageaux D.-H. Une perspective d'études en littérature comparée: l'imagerie culturelle. no. VIII, pp. 169–185, 1981. (In French)
10. Zabiyaĳ, A. A., Senina E. V. The artistic image of the perception of a foreign culture as a category of imagopoetics. Social and human sciences in the Far East. Vol. XVIII. no. 1, pp. 166–171, 2021. (In Rus.)
11. Li Innan'. Russians and Chinese: The Image of the "Other". Russia and China on the Far Eastern Borders. Russians and Chinese: Regional Problems of Ethnocultural Interaction. Ed. by Zabiyaĳ A. P. Blagoveshensk: Amur State University, 2010: 140–147. (In Rus.)
12. Anikin V. P. Working folklore and modern problems of folklore. Folklore of the Urals. Issue 9: Folklore in the Spiritual Culture of the Modern Working Class. Sverdlovsk: Ural State University, 1986: 5–12. (In Rus.)
13. Zemlyanskaya, K. A. Wedding rituals of Golds in the artistic ethnography of Venedict Mart (based on the story "Dere – Water Wedding"). Russia and China at the Far Eastern Frontiers: Peoples and Cultures of Northeastern China. Ed. by Zabiyaĳ A. A. Blagoveshensk: Amur State University, 2020: 304–313. (In Rus.)
14. Juan', Kje. Legends and myths of the Chinese nation. Chengdu: Narodnoe izd-vo provincii Sychuan', 2019. (In Chinese)
15. Ci Lyan'syu, Syao Li. Dictionary of Chinese legends and stories. Beijing: Izdatel'skij dom Kitajskoj federacii literatury i iskusstva, 1992. (In Chinese)
16. Sapanzha, O. S. Images of India in Soviet everyday culture in the 1950–1960s. SPbGIK Bulletin, no. 4, pp. 22–27, 2018. (In Rus.)
17. Guseva, N. R. India in the mirror of centuries. Moscow: Veche, 2002. (In Rus.)
18. Ol'denburg, S. F. Indian culture. Moscow: Nauka, 1991. (In Rus.)
19. Jacobs, D. N. Borodin – Stalin's man in China. Massachusetts: Harvard University Press, 1981. (In Engl.)

Received: May 5, 2021; accepted for publication June 30, 2021

Information about authors

Zabiyaĳ Anna A., Doctor of Philology, Professor, Amur State University; 21 Ignatievskoe sh., Blagoveshchensk, 675027, Russia; e-mail: sciencia@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8520-930X>.

Zemlyanskaya Kseniya A., Postgraduate Student, Amur State University; 21 Ignatievskoe sh., Blagoveshchensk, 675027, Russia; e-mail: phlox@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-1093-4766>.

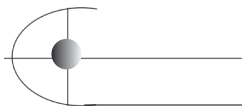
Contribution of authors:

A. A. Zabiyaĳ – main author; conceptual development of the methodology for analyzing genre varieties of artistic ethnography; source analysis.

K. A. Zemlyanskaya – genre and stylistic analysis of literary texts, historical, literary and biographical reconstructions of the work of Venedict Mart.

For citation:

Zabiyaĳ A. A., Zemlyanskaya K. A. Stories of the East in the Context of Artistic Ethnography by V. Mart of the Soviet Period // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 8–17. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-8-17.

УДК 372.882

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-18-25

Tran Thi Thu Ha,

*School for Gifted Children at the University of Hanoi,
Vietnam National University
(Hanoi, Vietnam),
e-mail: thuhahsgs@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2201-4871>*

A Short Story as a Special Genre of Vietnamese National Literature

There is still a gap between prosperous foundation of national literary heritage, its genre diversity and real practical understanding of its value for society development and national identification. The article is devoted to the study of the short Vietnamese story as a genre of Vietnamese literature, its history, specifics, and the current stage of development. The purpose of the research is to study the short Vietnamese story as a national genre of Vietnamese literature, periodization, identification of its features. In this study, several methods of scientific research were used. Historical and comparative analysis, with the help of which it is possible to identify the features of the genre under study by establishing similarities and differences with other genres, to identify the stages of its development in the historical context; and empirical analysis to summarize, classify and describe the results obtained. The contribution of the study is to present the history of the Vietnamese short story as a genre of Vietnamese literature, reveal its specifics, features due to the cultural and religious basis, the historical heritage of the country and socio-economic development. The periodization of the genre evolution is carried out. Special attention is paid to the analysis of the current stage short story development. The author shows the transformation of the genre, reveals new features inherent in the genre of the modern short Vietnamese story, related to the socio-economic development of Vietnam and the echoes of the military events of the mid-XX century. Namely, the approach to realism and showing the true emotions of the hero. We show that it is the analysis of literary works of this genre that can become an important element, which can help to preserve the depth and beauty of literature, to maintain the continuity of generations. This is especially important in the context of globalization and the erosion of traditional cultural values in Vietnamese society.

Keywords: genre, short stories, peculiarities, periodization, Vietnam

Тран Тху Тху Ха,

*Школа для одарённых детей при Ханойском университете,
Вьетнамский национальный университет
(г. Ханой, Вьетнам),
e-mail: thuhahsgs@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0002-2201-4871>*

Короткий рассказ как особенный жанр вьетнамской национальной литературы

Во Вьетнаме в настоящее время сохраняется разрыв между имеющимся богатым национальным литературным наследием, его жанровым разнообразием и реальным практическим пониманием всей ценности для развития общества и национальной идентификации. Статья посвящена изучению жанра короткого вьетнамского рассказа как формата национальной идентификации вьетнамской литературы, его истории развития, специфики, современного этапа формирования. В работе использованы следующие методы научного исследования: исторический и сравнительный, с помощью которых выявлены особенности исследуемого жанра посредством установления сходства и различия с другими жанрами, этапы его развития в историческом контексте; эмпирический анализ позволил обобщить, классифицировать и описать полученные результаты. В ходе данного исследования представлена история вьетнамского короткого рассказа как жанра вьетнамской литературы, выявлены его специфика, особенности, обусловленные культурно-религиозной основой, историческим наследием страны и социально-экономическим развитием. Проведена периодизация развития жанра короткого вьетнамского рассказа. Особое внимание уделено анализу современного этапа развития данного жанра. Показана трансформация жанра, выявлены новые черты, присущие особенностям жанра современного короткого вьетнамского рассказа, связанные с социально-экономическим развитием Вьетнама и отголосками военных событий середины XX в., – приближение к реализму и проявление истинных эмоций героя. Показано, что произведения именно данного жанра могут стать неотъемлемым элементом, помогающим сохранить традиции национальной литературы во Вьетнаме, показать глубину и красоту короткого рассказа, сохранить преемственность поколений.

© Тран Тху Тху Ха, 2021

В современном мире в условиях глобализации важно сохранить традиционные ценности культуры во вьетнамском обществе.

Ключевые слова: жанр, короткие рассказы, особенности, периодизация, Вьетнам

Introduction. A literary genre is a form, an abstract pattern, according to which the text of a literary work is constructed. The stability of the genre is linked to its historical heritage. In essence, the literary genre reflects the trends of literary development that have developed in the society [1]. A genre always retains certain fundamental elements of its inherent structure. Literary genres do not stand still. They are constantly evolving, changing. The formation or change of literary genres has been influenced by the real historical reality, in the halo of which literary works are created. These elements are saved only through regular updates, or in other words, through modernization.

Each literary genre is characterized by its own linguistic patterns, its own specific stylistic set, and its own patterns of cultural orientation [2]. In novels and short stories, for example, narrative descriptions to expand new degrees of realism are used mainly [3]. The plays, by contrast, mostly show the characters in their interactions.

The short story genre is a special genre of a short narrative in prose that is shorter than the novel and usually features a limited number of characters. A short story usually involves a single effect conveyed only in one or more significant episodes or scenes. This form of literary genre implies the brevity of the narrative and the absence of a complex plot. The nature of principal characters is revealed in action or a dramatic encounter. But not much attention is paid to the detailed description or a long development of the plot¹.

The short story genre is common among small ethnic groups [4]. For example, the Japanese short story genre, which originates as well as in other countries from oral traditions exhibits a number of special features [5]. Plot development and action often are of a secondary interest in the comparison to emotional issues. It is the emotional background that is the heart of the story in Japanese fiction. Buddhist ideas about the importance of self-understanding and the piercing impermanence of things have formed the sharp social criticism of material age. The artistic organization of the short story of the Finno-Ugric population in Komi Region

(Russia) is also rather difficult and diverse [6]. Its distinctive feature is that it is purely individual. Indeed, a short story is a reflection of the subjective vision of the author's outside world and a special artistic phenomenon in literature.

The Vietnamese literary science, which for a long time was under the influence of Marxist theories [7] is still at the initial stage of its development [8]. But current challenges of globalization, national traditions and customs erosion, westernization of future generation encourage to pay more attention to the preservation of national Vietnamese literature. One of the options for further development, in our opinion, is the study of short literary works of national literature, taking into account its special genre features [9].

The study of literary works in the aspect of their genre specificity is thoroughly studied in different countries, while in Vietnam, these studies are not enough. Research works are devoted mainly to narrow topics. For example, M. Janette [10] explores the reflection in literary genres of the Vietnam War, C. P. Pham explores the genre of the short story, but only from the perspective of changing literature in the Vietnamese language in the context of economic liberalization policies [11]. Using the example of the short story genre, the author shows that historically Vietnamese literature built on anti-colonial, anti-Imperial terms has changed under the influence of modern trends. N. T. K. Ngan explores medieval Vietnamese short stories and analyzes them only from the perspective of fabulousness and folklore [12].

The purpose of the research and method used. The necessity and relevance of the topic – the study of short stories in the context of the traditional values in the Vietnamese society is determined by the threats of the national Vietnamese short stories genre erosion under the influence of globalization and westernization of the society.

Therefore, the *purpose of this research* is to study Vietnamese short stories as a special national genre of Vietnamese literature and to reveal the features of Vietnamese short stories through the periodization and identification of its development. While analyzing short stories we used the following methods: historical analyses, comparative and empirical analyses.

¹ Short-story. – URL: <https://www.britannica.com/art/short-story> (дата обращения: 18.05.2021). – Текст: электронный.

The results of the study and their discussion. Vietnam has its own long and distinctive history of development [13]. For more than 4 thousand years, Vietnam had been a country with deep agricultural roots, in fact, an agricultural civilization for rice cultivation [2]. The dependence of the farmers' harvest on natural factors was reflected, first of all, in the folk art of the Vietnamese people. Above-mentioned was reflected in the evolution of the short story genre, which was developing along with the development of the Vietnamese people.

Based on the analysis of scientific publications and literary texts, we have identified five main periods of the short story genre evolution.

Period 1. Fairy tales and legends.

The animism and polytheism inherent in such civilizations as Vietnamese civilization exert a great influence on the life perception of Vietnamese communities, including the belief in the power of "sacred mountains" and mountain gods living on the tops of the "host" mountains. The belief and worship of the mountain gods were most pronounced in the Red River Delta and spread to the neighboring plains in northern Vietnam, where the inhabitants suffered from the devastating effects of floods for many thousands of years. All this is reflected in the genre of the short story, which was represented by mostly fairy tales and legends at that time.

The belief in the forces of nature partly reflected the desire of people engaged in the cultivation of wet rice to overcome and tame floods, to be sure of a good harvest and the ability to feed their families. Therefore, in the minds of the Vietnamese people, images of the mountain Deities together with sacred territories on high mountains are vividly present in traditional short stories, such as the *Tan Vien Son Thanh* series (tản Viên Sơn Thánh or Sơn Tinh – one of the Four Immortal Deities in traditional Vietnamese mythology. He is the god of the Ba Vi mountain range), or Chu Dong Tu (Chu Dong Tu is the name of a famous Vietnamese divine being (one of the "Four Immortals") in traditional Vietnamese mythology. In legend, Chu Dong Tu appeared on a yellow or Golden Dragon, triệu Quang phục, a sixth-century popular resistance leader), and had a strong presence in ritual practices in the temples of the mountain gods around the sacred mountains in such regions

of Vietnam as Ba Vi¹, Tam Diep², and Hoanh Son³. As shown in the monograph *Wanderings in the Infinite*, Vietnamese traditional prose of small forms, the origins of the beliefs of the Vietnamese became the basis of a common type of Vietnamese traditional prose literature [18] – the short story genre in Vietnam [14; 15].

In the process of movement and development, the genre of the story, although it underwent changes in the mode of narration, remained unchanged in terms of the factors that form it, which made up the quality of the story and the general characteristics of the genre form.

Period 2. Pre-Chinese period: XX–XIV centuries.

The next stage in the development of the short story genre was the glorification of the model of an ideal person who should correspond to his social position.

The ideal human model: a holy man; a monarchist that always "corresponds to his social position" [16]. The ideal person corresponds to such features as the complexity and mystery of the image, unpredictability and restraint. The development of medieval Vietnamese short stories was primarily associated with a shift in the concept of composition. Human being had become at the center of the artistic concept of the story. During the Xth – XIVth centuries, Li Te Xuyen (Vi đN điện u linh tập), Tran Phap (LĩNh Nam chích quái lục) and many other anonymous authors achieved the goal of "promoting good against evil" and apotheosized a real man as a fighter for justice and good.

During that period, famous authors and many other anonymous Vietnamese authors in their stories tried to achieve the goal of "promoting the idea of Good against Evil" and apotheosized a man as a fighter for justice and good. The most striking example was *Collection of records about the supernatural forces of the Viet kingdom* (Việt điện u linh tập,) by Li Te Suyin. The Collection included tales and legends about the spirits of real people and about the spirits living in various subjects.

3. The period of Chinese influence. XV–XVIII centuries.

At that time feudal Vietnam was strongly influenced by Chinese cultural traditions, which

¹ Ba Vi is the northwest district of Hanoi. It has a large part of Ba Vi mountain range.

² Tam Điệp is a city of Ninh Bình Province in the Red River Delta region of Vietnam.

³ Hoàng Sơn Range is a mountain range in the North Central Coast region of Vietnam.

were also reflected in the short story genre. All Vietnamese traditions and customs were replaced by Chinese culture [17]. Literature was divided into official and unofficial or folk. One of the famous Vietnamese writers of the XV century Nguyen Van Xieu wrote: "Literature and ethics are called differently, but in fact the former is generated by the latter. The philosopher and writer of that time Kieu Fu in the preface to the collection of short stories "Incredible stories that happened on the mountains of Lin Nam" noted, "Oh! All true realistic stories are recorded in official literature in order to preserve and teach future generations, and incredible, magical stories – in novels, essays in order to enrich the national literary heritage. These amazing stories are about nature and people, despite their absence in the official literature, are still not just empty fiction... They are collected, processed by compilers-scientists, becoming perfect works. Behind such amazing, incredible stories, maybe there is something true, probable."

In the XVI century, Vietnamese fantastic stories of the middle ages, also known as the "truyen ky" stories emerged from the genre of short Chinese stories "chuanqi" [18]. Truyen kỳ mạn lục (Collection of Strange Tales) by Nguyễn Dữ borrowed plots from folk narratives, used already existing motifs, both from the world of traditional storytelling, and fantasy plots as an artistic means to convey problems with deep content related to modern socio-cultural life. One of the other key artistic features of the Chinese influence period short stories was the allegorical nature, ambiguity, and the author's own ethical comments at the end of the story [13]. Those stories (the only work of the famous follower of Confucius – Nguyen Du) are considered the brilliant culmination of Vietnamese fantasy stories. Le Qui Dong, a well-known scholar of the 17th century, wrote in Kien Van Tieu Luc: "Nguyen Du was famous from young age for learning a lot, remembering a lot, and being able to use literature to make a great career".

Period 4. The period of upheavals of the XVIII–XIX centuries.

Almost the entire XVIIIth century, the North and the South parts of Vietnam existed separately. The Northerners dealt with internal problems, the Southerners expanded southward, seized Khmer lands in the Mekong Valley, and actively interfered in the internal affairs of Cambodia. From the XVIIIth century until the end of the XIXth century, the short story did not find its

place in literature due to the period of upheaval that engulfed the country. It was a watershed period when an active cultural exchange with Western civilization started. That period shaped new modern cultural values of Vietnam.

Period 5. The modern times.

The dramatic history of Vietnam in the XXth century strongly reformatted genre of short Vietnamese stories. Despite the presence of the same genre characteristics inherent in a short story, the semantic line of the narrative has changed. The stories have come closer to modern social relations and become more honest in reflecting historical reality. The unification of contradictions in the genre itself – between fixation, immutability and flexibility, promotion; between traditional and modern elements – there is a law of movement and the inevitable development of the genre of short stories in general and the poetry of modern Vietnamese stories in particular [2]. As a short form of narrative, short stories do not seek to dominate life in its fullness and completeness, but often they seek to portray a phenomenon, to discover the most essential feature in human relationships, and to hold the moment that reveals the most intimate. There were several trends in short story genre developing during the period from the beginning of the 1930s to the 1970s. On the one hand, the glorification of a moral person with high moral values, the dialogue of the hero with the past, on the other hand, the display of the main character as a victim of external circumstances and ways of dealing with overcoming these circumstances.

For example, a famous Vietnamese short story *Dream in the Lotus Flowers* by Nguyen Ahn Vu is a short story that gives readers an insight into Vietnamese culture, history, and literature. So, it could be used as an excellent example of short story genre for integration into the teaching process. In this story, there are two central characters, Thoai and Thoan, who were "wounded" by the war. Thoai only had half of one leg and one arm left after his body was crippled by an explosion when he was a soldier. Thoan was deafened by an explosion that occurred when she was a small child. When they are reunited, Thoan visits the temple of Chu Ku (CàU quả) to burn incense to bless the reunion. In this story, along with the courage and perseverance of a soldier and the bitter consequences of the Vietnam War, deep cultural and religious roots are revealed: the temple as an element of enlightenment and the highest prin-

ciple. The lotus flowers in the title of the story is a reference to the famous Buddhist parable of achieving transcendence in the mundane world: even a lotus can grow out of mud [19]. There is a deep moral of the senselessness of wars that bring suffering to innocent people in this story.

This story shows that the stability of genre is not conservative, but is associated with innovation, because, analyzing the genre from a historical point of view, we can imagine that the genre is constantly evolving, changing and always in motion, because “The vitality of a genre lies in its ability to renew itself” (M. Bakhtin) [16].

Under present-day conditions, short stories are rather suitable for literature lessons: they correspond to the modern perception of information by young people – brevity, quick changeability of the plot. Students also should be interested in literature lessons through the use of information and communication technologies. The peculiarity of the genre of a short story, first of all, is its brevity. The teacher can listen to the text of the story together with the students in the audiobook mode, so that they can discuss the emotions and thoughts that have appeared in the lesson. The teacher can head students in the right direction and highlight certain elements of the narrative.

One more example is anthology of short stories *Wild Mustard* [20]. Contemporary Vietnamese authors (based on the anthology of short stories by Vietnamese contemporary authors *Wild Mustard*) show the difficult period of the country's transition to a market economy. In just three decades, since the 1986 policy (known as the “Doi Moi” – Renewal Policy)¹ ended the country's closeness and integrated Vietnam into the global economy. The country has gone from being one of the poorest and most isolated on the earth to a dynamic country. The nineteen stories in the *Wild Mustard* collection reflect the diverse new experiences of Vietnamese youth since the country's transformation began. They are moving between home and new expanded horizons as they seek new opportunities through migration, education, and integration, not only in their own country

¹ Doi Moi (vietn. D ƐI M ƆI). “Policy of Renewal” is a comprehensive program of reforms in the economic, political, social and cultural spheres initiated by the Communist Party of Vietnam. Officially adopted at the 6th Congress of the Communist Party of Vietnam in December 1986. These economic reforms are taking place in parallel with the “renewal” of such areas as politics, education, culture, etc., in connection with which the concept of Doi Moi takes on a broader meaning.

but also in the world. But at the same time, they remember their history, their roots, honor their ancestors and cherish their national identity.

Modern Vietnamese short stories are a traditional inheritance to preserve the “genetic code” of the genre form. During the development of the genre, Vietnamese short stories have undergone significant innovations in the way they reflect reality and artistic thinking, but most of the works have not left the traditional form.

The Vietnamese short story genre is on its way to an update. Increasing fragmentation techniques in the narrative of modern Vietnamese authors is a way to break the traditional structure of Vietnamese stories. While in medieval stories, the presence of a synthetic style in the same work is a manifestation of the unity of literature, history and philosophy, and the combination of vignettes, poems and couplets with the author's opinion at the end of the story not only increases the quality of the story, contributing to a restrained disclosure equally intensely expressing personal aspirations but also makes the medieval story inherently unchangeable, flexible and attractive. In modern novels, the combination of different styles creates polyphony in the tone of the work. In a sense, this is an innovation in storytelling techniques, like a dialogue with a monosyllabic tone in a traditional story. Modern short stories are a kind of symbiosis of many genres: stories have the prose nature of the novel, the lyrical nature of poetry, the dialogic nature of drama, the journalistic nature of news. Intertextuality (prose, poetry, journalism, etc.) or fragmentation is a specific manifestation of the interaction of genres in the process of development.

Conclusion. The genre of the short Vietnamese story is unique for the country in terms of the development of its culture. It developed along with its history, absorbed all the complexities of interpreting modernity. The article presents the periodization of the development of the short story in Vietnam. There are five periods of its development: the oldest, Fairy Tales and legends, the second period of Pre-Chinese (XX–XIV centuries), the third Period of Chinese influence (XV–XVIII centuries), the fourth period – the Period of upheavals of the XVIII–XIX centuries and the fifth – the modern stage of the development of the short story. Each of the periods is characterized by its own peculiarities, but at the same time the most important goal of

the story is preserved – to convey the moral ideal of a person and love for his Homeland.

Understanding of the history of the development of the short story genre in the genre aspect will help to understand the depth and beauty of Vietnamese literature. This is particularly important in the current context of globalization and the erosion of traditional Vietnamese values in society.

Nowadays people are well acquainted with the history of Vietnam, so an important process in preserving the true history of the short stories and their understanding is to instill in a new

generation a careful attitude to the original literature, to the genre of the short story. It is this genre that helps readers to focus on the main problem of the story. It allows you to cover a “single view” of a small number of characters in the story and does not distract from the main idea of the author, at the same time showing the main line of the story. This approach also requires a special method of understanding forming the ability to perceive certain worldview concepts in their own way, to transform the information extracted from the text into knowledge.

References

1. Smith, Carl B. The Role of Different Literary Genres (ERIC/RCS). Reading Teacher, no. 6, pp. 440–441, 1991. (In Engl.)
2. Dao DA. Dat nuoc Viet Nam qua cac doi (Vietnam through the Dynasties). Nha Xuat Ban Hong Duc, Ha Noi, 2016. (In Vietn.)
3. Benzoukh, H. The Relevance of Teaching Different Literary Genres in the EFL Classroom. The Relevance of Teaching Different Literary Genres in the EFL Classroom. December, 2017. DOI: 10.35156/1192-000-019-017. (In Engl.)
4. Lyapina, L. E. The phenomenon of literary cycles (novels, short stories, poetry). History of scholarship. Published in Russkaia Literatura, 1998. (In Engl.)
5. Pellegrino, J. Short History Of Japanese Literature <http://jpellegrino.com/teaching/japaneseliterature.html> (дата обращения: 18.05.2021). (In Engl.)
6. Kuznetsova, T. L. A short story is one of the small forms of Komi prose at the turn of the XX–XXI centuries. Vestnik ChelGU, no. 17, 2011. Web. 18.05.2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/korotkiy-rasskaz-odna-iz-malyh-form-komi-prozy-rubezha-xx-xxi-vekov>. (In Rus.)
7. Viet Hoan Ngo. Studies on 20th Century Western and Vietnamese Theories of Literary Criticism, Comparative Literature: East & West, no. 2:2, pp. 151–165, 2018. DOI: 10.1080/25723618.2018.1556841. (In Engl.)
8. Nguyen Dinh Tham. Studies on Vietnamese Language and Literature. Cornell University Press, 2018. DOI: <https://doi.org/10.7591/9781501718823>. (In Engl.)
9. Strelets, L. I. Actualization of the genre aspect of studying a literary work at school. Bulletin of the South Ural State Pedagogical University, no. 8, 2009. Web. 18.05.2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-zhanrovogo-aspekta-izucheniya-literaturnogo-proizvedeniya-v-shkole> (In Engl.)
10. Janette, M. Canadian Review of American Studies, vol. 48, issue 3, pp. 438–463, December 2018. Teaching Vietnamese Vietnam war stories in the land of the “big red one” (Article). DOI: 10.3138/cras.2018.007. (In Engl.)
11. Pham, C. P. Literature and postcolonial capitalism in contemporary Vietnam: Indian characters in hủ anh thái’s writings. SARE, vol. 56, issue 1, pp. 138–155, July 2019. DOI: 10.22452/sare.vol56no1.8. (In Engl.)
12. Ngan, N. T. K. Folklore and fantasy short stories in medieval literature of Vietnam: Otherworld journeys (Note). Asia-Pacific Social Science Review, volume 17, Issue 1, pp. 112–120, 2017. (In Engl.)
13. Thi Kim Ngan, N., Thi Thu Hang, N. & Van Trung, L. Identity of the Vietnamese narrative culture: archetypal journeys from folk narratives to fantasy short stories. Humanit Soc Sci Commun, no. 8, pp. 12, 2021. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00697-3>. (In Vietn.)
14. Knorozova, E. Yu. Wanderings in the endless: Vietnamese traditional prose of small forms. SPb: BAN; Alpharet, 2009. (In Rus.)
15. Knorozova, E. Yu. Revisiting major forms of traditional Vietnamese narrative prose “Tieu Thuyet.” XXX International Congress on Source Study and Historiography of Asian and African Countries: to the 150th Anniversary of Academician V. W. Barthold (1869–1930). Materials of the Congress. 2019. Publisher: NP–Print. Spb., 2019: 360–361. (In Rus.)
16. Bakhtin, M. Discourse in the Novel. The Dialogic Imagination: Four Essays. Trans. M. Holquist and C. Emerson. Austin. Texas: University of Texas Press, 1981: 259–422. (In Engl.)
17. Suchkova, E. V. The image of a Vietnamese woman in the myths and history of Vietnam. Oykumena. Regional studies, no. 1, 2010. Web. 18.05.2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vietnamskoy-zhenschiny-v-mifah-i-istorii-vietnama> (In Rus.)
18. Ma Y. W. and Lau. Joseph S. M. ed. Traditional Chinese Stories: Themes and Variations. New York: Columbia University Press, 1978; Reprinted: Boston: Cheng & Tsui, 1986. Pp. 21–22. (In Engl.)

19. William, B. Noseworthy. Planting the seeds of Wild Mustard: Reading Vietnamese Short Stories in the Study of Asian History and Religion. *Asian Literature in the Humanities and the Social Sciences*, vol. 24:3, 2019. Web. 18.05.2021. <https://www.asianstudies.org/publications/aaa/archives/planting-the-seeds-of-wild-mustard-reading-vietnamese-short-stories-in-the-study-of-asian-history-and-religion/> (In Rus.)

20. Wild Mustard: New Voices from Vietnam. Edited by Charles Waugh, Lien Nguyen and Van Giá. Northwestern University Press, 2017. (In Engl.)

Received: May 22, 2021; accepted for publication July 20, 2021

Information about author

Tran Thi Thu Ha, teacher, School for Gifted Children at the University of Hanoi, Vietnam National University; 144 Juan st., Cau Gai, Hanoi, Vietnam, 11311; e-mail: thuhahsgs@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2201-4871>.

For citation:

Tran Thi Thu Ha. A Short Story as a Special Genre of Vietnamese National Literature // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 4. Pp. 18–25. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-18-25

Список литературы

1. Smith Carl B. The Role of Different Literary Genres (ERIC/RCS) // *Reading Teacher*. 1991. No. 6. Pp. 440–441.
2. Dao DA. *Dat nuoc Viet Nam qua cac doi (Vietnam through the Dynasties)*. Nha Xuat Ban Hong Duc, Ha Noi, 2016.
3. Benzoukh H. The Relevance of Teaching Different Literary Genres in the EFL Classroom. *The Relevance of Teaching Different Literary Genres in the EFL Classroom* December 2017. DOI: 10.35156/1192-000-019-017.
4. Lyapina L. E. The phenomenon of literary cycles (novels, short stories, poetry). *A history of scholarship. Published in Russkaia Literatura*, 1998.
5. Pellegrino J. Short History of Japanese Literature. URL: <http://jpellegrino.com/teaching/japaneseliterature.html> (дата обращения: 18.05.2021). Текст: электронный.
6. Кузнецова Т. Л. Короткий рассказ одна из малых форм коми прозы рубежа XX–XXI веков. Текст: электронный // *Вестник Челябинского государственного университета*. 2011. № 17. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/korotkiy-rasskaz-odna-iz-malyh-form-komi-prozy-rubezha-xx-xxi-vekov> (дата обращения: 18.05.2021).
7. Viet Hoan Ngo. *Studies on 20th Century Western and Vietnamese Theories of Literary Criticism // Comparative Literature: East & West*. 2018. No. 22. Pp. 151–165. DOI: 10.1080/25723618.2018.1556841.
8. Nguyen Dinh Tham *Studies on Vietnamese Language and Literature*. Cornell University Press, 2018. DOI: <https://doi.org/10.7591/9781501718823>.
9. Стрелец Л. И. Актуализация жанрового аспекта изучения литературного произведения в школе. Текст: электронный // *Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета*. 2009. № 8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualizatsiya-zhanrovogo-aspekta-izucheniya-literaturnogo-proizvedeniya-v-shkole> (дата обращения: 18.05.2021).
10. Janette M. Teaching Vietnamese Vietnam war stories in the land of the “big red one” // *Canadian Review of American Studies*. 2018. Vol. 48, Is. 3. December. Pp. 438–463. DOI: 10.3138/cras.2018.007.
11. Pham C. P. Literature and postcolonial capitalism in contemporary Vietnam: Indian characters in hủ anh thái’s writings. *SARE*. 2019. Vol. 56, Is. 1. July. Pp. 138–155. DOI: 10.22452/sare.vol56no1.8.
12. Ngan N. T. K. Folklore and fantasy short stories in medieval literature of Vietnam: Otherworld journeys (Note). *Asia-Pacific Social Science Review*. 2017. Vol. 17, Is. 1. Pp. 112–120.
13. Thi Kim Ngan N., Thi Thu Hang N. & Van Trung, L. Identity of the Vietnamese narrative culture: archetypal journeys from folk narratives to fantasy short stories. *Humanit Soc Sci Commun*. 2021. Vol. 8, Is. 12. <https://doi.org/10.1057/s41599-020-00697-3>.
14. Кнорозова Е. Ю. Странствия в бесконечном: вьетнамская традиционная проза малых форм / отв. ред. В. П. Леонов; предисл. Т. И. Виноградовой. СПб.: БАН: Альфарет, 2009. 344 с.
15. Knorozova E. Yu. Revisiting major forms of traditional Vietnamese narrative prose “Tieu Thuyet” // XXX Международный конгресс по источниковедению и историографии стран Азии и Африки: к 150-летию академика В. В. Бартольда (1869–1930). СПб.: НП-Принт, 2019. С. 360–361.
16. Bakhtin M. *Discourse in the Novel. The Dialogic Imagination: Four Essays*. Trans. M. Holquist and C. Emerson. Austin, Texas: University of Texas Press, 1981. Pp. 259–422.

17. Сучкова Е. В. Образ вьетнамской женщины в мифах и истории Вьетнама. Текст: электронный // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2010. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obraz-vietnamskoj-zhenschiny-v-mifah-i-istorii-vietnama> (дата обращения: 18.05.2021).

18. Ma Y. W., Lau. Joseph S. M. Traditional Chinese Stories: Themes and Variations. New York: Columbia University Press, 1978; Reprinted: Boston: Cheng & Tsui, 1986. Pp. 21–22.

19. William B. Noseworthy. Planting the seeds of Wild Mustard: Reading Vietnamese Short Stories in the Study of Asian History and Religion. Текст: электронный // Asian Literature in the Humanities and the Social Sciences. 2019. Vol. 24. P. 3. URL: <https://www.asianstudies.org/publications/ea/archives/planting-the-seeds-of-wild-mustard-reading-vietnamese-short-stories-in-the-study-of-asian-history-and-religion> (дата обращения: 18.05.2021).

20. Wild Mustard: New Voices from Vietnam. Edited by Charles Waugh, Lien Nguyen and Van Già. Northwestern University Press, 2017. 272 p. URL: <https://www.goodreads.com/en/book/show/32072598-wild-mustard> (дата обращения: 18.05.2021). Текст: электронный.

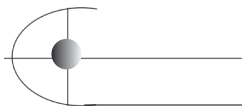
Статья поступила в редакцию 22.05.2021; принята к публикации 20.07.2021

Сведения об авторе

Тран Тху Тху Ха, учитель, Школа для одарённых детей при Ханойском университете, Вьетнамский национальный университет; 11311, Вьетнам, г. Ханой, Кау Гай, ул. Хуан, 144; e-mail: thuhahsgs@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-2201-4871>.

Для цитирования:

Тран Тху Тху Ха. Короткий рассказ как особенный жанр вьетнамской национальной литературы // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 18–25. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-18-25.

УДК 821.581

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-26-35

Чжоу Синьюй,*Амурский государственный университет**(г. Благовещенск, Россия),**e-mail: zhouyidian@qq.com**<https://orcid.org/0000-0001-6830-6813>*

Образы хунхузов в литературе Маньчжурии 20–40-х годов XX века (на материале творчества Сяо Цзюня)

Актуальность исследования обусловлена интересом российской и китайской науки к художественному запечатлению процессов, протекающих на территории дальневосточного фронта – Маньчжурии и Дальнего Востока в первой половине XX в. В ситуации политического хаоса, экономического разброда и гражданских войн на этих землях возникло явление хунхузничества, ставшее настоящим бедствием для мирных жителей. Данная проблема весьма детально освещена в литературе дальневосточной эмиграции, исторических, литературоведческих работах. Новизна исследования определена обращением к китайским источникам (научным и литературным), до настоящего времени системно не изученным с точки зрения этнокультурной, этносоциальной и литературной парадигмы. Проблема отражена в сравнительном анализе исторических, социально-политических материалов (словарей, хроник, научных статей) и результатов художественной рецепции явления хунхузничества в творчестве северо-восточных писателей 20–40-х гг. XX в. (на материале творчества Сяо Цзюня). Цель работы – исследование образов хунхузов с точки зрения общественно-политического, этнокультурного запроса формирующегося китайского национального сознания 20–40-х гг. прошлого века, их художественной трактовки Сяо Цзюнем. Основными методами послужили историко-генетический (реконструкция формирования представлений о хунхузах в китайском сознании); культурно-исторический (исследование образов хунхузов в контексте формирования литературы «Левого крыла» и влияния советских образцов); сравнительно-исторический (сопоставление образов хунхузов в литературе 1920–1940-х гг. и их последующей рецепции в китайском общественном сознании); биографический (влияние семейного воспитания и ближайшего окружения автора на его восприятие хунхузничества); переводоведческий (перевод китайских научных работ, словарных статей, исторических документов, романов Сяо Цзюня); метод имманентного анализа. При написании своих романов («Деревня в августе», «Третье поколение») Сяо Цзюнь опирался не только на идеологемы коммунистического движения в Китае, литературные образцы советской героико-романтической прозы о гражданской войне, но и на личный опыт познания хунхузничества. Автор пришёл к выводу о том, что Сяо Цзюнь зафиксировал важные историко-культурные обстоятельства формирования хунхузничества, процессы социальных трансформаций в условиях японской оккупации, роста патриотических настроений на территории Маньчжурии, запечатлел существенные этнокультурные, этнопсихологические, этнорелигиозные детали хунхузского быта, обычаев, своеобразного этоса.

Ключевые слова: хунхузы, Сяо Цзюнь, героико-романтический пафос, антияпонская борьба, национальное самосознание, этнокультурные характеристики

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00318 «Образы России и Китая в художественной этнографии (по материалам русской и китайской литературы, публицистики Маньчжурии 20-40-х гг. XX в.)».

Zhou Xinyu,*Amur State University**(Blagoveshchensk, Russia),**e-mail: zhouyidian@qq.com**<https://orcid.org/0000-0001-6830-6813>*

Images of the Hunghuz in the Literature of Manchuria in the 1920s–1940s (The Case of Xiao Jun's Works)

The relevance of the study is due to the interest of Russian and Chinese science in artistic capture of the processes taking place on the territory of the Far Eastern frontier – Manchuria and the Far East in the first half of the 20th century. In a situation of political chaos, economic confusion and civil wars in these lands, the phenome-

© Чжоу Синьюй, 2021

non of hunkhuznichestvo arises, which has become a real disaster for civilians. This problem is covered in great detail in the literature of the Far Eastern emigration and historical, literary works. The novelty of the research is determined by the appeal to Chinese sources (scientific and literary), which until now have not been systematically studied from the point of view of the ethnocultural, ethnosocial and literary paradigm. The problem lies in the comparative analysis of historical, socio-political materials (dictionaries, chronicles, scientific articles) and the results of the artistic reception of the phenomenon of hunkhuznichestvo in the works of northeastern writers of the 1920s–1940s. The aim of the work is to study the images of the Hunghuz from the point of view of the socio-political, ethno-cultural request of the emerging Chinese national consciousness of the 1920s–1940s and their artistic interpretation by Xiao Jun. The main methods are historical-genetic (reconstruction of the formation of ideas about Hunghuz in the Chinese mind), cultural-historical (study of images of Hunghuz in the context of the formation of the literature of the “Left Wing” and the influence of Soviet models), comparative-historical (comparison of images of Hunghuz in literature of the 1920–1940 and their subsequent reception in the Chinese public consciousness), biographical (the influence of the family's upbringing and the author's inner circle on his perception of hunkhuzism), translation methods (translation of Chinese scientific works, dictionary entries, historical documents, Xiao Jun's novels) and the method of immanent analysis (in relation to the above-mentioned texts by the author studied). When writing his novels (*Village in August*, *Third Generation*) Xiao Jun drew not only on the ideologemes of the communist movement in China, literary examples of Soviet heroic-romantic prose about the civil war, but also on his personal experience of knowledge of hunkhuzism. The author comes to the conclusion that Xiao Jun recorded important historical and cultural ethnocultural, ethnopyschological, ethnoreligious details of Hunghuz life, customs, original ethos.

Keywords: hunghuz, Xiao Jun, heroic-romantic pathos, anti-Japanese struggle, national identity, ethnocultural characteristics

Acknowledgment: The research was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research grant No. 20-012-00318 “Images of Russia and China in artistic ethnography (based on materials from Russian and Chinese literature, journalism of Manchuria in the 1920s–1940s)”.

Введение. Проблема хунхузничества и хунхузов с первых десятилетий XX в. исследовалась русскими учёными, писателями, публицистами (П. В. Шкуркиным¹, Н. А. Байковым, чуть позднее Е. Полевым и др.) [1–4; 5, с. 21–58; 6]. В Китае данное этносоциальное явление становится предметом изучения сравнительно недавно – с конца 80-х – середины 90-х гг. прошлого века [7, с. 10; 8]. Поначалу пафос китайских исследований строился на идеологических посылах 50-х – начала 60-х гг., когда с хунхузами, исчерпавшими свой полезно-патриотический потенциал, в Китае было покончено, с социальной карты Северо-Востока они исчезли «как класс». Потому в первых публикациях, появившихся после «культурной революции», хунхузы именовались попросту «бандитами»². Постепенно установки китайских историков изменились, как и пафос, а также прагматика исследований. Наступило время ренессанса китайского национального самосознания, начался процесс романтизации хунхузов как борцов за национальную независимость Северо-Востока Китая [9, с. 66].

В последние десятилетия установилось некоторое равновесие в оценочных сужде-

ниях о хунхузах китайских исследователей, стала учитываться вся сложность исторического, этнокультурного и социально-политического контекста возникновения и бытования явления хунхузничества в конкретный период и на определённых территориях [10, с. 46]. Начало такому подходу было положено новейшей китайской литературой. В послесловии к своему произведению повесть «Посещение гор» (1993) писатель Цзя Пинва отвечает на вопрос, кто и как становился хунхузом: «*Кто-то обладает своенравным характером и хочет действовать в соответствии со своей волей; кто-то покоряется жизненным обстоятельствам; иные мечтают совершать великие подвиги. Эти люди не могут жить обычной жизнью и потому выбирают незаконные дела. Они попадают в опасные, странные ситуации и оставляют после себя много интересных, неправдоподобных и красочных историй*» [11, с. 45]. Китайский сочинитель определил важнейшие факторы обращения человека в хунхуза: исторические условия, личностные качества человека и внешние обстоятельства. Именно к этим сторонам обращено внимание современных китайских историко-политических и историко-культурных исследований хунхузничества [8–10]. При этом до настоящего времени литературные произведения 20–40-х гг. не являлись источником реконструкции хунхузничества с этно-

¹ Шкуркин П. В. Хунхузы: этнографические рассказы. – Харбин, 1924.

² Лю Цзэжун. Большой русско-китайский словарь. – Пекин: Коммерческое изд-во, 1963. – С. 1260. = 刘泽荣. 大俄汉词典. – 北京: 商务印书馆, 1963. – 页. 1260.

культурной, этнопсихологической, этнорелигиозной точки зрения.

Методология и методы исследования. Методология работы строится на сравнительном анализе исторических источников и художественной рецепции явления хунхузничества в творчестве северо-восточных писателей Китая (в первую очередь, Сяо Цзюня). Автор опирается на историко-генетический (исследование истории хунхузничества на Северо-Востоке Китая); культурно-исторический (контент-анализ образов хунхузцев в творчестве Сяо Цзюня); сравнительно-исторический (представления о хунхузничестве и хунхузах в фольклорных текстах, в творчестве Лиги левых писателей и китайских учёных конца XX – начала XXI в.); биографический (исследование биографии писателя Сяо Цзюня в контексте исследуемой проблемы); переводоведческий (литературный перевод оригинала романов Сяо Цзюня, его автобиографии, научных исследований китайских учёных). В историко-генетической части исследование опирается на работы Ли Цзикая, Пан Цзэнюя, Цзя Пинва, Чжан Синя и Гао Лэцая [8, с. 175; 9, с. 64–68; 11, с. 60–65; 13; 14, с. 223–227]; в культурно-исторической – на работы Яо Юаня, Лю Юня и Ван Синьжуя [7; 10; 15]; в сравнительно-исторической части – на труды А. А. Забияко, И. А. Дябкина, П. В. Шкуркина¹, Н. А. Байкова, В. Н. Март-Матвеева², Е. Полевого, Д. В. Ершова, Линь Гуаньцзюнь, Н. М. Солнцевой [1–6]; биографическая часть основана на автобиографии Сяо Цзюня и исследованиях Чжэн Юйгуана, Чжоу Чэняня [16, с. 29–34; 17].

Научный инструментарий статьи следует междисциплинарному принципу исследования художественной этнографии, разрабатываемому Центром изучения дальневосточной эмиграции Амурского государственного университета и базирующемуся на интеграции религиоведческих, этнопсихологических, этнографических, источниковедческих и литературоведческих подходов к художественному тексту. Автор впервые применяет данную парадигму к исследованию текстов китайского писателя Сяо Цзюня.

Результаты исследования и их обобщение. Хунхузничество как массовое яв-

ление зародилось в Северной Маньчжурии в период экономического упадка и политического хаоса [12, с. 75]. В конце династии Цин в 1904 г. на территории Северо-Востока Китая разразилась Русско-японская война, китайские северо-восточные жители оказались без защиты своего правительства, их поселения подвергались полному разорению, люди гибли, страдали от голода и холода. Оказавшись предоставленными самим себе, простые люди вынуждены были братья за оружие, уходить в лес и горы. Некоторое время спустя начались «междоусобные войны милитаристов» (1916–1928) [13, с. 284], закончившиеся внешним объединением Китая под эгидой правительства Гоминьдана [Там же]. Ситуация усугубилась после «изменения флага Северо-Востока» (1928), следствием чего стала японская оккупация Северо-Востока Китая (это событие известно как «18 сентября»), войска Китайской Республики отступили в Шанхайгуань. Бывшие земли Северной Маньчжурии стали «мёртвой» зоной с точки зрения правового и государственного управления [9, с. 64].

Согласно статистике, до событий «18 сентября» на Северо-Востоке существовало примерно 60 тыс. хунхузцев, позднее в хунхузские шайки объединились нескольких сотен тысяч человек [14, с. 224]. После начала японской оккупации Маньчжурии многие из них вступили в войну против японских агрессоров – стихийно участвуя в сражениях либо сотрудничая с правительственными войсками. Общая численность войск, вступивших в антияпонскую кампанию, достигала 300 тыс. чел., хунхузы составляли 20 % от этого числа. Постепенно они превратились в одну из серьёзных угроз для японских агрессоров. Хорошо владея искусством стрельбы, отважно воюя, хунхузы стали действенным резервом КПК (Коммунистической партии Китая) и Северо-Восточной народной антияпонской коалиции. Несмотря на незаконный характер хунхузских формирований, освободительные силы Китая использовали их в своей борьбе: «В тот момент решался вопрос – быть или не быть нашей нации, и хунхузы внесли свой вклад в национальную освободительную войну» [Там же, с. 225].

До создания нового Китая некоторая часть хунхузцев успела отказаться от своего прошлого и вступила в армию КПК; некоторые вернулись к нормальной жизни и стали

¹ Шкуркин П. В. Хунхузы: Этнографические рассказы. – Харбин, 1924.

² Март-Матвеев В. Н. Красный плат китайки // Сборник рассказов (с рисунками) / В. Н. Март-Матвеев. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928. – 32 с.

законопослушными гражданами. С 1946 г. армия КПК на Северо-Востоке Китая приступила к уничтожению остальных хунхузских формирований. До конца 1946 г. они были истреблены. После образования КНР официальная идеология не оставила хунхузам шанса быть упомянутыми в героических списках – слишком опасной представлялась организационная сила и воинственный потенциал северо-восточных «благородных» китайских разбойников. Вскоре началась «культурная революция», сама тема хунхузничества стала закрытой на долгие годы.

Однако интеллектуально-художественная рефлексия хунхузничества началась задолго до разрешённых научных исследований – в зарождающейся современной китайской литературе Северной Маньчжурии, в творчестве Дуаньму Хуньяна, Сяо Хун

В творчестве Сяо Цзюня (1907–1988) чьё, настоящее имя Лю Хунлинь (кит. 刘鸿霖), тема хунхузничества имела личный характер. Писатель родился в горной деревне, в западной области провинции Ляонин. Жители отрезанной от большого мира этой деревни, где прошло детство Сяо Цзюня, отличались вольным нравом, но мало ценили образование. Немногочисленные цзюйжэни (кит. 举人 – «кандидат») происходили из богатых семей. Бедняки не могли дать образование своим детям. Смирные сельчане занимались земледелием, кустарничеством или вели мелкую торговлю, более отчаянные шли служить солдатами или становились хунхузами. Последних в деревне почитали как героев. Сяо Цзюнь позднее вспоминал: «Люди считали, что учение бессмысленно. Генерал-губернатор Чжан (Чжан Цзолинь, кит. 张作霖) был неграмотным, но он стал генералом. А образованные люди были у него на посылках. Чжан Цзосян (кит. 张作相, министр Чжан Цзолиня) тоже являлся “героем” в глазах тогдашних северо-восточных жителей. Он родился в окружающем нашу деревню районе, поэтому наши земляки его очень уважали! Все эти герои происходили из хунхузов. Если бы они пошли учиться, смогли бы они стать героями?»¹ Из уст своих старших родственников молодой Сяо Цзюнь слышал героические сказания, восходящие к народному театру либо к литературным

сюжетам. Эти истории сильно впечатляли пылкого юношу².

В юности Сяо Цзюнь много общался со своим двоюродным дядей, утончённым, мечтательным человеком: «Подобно девушке, он дарил другим приятное, тихое, умиротворенное чувство, поэтому люди дали ему прозвище – “Похожий на девушку”» [14, с. 54]. Но дядя имел волевой характер: начав торговцем, становится солдатом, затем по примеру братьев обращается в хунхузничество, отбирая добро у богатых и помогая бедным. Потому о хунхузах Сяо Цзюнь имел возможность узнать от горячо любимого родного человека.

Уйдя из школы, Сяо Цзюнь отправляется в Цзилинь, где в 1925 г. начинает службу кавалеристом. Он изначально не приемлет воинскую муштру прояпонской армии, в 1930 г. жестоко избивает наглого офицера и его увольняют. Отец будущего писателя был неграмотным, но настроенным весьма патриотично. Он постоянно напевал сыну песню о корейском герое Ан Чжунгыне (кит. 安重根), заколовшем японского канцлера Ито Хиробуми на харбинском вокзале в 1909 г. Так Ан Чжунгын стал идиолом для Сяо Цзюня³. В 1931 г. после событий «18 сентября» отец вернулся в родную деревню, некоторое время прослужил в добровольческой армии с дядями Сяо Цзюня. В это время Сяо Цзюнь, поехав в уезд Шуланы провинции Цзилинь, организует добровольческий отряд с однополчанами для борьбы с японцами, но терпит поражение, перебирается в Харбин, где начинает редакторскую и писательскую карьеру.

В начале лета 1934 г. с гражданской женой Сяо Хун перебирается в Циндао, продолжая писать свой первый роман «Деревня в августе», начатый в Харбине, тогда же завязывается его переписка с Лу Синем. В конце 1934 г. газету закрывают, Сяо Цзюнь и Сяо Хун сбегают в Шанхай. Там они встречаются с Лу Синем, ставшим впоследствии их духовным наставником⁴.

Сюжет «Деревни в августе» (кит. «八月的乡村», 1935), первого романа Сяо Цзюня, основан на событиях японской оккупации, борьбы партизанского отряда против за-

² Там же. – С. 11–12.

³ Там же. – С. 14.

⁴ Сяо Цзюнь. Моя краткая биография // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 25–26. = 萧军. 我的文学生涯简述 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 25–26.

¹ Сяо Цзюнь. Краткое изложение моей литературной карьеры // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1 / Сяо Цзюнь. – Хуася, 2008. – С. 5. = 萧军. 我的文学生涯简述 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 5.

хватчиков и марионеточной китайской армии в уезде Паньши¹. Несомненно, пафос романа «Деревня в августе» и авторская точка зрения на его персонажей имели изначально тенденциозный характер, обусловленный социально-исторической обстановкой, условиями национально-освободительной войны против японских агрессоров, а также идейно-художественным влиянием советской литературы (в частности, творчества А. Фадеева) [15, с. 60; 16, с. 29]. Эти обстоятельства вместе с личными впечатлениями Сяо Цзюня определили образы хунхузов-партизан и их характеры в романе. Так, образ главаря Те Ина (рус. «Железный орёл») Сяо Цзюнь создаёт в духе революционной романтики, используя арсенал фольклорных сравнений и патетических эпитетов: «Высокий и стройный, он стоит прямо, на запястье висят пистолеты, он похож на одинокого орла без крыльев»². Сначала Те Ин работает на семью Чи, идёт в армию, затем становится хунхузом, чтобы отомстить. Позднее вступает в народно-революционную армию и начинает воевать с японскими агрессорами. Во время борьбы с врагами он бездушен и жесток. Как командир он требовательно относится к подчинённым, поэтому люди и дают ему прозвище «Железный орёл». Командир Те Ин хочет стать «железным солдатом», но он не бесчувственный человек. Железный орёл любит своих бойцов. Когда те, раненые, стонут, у Те Ина болит сердце. Он сентиментален: влюбляется в молодую Ли-чи-шень (кит. 李七婶). Когда люди говорят о ней, командира «словно ударяет таинственная сила»³. Но Железный орёл ставит революционную деятельность превыше всего, личные интересы он подчиняет общественным (что чуждо крестьянскому сознанию) [7, с. 24].

Образ героя-командира коррелирует с образами окружающих его бойцов-хунхузов, представляющих различные социальные слои и типы общественного сознания. Например, Тянь Лао-ба (кит. 田老八) – типичный крестьянин-индивидуалист: его «жена слишком молода, дети ещё малыши», поз-

¹ Лу Синь. Деревня в августе. Предисловие // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 32. = 萧军. 我的文学生涯简述 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 32.

² Сяо Цзюнь. Деревня в августе / пер. Чжоу Синьюй // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 1 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 56. = 萧军. 八月的乡村 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 56.

³ Там же. – С. 71.

тому он не хочет вступать в революционную армию. Тан Лао-гада (кит. 唐老疙瘩), жалея возлюбленную, сдаёт оружие и уходит из революционного отряда: «Уговоры командира Те Ин – словно дуновение ветра на камень, нет никакого ответа»⁴.

Командир-интеллигент Сяо Мин (кит. 萧明) часто колеблется. Узнав о смерти старика Цуй Чаншена и жестокой кровавой схватке, Сяо Мин грустит – в этом Сяо Цзюнь воплощает свои представления о типичном сознании «интеллигента»: «Сяо Мин дружески стискивает руки командира Те Ина, они не отдают честь друг другу. Тут он нечаянно видит, что на босых ногах солдат появляются следы крови. Он безмолвно вздыхает: “Вот это – победа?”»⁵ Сяо Мин переживает из-за любви к корейской девушке Ан Ной. Он хочет сражаться за национальные интересы, но не хочет отказываться от личного чувства.

На первый взгляд, Сяо Цзюнь наделяет Те Ина грубыми чертами, но при этом показывает читателю процесс психологической трансформации его из хунхуза в героя. Своим самоотречением и мужеством Те Ин вызывает всеобщее восхищение бойцов анти-японского партизанского отряда (хунхузов, крестьян, солдат старой армии и интеллигентов).

В романе «Третье поколение» (кит. «第三代», 1935–1950) в образах хунхузов разных поколений воплощены типы бунтарей против существующих порядков, несущих в своём сознании архетипические установки китайской ментальности. Благодаря этому читатели могут понять взгляды писателя и его личное восприятие хунхузничества как социально-политического и этнокультурного явления. Например, образ Хай Цзяо, легендарного атамана хунхузов «старого поколения», на горе Янцзяо (кит. 羊角 – «бараний рог») воплощает в себе архетип «мудрого старца», укоренённый в китайской культуре: «Голос старика похож на голос медных колокольчиков, которые держатся на карнизах храма и колыхаются по ветру; тело посажено прямо...»⁶. Хотя раньше Ван-да-бянь-цзы не встречал Хай Цзяо, он часто слышал о нём. В представлении Ван-да-бянь-цзы Хай

⁴ Там же. – С. 89.

⁵ Там же. – С. 62.

⁶ Сяо Цзюнь. Третье поколение // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 2 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 40. = 萧军. 第三代 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 40.

Цзяо сродни дьяволу, который не остановится перед убийством и грабежом. Хай Цзяо – потомственный хунхуз, но он не стыдится своего происхождения, наоборот, гордится им. В его репликах по поводу причин, приведших к хунхузничеству, отражена одна из базовых китайских этнорелигиозных установок – идея Пути: *«Предначертано судьбою, что я займусь этим делом в этой жизни. <...> У меня только этот путь – бреду до конца и всё недолго»*¹.

В галерее образов хунхузов наиболее привлекателен Бань-цзе-та (кит. 半截塔 – «половинка башни»). С детства Бань-цзе-та следовал за Хай Цзяо, у них глубокая душевная связь. Когда Бань-цзе-та был молод, он пережил много жестоких и кровавых событий, видел много смертей. Суровые испытания сформировали его холодный, дерзкий нрав. Но такой «железный» хунхуз, покидая поле боя, обнаруживает в себе заложенные установки китайского этнического сознания – культ семьи и отношение к жене и детям: *«Почему я хочу иметь семью? Лишь проснусь, понимаю, что мне надо иметь свою семью! ...Жене не нужно быть красивой, если она мне родит нескольких детей и будет заботиться обо мне... чёрт, ни одного волоса на её голове я не трону во всю свою жизнь»*². Хай Цзяо уговаривает его закалять свою веру: *«Хунхузы должны быть подобны волкам, а не собакам»*. Но *«как змея, мечта о семье обвила его тело и упрямо срослась с его плотью и вошла в его кровь»*³. Он может снисходительно относиться к людям, не хочет верить в их жестокость. Потому Бань-цзе-та и становится жертвой предателя Ян Саня.

В романе «Третье поколение» Сяо Цзюнь вводит образ молодого хунхуза Лю Юаня. Прошлое героя отражает сложные и необычные обстоятельства его обращения в хунхузы, он вынужденно становится «бандитом». Как и Сяо Цзюнь, Лю Юань родом из горной деревни западного района провинции Ляонин, в нём ещё живы прежние привычки. Он интересуется направлением ветра и дождями, весенним севом и осенней уборкой урожая. Среди ночи он хлопочет, чтобы накормить скот. Как один из героев

легендарного романа «Речные заводы», Лю Юань становится хунхузом из-за карточного долга. Ему 18–19 лет, он молод и энергичен, при этом страстно любит азартные игры и проигрывает много денег. Его отец приходит в ярость и хочет закопать сына живым в землю (типичное наказание в Северной Маньчжурии). Лю Юань сбегает в горы и примыкает к Хай Цзяо. В образе этого «негероического» персонажа Сяо Цзюнь запечатлел этнопсихологическую характеристику китайцев – их страсть к игре и азартность с одной стороны и жестокость – с другой.

Сначала Лю Юань становится хунхузом на горе Янцзяо, а когда его банда распадается, он не колеблясь отправляется в другую банду на горе Лан-да-гунь (кит. 狼打滚 – «волки кувыркаются») и остаётся хунхузничать там. Впоследствии он, раненый, тайком возвращается в свою деревню, Лю Юань не сдаётся правительственным войскам. Атаман банды Хай Цзяо любит его, хотя и втайне, высоко ценит его. После смерти Хай Цзяо Лю Юань становится Эр-дан-цзя (кит. 二当家 – «помощник атамана»), спустя время занимает и атаманское место.

Образ Лю Юаня весьма противоречив: он обладает твёрдой волей, но, оказавшись в сложном положении, иногда ведёт себя нерешительно. Как крестьянин, он имеет простой и добросердечный характер, но одновременно чрезмерно дорожит чувством справедливости, этим он похож на некоторых лидеров крестьянских восстаний в феодалную эпоху. Например, хотя Ян Сань перешёл на сторону правительственных войск, Лю Юань продолжает общаться с ним. Когда Ян Сань в первый раз спустился с гор, чтобы сдаться правительственным войскам, Лю Юань подстрелил его, но потом отпустил. В результате Ян Сань приводит правительственные войска уничтожить хунхузов. В конце романа Лю Юань перестаёт быть хунхузом и уезжает из отряда сначала в Чанчунь, потом – в Харбин.

Сяо Цзюнь передаёт в своих текстах все насущные социально-политические проблемы, волнующие прогрессивно мыслящих писателей того времени. Одной из них стала проблема освобождения женщины из-под векового гнёта. Настоящим открытием «Третьего поколения» становится образ женщины-хунхузки Цуй Пин (кит. 翠屏). Этот образ обогащает галерею традиционных образов разбойников и всесторонне

¹ Сяо Цзюнь. Третье поколение // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 2 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 45. = 萧军. 第三代 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页 45.

² Там же. – С. 15.

³ Там же. – С. 130.

освещает жизнь и внутренний мир хунхузов. Единственная в отряде женщина-хунхузка трудолюбива, решительна и воинственна. Автор сравнивает её с крепким маленьким деревом. Характер Цуй Пин Сяо Цзюнь противопоставляет характеру её мужа Ван-да-бянь-цзы.

Цуй Пин – женщина и мать, она сварлива и в то же время нежно-заботлива. Ван-да-бянь-цзы характеризует свою жену словами: «Женщина с лезвием ножа и жалом пчелы»¹. Цуй Пин находит силы противиться притеснению, она непокорна, как все жители Северо-Востока Китая. Когда её мужа ловят, она не плачет и ни о чём не просит, а отчаянно ругает помещика и мстительно угрожает ему: «...ничего! Если даже мой муж умрёт... Я, женщина, не смогу одолеть тебя... Но у нас есть дети, у тебя тоже они есть... Когда ты умрёшь, они вырастут и всё-таки мы рассчитаемся с вами!»² Когда начальник полиции Дуань обижает её, Цуй Пин не терпит, она берёт кинжал и готовится умереть. После ареста мужа она поднимается на гору Ян-цзяо и становится хунхузкой. Но в отряде она сохраняет черты крестьянки, привыкшей к труду, не ленится, помогает членам банды штопать одежду. В банде она заслуживает доверие других, потому ей поручают заведовать складом и счётной конторой. Кроме того, она становится отличным стрелком.

С одной стороны, Цуй Пин – типичная женщина горного района запада провинции Ляонин. С другой, это яркий образ женщины-хунхуза. Она стойко переносит трудности, не страшится бед, не терпит обид, упорно продолжает жить, несмотря на давление общества, ищет свой путь. Образ Цуй Пин должен был доказать, что женщины Северо-Востока к 30-м гг. XX в. уже были готовы к тому, чтобы взять судьбу в свои руки и встать на путь борьбы.

В своих романах Сяо Цзюнь показывает быт хунхузов с разных сторон – социальной, батальной, бытовой, гендерной, этической, – опираясь на фольклорную традицию изображения разбойников как народных заступников. В романе «Третье поколение» поведение Бань-цзе-та демонстрирует «уставы гильдии» и основную идею «верно-

сти»: когда отец и дядя организовали банду, они установили правило – никогда не обижать женщин. Позже, когда Ван-да-бянь-цзы попадает в тюрьму, Цуй Пин вынужденно поднялась на гору и примкнула к банде. В шайке хунхузов, мире холостяков, она – единственная женщина, но ей оказывают уважение и почёт. Она общается и смеётся с мужчинами-хунхузами, но в этом нет ни сколько фривольности.

Многие хунхузы, например Лю Юань, происходят из крестьян, поэтому они поддерживают хорошие отношения с крестьянами. В романе «Деревня в августе» капитан Те Ин казнит только агрессоров, помещиков и офицеров марионеточных войск, но при этом благородно обращается с пленными. Поэтому солдаты марионеточных войск раз за разом покорно отдают капитану Те Ин боеприпасы и провиант, большинство пленных по собственной инициативе даже вступают в добровольческую армию.

Сяо Цзюнь широко использует метод сравнительных характеристик: во-первых, он сравнивает отношение хунхузов к крестьянам и к местной власти, помещикам. В его изображении хунхузы обычно гуманно и справедливо обращаются с простыми крестьянами. Но по мнению местных чиновников и помещиков, хунхузы являются жестокими бандитами. Это сравнение помогает понять, что хунхузы борются с социальной несправедливостью, они живут на границе общества, штурмуя оплоты неравенства. Во-вторых, Сяо Цзюнь сопоставляет хунхузов с представителями правительственных войск. Раньше в народе говорили: «Бандиты приходят как гребёнка, бойцы приходят как колосник, чиновники приходят как бритва». В произведениях Сяо Цзюнь эта поговорка является реализованной метафорой. В обществе того времени угнетение, эксплуатация местными властями крестьян и грабежи правительственных войск считались несравненно страшнее, нежели грабежи хунхузов.

В романе «Третье поколение» простые крестьяне ненавидят помещиков и правительственные войска больше, чем хунхузов. Иногда действия хунхузов приносят пользу простым крестьянам. Если кто-то подвергается гонению, то он смотрит на шайку хунхузов на горе Янцзяо как на своё прибежище. Когда местная власть приказывает истреблять хунхузов, крестьяне исполняют приказы неохотно, имитируя деятельность.

¹ Сяо Цзюнь. Третье поколение // Собрание сочинений: в 20 т. Т. 3 / Сяо Цзюнь. – Пекин: Хуася, 2008. – С. 130. = 萧军. 第三代 // 萧军. 全集. – 北京: 华夏出版社, 2008. – 页. 130.

² Там же. – С. 63.

Некоторые из них, такие как Цзин Лунцюань, открыто противятся приказу, мысленно они уже на стороне хунхузов. Когда Лю Юань ранили, Цзин Лунцюань послал свою дочь привести его в их дом и помог вылечить его. Дочь Цзин Лунцюаня влюбляется в хунхуза Лю Юаня. Сяо Цзюнь видит в хунхузах не просто разбойников, грабителей, а в первую очередь людей, кого жизненные обстоятельства заставили встать на этот путь.

Заключение. Хунхузничество – сложное историческое, этносоциальное и этнокультурное явление, до сих пор вызывающее дискуссии и разночтения в научных и политических кругах. Первыми данное явление зафиксировали русские исследователи и писатели-этнографы (П. В. Шкуркин¹, Н. А. Байков [1], В. Март² и др.). В художественном творчестве политических ориентированных китайских писателей левого крыла при описании хунхузов и их быта, этноса, обычаев историческая достоверность во многом уступает место социально-политической ангажированности. Через образы хунхузов представители Лиги левых писателей попытались выразить собственную позицию по узловым моментам истории, отразить революционное сознание китайцев, ответить на запрос нового социального заказа.

Тем не менее проведенное исследование позволяет сделать ряд важных выводов об исторической, этнокультурной, этнопсихологической достоверности образов хунхузов, созданных Сяо Цзюнем. Писатель

знал хунхузничество изнутри, органично впитав народную трактовку этих образов. Хунхузы Сяо Цзюня в полной мере вместили бунтарский дух и душевное благородство, воспетые в китайских фольклорных сказаниях о народных заступниках. При этом, несмотря на романтизацию и героизацию их автором, характеры хунхузских персонажей воплотили сформированные суровыми условиями и присущие жителям Северо-Востока Китая витальность и пассионарность, их способность к сопротивлению обстоятельствам, социальному гнёту. Сквозь призму сознания своих героев Сяо Цзюнь зафиксировал важнейшие этнокультурные приметы быта населения Северо-Востока той поры в его противостоянии японским оккупантам. Предложенный в данной работе подход к творчеству Сяо Цзюня выводит исследование творчества писателя за рамки социально-идеологических трактовок его творчества, вписывая его произведения в своеобразный «китайский текст» художественной этнографии Северной Маньчжурии 20–40-х гг. XX в. Дальнейшие перспективы развития данной темы видятся в сопоставлении образной парадигмы хунхузов в творчестве плеяды китайских писателей «литературы перехода в Гуаньдун» 20–40-х гг. XX в. (Дуаньму Хунляна, Сяо Хун, Шу Чюня и др.), а также в сравнительном анализе русской и китайской трактовки этих образов в литературе Северной Маньчжурии лет.

Список литературы

1. Байков Н. В горах и лесах Маньчжурии. Петроград: Тип. Д. П. Вейсбрут, 1914.
2. Полевой Е. По ту сторону китайской границы: Белый Харбин. М.: Государственное издательство, 1930. 87 с.
3. Ершов Д. В. Хунхузы: необъявленная война. Этнический бандитизм на Дальнем Востоке. М.: Центрполиграф, 2009. 280 с.
4. Забияко А. А., Дябкин И. А. Образ разбойника в контексте «фронтирной мифологии» дальневосточной эмиграции // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях / под ред. Б. А. Дорошина. Прага; Пенза: Социосфера, 2011. С. 170–182.
5. Забияко А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск: Изд-во Сибирского отделения РАН, 2016. 437 с.
6. Линь Гуаньцзюнь, Солнцева Н. М. Хунхуз в литературной рецепции // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «Литературоведение. Журналистика». 2020. Т. 25, вып. 1. DOI: 10.22363/2312-9220-2020-25-1-82-90.
7. Яо Юань. Культура хунхузов в произведениях Сяо Цзюня. Чанчунь: Цзилиньский университет, 2011. 49 с. @@ 姚远. 萧军作品中的胡子文化. 长春: 吉林大学, 2011.
8. Ли Цзикай. Романы района Цинь и культура «три Циня». Пекин: Коммерческое издательство, 2013. @@ 李继凯. 秦地小说和“三秦文化”. 北京: 商务印书馆, 2013.

¹ Шкуркин П. В. Хунхузы: этнографические рассказы. – Харбин, 1924.

² Март-Матвеев В. Н. Красный плат китайки // Сборник рассказов (с рисунками) / В. Н. Март-Матвеев. – М.; Л.: Гос. изд-во, 1928.

9. Пан Цзэньюй. Образы хунхузов и их культурная и эстетическая ценность в произведениях северо-восточных писателей в 30-гг. // *Драматическая литература*. Чанчунь: Цзилиньская академия художеств, 1995. @@ 逢增煜. 三十年代东北作家创作中的胡子形象及其文化和审美价值 // *戏剧文学杂志*. 长春: 吉林省艺术研究院, 1995.

10. Лю Юнь. Изучение сознания «бандита» в китайской литературе. Цзинань: Цзинаньский университет, 2016. 83 с. @@ 刘云. 中国文学中的“土匪”意识研究. 济南: 暨南大学, 2016.

11. Цзя Пинва. Посещение гор. Ханчжоу: Чжэцзянское художественное издательство, 1993. @@ 贾平凹. 游山. 杭州: 浙江文艺出版社, 1993.

12. Пан Цзэньюй. «Разгром», «Железный поток» и творчество северо-восточных писателей // *Вестник Северо-Восточного педагогического университета*. Чанчунь, 1991. Вып. 1. @@ 逢增煜. «毁灭», «铁流»与东北作家群创作 // *东北师大学报*. 长春, 1991年第1期.

13. Чжан Синь. Олигархическая политика и общество периода Китайской Республики. Шанхай: Педагогический университет Восточного Китая, 2005. 313 с. @@ 张欣. 军阀政治和民国社会. 上海: 华东师范大学, 2005.

14. Гао Лэцай. История антияпонской деятельности северо-восточных хунхузов после событий «18 сентября» // *История и культура Северо-Востока*. Чанчунь, 1992. Вып. 4. @@ 高乐才. 九一八事变后东北土匪抗日述略 // *东北历史与文化杂志*. 长春, 1992年第四期.

15. Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Переход в Гуандун». Чанчунь: Цзилиньский университет, 2016. @@ 王欣睿, “闯关东”文学研究. 长春: 吉林大学, 2016.

16. Чжоу Чэньян. Фадеев и Китай // *Обучение иностранной литературы*. Чунцин: Сычуаньский университет иностранных языков, 1986. Вып. 4. @@ 周成堰. 法捷耶夫和中国 // *四川外国语大学*. 重庆, 1986年第四期.

17. Чжэн Юйгуан. Сяо Цзюнь и «Деревня в августе» // *Изучение материалов*. Гуанчжоу: Отдел исследований истории партии гуандунского провинциального парткома, 1995. Вып. 4. @@ 郑豫广. 萧军与《八月的乡村》 // *文献研究*. 广州: 广东省委党史研究室, 1995年第四期.

Статья поступила в редакцию 05.08.2021; принята к публикации 10.09.2021

Сведения об авторе

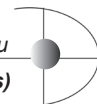
Чжоу Синьюй, аспирант, Амурский государственный университет; 675027, Россия, г. Благовещенск, Игнатъевское шоссе, 21; e-mail: zhouyidian@qq.com; <https://orcid.org/0000-0001-6830-6813/>

Для цитирования:

Чжоу Синьюй. Образы хунхузов в литературе Маньчжурии 20–40-х годов XX века (на материале творчества Сяо Цзюня) // *Гуманитарный вектор*. 2021. Т. 16, № 4. С. 26–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-26-35.

References

1. Baikov, N. In the mountains and forests of Manchuria. Petrograd: Tipografiya D. P. Veisbrut, 1914. (In Rus.)
2. Polevoy, E. Beyond the Chinese Border: White Harbin. M: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 1930. (In Rus.)
3. Ershov, D. V. Hunghui: undeclared war. Ethnic banditry in the Far East. M: Centrpoligraf, 2009. (In Rus.)
4. Zabiako, A. A., Dyabkin, I. A. The image of the robber in the context of the “frontier mythology” of the Far Eastern emigration. Ed. by Doroshin B. A. Symbolic and archetypal in culture and social relations. Penza-Praga: Nauchno-izdatel'skiy centr “Sociosfera”, 2011: 170–182. (In Rus.)
5. Zabiako, A. A. The mentality of the Far Eastern frontier: culture and literature of Russian Harbin. Novosibirsk: SO RAN, 2016. (In Rus.)
6. Lin', Guan'cyun', Solntseva, N. M. Hunghuz in literary reception. Bulletin of RUDN. Ser.: Literary criticism. Journalism, no. 1. Vol. 25. 2020. (In Rus.)
7. Yao, Yuan'. Hunghuz culture in the works of Xiao Jun. CHanchun': Czilin'skiy universitet, 2011. (In Chinese)
8. Li, Czikai. Novels of the Qin District and the Three Qin Culture. Pekin: Kommercheskoe izdatel'stvo, 2013. (In Chinese)
9. Pan, Czenyui. Images of Hunghuz and their cultural and aesthetic value in the works of northeastern writers in the 1930s. In *Dramatic literature*. CHanchun': Czilin'skaya akademiya hudozhestv, 1995. (In Chinese)
10. Lyu, Yun'. Studying the consciousness of the “bandit” in Chinese literature. Czinan': Czinan'skiy universitet, 2016. (In Chinese)

11. Czya, Pinva. Visiting the mountains. Hanchzhou: Chzheczyanskoe hudozhestvennoe izdatel'stvo. 1993. (In Chinese)
12. Pan, Czenyui. "Defeat", "Iron Stream" and the work of northeastern writers. Bulletin of the Northeastern Pedagogical University, no. 1, 1991. (In Chinese)
13. Chzhan, Sin'. Oligarchic politics and society during the period of the Republic of China. Shanghai: Pedagogicheskii universitet vostochnogo Kitaya, 2005. (In Chinese)
14. Gao, Lecai. History of anti-Japanese activities of the northeastern Hunghuz after the events of "September 18". History and culture of the northeast, no. 4, 1992. (In Chinese)
15. Van, Sin'zhui. Study of the Literature of the Transition to Guangdong Movement. Chanchun': Czilin'skiy universitet, 2016. (In Chinese)
16. Chzhou, Chenyan'. Fadeev and China. Teaching foreign literature, no. 4, 1986. (In Chinese)
17. Chzhen, Yuiguan. Xiao Jun and *Village in August*. Study of materials, no. 4, 1995. (In Chinese)

Received: August 5, 2021; accepted for publication September 10, 2021

Information about author

Zhou Xinyu, Postgraduate Student, Amur State University; 21 Ignatievskoe sh., Blagoveshchensk, Russia, 675027; e-mail: zhoyidian@qq.com; <https://orcid.org/0000-0001-6830-6813>.

For citation: _____

Zhou Xinyu. Images of the Hunghuz in the Literature of Manchuria in the 1920s-1940s (The Case of Xiao Jun's Works) // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 26–35. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-26-35.

ИГРА В БИСЕР: СКРЫТЫЕ СМЫСЛЫ ТЕКСТА

THE GLASS BEAD GAME: HIDDEN MEANINGS OF THE TEXT

УДК 801.112-2Ге82-2

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-36-45

Галина Михайловна Васильева,
Новосибирский государственный университет экономики и управления
(г. Новосибирск, Россия),
e-mail: vasileva_g.m@mail.ru
https://orcid.org/0000-0002-6928-1096

Антропоцентричность как принцип перевода: «Фауст» К. А. Иванова

В статье изучается перевод трагедии, результат более чем 38-летней работы *последнего директора Царскосельской гимназии*, человека «фаустовской культуры». Актуальность исследования определяется тем, что каждый перевод трагедии «Фауст» позволяет проникнуть в новые культурные смыслы, влияет на поэтические практики, представления о ремесле переводчика, на понимание христианства. Проблема исследования – выявить полифункциональное понятие «антропоцентричность» при характеристике перевода Константина Алексеевича Иванова в культурно-историческом, конфессиональном и языковом аспектах. Перевод был опубликован в 2006 г., и в академическом поле пока отсутствуют исследования о нём. Суть научной гипотезы заключается в том, что принципом перевода К. А. Иванова является антропоцентричность. Автор избегал догматической зависимости от терминологической системы, полагая, что термин утрачивает метафорическую энергию. Он не дал номинации понятию, объясняя его в эмпирическом смысле. По убеждению К. А. Иванова, именно реальные события послужили основой для интерпретаций и выводов. Постигание собственного опыта является безусловной характеристикой антропоцентризма. Переводчик предлагал также своеобразную ретроспективную экспозицию, вспоминал единомышленников, любителей и знатоков Гёте. Они кодировали ценности, которые соединены в сознании переводчика с именем Гёте и его персонажей. Единство антропонимов, обретающих культурные смыслы, образует антропоцентрический код К. А. Иванова. В данной статье применяется интегративный междисциплинарный метод, который обладаетgnoseологическим потенциалом. Автор статьи пришёл к следующим выводам: К. А. Иванов не ставил вопрос о целесообразности создания нескольких переводов для одного поэтического произведения. Хороший перевод возможен лишь в контексте большой литературной традиции, опыта предшественников. Поэтические «я» дополняют друг друга по законам палимпсеста. Круг единомышленников участвует в поэтическом событии – в создании образов, в отборе интонаций, что определило уникальность и автобиографический подтекст перевода. Перевод трагедии К. А. Иванова воспринимается как проявление воспитательных интенций. Переводчик предполагал в сочинении Гёте естественную педагогичность классического образца и включал его в свой проект народного просвещения. Перевод несёт на себе явные черты времени – предвоенной, революционной эпохи. Внешним хаотичным жизненным событиям противопоставлялась внутренняя регенерация прежнего культурного порядка. К. А. Иванов искал аналоги произведения – стиль, темы – в отечественной литературе.

Ключевые слова: культ Фауста, идеальный объект служения, реальные адресаты, историко-научные комментарии, лингвистические конвенции, живая речевая традиция

© Васильева Г. М., 2021

Galina M. Vasilyeva,

Novosibirsk State University of Economics and Management

(Novosibirsk, Russia),

e-mail: vasileva_g.m@mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-6928-1096>

Anthropocentricity as a Principle of Translation: Faust by K. A. Ivanov

The tragedy's translation is studied as a result of more than 38 years of work by the last gymnasium headmaster in Tsarskoye Selo, the man of "Faust's culture". The relevance of the research is determined by the fact that each translation of a tragedy allows one to grasp into new cultural meanings and influences poetic practices and translator's representation, as well as understanding of Christianity. The problem of the research is to identify the multifunctional concept of "anthropocentricity" on specifics of Ivanov's translation in cultural-historical, confessional and linguistic aspects. The translation was published in 2006, but there isn't any research on it in the academic field yet. The essence of the scientific hypothesis is that the principle of Ivanov's translation is anthropocentricity. Ivanov avoided dogmatic dependence on the terminological system and believed that the term was losing its metaphorical energy. He gave no nomination for the concept, explaining it in an empirical sense. According to Ivanov, it is real events that are the basis for interpretations and conclusions. Comprehension of one's own experience is an unconditional characteristic of anthropocentrism. The translator also offered a kind of retrospective exhibition, recalled like-minded people, amateurs and connoisseurs of Goethe. They encoded values that are connected in the mind of the translator with the name of Goethe and his characters. The unity of anthroponyms acquiring cultural meanings forms Ivanov's anthropocentric code. In this article, an integrative interdisciplinary method is used, which has an epistemological capacity. The author of the article came to the following conclusions. Ivanov did not raise the issue of expedience of establishing several translations for one poetical work. A good translation is possible only in the context of a great literary tradition, the predecessors' experience. Poetic "inner men" complement each other by the rules of palimpsest. The fold participates in the poetic events, such as: the image's creation, the selection of intonations, that determined the uniqueness and autobiographical subtext of the translation. The translation of the Ivanov's tragedy is perceived as a manifestation of educational intentions. Ivanov assumed that there is a natural pedagogy of the classical example in Goethe's work and included this in his project of public education. The translation carries obvious time features: the pre-war and revolutionary eras. External chaotic life events were contrasted with internal regeneration of the previous cultural discipline. Ivanov was looking for analogues of the work, such as style, themes in Russian literature.

Keywords: Faust-cult, an ideal object of serving, real addressees, historical and scientific commentary, linguistic conventions, living speech tradition

Введение. Транслатологические исследования отличает интерес к «переводящему субъекту»: к становлению его манеры, к биографии как истоку и опыту поэтической речи, природе компромиссов [1; 2]. Сторонники антропоцентрического принципа утверждают, что в основе процесса перевода находится прежде всего личность переводчика [3]. Изучать историю перевода – значит анализировать этапы, которые переживает переводчик: выражение оригинала произведения средствами другого языка, смысловые акценты [4], когнитивный контекст (образно-ассоциативное познание переводчика и смыслорождения) [5].

Рукопись «Фауста» К. А. Иванова (1858–1919), опубликованная в 2006 г., приближает читателей к возможной полноте корпуса переводов трагедии¹. К. А. Иванов начал перевод в 1880 г., в последний год

учёбы в университете, и завершил в декабре 1918 г., незадолго до смерти. После ухода Константина Алексеевича в отставку в 1917 г. «Фауст» стал его главной жизненной задачей. Переводчик не исключал, что его труд останется неизвестным. К. А. Иванов доказал своей судьбой, что перевод предполагает обострённое чувство самоотречения автора, выражает бескорыстную стихию культуры. Однако сочинение К. А. Иванова выполнило свою задачу: оно является фактом отечественной литературы.

Трудно проследить эволюцию творческой манеры переводчика, восстановить генетическое досье: поэтические ювенилии не сохранились. Вероятно, он переводил трагедию в естественной последовательности. Датирование действий опускается, что подчёркивает целостный характер перевода.

Научный руководитель проекта издания данного перевода, И. С. Алексеева, является автором работ по лингвистическому переводоведению. Она продолжает традицию теоретиков переводческого искусства А. Бермана [6], А. Мешонника [7], Дж. Лича

¹ Гёте И. В. Собрание сочинений: в 10 т. Т. 9. Фауст. Трагедия: в 2 кн. Кн. 2 / пер. и коммент. К. А. Иванова. – СПб.: Вита Нова, 2017. – С. 406. Далее ссылки на это издание приводятся в тексте, в круглых скобках указываются книга и страницы.

[8], Э. Прунча [9]. И. С. Алексеева выступает за близость к авторскому тексту: сохранение интонаций и ритма подлинника, пунктуации. За основу берутся принципы лингвопоэтического анализа. Но основная направленность её сопроводительной статьи – этическая: перевод должен стать раскрытием интенций, преобладающих в тексте, «метисацией». В послесловии Н. К. Иванова-Есиповича к изданию перевода судьба рукописи не рассматривается в зеркале сенсационного литературоведения. Возникает портрет переводчика на фоне эпохи. Биографические, исторические сведения дают ключ к публикационным вопросам.

Перевод К. А. Иванова пока не вошёл в академическое поле, в систему представлений специалистов-филологов: сочинение не подключают к аргументации, со ссылками на него и цитатами.

Проблема, поставленная в данной статье, – выявить коды транслирования антропоцентричности в переводе К. Иванова.

Цель исследования – прокомментировать актуализацию переводческой традиции «Фауста» Гёте в отдельной авторской концепции. Поставленная цель определила задачи:

- исследовать понятие «антропоцентричность» в рамках его типологии, содержания и функционирования;
- прокомментировать роль реальных адресатов в воплощении замысла;
- представить генетический и типологический фон, определяющий литературные коннотации трагедии в переводе;
- проследить, как элементы перевода соединяются на локальном уровне и на уровне историко-культурных обобщений;
- изучить контекстуальные связи и возможности интерпретации смысла, которые скрываются за ними (политическая реальность, историко-философские идеи).

Результаты исследования позволят обновить фактологическую основу отечественного гётеведения, могут быть использованы при комментировании.

Суть нашей научной гипотезы заключается в следующем: «антропоцентричность» является ключевым понятием в творчестве Иванова, символом идей перевода в их совокупности. К. А. Иванов не включал это слово в терминологическую систему конкретной профессиональной области. Его семантизация происходит при помощи приме-

ров. Автор испытывал эмоциональную привязанность к сообществу друзей, ценителей «Фауста». По их убеждению, Гёте воплотил универсальные модели переживаний и поведения человека. Единомышленники понимали себя не только через медленно постигаемый житейский опыт, но и в преломлённом, сконцентрированном виде – через чтение трагедии «Фауст». Собственные имена знатоков немецкого классика обретают для Иванова метафорическое значение, становятся эталонами культуры.

Методология и методы исследования. Интегративный междисциплинарный подход является объединительной основой для методологических приёмов и процедур, используемых в рамках нашего исследования. Он позволяет применить историко-литературный, культурно-типологический методы. Стимулом к развитию методологической рефлексии об антропоцентричности явились для нас сочинения К. Гирца, учёного-эмпирика, продолжателя культурно-антропологической традиции. К. Гирц понимал антропоцентризм как «расширение границ общечеловеческого разговора» [10, с. 534]. Эстетико-аксиологический метод даёт возможность выявить ценностно-смысловую роль трагедии Гёте в историко-культурном контексте разных эпох. При изучении подхода К. Иванова к процессу перевода мы опираемся на положения трехэтапной интерпретативной теории Д. Селескович и М. Ледерер: понимание переводчиком смысла оригинала, девербализация смысла, последующее его выражение на ином языке и обращение к другим переводам в рамках общей литературной традиции [11].

Результаты исследования и их обсуждение. Ценностные и художественные парадигмы в среде единомышленников К. Иванова. Двуетнистество универсального и локального. Опубликованный перевод открывает предисловие от автора, написанное в Царском Селе в начале 1919 г. Творческое самоопределение К. А. Иванова строится на единстве «жизни» и «литературы», что предполагает свободу человека и его ориентированность на классический канон. Переводчик пишет об охватившем его «с юных лет культе Фауста» (1, с. 18), *когда он увидел тему своей последующей интеллектуальной судьбы.* При воплощении замысла ориентирами переводчика стали реальные адресаты. Круг

единомышленников играет роль невидимых собеседников и референтных инстанций, участвует в поэтическом событии – в создании образов, в отборе интонаций. «Фауст» предстаёт в «прирученном», «одомашненном» виде – как история встреч и прочитанных книг. Трагедия обретает автобиографический подтекст.

К. А. Иванов рассматривал проблемы культуры через локальные повседневные смыслы. Его предки по материнской линии происходили от остзейских немцев Касперов. Посвящением матери и дочери являются заключительные стихи мистического хора во второй части трагедии. *«В мир же, где правда одна пребывает, / Женственно-вечное нас увлекает»* (1, с. 13). Образ *das Ewig-Weibliche* представал в феминных персонификациях как нравственное *signo*: весть о вечном младенчестве человека и родственное ему начало материнства. В период работы над переводом К. А. Иванов пережил глубочайший опыт страдания – смерть дочери Лизы в 1910 г. Соприкосновение смысла и обстоятельств высказывания создают достоверность эмоции.

Переводчик одухотворяет, чувственно обживает петербургско-европейскую ойкумену. Он обучался в немецком пансионе А. Ф. Юргенс, семьи, «созданной рядами культурных поколений» (Там же, с. 11). Членам семьи, в силу немецкого происхождения, была близка протестантская культура. Но они проявляли благосклонность к каждому ученику, независимо от его национальной и конфессиональной принадлежности. Здесь воспитывалось достойное, «кальвинистское» отношение к классической литературе. Гуманитарный курс перестраивали в соответствии с интересами учеников.

Ореол обретают малые территориальные величины (Нарва, Царское Село) и образы провиденциальных собеседников (историков, филологов, специалистов по музейному делу, кристаллографа И. И. Шафрановского). По поводу одного из них К. А. Иванов восклицает: *«Вот к чему привёл “культ Фауста” – к неожиданной встрече сторонника этого культа с живым олицетворением предмета своего культа и даже к нежной дружбе с ним!»* (Там же, с. 18). Знакомства переводчика с почитателями Гёте являются фоном сквозных мотивов его творчества, таких как становление картины мира, дружба.

В университете постижению К. А. Ивановым традиций «германского духа» способствовали профессор всеобщей истории А. Н. Веселовский и византист В. Г. Васильевский. Библиограф Э. И. Конге пригласил К. А. Иванова посетить специализированную юридическую библиотеку при Втором отделении Собственной Его Императорского Величества Канцелярии образования, где имелся так называемый «кабинет доктора Фауста» (Там же, с. 14). Позже культ Фауста объединил Иванова с инженером-технологом, «высококультурным старцем» А. Ф. Ганом (1832–1914) (Там же, с. 19). Являясь в разные периоды городским главой Нарвы, А. Ф. Ган благоустроивал город, *на свои средства создал кургауз, спроектировал грязелечебницу в Гунгербурге*. Иванов сравнивает его с «излюбленным героем», который отвоёвывает у моря часть суши: он «был и остался воскресшим Фаустом» (Там же, с. 18). А. Ф. Ган также переводил Гёте и читал другу отрывок из IV действия (вторая часть) на своей вилле *«Каприччио»*, на берегу Балтийского моря. Именно ему К. А. Иванов пообещал перевести в стихах всю трагедию. Он исполнил обязательство через четыре года после кончины своего конфиденанта.

Интерес к «Фаусту» переводчик разделил с другом детства, историком литературы и палеографом И. А. Шляпкиным (1858–1918). Сходство человеческих и творческих обликов позволяло осмыслить их судьбы как взаимообъясняющие. К. А. Иванов отмечал, что уже в период профессорской деятельности И. А. Шляпкина *«культ Фауста у И. А. вылился в наиболее удачную форму»* (Там же, с. 17). Дома в Белоострове И. А. Шляпкин устроил кабинет Фауста, где собрал предметы в средневековом стиле. Среди инкунабул выделялись сборник предсказаний Нострадамуса «Conturies» и экземпляр «Нострадамовы творенья» (Там же, с. 341). Они упоминались в сцене «Ночь»¹, поэтому обрели для двух друзей мемориальную, символическую функцию.

Педагогическая деятельность К. А. Иванова и её метафизический контекст. Перевод К. А. Иванова воспринимается как этическое послание, проявление воспитательных интенций. Перевод

¹ О его доме в Финляндии, уникальной библиотеке в 150 тысяч томов упоминает бывший студент К. Ю. Ляндау в мемуарах «Из воспоминаний одного русского библиофила». См.: [13, с. 258].

является частью Bildung, которое обретает завершённую форму в творчестве Гёте [12, с. 486]. Данное понятие связано с процессом образования и формирования. Антропологическая проблематика немецкого писателя является важной в историко-литературном сюжете К. Иванова. Далёкий от «идолатрического отношения» к «Фаусту», переводчик предполагал в трагедии Гёте педагогичность классического образца, включил его в свой проект просвещения¹. Он признавал «за вторую часть Фауста высокое воспитательное значение» (1, с. 19), вне утилитарного и резонерского смысла, переносил этико-дидактическую ситуацию трагедии в реальную жизнь. К. А. Иванов воспринимал Фауста как «культурного героя», который полагает морю пределы, налагает оковы и отвоёвывает сушу (Там же, с. 17). «Для сильного хорош и этот свет» (2, с. 354), что воплощает идею практического служения и работы. Поэтому «бессмертная часть Фауста спаслась» (Там же, с. 379)².

К. А. Иванов ставил на страницах перевода проблемы, на решение которых направлена система школьного образования и которые нельзя обойти: как воспитывать человека, когда истина переходит из идеального измерения в неотвратимость мирской, социальной среды. *Последний директор Царскосельской Императорской Николаевской гимназии* был призван к делу просветительским складом мирозерцания. *В течение восьми лет, с 1908 г. до ареста царской семьи, он преподавал в Александровском дворце историю и географию детям Николая II – Великим Княжнам, позже – Цесаревичу Алексею* (1, с. 357). Общеизвестно, что в императорской семье выбор учителя воспринимался как политический факт. Педагогика для августейших особ являлась частью идеологии. Образец воспитания, выработанный Жуковским, предполагал знание теории договорного происхождения государства, жизнь для благоденствия подданных. Придворный учитель должен давать советы, служащие благу, и хранить верность определённому идеалу. Стремление воспитать царя было связано с просве-

¹ Спустя десятилетия, Э. Р. Курциус, объясняя различные явления в истории гуманитарного знания, также включил Гёте в корпус «школьных авторов». Э. Р. Курциус анализировал образовательные модели, формирование понятия «классика», изменение его значения и объёма [14, с. 25].

² Именно эти черты в образе Фауста выделил в 1930-е гг. С. Л. Франк [15].

тительским импульсом XVIII в. К. А. Иванов предлагал синтез научных и художественных знаний, который обогатит семантику педагогических понятий. И тогда возможно вернуться к космополитическому идеалу Просвещения, связанному с новым проектом. Автора интересовала категория аутентичности: процесс восстановления ценности (культурной, исторической, эмоциональной) и его участники.

Исполнение педагогической миссии обусловило трудное положение К. А. Иванова: его могли воспринять как выразителя идей монархии. В Петербурге драматически переживали конец императорской эпохи. События, значимые для людей 1900-х гг., – война и революции, смены правительств и социальных устройств – не позволяли дистанцироваться от политики. Они разрушали завершённость вечного облика мира. Константин Алексеевич не пережил соблазн революции как творческой стихии, эсхатологически содержательного события. Вместе с прежним строем жизни исчезали город Санкт-Петербург, родственные К. А. Иванову социально-психологические типы. С медицинской точностью оформив эпикриз, он не усиливал эмоциональное звучание высказываний. Современные, исторические референции не превращались в инвективу: обличительная риторика обычно приводит к утрате чувства стиля. Это был один из принципов в основе стиля К. А. Иванова-переводчика. Перевод «Фауста» несёт на себе явные черты времени – предвоенной, революционной эпохи, её языка, оперировавшего понятиями «дух времени», «дух народа». Внешним хаотичным жизненным событиям противопоставлялась внутренняя регенерация прежнего культурного порядка³. Структура целостного мифа придавала им смысл. Просодия перевода сдерживает разрушительную рефлексивность и скрывает тяжбу с историей. Гёте оказывал влияние на становление чувства перспективы и практику филологического исследования [16].

Очерки о Средневековье как претекст перевода трагедии «Фауст». К. А. Иванов подошёл к переводу, имея опыт историка. Профессию переводчика он воспринимал как средневековую: мастер наставляет ученика, который тоже передаёт ремесло согласно цеховому братству.

³ О сопротивлении политической системе как «лингвистической силе» и «лингвистической форме». См.: [17].

Он любил словесность Средних веков, дух рыцарства. Интерес к трагедии Гёте выразился в изучении «средневекового быта, средневековой жизни вообще» (1, с. 13), воплотился в классических трудах учёного. К. А. Иванов овладевал общекультурным лексиконом, образами «чужой» реальности в пределах собственного языка. Он являлся автором серии бытописательных очерков о средневековом замке, городоведении, о деревне и её обитателях (публиковались, начиная с 1894 г.) [18]. В Европе существовала традиция, в силу которой профессора выступали с научно-популярными докладами. Фигура популяризатора воспринималась как необходимая в культурном поле: педагогическая «лёгкость» соответствовала требованиям картезианской философии. Труды К. А. Иванова по медиэвистике отличались непринуждённым стилем и были доступны неспециалисту. Они составили «пренатальную» биографию его перевода. Мифология города наполнена мистическими историями и легендами о Фаусте, премудрых схоластах, фокусниках. К. А. Иванов соотносит сцену трагедии «Перед городскими воротами» с очерком «Городские увеселения» из своей книги «Средневековый город и его обитатели» (1895) (1, с. 342).

К. А. Иванов о семантическом потенциале переводов. К. А. Иванов сам определил свой статус в культурном пространстве эпохи, предпочитая всем репутационным характеристикам одну: «скромный переводчик великого творения» (2, с. 406). Ему был чужд прагматизм профессионального самоутверждения. Круг авторов, переводимых К. А. Ивановым, не был широким и разнообразным. Он пережил родственную связь с одним гением – Гёте. Он вывел Гёте и его трагедию «Фауст» за пределы «литературы» как свою абсолютно личную историю. Иванов воспринимал себя как человека «фаустовской культуры», и основой этого осознания стала сакраментальная нерасторжимость с немецким поэтом.

Два дарования – поэта и переводчика – не связаны всецело: переводчик должен быть лингвистом, стиховедом, историком культуры. Оригинальное литературное творчество К. А. Иванова сближалось с деятельностью переводчика, о чём свидетельствует стихотворение «Из Гёте (пер. с нем.)»: «Божьи – запад и восток, / Да и всякий уголок, / Будь то север или юг, – / В мирной власти

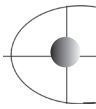
Божьих рук»¹. Являясь вольной вариацией одного из «Талисманов» («Западно-Восточный диван», 1814–1819), оно не содержит явной референции к конкретному сочинению². Однако по соотношению слова и метафизической реальности ближе к Гёте, чем любой перевод.

К. А. Иванов понимал перевод как эвристический процесс и одну из форм высказываний об оригинале. Он возвращался к корпусу уже имеющихся переводов «Фауста». Особенно внимательно изучил прозаические переводы П. И. Вейнберга, А. Л. Соколовского, стихотворный перевод А. А. Фета (Там же, с. 393). Автор сравнивал варианты, что предполагало внутриязыковую перевод. Он познакомился с трудами гётеведов – Л. Ю. Шепелевича, Г. Бойезена и др. К. А. Иванов не нарушал конвенции литературной полемики, не прибегал к общепринятым критическим клише. Например, А. Н. Овчинников, автор «*занимательного в своём роде литературного курьёза*» (Там же, с. 407), не вошёл в пантеон переводчиков. Он встретил в периодике XIX в. «фельетонное» недоброжелательство. Цитировались казусы его отрывков, в «общем мнении» выражалась ревнивая враждебность современников. Первые полемические выпады определили интонацию следующих печатных утверждений. Им не заинтересовались даже литературные «археологи», полагая, что подобный способ переложения не приспособлен к апроприации его культурой. К. А. Иванов, напротив, нашёл для А. Н. Овчинникова сочувственные слова. Он понимал, что проблема постижения существует уже на языке самого оригинала. К тому же осознание несовершенства чужих переводов недостаточно для решения собственных переводческих задач.

Окончательная редакция данного издания содержит сопроводительный аппарат: пролегомены к выбору текста, аналитические суждения переводчика. Комментарии – лингвистические, архитектурно-краеведческие, рефлексия над собственным переводом – были предметом, органически

¹ Лепестки. Новый сборник стихотворений К. А. Иванова. – СПб., 1912. – URL: http://kinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NG_dir_Ivanov_stihi.htm#Na (дата обращения: 30.05.2021). – Текст: электронный.

² Оригинал трудно найти по первым строкам перевода: нужно установить начальную лексему, учесть разный порядок слов.

близким интеллектуальному темпераменту автора.

Текстологические примечания к «Фаусту» не имеют систематического характера, особенно к первой части. В энциклопедических комментариях К. А. Иванов разъясняет реалии. Например, имя «Мефистофель» он толкует на примере староанглийской поэзии как «дух, не любящий свет» (1, с. 341). К последним словам из сцены «Приятная местность» «Здесь в яркой радуге нам жизнь предстала вдруг» переводчик даёт следующее пояснение люминарных эффектов: «<...> так истинное содержание жизни есть многообразное отражение единого (единосоставного) вечного» (2, с. 391).

Примеры семантико-мотивационной интерпретации лексики и словообразовательный потенциал. Переводчик прибегает к стилизованным явлениям отечественной литературы и готовым формам речи. «Народ же, как безгласный, / Безмолвствует». Строка «*Blutend alles Volk verstimmt*»¹ буквально означает: «Истекающий кровью народ расстроен». Ритмические, просодические источники, преемственность интонации включаются в ассоциативный и тематический ряды. К. А. Иванов истолковывает мистику и аллегоричность через народный мифопоэтический код, который принадлежит фольклорному или простонародному языковому субстрату. В ореоле архаизации возникает стилизованный национальный фон. Ангелы поют: «Цветики заветные, / Огоньки приветные» (Там же, с. 369). Здесь лексическим камертоном является русская народная песня.

Переводчик старается сохранить отчётливые формы Гёте, ставшие риторическими топосами. «Мой друг! Теории туманны и темны, / А древо жизни вечно зеленеет» (1, с. 129). «Уж так устроено на свете: / Игрой – игра, детьми все дети» (Там же, с. 186). «Да, любопытны в своём роде / Чертей сужденья о природе» (2, с. 283). Ритмический переход готовит объективность жизненного вывода. Но в ряде случаев автор избегает формул, удобных для цитирования в дидактических целях. Он разрушает авторитарную гармоническую модель: номинальные фразы, предложения гномического типа. «Я часть той силы, что, желая злое, / Творит, однако, только лишь благое» (1, с. 93). Перифрастическое

¹ Goethe I. W. v. Werke: in 14 Bde. – München: Verlag C. H. Beck, 1989. – Bd. 3. – S. 300.

выражение Мефистофеля не имеет столь чётких границ, как в оригинале, может быть дьявольски подвижным. Усложнение порядка слов приводит к несовпадению метрического и синтаксического членения. Смысловой, акцентной становится роль уточнений, служебных слов, «распространяющих» фразу. Они выводят суждение из статического состояния, создают разговорную модальность. Слово «однако» обладает широким спектром значений – от сомнения до указующего перста, и все они востребованы поэтом. Нарушаются афористичность, строгий канон немецкой грамматики, утесняющая регламентация. Регулярную строфику и ритмическую уравновешенность сменяет свободная форма стиха. **Конфликт ритма и синтаксиса** способствует ветвлению смысла. При этом мистическая тональность может быть утрачена.

Рифма усиливается комбинациями звуковых совпадений и расхождений, окружается родственной звуковой средой. «Кто много принесёт, тот всякому приносит, / А масса для себя такой же массы просит, / Из массы для себя всяк что-нибудь найдёт / И, получив своё, довольный прочь пойдёт» (Там же, с. 28). Приводятся сочетания с тавтологическим эпитетом: «черты чертовские» (2, с. 373). Иванов интонирует фразу с помощью дистантных инверсий. «Вот точно так толпы народа / С утра теснятся у дверей / Пекарни хлебной в год голодный» (1, с. 26). «Поэт – могущества людского проявление» (Там же, с. 30). В тексте органично возрастает роль интенсивного повтора как приём усиления выразительности: он появляется там, где его нет у автора. «Да, кровь — совсем, совсем особый сок» (Там же, с. 114). «Скоро, скоро тип живой / Всех женщин пред тобой предстанет» (Там же, с. 173). Повтор конструкции имеет фольклорный характер, представляет собой заклинание утверждением, попытки приручить словом таинственные или враждебные стихии.

К идиолектным свойствам стиля переводчика относится его любимый морфологический приём: добавление к основе глагола приставки «по-». «Хоть бороду я отрастил большую, / Искусство жить мне чуждо посейчас» (Там же, с. 131); «Желал бы я тебе позапасться работой, / Чтобы мне досаждать не приходил» (Там же, с. 235). «Учёность из тебя повыкололотить

трудно» (Там же, с. 235); «Хочу умом я сильно пораскинуть» (2, с. 287). Экспрессивная префиксация приводит к деформации слова: «повыползла улитка» (1, с. 292), «порасскажешь эпизод» (2, с. 336). Ряд таких переводческих решений превращается в тенденцию.

К. А. Иванов передаёт высокую частотность использования диминутива в трагедии Гёте. «Коль головёнка выхода не знает, / Ей уж мерещится конец» (1, с. 240). При этом переводчик ещё более усиливает уменьшительный склад речи, прибегая к запасу суффиксов. «У Маргариточки тут скисла мордочка, / Она подумала, что есть ведь жёрдочка» (Там же, с. 191)¹. «То – ламии, воздушные девчонки, / Наглы их лбы, в улыбках их губёнки» (2, с. 141). «Я чувствую себя плохонько иногда» (1, с. 294). «Ступай, там путайся с бродяжками своими!» (2, с. 141). «Ведь если бы не я, так ты бы уж давненько / С земного шара полетел даленько» (1, с. 235). «Дорожек, уголков тенистых натворил» (2, с. 284–285), «А для красоток в дивном месте том / Настроил бы я домиков укромных». «Нежный, но сильный плутишка», «цвета пурпурного тельце», «Так мотылёчик готовый, / Быстро скользнув из державшей / Крепко его в заключение / Куколки, крылья расправив» (Там же, с. 258). Диминутивные формы выполняют разные функции. С одной стороны, они укрощают вещи, делают их податливыми, являются языковым средством преодоления страхов. С другой стороны, в дьявольском мире всё живое сжимается в размерах, именно таким его схватывает язык. Сцена встречи Гретхен и Фауста называется «Беседочка» (1, с. 227). Ангелы именуются как «детки миленькие», «деточки» (2, с. 372), «мальчугашки» (Там же).

Экспрессивно сниженная лексика ломает лингвистические конвенции. Нейтральные слова оригинала заменяются лексемами с негативной коннотацией. Они означают иную внелингвистическую реальность (референт). «Подобной рожи в жизни не видал! / Ты в положении припёртом?» (1, с. 190). Приведём подстрочник к оригиналу²: «Что с тобой? Что тебя так сильно жжёт? / Такого лица я в своей жизни не видел!». «Я рехнулась совсем, / Я хожу без

ума» (Там же, с. 242). Подстрочник: «Прочь мой покой, / На сердце тяжело»³. Автор прибегает к немотивированному объединению лексем в пределах одной клаузы, что приводит к наивной словарной эклектике. «Про эту кой-что маракую. / Она от исповеди шла. / Шмыгнул вблизи конфессионала / Во время исповеди я» (Там же, с. 175). В рамках одного оценочного высказывания вступают в сложное соотношение слова с высокой и низкой эмоциональной окраской. К. А. Иванов сознательно выбирает стратегию нарушения нормы, создавая различные «неправильности». «Du bist doch sonst so ziemlich eingeteufelt»⁴ он переводит «очертовел ты кое в чём» (Там же, с. 240). Тема задаётся корнем, а её интерпретация – префиксом «о», который входит в состав такого слова, как «очерстветь». При морфемной перестановке продуктивный способ образования с одного слова переносится на другое. Автор прибегает к грамматическому рассогласованию. «Пока он землю обитает» (Там же, с. 37). К. А. Иванов создаёт окказиональные квази-неологизмы, например, «край распутномудрый» (Там же, с. 307).

Заключение. И. Анненский, Ф. Сологуб, К. Иванов являются создателями петербургской школы перевода. Трагедия К. А. Иванова представляет собой некий завершительный, итоговый характер переводческой традиции «Фауста».

В кратких воспоминаниях автор выстраивает свою интеллектуальную биографию и влиявшую на неё эмоциональную историю. Культурно-антропологический анализ возвращает его литературному миру нередуцируемую целостность. Ориентирами К. А. Иванова при воплощении замысла явились реальные адресаты, знающие оригинал. Сходство восприятий, эстетических реакций, мыслительных ходов воплощены в тексте как образ понимания и интерпретации произведения.

Перевод, связанный с академическим амплуа К. А. Иванова, относится к просветительскому типу. Потребность в философском наставничестве была органической составляющей личности переводчика. Педагогические навыки, учительство/ученичество определили дидактически-просветительский пафос его сочинений.

Перевод стал для К. А. Иванова формой оригинальной поэзии. В творческом

¹ В оригинале в диминутиве приводится только имя «Margretlein». См.: Goethe I. W. v. Werke. – Bd. 3. S. 91.

² Там же. – С. 90.

³ Там же. – С. 107.

⁴ Там же. – С. 371.

сознании и поэтической картине мира переводчика возникают аналогии со стилевыми явлениями русской литературы, с их ритмико-грамматической основой. Свойства языка оригинала совпадают с интенцией переводчика. Ему было присуще стремление отражать разные стили речи (бытовой язык, тот, который соответствует литературной задаче, и т. д.). Благодаря ярко выраженному поэтическому темпераменту он

передаёт экспрессивность – божественный экстаз, бесовское искушение, несвободу от инстинктов и страстей – через неправильность, нарушает конвенциональные нормы. Автор органично соединяет архаический антураж и народное просторечие. Ритмико-интонационные, метрические отличия, мелодическая изобретательность К. А. Иванова помогают читателю осмыслить структуру оригинала.

Список литературы

1. Стайнер Дж. После Вавилонского смешения. Вопросы языка и перевода. М.: МЦНМО, 2020. 645 с.
2. Widlund-Fantini F.-M. Danica Seleskovitch, Interprète et témoin du XX-e siècle. Lausanne L'Age d'Homme, 2007. 238 p.
3. Hatim B., Mason I. The translator as communicator. London; New York: Routledge, 2014. 272 p.
4. Coseriu E. Einführung in die allgemeine Sprachwissenschaft. Tübingen: Francke, 1988. 329 p.
5. Translation zwischen Text und Welt – Translationswissenschaft als historische Disziplin zwischen Moderne und Zukunft / H. Kalverkämper (hrsg.). Berlin: Frank & Timme, 2009. 692 p.
6. Берман А. Испытание чужим. Культура и перевод в романтической Германии. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ispytanie-chuzhim-kultura-i-perevod-v-romanticheskoy-germanii/viewer> (дата обращения: 30.05.2021). Текст: электронный.
7. Meschonnic H. Éthique et politique du traduire. Paris: Verdier, 2007. 185 p.
8. Leech G. Language in literature: Style and Foregrounding. Harlow: Longman, 2008. 423 p.
9. Prunč E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht Berlin: Frank & Timme, 2012. 438 p.
10. Гирц К. Интерпретация культур. М.: РОССПЭН, 2004. 560 с.
11. Seleskovitch D., Lederer M. Interpréter pour traduire. Paris: Didier Érudition, 2014. 311 p.
12. Weltliteratur. Die Lust am Übersetzen im Jahrhundert Goethes. Marbach: Deutsche Schillerellschaft, 1982. 712 p.
13. Соболев А. Л. Тургенев и тигры. Из архивных разысканий о русской литературе первой половины XIX века. М.: Трутень, 2017. 744 с.
14. Curtius E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern-München: Francke Verlag, 1978. 608 p.
15. Франк С. Л. Гёте и проблема духовной культуры // Путь (Париж). 1932. № 32. С. 83–90.
16. Auerbach E. Philologie der Weltliteratur // Auerbach E. Gesammelte Aufsätze zur Romanischen Literatur. Bern-München: Francke, 1967. Pp. 301–310.
17. De Certeau M., Dominique J., Revel J. Une politique de la lanque. Paris: Gallimard, 1975. 480 p.
18. Иванов К. А. Средневековой город и его обитатели. A medieval city and its inhabitants. URL: http://kinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NG_dir_Ivanov_stihi.htm#Na (дата обращения: 30.05.2021). Текст: электронный.

Статья поступила в редакцию 13.05.2021; принята к публикации 20.07.2021

Сведения об авторе

Васильева Галина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, Новосибирский государственный университет экономики и управления; 630099, Россия, г. Новосибирск, ул. Каменская, 52/1; e-mail: vasileva_g.m@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6928-1096>.

Для цитирования:

Васильева Г. М. Антропоцентричность как принцип перевода: «Фауст» К. А. Иванова // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 36–45. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-36-45.

References

1. Stainer, Dzh. After Babel: Aspect of Language and Translation. Moscow: MTSNMO, 2020. (In Rus.)
2. Widlund-Fantini, F.-M. Danica Seleskovitch, Interprète et témoin du XX-e siècle. Lausanne L'Age d'Homme, 2007. (In French)

3. Hatim, B., Mason, I. The translator as communicator. London; New York: Routledge, 2014. (In Engl.)
4. Coseriu, E. Einführung in die allgemeine Sprachwissenschaft. Tübingen: Francke, 1988. (In German)
5. Translation zwischen Text und Welt – Translationswissenschaft als historische Disziplin zwischen Moderne und Zukunft. Berlin: Frank & Timme, 2009. (In German)
6. Berman, A. Test by unfamiliarity. Culture and translation in romantic Germany. Web. 30.05.2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/ispytanie-chuzhim-kultura-i-perevod-v-romanticheskoy-germanii/viewer> (In Rus.)
7. Meschonnic, H. Éthique et politique du traduire. Paris: Verdier, 2007. (In French)
8. Leech, G. Language in literature: Style and Foregrounding. Harlow: Longman, 2008. (In Engl.)
9. Prunč, E. Entwicklungslinien der Translationswissenschaft: von den Asymmetrien der Sprachen zu den Asymmetrien der Macht. Berlin: Frank & Timme, 2012. (In German)
10. Girts, K. Interpretation of cultures. Moscow: ROSSPEHN, 2004. (In Rus.)
11. Seleskovitch, D., Lederer, M. Interpréter pour traduire. Paris: Didier Érudition, 2014. (In French)
12. Weltliteratur. Die Lust am Übersetzen im Jahrhundert Goethes. Marbach: Deutsche Schillerellschaft, 1982. (In German)
13. Sobolev, A. L. Goethe and tigers. From archival research on Russian literature of the first half of the XXth century. Moscow: Truten', 2017. (In Rus.)
14. Curtius, E. R. Europäische Literatur und lateinisches Mittelalter. Bern-München: Francke Verlag, 1978. (In German)
15. Frank, S. L. Goethe and the problems of spiritual culture. Way, Parizh, no. 32, pp. 83–90, 1932. (In Rus.)
16. Auerbach, E. Philologie der Weltliteratur. Auerbach E. Gesammelte Aufsätze zur Romanischen Literatur. Bern-München: Francke, 1967: 301–310. (In German)
17. De Certeau, M., Dominique, J., Revel, J. Une politique de la lanque. Paris: Gallimard, 1975. (In French)
18. Ivanov, K. A. A medieval city and its inhabitants. Web. 30.05.2021. URL: http://kfinkelshteyn.narod.ru/Tzarskoye_Selo/Uch_zav/Nik_Gimn/NG_dir_Ivanov_stihi.htm#Na (In Rus.)

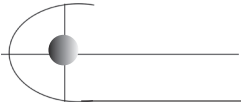
Received: May 13, 2021; accepted for publication July 20, 2021

Information about author

Vasilyeva Galina M., Candidate of Philology, Associate Professor, Novosibirsk State University of Economics and Management; 1/52 Kamenskaya st., Novosibirsk, 630099, Russia; e-mail: vasileva_g.m@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6928-1096>.

For citation:

Vasilyeva G. M. Anthropocentricity as a Principle of Translation: Faust by K. A. Ivanov // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 36–45. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-36-45.

УДК 82

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-46-57

Нури Джаннат,*Ноахалийский научно-технический университет**(г. Ноахали, Бангладеш),**e-mail: nurejannat00@gmail.com**<https://orcid.org/0000-0002-1079-1948>*

Женские персонажи в «Докторе Живаго» и их роль в судьбе главного героя

В статье проведена сравнительная характеристика трёх женских персонажей в романе «Доктор Живаго» для выявления их роли в формировании психологического образа главного героя, а также основных функций их как персонажей в сюжетосложении романа. Различая термины «персонаж» и «герой» в качестве теоретических понятий, мы стремимся установить взаимодополнительность двух методов: анализа характера как способа структурирования текста с одной стороны и феноменологического, позволяющего уловить неповторимость отдельно взятого героя, а также его влияние на судьбы остальных участников действия, – с другой. Учитывая многолетнюю работу над «Доктором Живаго», автор статьи исходит из представления, что наряду с автобиографическим материалом в характеристике трёх женщин – Тони, Ларисы и Марины – Б. Пастернак широко использует сюжетные аналогии с шедеврами русской и мировой литературы, а также определённые аллюзии на библейские образы. Важным здесь оказывается принцип нераздельности и неслиянности в изображении судеб трёх женщин в их отношении с главным героем, связанный с христианской традицией. В статье впервые для сравнения основных женских фигур вводится оппозиция «эссенциональность – экзистенциональность». В то же время важно, что автор, создавая женские образы, использует различную меру фабульности, связанную с перипетиями в жизни главного героя – максимальную в отношениях Юрия и Лары и минимальную в отношении героя с Мариной. Характерна и различная степень детализации трёх образов, использования в их характеристике символов, отмечается символизация как основной приём характеристики Марины. Делается вывод, согласно которому выдающийся русский поэт и романист Б. Пастернак проявляет высокую степень мастерства, проникая в глубины женской психологии. Вместе с тем, сохраняя принципы построения, характерные для классического повествования, писатель благодаря особому расположению материала придаёт роману черты, которые сближают его с лучшими образцами мировой литературы XX в.

Ключевые слова: женщина, судьба, экзистенциализм, эссенциализм, конформизм, мотив

Nure Jannat,*Noakhali Science and Technology University**(Noakhali, Bangladesh),**e-mail: nurejannat00@gmail.com**<https://orcid.org/0000-0002-1079-1948>*

Female Characters in *Doctor Zhivago* and Their Role in the Fate of the Protagonist

The article attempts to compare the three female characters in the novel *Doctor Zhivago* to identify their role in the formation of the psychological image of the main character, as well as their main functions as characters in the plot structure of the novel. Distinguishing the terms "character" and "hero" as theoretical concepts, we seek to establish the complementarity of two methods: character analysis as a way of structuring the text, on the one hand, and phenomenological, which allows us to capture the uniqueness of a single hero, as well as its influence on the fate of other participants in the action. Taking into account the long-term work on *Doctor Zhivago*, the author of the article proceeds from the idea that along with autobiographical material in the characterization of three women – Tonya, Larisa, and Marina, B. Pasternak widely uses plot analogies with masterpieces of Russian and world literature, as well as certain allusions to biblical images. Important here is the principle of inseparability and non-confusion in the depiction of the fates of the three women in their relationship with the main character, associated with the Christian tradition. For the first time, the article introduces the essentiality– existentiality opposition to compare the main female figures. At the same time, it is important that the author, creating female images, uses a different measure of fabulousness associated with the vicissitudes in the life of the main character – the maximum in the relationship of Yuri and Lara and the minimum in relation to the hero with Marina. There is also a different degree of detail of the three images, the use of symbols in their characterization, and the symbolization as the main method of Marina's characterization is noted. The author concludes that the outstanding Russian poet and novelist B. Pasternak shows a high degree of skill, penetrating the depths of female psychology. At the

© Нури Джаннат, 2021

same time, while maintaining the principles of construction characteristic of the classical narrative, the writer, thanks to the special arrangement of the material, gives the novel features that bring it closer to the best examples of world literature of the twentieth century.

Keywords: female, fate, revolution, existentialist, essentialist, conformist

Введение. Со времени публикации «Доктора Живаго» этому роману было посвящено множество исследований: «Заметки о “Докторе Живаго” Пастернака» (1959) Владимира Маркова; «Заметки о “Докторе Живаго”» (1961) Александра Гершенкрона; «Роман Пастернака: перспективы “Доктора Живаго”» (1986) Нила Корнуэлла; «Доктор Живаго как роман» (1959) Ричарда Д. Стерна; «Идеология и доктор Живаго» (1959) Ричарда Говарда Пауэрса; «Герценовские мотивы в “Докторе Живаго”» (2014) С. Г. Гренье; «Античные мотивы в изображении леса и сада в романе Б. Пастернака “Доктор Живаго”» (2013) А. А. Скоропадской; «Семантика сновидений Юрия Живаго в романе Б. Л. Пастернака “Доктор Живаго”» (2017) Г. А. Закроевой; «Христианская тема в романе Пастернака “Доктор Живаго”» (1994) Бёртнеса Юстина; «Роман тайн “Доктор Живаго”» (1996) И. П. Смирнова; «Размышления над романом Б. Л. Пастернака “Доктор Живаго”» (1988) Д. С. Лихачёва; «Лара: источники, прообразы и прототипы главного женского образа романа “Доктор Живаго”» (2019) С. В. Морозова; монография «Поэтика “Доктора Живаго” в нарратологическом прочтении» (2014) под редакцией В. И. Тюпы и др., но очень немногие из них посвящены роли женских персонажей в этом романе, а также месту, которое они занимают в жизни Юрия.

Отсутствие исследований роли женских персонажей делает актуальным для данной статьи анализ характеристики Тони, Лары и Марины в «Докторе Живаго» и их влияния на судьбу Юрия Живаго. Для решения этой задачи следует обратиться к важнейшему в современном литературоведении одному из важнейших теоретических понятий персонажа. Близкое по своему значению понятиям – «герой», «тип», «образ», оно включает в качестве основного компонента сюжетобразующую составляющую художественного текста и открывает дорогу мотивному анализу произведения. С другой стороны, рассматривая нравственные, этические и/или философские проблемы того или иного автора, мы говорим именно о героях. Такой взаимодополняющий подход позволяет, на наш взгляд, глубоко и полно рассмотреть

эпические произведения в их единстве проблематики и поэтики.

В данной работе мы используем подобный подход при рассмотрении основных женских типов в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго». Представляется, что предшествующие исследования не в полной мере реализовали возможности такого подхода. Всякий раз речь шла либо о женских характерах и их психологической сущности, либо о той роли, которую они сыграли в ходе развития романного действия. В представленной статье мы постараемся частично заполнить этот пробел. Отсюда возникает необходимость совместить в нашем исследовании два различных метода: 1) структурный, позволяющий описать персонажей, связанных с поворотами сюжета, благодаря которым вводятся основные женские персонажи; 2) феноменологический, благодаря которому три основных женских образа существуют в своей уникальной неповторимости. В то же время каждая из них обуславливает определённую грань существования центрального героя.

«Доктор Живаго» Бориса Пастернака выделяется как роман, обогащённый нравственной страстью, уникальный по тематике и поэтический по стилю, выражающий политику власти наряду со слиянием философии и романтики, а также судьбы и жизнь отдельных людей в России. Это «сильное, жизнестойчивое, богатое теплом художественное произведение», обладающее способностью к самобытному существованию, «также точно, как организм» [1]. Игорь Смирнов полагает: «В “Докторе Живаго” Б. Пастернак зашифровал свой опыт жизни в мировой культуре, взятой им во многих измерениях – как история, философия, религия, литература и искусство, наука. Сокровенное в “Докторе Живаго” – личность автора, который подытоживает свои взгляды на самые разные акты человеческого творчества» [2, с. 8].

В этом романе автор раскрывает свои взгляды на человеческое творчество наряду с правдой, красотой и жизнью личности в историческом цикле смены власти и политики, проходящими через судьбу главного героя романа, на которую оказали сильное влияние другие персонажи, с которыми он

встречался в своей жизни. Через характер доктора Юрия Живаго, главного героя этого романа, автор визуализирует жизнь и судьбу отдельных людей, а также человеческую природу, время и существование с 1901 по 1943 г. в России и первые дни русской революции. Внутреннее видение доктора Юрия Живаго, переживающего большевистскую революцию 1917 г. и гражданскую войну, и перипетии персонажей, с которыми он встречается, события, происходящие в его жизни в это время, перемещают нас в пространстве и времени и заставляют принять его как острого наблюдателя революционной музыки эпохи. За исключением пространственно-временной характеристики роман предлагает новую повествовательную манеру, которая довольно поэтична: «вместо непрерывного нарративного потока, который поддерживает читателя в контакте с условной временной последовательностью, мы находим повествование, которое, кажется, перескакивает с эпизода на эпизод, иногда вперед, иногда назад, часто без ясного перехода – как строфы в стихотворении» [3, с. 12]. Этот повествовательный приём позволяет представить роман таким образом, что почти все персонажи, включённые в его художественную ткань, формируют жизнь, мышление и судьбу доктора Юрия Живаго. В этом контексте особенно сюжетно значимой оказывается роль трёх женщин – Тони, Лары и Марины. Именно их присутствие в романе не только меняет вектор прямого развития фабулы, но каждый раз придаёт новую форму мыслям Живаго о жизни, в которую вмешались война, нищета или какое-то другое зло и хаос.

Таким образом, наряду с историческими, национальными и революционными аспектами этого эпического полотна не менее важны судьба, внутреннее видение и нравственный путь героя, которые в основном формируются раскрытием психологической сущности Лары, Тони и Марины. Б. Пастернак управляет судьбой доктора Юрия Живаго через судьбу этих женщин. В результате присутствие женской судьбы прослеживается во всей художественной литературе, оказывая влияние на жизнь и судьбу героя, а также на основной сюжет этого романа. По этой причине изучение судьбы, внутреннего видения и духовного воскрешения доктора Юрия Живаго раскроет полноценный потенциал произведения только при изу-

чении его вместе с этими тремя женскими персонажами. Недаром В стихотворении «Август», переадресованном главному герою, Б. Пастернак скажет: «Прощайте, годы безвременщины. / Простимся, бездне унижений / Бросающая вызов женщина! / Я – поле твоего сражения». Нельзя не отметить, что продуктивный анализ женских образов возможен, на наш взгляд, только при учёте их триединства. Всякое расподобление обедняет художественный смысл романа. Так, М. С. Зайцева проводит близкое нашей теме исследование женских персонажей в «Докторе Живаго», где выясняет, что «Антипова – это не только не христианка, но и не женщина, или почти не женщина в православном понимании. Настоящая женщина в романе – Тоня»¹, при всей ценности этого замечания она не исследует характер Марины и не помещает этих трёх женщин под один зонтик. Автор в изображении трёх женщин достигает многоликости, связанной с нераздельностью и неслиянностью, характерной для христианского миропонимания. С учётом высказанных положений представляется перейти к более детальному анализу взаимоотношений трёх женщин с главным героем романа.

Методология и методы исследования, представленные в данной статье, целиком вытекают из поставленных задач. Поскольку целью данного исследования является комплексный анализ изображения трёх женских персонажей и их роли в жизни Юрия, для достижения этой цели используются как структурные, так и феноменологические методы исследования. Методология феноменологического анализа, а также структурный подход к исследованию позволяют раскрыть формирование и изменение психологического мира Юрия Живаго, на который оказывают влияние отношения с Тоней, Ларой и Мариной. Техника внимательного погружения в текст позволяет понять цель создания Б. Пастернаком этих женских персонажей и сравнить их с другими литературными персонажами.

Результаты исследования и их осуждение. Тоня и Юрий. Тоня Громеко – первая жена Юрия, а также его добрый и отзывчивый друг детства. Её душа чиста, решительна и предана добру и гармонии. Характер Тони больше похож на «конфор-

¹ Зайцева М. С. Женщина и «Женщины» в романе Б. Пастернака «Доктор Живаго» // Вестник Академии знаний. – 2013. – № 1. – С. 154–159.

мистский», относится к акту изменения своего поведения в соответствии с реакциями других [4, с. 606]. Нам действительно недостаёт фабульных возможностей узнать о ней какие-то мелкие детали. Изображение героини представлено общим планом, поэтому её внешность и поступки не акцентированы в развитии сюжета и цепи событий, они не дают ей места в центре сцены. Всё, что мы знаем о ней – из воспоминаний и мыслей других персонажей, особенно из размышлений Юрия и из писем Тони к нему. Но её поступки и мысли не наделяют Тоню теми качествами конформизма, которые наблюдаются у героинь классического эпоса и русских народных былин. Как и большинство конформистских героинь, она принимает свою судьбу как традиционную жизнь жены и матери, которая может пожертвовать всем ради своей семьи. Она ограничивает свои желания тем, что является социально и морально законным, и довольствуется семейными отношениями с родителями, мужем и детьми.

Поскольку Тоня всегда хранила верность Юрию, мы можем поставить её рядом с Пенелопой¹ из «Илиады» Гомера, которая является символом супружеской верности [5]. Она похожа на Наташу Ростову² из «Войны и мира», признанную толстовским идеалом женщины [6] и обогащённую импульсивностью и непосредственностью³. Как и другие конформистские героини, она очень простой персонаж, который рождается с простой и ищет простые и разумные решения. Подобно им, она также не принимает участия в исторических и революционных событиях, связанных с судьбой русского народа, но её молчание, супружеская верность и семейные отношения возносят её в зенит духа, что нравственно и радикально меняет жизнь и судьбу Юрия. Б. Пастернак отмечает, что «он любил Тоню до обожания. Мир её души, её спокойствие были ему дороже всего на свете. Он стоял горой за её честь, больше, чем её родной отец...»⁴

¹ Пенелопа, – мифологический персонаж, дочь спартанца Икария и нимфы Перибей, жена Одиссея и мать Телемаха, известна как символ идеальной женской щедрости и верности.

² Наташа Ростова – героиня романа Льва Толстого (1828–1910) «Война и мир», дочь Ильи Андреевича Ростова.

³ Academic American Encyclopedia. Areté Publishing Company. – Michigan: Michigan University, 1980. – P. 25.

⁴ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. – М.: ФТМ, 2018. – 760 с. – С. 189.

Если рассматривать «Доктора Живаго» с исторической точки зрения изменения менталитета русской нации, то значение образа Тони оказывается минимальным, потому что она не участвует ни в каком историческом событии, но если взглянуть на роман как на эпопею о духовном воскрешении Юрия, то она всегда существует как спутница в его внутреннем путешествии. Хотя у Юрия есть чувства к Ларе, он сам осознаёт значимость Тони как во внешнем, так и во внутреннем путешествии, он пишет Тоне: «Мысль о тебе и верность тебе и дому спасали меня от смерти и всех видов гибели в течение этих двух лет войны, страшных и уничтожающих»⁵.

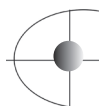
Тоня как идеальная женщина выполняет все обязанности женщины и становится неотъемлемой частью жизни и судьбы Юрия. Она старается не вмешиваться в жизнь Юрия, вместе с тем осознаёт всё, что происходит вокруг него. Находясь вдали от мужа, читая его письмо, она чувствует, что Юрий скрывает свою страсть к Ларе. Б. Пастернак так описывает чувства Тони: «В этом письме... Антонина Александровна убеждала мужа не возвращаться в Москву, а проследовать прямо на Урал за этой удивительной сестрою, шествующей по жизни в сопровождении таких знамений и стечений обстоятельств, с которыми не сравниться её, Тониному, скромному жизненному пути»⁶.

С другой стороны, Юрий заботится о Тоне, но его любовь к жене отсутствует в романе. Их брака недостаточно, чтобы решить, любит он её или нет. Роман не оправдывает причин их брака: может быть, в угоду старой Анне Громько или из-за его любви к Тоне. Поскольку он строит любовные отношения с Ларой, можно сказать, что он никогда не был влюблён в Тоню. Тоня – это больше его ответственность, чем любовь. С другой стороны, любовь Тони полностью духовна и метафизична. Расстояние между ними не может погасить её любовь к нему. Метафизическое тщеславие Джона Донна по поводу «образа компаса» вполне ей подходит. Тоня, как и Анна из «Прощания: запретить траур»⁷ Джона Донна, тверда в своей любви к Юрию, и её твёрдость по отношению к

⁵ Там же. – С. 88.

⁶ Там же.

⁷ «Прощание: запретить траур» – метафизическая поэма, написанная английским поэтом Джоном Донном (1572–1631) в 1611 или 1612 г., опубликованная в 1633 г.

нему делает путь Юрия как врача и патриота более совершенным, её совершенство заставляет Юрия пожалеть, что он влюбился в Лару. На самом деле, «дома в родном кругу он чувствовал себя неуличённым преступником... В разгаре общей беседы он вдруг вспоминал о своей вине, цепенел и переставал слышать что-либо кругом и понимать»¹. В результате он решает раскрыть ей свои отношения с Ларой. К сожалению, ему это не удалось, и когда Тоня наконец уезжает из России, он думает поселиться с Ларой, но преданность и твёрдость Тони останавливают его. На самом деле именно её любовь к нему мешает ему зарегистрировать брак с Мариной.

Марина – персонаж без какого-либо действия в этом романе. Но ей необходимо понять две революции, происходящие в мире Юрия, которые сам герой очень интеллектуально объясняет Ларе, используя «каждого» как символ самого себя: «Можно было бы сказать: с каждым случилось по две революции, одна своя, личная, а другая общая»². Мы чувствуем её сущность и отсутствие больше, чем её присутствие. Она мельком появляется в романе, но существует в мыслях Юрия. Потому что она – «вечный укор» Юрия и его «вина». Поскольку её сущность и отсутствие способствуют развитию повествования и характера героя, она является эссенциалисткой (под эссенциализмом автор понимает стремление к простоте – *Н. Дж.*) этого романа, которая особенно необходима для повествования [7, с. 181]. Эссенциалистский характер присущ тому, чья сущность предшествует существованию, чья природа является данностью, которая остаётся в значительной степени (по существу) неизменной благодаря опыту, через который она проходит [Там же, с. 182].

Её существование в мыслях Юрия обращает наше внимание на технику потока сознания, в которой внутренняя жизнь героев иллюстрируется писателем как совокупность их чувств, воспоминаний, мыслей и эмоциональных состояний [8]. Поток сознания – это современный метод повествования, что делает роман современным романом потока сознания, в котором акцентируется внимание на исследовании доречевых уровней сознания с целью раскрытия «психических существ персонажей»

¹ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. – М.: ФТМ, 2018. – 760 с. – С. 189.

² Там же. – С. 96.

[Там же]. Мелвин Фридман определяет его как внутренний монолог, внутренний анализ и чувственное впечатление [9]. Эта техника обеспечивает выход из тирании временного измерения точно так же, как Юрий выходит из временных рамок и того места, где он пленён и думает о Тоне: «Вскую отринул мя еси от лица Твоего, свете незаходимый? Отчего вас всю жизнь относит прочь, в сторону от меня? Отчего мы всегда врозь?»³ С помощью этого приёма внутреннего монолога Б. Пастернак устанавливает связь между реальностью и нереальностью, разными временами и местами, а также сознаниями Юрия и Тони. При этом он показывает, как связаны внешний и внутренний миры, и в то же время иллюстрирует сильную связь между двойственным существованием Юрия: духовной и физической реальностью. Именно из-за этого двойственного существования Юрий понимает своё истинное существование, которое его «всегда мучило и ранило, и Юрий Андреевич привык к нему, как можно привыкнуть к незажившей, часто вскрывающейся ране»⁴. Писатель создаёт это двойственное бытие Юрия, вдохновляясь «Гамлетом» Уильяма Шекспира, где Гамлет тоже разрывается между двойственным бытием.

Тоня – инструмент Б. Пастернака, который переносит нас во внутренний мир Юрия. Несмотря на то, что роль Тони как традиционной жены не претерпевает радикальных изменений, её характер необходим для понимания Юрия и Лары. Тоня похожа на тех плоских персонажей литературы, которые формируются и существуют в художественной литературе вокруг одного качества, остаются неизменными в силу обстоятельств и никогда не удивляют читателей [10, с. 67]. Вместе с тем она необходима для понимания других персонажей, читатель наблюдает, как Юрий ломается «под тяжестью нечистой совести»⁵. Большую часть времени мы находим её в мыслях Юрия, характер Тони создаётся через реалистическую композицию. Её роль дочери, жены, матери, страдания героини от войны и революции делают Тоню настоящим образом обыкновенной русской души. Этот образ даёт ей жизнеподобную сущность, что позволяет увидеть персонаж в миметической теории, в которой персонажи являются репродукциями, основанными на реальных человеческих

³ Там же. – С. 240.

⁴ Там же. – С. 249.

⁵ Там же. – С. 189.

существах в исторических реалиях [Там же, с. 71]. Такое понимание образа Тони внесло существенные характеристики в способ её изображения. Всякий раз её присутствие в романе оказывается присутствием общего плана. Как справедливо замечают Е. Ю. Сокрыта и В. И. Тюпа, «об индивидуальной внешности Тони мы не узнаём ничего. Она обладательница лица, как выясняется, не оригинального, прецедентного... Лишь в сопоставлении с Ларой мы приоткрываем для себя этот женский образ. Щедро одарённая оригинальностью, Лара высоко отзывается о красоте Тони (но тоже в связи с её беременностью), называет её ботичеллевской. Тоня, ни в чём не упрекая свою соперницу, отмечает: Лариса Фёдоровна – полная мне противоположность»¹.

Лара и Юрий. Лара воспринимается как героиня этого эпического произведения, несёт в себе все качества вечной женственности, хрупкая и уязвимая. Для Д. С. Лихачёва Лара – один из женских образов русской классической литературы, символизирующих Россию [11]. С. В. Морозов справедливо утверждает, что «образ Лары в “Докторе Живаго” складывался на протяжении большей части творческого пути Бориса Пастернака. Он вобрал в себя черты эпохи, эволюционировал из мифопоэтического образа Вечной Женственности в конкретно-телесный образ женщины с непростой судьбой, сохраняющей в своих поступках и манере действовать верность Жизни, пополнил ряд героинь русской литературы, в той или иной степени олицетворяющих женский идеал русских классиков и Россию» [12, с. 43]. На протяжении всего романа мы видим, как она проходит через процесс самотрансформации, как внутренней, так и внешней. Этот мотив самотрансформации представляет её как объёмный персонаж. Потому что объёмный, многогранный персонаж никогда не остаётся неизменным на протяжении всех событий: вместо того, чтобы нести одну и ту же черту, он трансформируется на протяжении всего повествования [10, с. 67].

Характер Лары точно определяется тем, что Тоня пишет о ней: «...полная мне противоположность. Я родилась на свет, чтобы упрощать жизнь и искать правильного выхода, а она – чтобы осложнять её и сби-

вать с дороги»². Суждения Тони в основном приемлемы, потому что Лара в отличие от Тони не конформистка. Лара нарушает традиционное представление о русской женщине. В противоположность Тоне и другим конформистским персонажам русской литературы героиня не ждёт возвращения мужа, не наблюдает за тем, что происходит в России, – Лара присоединяется к госпиталю на поле боя, чтобы найти своего мужа Пашу. Её попытка убить Комаровского создаёт новый образ русской женщины – той, что стоит с ружьём, чтобы застрелить эксплуататора своей жизни: «Так это она стреляла? В прокурора? Наверное, политическая. Бедная. Теперь ей не поздоровится. Как она горделиво хороша!»³ Б. Пастернак представляет её как символ свободы жизни и духа через образ, который рисует Юрий Живаго, увидев ее работы: «...воду она носит, точно читает, легко, без труда. Эта плавность у неё во всём. Точно общий разгон к жизни она взяла давно, в детстве, и теперь всё совершается у неё с разбегу, само собой, с лёгкостью вытекающего следствия»⁴.

Она, в отличие от Тони, не эссенциалист, а экзистенциалист. Для того чтобы узнать её, необходимо прочитать весь роман. Её присутствие читатель находит в мыслях Юрия, Лара очень заметна на протяжении большей части произведения. Дмитрий Быков называет Лару одним из «немногих живых персонажей» этого романа [13, с. 722]. Явственно оформлен параллелизм образов Тони и Лары с одной стороны и героинь романа Ф. М. Достоевского «Идиот» – с другой. Исследователи неоднократно отмечали сходство Настасьи Филипповны и Аглаи и Лары и Тони в «Идиоте» и «Докторе Живаго». Такое сходство не ограничивается исключительно феноменологией двух героинь, оно проникает в глубь развития сюжета романа Пастернака. Как считает исследователь А. А. Баранович-Поливанова, сюжет двух романов «строится вокруг персонажей, образующих как бы два подобных пятиугольника: Лара, её соблазнитель Комаровский, её муж Антипов – Стрельников, Живаго и Тоня; соответственно в «Идиоте» – Настасья Филипповна и её соблазнитель Тоцкий, добивающийся её руки Рогожин, князь

¹ Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении: монография / под ред. В. И. Тюпы. – М., 2014. – Гл. 1 – С. 61.

² Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. – М.: ФТМ, 2018. – 760 с. – С. 255.

³ Там же. – С. 62.

⁴ Там же. – С. 185.

Мышкин и Аглая»¹. К сказанному следует добавить, что «живость» Лары как героини, о которой написал Д. Быков, играет существенную роль в нарастающей динамике мотивов романа, в противоположность Тоне, чья роль в образовании сюжета оказывается в большей мере пассивной. Чтение романа даёт полную картину изменения и развития Лары, как внутреннего, так и внешнего, и представляет её как символ жизни для живых.

Хотя Юрий и Лара имеют схожие мысли и чувства о себе, ее характер в некоторых аспектах можно поставить прямо противоположным Юрию. Они представляют две разные сферы русской жизни: высший класс и рабочий. Юрий, родившийся и усыновленный в богатой семье, получает все удобства жизни, в то время как Лара, родившаяся в рабочей семье, борется за свою жизнь, любовь и образование и переживает сексуальное насилие со стороны Комаровского. В то время как Юрий ничего не сделал для счастливой супружеской жизни с Тоней, Лара начинает новую жизнь на новом месте, чтобы иметь нормальную супружескую жизнь с Пашей. Она так же умна, как и Юрий, но её интеллект ориентирован на реальность, что отличает Лару от Юрия. Она одухотворённый человек, который ищет что-то на протяжении всего романа, чтобы пережить жизнь: «Лара не была религиозна. В обряды она не верила. Но иногда для того, чтобы вынести жизнь, требовалось, чтобы она шла в сопровождении некоторой внутренней музыки»².

Каждое из её исканий символизирует желание героини изменить свою судьбу для нормальной человеческой жизни: «Как она мечтает, как всё время восстаёт и бунтует в стремлении переделать судьбу по-своему и начать существовать сызнова»³. Эти поиски меняют ее отношение и взгляд на жизнь. Она – символ каждого русского трудящегося и борющегося народа, который всю свою жизнь боролся за счастье, но потерпел неудачу. В более широком смысле она представляет саму Россию в период 1901–1943 гг., которая коренным образом изменилась благодаря тому опыту, с которым люди

¹ Баранович-Поливанова А. А. «Мирами правит жалость...»: к нескольким параллелям в романах «Доктор Живаго» и «Идиот» // Пастернаковский сборник / отв. ред. Е. Пастернак. – М.: РГГУ, 2011. – Вып. 1. – С. 246.

² Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. – М.: ФТМ, 2018. – 760 с. – С. 41.

³ Там же. – С. 65.

столкнулись в этот период. Трагедия её жизни – это трагедия поколения русского народа, сломленного революцией. Лара борется за счастье, но её надежды на лучшее будущее беспочвенны, как и у каждого русского, который борется за лучшую жизнь. Красота героини, борьба, реалистический взгляд на жизнь, чувство неопределённости, жажда жизни и уникальности наполняют большинство стихотворений Юрия, жизнь в России, полная неопределённости, тоже остаётся в большинстве его произведений. Юрий любит Лару, как любит Россию. И любовь к Ларе, и любовь к России – источники его страданий.

Читателю кажется, что чувства Лары к Юрию и Паше сложны, она разрывается между двумя мужчинами, но героиня уверена в том, чего хочет. Лара честна в своих чувствах к Юрию и Паше. На вопрос Юрия: «Ты любила, ты ещё до сих пор очень любишь его?»⁴ – она отвечает: «Но ведь я пошла за него замуж, он муж мой, Юрочка»⁵. Здесь возникает невольная перекличка с Татьяной Лариной в момент последнего объяснения с Онегиным, когда героиня проявляет лучшие, идеальные черты русской женщины, о чём в своё время писал Ф. М. Достоевский.

В романе мы находим Лару исключительно красивой, обладающей уникальными, экзотическими и необыкновенными качествами: «...как электричеством, до предела, всей мыслимою женственностью на свете. Если подойти к ней близко или дотронуться до неё пальцем, искра озарит комнату и либо убьёт на месте, либо на всю жизнь наэлектризует магнетически влекущейся, жалующейся тягой и печалью»⁶. Лара, как девиант, не вписывается в современный стандарт нормы и лежит вне этой нормы: «В ней всегда было что-то необыкновенное»⁷. В центрическом обществе она ломает традиционный образ русской женщины, созданный героями Тони и Марины. Лара – представитель жизни, которая выходит за рамки истории и традиций. Она попала в ловушку трагедии своего времени и судьбы. Её трагическая судьба резонирует на протяжении всего романа, вокруг которого вращается судьба Юрия, что является существенным мотивом для развития сюжета романа. Сюжет развивается вокруг исторических и лич-

⁴ Там же. – С. 244.

⁵ Там же.

⁶ Там же. – С. 261.

⁷ Там же. – С. 65.

ных моментов и событий, которые происходят в России, а также в жизни и судьбах Лары и Юрия.

Роль Лары более существенна для развития сюжета, чем любой другой женский персонаж, потому что её характер добавляет горечь к ощущению внутренней эпической бесконечности, а также к художественному миру романа и Юрия. Её присутствие чувствуется в художественном мире Юрия, когда он говорит: «Лара, мне страшно назвать тебя, чтобы вместе с именем не выдохнуть души из себя»¹. Б. Пастернак следует повествовательному стилю художников эпохи Возрождения, рисуя входы и выходы из собственной истории и личности Лары. В повествовательном стиле художников эпохи Возрождения «каждое лицо и костюм в толпе прописаны не менее подробно, чем передний план, и в каждом образе проглядывает его собственная история и индивидуальность. В соответствии с этой нарративной тактикой повествователь не обходится без описаний внешности третьестепенных лиц. Напротив, такие описания весьма подробны, точны и, что называется, бьют без промаха, улавливая за внешностью “внутреннее устройство” личности» [14, с. 51]. Лару можно назвать классическим литературным портретом Б. Пастернака по двум причинам: чувственности и духовности. Мы находим описание её чувственности глазами мужчин, которые её любят, а описание её духовности – только глазами Юрия, который, вернувшись из партизанского плена, более внимательно наблюдает за её внутренней духовностью. На самом деле физическую красоту Лары можно рассматривать как символ духовности героини: «Ей не хочется нравиться, – думал он, – быть красивой, пленяющей. Она презирает эту сторону женской сущности и как бы казнит себя за то, что так хороша»². Описание характера Лары завершает описание характера Юрия: «...редкость и немногочисленность портретных характеристик доктора восполняется богатством многочисленных описаний Лары, которые умножаются, просвечивают один сквозь другой, пока в конце концов, её облик не становится синонимом России, природы, жизни» [Там же, с. 58].

Характер Лары и её отношения с мужчинами, которые её любят, становятся бо-

¹ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. – М.: ФТМ, 2018. – 760 с. – С. 210.

² Там же. – С. 182–183.

лее значимыми с изучением трёх женских персонажей Уильяма Шекспира: королевы Гертруды и «Гамлета»³, леди Макбет из «Макбета»⁴ и Джульетты из «Ромео и Джульетты»⁵. Королева Гертруда и Лара могут быть сведены вместе из-за страданий, причинённых женщине недостойным, низким человеком. Лара похожа на леди Макбет, потому что обе они относятся к своим мужьям (Стрельникову и Макбету) как к детям, хотя их мужья считают себя взрослыми, сильными и независимыми [15]. Мы можем «поставить её образ на одну линию с образом Джульетты, потому что, согласно Живаго, он и Стрельников попадают в одну линию в книге рока» [Там же], точно так же, как в «Ромео и Джульетте» Ромео и Париж были на одной линии в книге катастроф⁶. Смерть Ромео показывает, как глубоко и искренне любит его Джульетта и как тесно связаны их судьбы. Именно смерть Юрия показывает, как искренне, свободно, в отличие от всего остального, любит его Лара. Из-за смерти Юрия Лара мучается в муках, и «однажды Лариса Фёдоровна ушла из дому и больше не возвращалась...»⁷. Это исчезновение Лары показывает, что такова их судьба, решившая, чтобы герои исчезли из романа, как и из жизни других персонажей, почти одновременно.

Марина и Юрий. В отличие от Тони и Лары, во многом сохраняющих черты жизненной реальности, образ Марины оказывается во многом символическим. Создаётся впечатление, что её сюжетная функция целиком поглощается назначением быть утешительницей и защитницей надломленного в последние годы главного героя романа. «Тебе тут Марина заступница, наша меньшая... Вот она, на конце стола, чёрненькая. Ишь, заалелась», – так отец Маркел знакомит её с Юрием⁸. Вместе с тем кажется, что Б. Пастернак сам вводит и символически описывает значение и роль Марины в романе, а также в жизни Юрия. Здесь её положе-

³ «Гамлет» – трагедия Уильяма Шекспира, написанная в 1600–1601 гг.

⁴ «Макбет» – трагедия Уильяма Шекспира на основе легенды о короле Макбете (1603–1606 гг., первая публикация – 1623 г.).

⁵ «Ромео и Джульетта» – трагедия Уильяма Шекспира, написанная между 1591 и 1596 гг.

⁶ Шекспир В. Полное собрание сочинений: в 14 т. Т. 8 / под общ. ред. С. С. Динамова, А. А. Смирнова. – М.: Академия; Л.: Гослитиздат, 1997.

⁷ Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. – М.: ФТМ, 2018. – 760 с. – С. 305.

⁸ Там же. – С. 291.

ние в конце стола можно охарактеризовать как символ роли героини в конце жизни Юрия, опускающегося на самое дно. Чёрный цвет лица Марины контрастирует с отсутствием чёрного цвета в большинстве частей романа, а её покраснение в результате встречи можно рассматривать как символ, который показывает, что цвет ее жизни, а также ее роль изменятся в этом романе, как и в жизни Юрия. «Отмеченность» любимой красным цветом характерна уже для раннего Б. Пастернака – вспомним, например, красный, огненный колорит стихотворения «Послесловье» из книги «Сестра моя – жизнь» [17]. Это описание Марины создаёт образ Елены Прокловны Микулицыной, а Марины – Елены Виноградовой, которой посвящено стихотворение «Послесловье»: «В «Докторе Живаго», напротив, «заалевшаяся» и «чёрненькая» Марина – «сурьма»-«киноварь» влюбляется в Юрия Живаго. Краснота становится признаком, позволяющим определить одного из прототипов и Елены Прокловны Микулицыной, и Марины — Елену Виноград, которой посвящено упомянутое стихотворение» [Там же].

Работа Марины телеграфисткой почему-то заставляет читателей вспомнить стихотворение «Провода», где Марина Цветаева пишет: «Телеграфное: лю – ю – блю... / Телеграфное: про – о – щай... / Гудят моей высокой тяги / Лирические провода»¹. И после этого ее отец говорит, что она пройдет через огонь ради него, потому что она так жалеет его, что метафорически указывает на то, что она будет сопровождать Юрия до конца его жизни. В отличие от Лары, к которой его влекли визуальные детали, он зациклен на Марине из-за невизуальной детализации – поразительного голоса героини. В случае с Ларой и Тоней судьба и события приводят их в жизнь Юрия, но в истории с Мариной мы видим другую картину. Она намеренно входит в его жизнь: «А если я к вам в гости напрашусь, неужто выгоните?»². Хотя их брак официально не зарегистрирован, Марина жертвует собой ради него. Она сопровождает Юрия в период депрессивного одиночества.

¹ Цветаева М. И. Провода, 17 марта 1923 г. См.: Наследие Марины Цветаевой. - URL: <https://ru.wikisource.org/wiki/> (дата обращения: 18.03.2021). – Текст: электронный.

² Пастернак Б. Л. Доктор Живаго. – М.: ФТМ, 2018. – 760 с. – С. 291.

Героиня, как и Тоня, – конформистка и с достоинством принимает Юрия со всеми его качествами и тяготами: ворчливостью, резкостью, раздражительностью. Марина, как традиционная русская женщина, становится покорной женой Юрия и не пытается принести ему никаких перемен, а вместо этого принимает созданную им самим бедность, оставляет свою работу, «...чтобы не оставлять его в эти промежутки одного...»³. Она второстепенный персонаж, который приближается к некоторым главным героям. Но тоска Марины по Юрию настолько детализирована, что героиня занимает центральное место в траурном событии. Марина – воплощение женского начала, особенно женской любви. Хотя героиня появляется в романе как дочь и мать, она больше рассматривается как любовница, делающая всё для человека, опускающегося на дно.

Поскольку Юрий не человек действия, он не делает ничего, чтобы его отношения с Мариной оказались значимыми. Он снова разрывается между двумя женщинами: Тоней и Мариной, как прежде между Тоней и Ларой. Когда его попросили уточнить его отношения с Тоней и Мариной, он не смог ответить вразумительно. Вместо того чтобы думать о Марине, он надеется на отношения с Тоней и на своё желание жить: «Мне невероятно, до страсти хочется жить, а жить ведь значит всегда порываться вперед, к высшему, к совершенству и достигать его»⁴. Его желание жить осмысленной совершенной жизнью напоминает нам знаменитую речь Улисса в английской поэме «Улисс», написанной Альфредом Теннисоном, где Улисс, уставший от своей оседлой жизни в качестве короля Итаки, выражает свое желание выпить жизнь до дна и вести осмысленную жизнь. Это сравнение даёт понять, что Юрия, скучающего и уставшего от жизни с Мариной, ждёт идеальная жизнь.

Мы меньше узнаём о том, что героиня чувствует к Юрию и что Юрий думает о ней. На самом деле образ «ведра», который Юрий Живаго использует для описания своих отношений с Мариной, можно рассматривать как иронический, потому что он использует его как шутку и позже в романе выражает свою страсть к достижению идеальной жизни. Образ ведра связан с образом воды, что означает воскресение земли и жизни. Юрий использует этот образ, видит в Мари-

³ Там же.

⁴ Там же. – С. 294.

не луч надежды на лучшее осмысленное будущее для него после революции. Несмотря на строящиеся планы, это отношение не вносит никаких изменений в жизнь и судьбу героя. Он остаётся всё тем же бездеятельным человеком, живущим с экзистенциальным кризисом реальности и нереальности и разрывающимся между Тоней, Ларой и Мариной. Таким образом, стремление Юрия к совершенной жизни может быть воспринято как намёк на то, что он всё ещё находится на пути к счастливой и мирной жизни, и этот путь заканчивается только с его смертью.

Таким образом, исследование отношений Тони, Лары и Марины с Юрием показывает, как судьба трёх женщин меняет жизнь Юрия, его судьба неразрывно связана с судьбами героинь – через образы этих трёх персонажей Б. Пастернак изображает всю жизнь и внутренний мир доктора Юрия Живаго, его надежды и стремления, любовь и утраты, разочарования и неудачи, его желание жить и совершенствоваться. Персонажи Тони, Лары, Марины и Юрия настолько отличаются друг от друга, что кажется, будто они – четыре полюса Земли. Вместе с тем они так сильно связаны друг с другом, что составляют целый мир. Отношения Юрия с этими тремя женщинами раскрывают разные стороны жизни и судьбы не только Юрия, но и всей России: Тоня олицетворяет доброту, гармонию и вечную вину Юрия и России в дореволюционный период, Лара отражает трагедию, вызванную революцией в судьбе Юрия и России, а Марина – символ надежды на лучшее будущее как для Юрия, так и для целого поколения русских людей. Приходим к выводу, что персонажи Тони, Лары и Марины символизируют земное путешествие русского народа наряду с духовным путешествием Юрия.

Заключение. Таким образом, Борис Пастернак использует различные приёмы построения сюжета в романе: технику потока сознания, стиль повествования художников эпохи Возрождения, физическое и духовное путешествие персонажей, психоанализ, символы, – что помогает охарактеризовать Тоню, Лару и Марину, представить их не только как отдельные образы, но и как художественный инструмент для реализации жизни и судьбы Юрия Живаго. Использование этих стратегий делает более актуальным рассмотрение Тони как идеального создания Б. Пастернаком русской женщи-

ны-конформиста, стремящейся придерживаться социальной роли дочери, жены и матери. Она эссенциалист романа, героиня существует в мыслях Юрия больше, чем в реальных событиях романа, на примере отношений с Тоней Б. Пастернак ведёт повествование о внутренней и внешней жизни Юрия.

Иначе показана Лара, которой присуща свобода духа и жажда жизни, что нарушает традиционное представление о русской женщине, Лара предстаёт неконформисткой. В отличие от Тони она живой персонаж, экзистенциалист в произведении, о героине часто ведётся повествование.

Таким образом, Б. Пастернак представляет Тоню как образ традиционной жены, запечатлевает образ Лары как «новой женщины», а Марины – как символ любви и надежды, как человека жертвующего и идущего на компромисс ради Юрия. Отношения с Тоней, Ларой и Мариной связаны как с внутренним, так и с внешним миром Юрия, символизируют три этапа его жизни, показывают Россию, в которой жил герой. Эти три женских персонажа вместе с Юрием попали в круговорот судьбы, любви. Б. Пастернак объясняет психологические перипетии отношений Юрия Живаго с этими женщинами и ставит его между ними. Автор связывает судьбу Юрия с этими тремя женщинами, представляя их как три корабля, на которых Юрий завершает своё земное и духовное путешествие, такая связь судеб становится для Б. Пастернака формой, превращающейся в способ характеристики. Статья намеренно не фокусируется на биографической связи Юрия Живаго с Борисом Пастернаком и на биографической связи трех женщин в жизни Юрия с женщинами в жизни писателя. Начиная с «Капитанской дочки» Пушкина, русская литература органично вплетает личные судьбы человека в переломные моменты истории. В этом плане женские судьбы оказываются важными и для зарубежного читателя, поскольку раскрывают особенности менталитета русской души в её связи с христианской традицией. В ходе дальнейших исследований нам предстоит выяснить, насколько факты биографии самого Б. Пастернака и его отношения с тремя женщинами – Евгенией Пастернак, Зинаидой Нейгауз и Ольгой Ивинской – повлияли на систему образов Тони, Лары и Марины в процессе многолетней работы над романом.

Список литературы

1. Пастернак Б. Л. Попутное к Фаусту и Шекспиру для возможного будущего предисловия, пояснений и прочего // Полное собрание сочинений с приложениями: в 11 т. Т. 5 / Б. Л. Пастернак. М.: Слово, 2004. С. 394.
2. Смирнов И. П. Роман тайн «Доктор Живаго». М.: Новое литературное обозрение, 1996. 208 с.
3. Rowland M. F., Rowland P. Pasternak's Doctor Zhivago. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1967.
4. Cialdini R. B., Goldstein N. J. SOCIAL INFLUENCE: Compliance and Conformity // Annual Review of Psychology. 2004. No. 55. Pp. 591–621.
5. Mackail J. W. Penelope in the Odyssey. Cambridge: University press, 1916.
6. Shipley J. T. Encyclopedia of Literature. New York: Philosophical Library, 1946. P. 833.
7. Pickrel P. Flat and Round Characters Reconsidered // The Journal of Narrative Technique. 1988. No. 18. Pp. 181–198.
8. Solmaz A. Relationship between Stream of Consciousness and Disintegration in 20th Century Literature. Tehran: Payame Noor University, 2018.
9. Friedman M. J. Stream of Consciousness: A Study in Literary Method. New Haven: Yale University Press, 1955.
10. Karakter F., Kurgusal M. V., İnsan A., Karakterler D., Murdoch'tan I., Franz M. M., & Samsa K. G. Forsterian Model of Characterization and Non-Human Characters in Narrative Fiction: Iris Murdoch's Mister Mars and Franz Kafka's Gregor Samsa // SEFAD. 2017. No. 37. Pp. 67–78.
11. Лихачёв Д. С. Размышления над романом Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Новый мир. 1988. № 1. С. 5–10.
12. Морозов С. В. Лара: источники, прообразы и прототипы главного женского образа романа «Доктор Живаго» // Litera. 2019. № 5. С. 35–44.
13. Быков Д. Борис Пастернак. М.: Молодая гвардия, 2016. 896 с.
14. Поэтика «Доктора Живаго» в нарратологическом прочтении: монография / под ред. В. И. Тюпы. М., 2014. 512 с.
15. Акимова А. С. «Мы в книге рока на одной строке»: шекспировский текст в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 1. С. 137–141.
16. Буров С. Г. Гофмановский след в романе «Доктор Живаго» // Вопросы литературы. 2015. № 1. С. 189–211.

Статья поступила в редакцию 25.04.2021; принята к публикации 30.05.2021

Сведения об авторе

Джаннат Нури, доцент кафедры английского языка, Ноахалийский научно-технический университет; 3814, Бангладеш, г. Ноахали; e-mail: nurejannat00@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1079-1948>.

Для цитирования:

Джаннат Н. Женские персонажи в «Докторе Живаго» и их роль в судьбе главного героя // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 46–57. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-46-57.

References

1. Pasternak, B. L. Passing to Faust and Shakespeare for a possible future preface, explanations, etc. Boris Pasternak. PSS: in 11 v. V.5. M: 2004: 394. (In Rus.)
2. Smirnov, I. P. The Roman mysteries Doctor Zhivago. M.: New literary review, 1996. (In Rus.)
3. Rowland, M. F., Rowland, P. Pasternak's Doctor Zhivago. Carbondale: Southern Illinois University Press, 1967. (In Engl.)
4. Cialdini, R. B., Goldstein N. J. SOCIAL INFLUENCE: Compliance and Conformity. Annual Review of Psychology, no. 55, pp. 591–621, 2004. (In Engl.)
5. Mackail J. W. Penelope In the Odyssey. Cambridge: University press, 1916. (In Engl.)
6. Shipley, J. T. Encyclopedia of Literature. New York: Philosophical Library, 1946. (In Engl.)
7. Pickrel, P. Flat and Round Characters Reconsidered. The Journal of Narrative Technique, no. 18, pp. 81–198, 1988. (In Engl.)
8. Solmaz, A. Relationship between Stream of Consciousness and Disintegration in 20th Century Literature. 2018. (In Engl.)
9. Friedman, M. J. Stream of Consciousness: A Study in Literary Method. New Haven: Yale University Press, 1955. (In Engl.)

10. Karakter, F., Kurgusal, M. V., İnsan, A., Karakterler, D., Murdoch'tan, I., Franz, M. M., & Samsa, K. G. Forsterian Model of Characterization and Non-Human Characters in Narrative Fiction: Iris Murdoch's *Mister Mars* and Franz Kafka's *Gregor Samsa*. SEFAD, no. 37, pp. 67–78, 2017. (In Engl.)

11. Likhachev, D. S. Reflections on the novel *Doctor Zhivago* by B. L. Pasternak. *New world*, no. 1, pp. 5–10, 1988. (In Rus.)

12. Morozov, S. V. *Lara: sources, prototypes and prototypes of the main female image of the novel Doctor Zhivago*. *Litera*, no. 5, pp. 35–44, 2019. (In Rus.)

13. Bykov, D. *Boris Pasternak*. Moscow: Young guard, 2016. (In Rus.)

14. *Poetics of Doctor Zhivago in a narratological reading. The collective monograph / under the editorship of V. I. Tupy*. Moscow: Intrada, 2014: 512. (In Rus.)

15. Akimova, A. S. "We are in the Book of Rock on one line": Shakespeare's text in the novel *Doctor Zhivago* by B. L. Pasternak. *Knowledge. Understanding. Skill*, no. 1, pp. 137–141, 2011. (In Rus.)

16. Burov, S. G. Hoffman's trail in the novel *Doctor Zhivago*. S. G. Burov. *Questions of Literature*, no. 1, pp. 189–211, 2015. (In Rus.)

Received: April 25, 2021; accepted for publication May 30, 2021

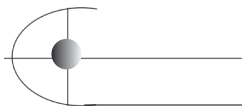
Information about author

Nure Jannat, Assistant Professor, Department of English, Noakhali Science and Technology University; Noakhali, 3814, Bangladesh; e-mail: nurejannat00@gmail.com; <https://orcid.org/0000-0002-1079-1948>.

For citation:

Jannat Nure. Female Characters in *Doctor Zhivago* and Their Role in the Fate of the Protagonist // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 46–57. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-46-57.

УДК 82.09

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-58-68

Чжао Сюе,*Сычуаньский университет**(г. Сычуань, Китай),**e-mail: zhaoxue2018@163.com**<https://orcid.org/0000-0001-6477-1072>***Юлия Анатольевна Говорухина,***Балтийский военно-морской институт**(г. Калининград, Россия),**e-mail: yuliya_govoruhina@list.ru**<https://orcid.org/0000-0002-2675-5909>*

Восприятие современной китайской литературы русским профессиональным читателем: особенности исследовательского ракурса

Современная китайская литература активно осваивается русскими литературоведами, чей взгляд на инокультурный текст неизбежно отличается от взгляда китайских коллег. В результате, с одной стороны, появляются новые оригинальные интерпретации, а с другой – очевидными становятся те или иные лакуны, «слепые зоны» (Поль де Ман) восприятия китайской литературы. Цель статьи – описание ракурса видения китайской литературы, проявившегося в исследованиях русских литературоведов. Для реализации данной цели используются методологические положения неклассической герменевтики и рецептивной эстетики. На материале исследований, посвящённых современной китайской литературе и опубликованных в России, выявляются схожие установки русских учёных: установка на определение в текстах проблемы человека и его места в бытии; понимание важности для китайского общества преемственности, диалога традиции и современности; установка на выявление многоязычия в художественном осмыслении современного мира, влияния западной культуры на китайскую; взгляд на женскую китайскую литературу как на свидетельство изменения социального статуса женщины. В то же время взгляд на новейшую китайскую литературу как на человекоориентированную не вполне соответствует реальной литературной ситуации, в которой продолжают действовать и конфуцианские, и марксистские идеи коллективизма. Исследователи новейшей китайской литературы не всегда рассматривают её в связке с периодом 1950–1970-х гг., в то время как для китайца 1950-е гг. – наше время – целостный этап культурного развития. Выявлению следов влияния западной теории литературы и эстетики не сопутствует осознание специфики их адаптации (китаизации).

Ключевые слова: герменевтика, интерпретация, современная китайская литература, русская синология, рецепция

Zhao Xue,*Sichuan University**(Sichuan, China),**e-mail: zhaoxue2018@163.com**<https://orcid.org/0000-0001-6477-1072>***Yuliya A. Govorukhina,***Baltic Naval Institute**(Kaliningrad, Russia),**e-mail: yuliya_govoruhina@list.ru**<https://orcid.org/0000-0002-2675-5909>*

The Modern Literary Process in China in the Works of Russian Literary Scholars-Sinologists: Features of the Research Perspective

Contemporary Chinese literature is actively studied by Russian literary critics, whose view of a foreign cultural text inevitably differs from that of their Chinese colleagues. As a result, on the one hand, new original interpretations appear, and on the other, certain gaps, "blind spots" (Paul de Man) of perception of Chinese literature become obvious. The purpose of the article is to describe the perspective of the vision of Chinese literature,

© Чжао Сюе, Говорухина Ю. А., 2021

which manifested itself in the studies of Russian literary scholars. To achieve this goal, the methodological theses of non-classical hermeneutics and receptive aesthetics are used. Based on the material of studies devoted to modern Chinese literature and published in Russia, similar attitudes of Russian scientists are revealed: the attitude towards defining the problem of a person and his place in life in texts; understanding the importance for Chinese society of continuity, dialogue between tradition and modernity; orientation to identify multilingualism in the artistic understanding of the modern world, the influence of Western culture on Chinese; the view of Chinese women's literature as evidence of a change in the social status of women. At the same time, the view of modern Chinese literature as human-centered does not fully correspond to the real literary situation in which both Confucian and Marxist ideas of collectivism continue to remain in force. Researchers of the latest Chinese literature do not always consider it in conjunction with the period of the 1950s–1970s, while for the Chinese, the 1950s – present time is a holistic stage of cultural development. The identification of traces of the influence of Western theory of literature and aesthetics is not accompanied by an awareness of the specifics of their adaptation (Sinification).

Keywords: hermeneutics, interpretation, modern Chinese literature, Russian sinology, reception

Введение. Первые произведения китайской литературы появились в России в XVIII в. Вначале это были переводы с английского или французского языка, спустя некоторое время – с китайского. В 1880 г. В. П. Васильев издал первую монографию «Очерки истории китайской литературы» [1]. В 1892 г. С. М. Георгиевский осуществил попытку изучить китайскую мифологию и опубликовал исследование «Мифические воззрения и мифы китайцев» [2]. Китаеведение как самостоятельная наука сформировалась в первой половине XIX в. благодаря научным разработкам отечественных синологов Н. Я. Бичурина, П. И. Кафарова и активно развивалась в первой половине XX в. (МГУ, СПбГУ, Московский институт востоковедения открывают центры Китаеведения). Объектом внимания учёных стала не только классическая китайская литература, но и модернистская, рождённая Движением 4 мая. В середине 60-х гг. XX в. советско-китайские отношения ухудшились. Как следствие, сократилось количество переводов и исследований. Однако уже в 1980-е гг. изучение китайской литературы возобновилось.

В настоящее время китайская литература, в том числе современная, не только качественно переводится на русский язык, но и продолжает исследоваться. Современная китайская литература (当代文学 – дандай вэньсюе), в понимании китайских литературоведов, – это произведения, которые были написаны после 1949. Чаще всего имеется в виду литература последней трети XX в. Хун Цзычэн в учебнике «История современной китайской литературы» под «дандай вэньсюе» подразумевает произведения, написанные после 1949 г. в материковом Китае¹.

¹ Цзычэн Х. История современной китайской литературы (中国当代文学史). – Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2007. – С. 3.

Чэнь Сыхэ в «Истории современной китайской литературы» называет 1942 г. началом этого периода². Русские исследователи по-разному хронологически представляют «дандай вэньсюе». К. Барабошкин в статье «Китайская литература»³ даёт краткий обзор китайской литературы разных периодов, однако игнорирует период 1950–1970-х гг., говоря о современности. Автор упоминает «литературу периода Лево́й лиги и борьбы против японской агрессии» (1931–1945), после этого сразу пишет о «возрождении китайской литературы» (с конца 1970-х гг.). В заглавиях ряда статей можно увидеть слово «современная», однако посвящены они литературе 1980-х гг. Материал учебного пособия Ю. Г. Лемешко, названный «Современная литература Китая», представляет китайскую литературу от начала XIX до середины XX в.⁴

Вопрос о внутренней периодизации современной литературы не имеет в Китае однозначного решения. Так, Хун Цзычэн, автор учебника «История современной китайской литературы», делит её на два этапа: 1950–1970-е и 1980–1990-е гг. Чэнь Сыхэ выделяет в современной литературе три этапа: 1949–1978, 1978–1989 и 1990-е гг. Дун Цзянь, Дин Фань и Ван Биньбинь, авторы учебника «Новый проект истории современной китайской литературы»⁵, осуществляют

² Сыхэ Ч. История современной китайской литературы (中国当代文学史教程). – Шанхай: Изд-во Фуданьского ун-та, 2008. – С. 5

³ Барабошкин К. Китайская литература. – URL: <http://kniga.seluk.ru/k-istoriya/1122779-1-kitayskaya-literatura-konstantin-baraboshkin-doliteraturnaya-slovesnost-drevnyaya-literatura-hronologicheskie-ramki.php> (дата обращения: 21.07.2021). – Текст: электронный.

⁴ Современная литература Китая / сост. Ю.Г. Лемешко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2012. – 324 с.

⁵ Дун Ц., Дин Ф., Ван Б. Новый проект истории современной китайской литературы: учебник (中国当代文学史新稿). – Пекин: Изд-во Пекин. пед. ун-та, 2011. – 460 с.

ещё более дробное деление: 1949–1962, 1962–1971, 1971–1978, 1978–1989, 1989–2000 гг.

В значительно большей степени русских учёных привлекает литературный период 1980–2000-х гг. В это время китайская литература (и шире – искусство), а также искусствоведение активно осваивают западную теорию литературы, западную эстетику. Это стало возможным в результате внедрения политики реформ и открытости. Как верно замечает О. Д. Цыренова, в 1990-е гг. в китайской литературе произошли такие существенные изменения, которые отделили этот период от предыдущего «как по количественным, так и по качественным характеристикам, причинами чего стали и успехи социально-экономических реформ, и возросшая свобода творчества» [3, с. 3].

Главные направления изучения китайской литературы в России в настоящее время – это классическая и модернистская китайская литература (现代文学 – сяньдай вэньсюе); 1917–1949 гг. (творчество Лао Шэ, Ли Бо, Лу Синя, Мао Дуня); современная китайская литература (произведения Ван Мэна, Ван Аньи, Те Нин, Фэн Циция, Цань Сюе, Цзя Пинвы, Чжан Сяньляна, Чжан Цзе, Юй Хуа и др.). Всплеск интереса обозначился в 2010-е гг., когда подписали «Меморандум о сотрудничестве по проекту взаимного перевода классических и современных литературных произведений» (2013)¹.

Характеризуя современную китайскую литературу, российские исследователи наиболее часто используют оценки «плюралистичная», «многоголосая», «разноформатная» (подразумевается сосуществование различных жанров, направлений, идеологий). А. Н. Желоховцев, Н. К. Хузиятова объясняют многоголосие одновременным развитием модернизма, реализма и постмодернизма в Китае². О. П. Родионова с соавторами выделяют массовую, сетевую экспериментальную литературу как самостоятельные форматы³. Отметим, что названные ха-

¹ Благодаря данному меморандуму переведены «Десятилетие бедствий» Фэн Циция, «Тайный план» Май Цзя, «Братья» Юй Хуа, издана книжная серия «Новый век китайской литературы», вышли исследования «Китайская драма XX–XXI вв.», «Китайская литературная сказка XX века».

² Желоховцев А. Н. Современная литература // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность. – М.: Рос. акад. наук, 2008. – С. 143.

³ Родионов А. А., Родионова О. П., Серебряков Е. А. Справочник по истории литературы Китая (XII в.

актеристики в интерпретации русских учёных исключительно положительные, доказывающие, что китайская литература входит в мировой литературный процесс, что она преодолела «единогласие»⁴.

Важным представляется не только определить то, как видят российские литературоведы современный литературный процесс в Китае, но и выявить рецептивные установки, которые определяют их ракурс. Последнее составляет цель данного исследования, актуальность которого объясняется необходимостью поддержания диалога культур, успешной межкультурной коммуникации.

Рецепция китайской литературы русским литературоведением уже не раз становилась объектом внимания исследователей. Так, И. А. Мощенко выявляет различия взглядов на литературный процесс в Китае 1940–1950-х гг. русских, китайских и западных учёных и объясняет их разностью традиций критического анализа в национальных литературоведческих школах [4]. К. И. Голыгина, В. Ф. Сорокин⁵ представляют обзоры исследований литературоведов-синологов, фиксируя изменение интереса учёных к той или иной тематике, проблематике, аспекту анализа китайских произведений [5].

Методология и методы исследования. Исследуя особенности понимания инокультурного текста, мы неизбежно входим в область герменевтики. Методологически важными для нас будут положения неклассической герменевтики, представленные в трудах Х.-Г. Гадамера, М. Хайдеггера. Кроме того, мы занимаем исследовательскую позицию, заданную рецептивной эстетикой и её положениями/допущениями, заявленными в трудах В. Изера, Р. Яусса. В нашей работе мы исходим из следующих установок:

– текст – это система потенциальных смыслов, которые рождаются в момент ре-

до н. э. – начало XXI в.): имена литераторов, названия произведений, литературоведческие и культурологические термины в иероглифическом написании, русской транскрипции и переводе. – М.: АСТ, 2005. – С. 242.

⁴ Желоховцев А. Н. Современная литература // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность. – М.: Рос. акад. наук, 2008. – С. 171.

⁵ Сорокин В. Ф. Изучение новой и современной китайской литературы в России // Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. Т. 3. Литература. Язык и письменность / ред. М. Л. Титаренко [и др.]. – М.: Вост. лит., 2008. – С. 193-202.

цепции, обусловленной социокультурным контекстом, горизонтом ожидания читателя;

– участки «коммуникативной неопределённости» заполняются читателем (конкретизируются), и это определяет успех или неуспех коммуникации (Р. Ингарден [6]);

– в процессе рецепции текста происходит его частичная трансформация, которая объясняется в том числе национальными культурными установками.

Кроме того, используются такие общенаучные методы, как сравнительный и сравнительно-типологический.

Согласно утверждению Х.-Г. Гадамера, объективное понимание требует признания или критического обсуждения разности установок реципиентов [7]. Одна из задач данной статьи – обнаружить несовпадение рецептивных установок отечественных и китайских литературоведов, изучающих современный литературный процесс в Китае.

Результаты исследования и их обсуждение. Осуществив сравнительно-типологический анализ исследований русских учёных (Н. К. Хузиятовой, Н. В. Турушевой, Н. А. Плясенко, Е. А. Завидовской, М. Б. Хайдаповой, О. Д. Цыреновой, А. А. Суховской и др.), посвящённых современной китайской литературе, мы выявили схожие гносеологические установки, которые определяют интерпретацию и оценку китайских текстов:

1. Такой ракурс видения текста, который вычленяет прежде всего проблему человека и его места в бытии. Этот человекоцентричный ракурс представляется нам вполне оправданным. В период 1950–1970-х гг. литература в Китае была политизированной, в создаваемых художественных мирах человек был отнюдь не в центре, он мыслился как часть государства/коллектива/народа. В современной литературе писатели приходят к концепции человека как самоценной личности. В этом направлении появляются новые художественные открытия, которые замечают русские профессиональные читатели. Интерес к данной проблематике в России связан, на наш взгляд, ещё и со сходством исторического пути Китая и России. И. Егоров приходит к выводу, что произведения конца 1980-х гг. отличаются «новизной мысли, отстранённостью от политики», в них ощущается влияние мировой литературы, которая в это время проникает в Китай [8, с. 8].

Отечественные учёные исследуют художественное воплощение выстраивания но-

вой идентичности китайского общества. Так, Н. К. Хузиятова в статье «Разработка категории субъективности в китайском литературоведении 1980-х годов» отмечает: «Для китайской литературы 1980-х годов формирование новой субъективности, способной утвердить индивида в статусе автономного субъекта, превратилось в один из главных вопросов её существования. В основе такого поиска нового субъекта и новой субъективности лежало глубокое ощущение кризиса идентичности, переживаемого нацией в целом и остро ощущаемого молодыми китайскими писателями в особенности» [9, с. 110].

О кризисе субъекта в произведениях китайской модернистской прозы 1980-х гг., кризисе «растерянной личности», феномене одинокого «Я» пишет Н. К. Хузиятова в своей диссертации «Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации» [10]. Проблема художественного осмысления национальной идентичности, зарождения новой концепции человека в меняющихся социокультурных обстоятельствах Китая становится объектом внимания Н. В. Турушевой в статье «Современная китайская литература как отражение социальных процессов в КНР» [11]. О «туманной поэзии» (朦胧诗) как воплощении новой субъективности, рождённой последствиями «культурной революции», пишет О. Д. Цыренова в диссертации «Современная китайская поэзия (1980-е гг. – начало XXI в.)» [3]. «Туманная поэзия» конца 1970-х гг. вернула в поэтический мир человека с его сложным комплексом чувств и мыслей, интерес к ней совпал с общим человекоцентричным взглядом русских исследователей. Отдельную главу диссертации «Постмодернизм в современной прозе Китая» [12] Е. А. Завидовская посвящает вопросу о субъективности и индивидуализме в литературе 1990-х гг.

Действительно, в 1980-е гг. идея коллективизма (в том числе в литературе) критически переосмыслилась в Китае. Дискуссия о ценности субъекта в это время была одной из самых обсуждаемых, а идея нового гуманизма определила развитие литературы. Однако китайская коллективистская литература не исчезла. В 1990-е гг. книги о борьбе с коррупцией как вид коллективистской литературы стали популярными в обществе,

экранизировалась («Выбор» Чжан Пина¹, «Китайская живопись» Ван Юевэня², «Воды реки Хань» Янь Чжэня³ и др.). Так, в романе «Выбор» Чжан Пин повествует об ожесточённой борьбе группы руководящих работников и широких масс с коррупцией. В 2008 г. этот роман получил литературную премию Мао Дуня. По мнению Чэн Юе, «Выбор» не только изображает коррупцию, но и демонстрирует решимость и мужество китайских коммунистов и широких масс людей в борьбе с ней [13, с. 119].

На наш взгляд, русское представление о новейшей китайской литературе с её ориентацией на человека вступает в конфликт с реальной литературной ситуацией, в которой продолжают действовать конфуцианские и марксистские идеи коллективизма.

2. Следующая установка отечественных литературоведов-китаистов – понимание важности для китайского общества преемственности, традиции, осмысление мифологических и литературных истоков тех или иных литературных явлений.

Китай драматично переживает глобализационные процессы, осознавая их перспективность и опасность одновременно. В России сложилось представление о том, что ориентация на традицию наиболее явно отражается в литературе «поиска корней» (寻根文学), возникшей в середине 1980-х гг. и представленной такими авторами, как Хань Шаогун, Цзя Пинва, А Чэн. Действительно, в их произведениях представлено художественное осмысление культурных основ общества. Так, Н. В. Турушева считает, что использование легенд, преданий в этой литературе – это способ демонстрации непреходящей ценности традиционных представлений китайцев о добре, красоте [11, с. 127].

Однако отечественные исследователи не только видят преемственность в прозе «поиска корней», но и обращают внимание на эксперименты в этих текстах. Так, по мнению Н. К. Хузиятовой, китайские писатели обращаются к традиционной китайской эстетике, чтобы противопоставить ее тоталитарному партийному диктату, найти пространство свободы от идеологического давления [14, с. 146]. Китайцам важно осозна-

вать, что традиционные эстетические структуры живы, не погибли под влиянием официоза. В своих диссертациях А. А. Саховская [15], Д. В. Львов [16], М. Б. Хайдапова [17] изучают творчество китайских писателей не изолированно, а как явления, возникшие на стыке традиции и эстетического новаторства. А. А. Никитина в диссертации «Эволюция персониферы китайской прозы второй половины XX века» [18] изучает персониферу каждого десятилетия в рамках современной литературы в тесной связи с предшествующим периодом.

В то же время учёт преемственности не всегда работает в осмыслении произведений, написанных в последние два десятилетия XX века. Период 1950–1970-х гг., когда преобладало политизированное искусство, не представляет большого интереса для современных синологов. Например, А. А. Родионов считает, что проблемы социалистического общества стали совсем непривлекательными для отечественного читателя после краха социализма в СССР [19, с. 138].

Однако китайцами этот период оценивается как важный, представленный множеством ценных произведений. Китайские литературоведы, переоценивающие бывшие авторитеты и переписывающие историю китайской литературы, сходятся во мнении, что игнорировать его нельзя. Он иллюстрирует механизмы взаимодействия партии и литературы. У Сюймин в статье «Размышление об общей оценке литературы первых 17 лет⁴» называет литературу этого периода с одной стороны интегрированным продуктом политики, экономики и культуры, с другой – воплощением ценности социалистических идеалов, благородства и веры, которыми жило общество [20, с. 102]. Диалектическую оценку 1950–1970-х гг. мы видим и в статье Сун Цзяньхуа «О творческих поисках, опыте и уроках литературы первых 17 лет»: «Мы должны признать объективный исторический факт: с точки зрения теории классовой борьбы, литература первых 17 лет чрезмерно подчёркивает идеальную политическую концепцию человека, игнорируя его природное начало <...> Однако литература первых 17 лет унаследовала и продолжала славную традицию “литературы освобожденного района” (解放区文学), создала новый образ современных китайских крестьян, выразила их желание встать на путь

⁴ Имеются в виду первые 17 лет существования КНР.

¹ Чжан П. Выбор (抉择 Цзюе Цзэ). – Пекин: Народ. лит. изд-во, 1997. – 547 с.

² Ван Ю. Китайская живопись (国画 Гохуа). – Чанша: Хунаньское лит. изд-во, 2012. – 493 с.

³ Янь Ч. Воды реки Хань (沧浪之水 Цанлан Чжышуй). – Пекин: Народ. лит. изд-во, 2003. – 523 с.

сотрудничества и художественно воплотила быстрое развитие сельского социалистического движения в Китае» [21, с. 133–135].

Игнорируя принцип преемственности в осмыслении новейшей китайской литературы (ее тесную связь с периодом 1950–1970-х гг., часто имеющую вид оппозиции), невозможно понять причины появления и специфику новых сюжетов, концепций характеров героев, языка.

3. Многообразие эстетических направлений в русской литературе на рубеже XX–XXI вв. формирует своего рода исследовательский горизонт ожидания у российских литературоведов. Ракурс на выявление «многоязычия» в художественном осмыслении современного мира позволяет китайцам увидеть постмодернистские, модернистские, авангардистские явления в китайской литературе.

Вполне естественно предположить, что отечественные учёные накладывают опыт изучения подобных русских явлений на китайские произведения. Отметим, что этот опыт не всегда оказывается продуктивным. В этом признаётся Е. А. Завидовская, которая столкнулась с трудностями чёткого разграничения реалистической, модернистской и постмодернистской литературы в Китае [12, с. 15].

В попытке прояснить специфику китайского варианта модернизма и постмодернизма учёные изучают влияние западной литературы и теории литературы на современную китайскую литературу. Н. А. Плясенко отмечает заметное влияние английской эссеистики на китайскую эссеистику (散文 – саньвэнь) начала XX в. и на творчество современных писателей (например, на Юй Цююя). По мнению исследователя, благодаря этому влиянию жанр саньвэнь приобрел свободу и открытость, а также проникся духом рациональности [22, с. 178]. Н. К. Хузиятова видит следы влияния абсурдистской прозы Франца Кафки в произведениях Цань Сюэ, современной китайской писательницы [23]. Факт заимствования, художественного осмысления и переосмысления тем, образов, эстетических ориентиров западной литературы оценивается русскими китайцами положительно. Для них важно, что китайские авторы не идут по пути копирования, они выражают индивидуальный взгляд на мир и человека.

Российские исследователи чаще всего обнаруживают следы влияния западной те-

ории литературы и эстетики, однако не всегда видят особенности их экстраполяции в Китае. Начиная с 1978 г., китайское литературоведение открывается мировому опыту осмысления литературы и искусства, знакомится с западными академическими школами, перестраивает свои эпистемологические установки, однако не отказывается от тех, которые были порождены марксистской позитивистской эстетикой. Период экстраполяции западных концепций сменился их адаптацией, китаизацией. Китайские литературоведы боролись с явлением «афазии»: такой диагноз китайской теории литературы поставил Сао Шуньчин, который писал об отсутствии своего метода, китайской специфики, о неспособности мыслить без оглядки на западную теорию, о потере традиции и своего национального лица [24, с. 121].

Не были заимствованы китайским литературоведением идеи новой критики, которая методологически слишком отличается от традиционной марксистской китайской концепции «уметь разбираться в людях и судить о делах», в соответствии с которой необходимо исследовать жизнь писателя, изучить историко-культурный контекст произведения.

Дискуссионными оказались и идеи нарратологии, которая, по мнению Хань Ижюя [25], игнорирует чувственное прочтение текста как духовный обмен между читателем и автором, заменяя его голым сциентизмом. В поисках золотой середины китайские учёные соединяют положения нарратологии с идеями других методов, например, нарратологический анализ текста и более понятный и привычный культурологический (см., например, монографию Гэн Чжаньчуня «Нарративная эстетика» [26]). Можно говорить о специфической китаизации западной нарратологии. Её китайскую версию представил Чэнь Пинюань в монографии «Изменение повествовательной модели в китайской прозе» [27]. Учёный объединил принципы нарратологии Ц. Тодорова, Ж. Женетта и русского формализма.

Внимание к русской теории литературы, по мнению Ма Сяохуая, стало для Китая способом ослабить западное влияние. Автор считает, что российская историческая поэтика «имеет большое значение для торможения “европоцентризма”» [28]. Концепция М. Бахтина стала наиболее понятной и близкой китайским ученым, позволила ис-

следовать классические и современные произведения в новом ракурсе. Она оказалась той самой «золотой серединой», позволившей соединить формальный и идейно-содержательный анализ в рамках единой методологии. По мнению Чжан Цзе, это «оптимальный путь соединения марксистского метода с изучением художественной формы» [29, с. 171]. Однако и она была китаизирована, адаптирована под значимые марксистские установки.

Идеи западной феминистской критики также были адаптированы к китайским реалиям. Можно сказать, что китайский вариант менее категоричен, не столь агрессивен, нейтрализует момент долженствования в осмыслении гендерных ролей и стереотипов.

Рецептивную эстетику с её принципом историчности в Китае восприняли с интересом. Чэнь Цзунцзюнь отметил, что «теория Яусса с точки зрения трёхмерной структуры (автор, текст и читатель) способствует созданию истории литературы, которая совмещает эстетику и историю» [30]. Однако традиционность китайской культуры обусловила коррекцию некоторых категоричных суждений Х. Р. Яусса, касающихся непонимания удалённых во времени произведений, столкновения нового текста и «старого» горизонта ожидания. Эти суждения противоречат преемственности – значимому для китайца рецептивному механизму.

4. Взгляд на женскую китайскую литературу как на свидетельство изменения социального статуса, самосознания женщины в Китае – ещё одна рецептивная установка русских литературоведов-китаистов.

Расцвет женской литературы в Китае пришёлся на 1990-е гг. (творчество Ван Аньи, Чжан Цзе, Цань Сюэ, Шу Тин и др.). Причины этого лежат прежде всего в социально-политической плоскости, в проникновении в Китай западной культуры, в ослаблении конфуцианских представлений о статусе женщины в социуме и семье. В. И. Молодых и Т. И. Леонтьева видят обновление статуса в растущей маскулинности женщины и, что не случайно, постепенной потере таковой у мужчин, в унификации маскулинных и фемининных черт, размывании гендерных стереотипов [31, с. 213–214].

Сравнительный анализ отечественных исследований женской китайской литературы позволяет сделать вывод о том, что доминирующим методом в работах оказывает-

ся биографический (диссертации «Жизнь и творчество современной китайской писательницы Ван Аньи» Д. В. Львова [16], «Творчество Чжан Цзе в контексте китайской литературы» А. А. Саховской [15], «Поэтическое творчество Шу Тин в контексте развития китайской “туманной поэзии”: вторая половина 70-х – середина 80-х гг. XX века» М. Б. Хайдаповой [32] и др.). При этом в каждом исследовании акцентируется внимание на мировоззренческой эволюции авторов, переживших «культурную революцию».

Феминизм в Китае – это «мягкая» версия мирового движения, предполагающая дистанцирование от радикальных идей, «мягкую» оценку мужчины. Существует понятие «отцовский» феминизм, призванное показать мужчину союзником и опорой женщины [33, с. 185]. Хуан Цзянь в диссертации «От феминизма к вуманизму: преобразование западной феминистской теории в Китае» пишет о продуктивном сотрудничестве полов, о мужчинах-жертвах феодального общества [34, с. 17].

Взгляд на женскую литературу в Китае как на воплощение «мягкого» феминизма позволяет увидеть не только новый тип героини, осознающей свою ценность, но и идею надгендерной гармонии. Те Нин в книге «Дверь прозы» пишет: «Я стараюсь уйти от женского ракурса. Мне хочется пользоваться точкой видения “третьего пола”, чтобы более всесторонне и глубоко понять настоящую жизненную ситуацию женщины» [35, с. 1–2]. В 1994 г. в книге «Сверхполовое сознание и моё творчество» Чэнь Жань предложила идею сверхполового сознания, согласно которой, «только соединив женскую и мужскую ментальность, писатель может выразить целостность эмоции и мысли» [36].

Наиболее объективным, на наш взгляд, является такой ракурс исследования женской китайской литературы, который бы учитывал её ориентированность на разрешение конфликта «мужское – женское» и надгендерную позицию, которую занимают современные писательницы.

Заключение. В настоящее время в Китае существует около двух десятков учебников о современной русской литературе. Учебников и пособий по истории современной китайской литературы в России намного меньше. В России пока не издана книга, которая бы знакомила русского читателя с совре-

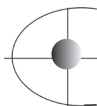
менной китайской литературой. Её создание потребует выбора такого ракурса, который бы позволил увидеть китайскую литературу, исходя из важных внутренних закономерностей литературного процесса в Китае, ценностных установок китайских писателей.

Исследование русского опыта изучения современной китайской литературы позволяет прийти к заключению о том, что литературоведы демонстрируют общность гносеологических установок в осмыслении инокультурных текстов: человекоцентричная установка на осмысление проблемы человека и его места в бытии в произведениях китайских авторов; понимание важности преемственности, диалога традиции и современности для китайского общества; установка на выявление «многоязычия» в

изображении современного мира, влияния западной культуры на китайскую; взгляд на женскую китайскую литературу как на свидетельство изменения социального статуса женщины. В то же время отмечено, на наш взгляд, некоторое несоответствие существующего ракурса реальной литературной ситуации, вполне естественное в ситуации межкультурной опосредованной коммуникации. Представление о современной китайской литературе в России в некотором смысле «русское», поскольку учёные экстраполируют русскую социальную и литературную действительность на китайскую. Осознание этого, на наш взгляд, позволит увидеть неочевидные, обусловленные национальной культурной традицией особенности современной китайской литературы.

Список литературы

1. Васильев В. П. Очерки истории китайской литературы: монография. СПб.: Институт Конфуция в СПбГУ, 2013. 334 с.
2. Георгиевский С. Мифические воззрения и мифы китайцев. СПб.: Тип. И. Н. Скороходова, 1892. 117 с.
3. Цыренова О. Д. Современная китайская поэзия (1980-е гг. – начало XXI в.): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Улан-Удэ, 2006. 179 с.
4. Мощенко И. А. Отражение литературного процесса в Китае 40–50-х годов XX века в работах отечественных, китайских и западных исследователей. Текст: электронный // Вестник Костромского государственного университета. 2019. № 2. С. 165–170. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-literaturnogo-protsessa-v-kitae-40-50-h-godov-hh-veka-v-rabotah-otechestvennyh-kitayskih-i-zapadnyh-issledovateley> (дата обращения: 17.06.2021).
5. Голыгина К. И., Сорокин В. Ф. Изучение китайской литературы в России. М.: Вост. лит., 2004. 55 с.
6. Ингарден Р. Исследование по эстетике. М.: Ин. лит., 1962. 569 с.
7. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: основы философской герменевтики. М.: Прогресс, 1988. 704 с.
8. Егоров И. Лауреат Нобелевской премии писатель Мо Янь и современная китайская литература. СПб.: Изд-во С.-Петербур. гум. ун-та профсоюзов, 2014. 28 с.
9. Хузиятова Н. К. Разработка категории субъектности в китайском литературоведении 1980-х годов // Сибирский филологический журнал. 2009. № 2. С. 109–113.
10. Хузиятова Н. К. Модернистские тенденции в творчестве китайских писателей 1980-х годов как поиск идентичности в контексте глобализации: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. СПб., 2008. 226 с.
11. Турушева Н. В. Современная китайская литература как отражение социальных процессов в КНР // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 383. С. 126–132.
12. Завидовская Е. А. Постмодернизм в современной прозе Китая: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2005. 200 с.
13. Юе Ч. Оживлённый и взволнованный антикоррупционный гимн – оценка романа «Выбор» (《昂扬激越的反腐败颂歌——评长篇小说《抉择》》) // Теория: академический журнал. 1998. № 6. С. 119–123.
14. Хузиятова Н. К. Становление и развитие модернизма в современной китайской литературе // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 36. С. 143–147.
15. Саховская А. А. Творчество Чжан Цзе в контексте китайской литературы: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. М., 2008. 180 с.
16. Львов Д. В. Жизнь и творчество современной китайской писательницы Ван Аньи: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. СПб., 2007. 287 с.
17. Хайдапова М. Б. Поэтическое творчество Шу Тин в контексте развития китайской «туманной поэзии»: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Улан-Удэ, 2011. 193 с.
18. Никитина А. А. Эволюция персониферы китайской прозы второй половины XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. СПб., 2017. 404 с.
19. Родионов А. А. О переводах новейшей китайской прозы на русский язык после распада СССР // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Востоковедение и африканистика. 2010. № 2. С. 137–149.

20. Сюймин У. Размышление об общей оценке литературы первых 17 лет (价值重构与“十七年文学”的整体评价) // Научный ежемесячный журнал. 2007. № 6. С. 101–103.
21. Цзяньхуа С. О творческих поисках, опыте и уроках литературы первых 17 лет (论新中国十七年文学的艺术追求与经验教训) // Общественные науки. 2004. № 1. С. 133–139.
22. Плясенко Н. А. Влияние западной литературы на современную китайскую эссеистику // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2015. № 3. С. 173–181.
23. Хузиятова Н. К. О влиянии абсурдистской прозы Франца Кафки на творчество современной китайской писательницы Цань Сюэ // Филология и человек. 2008. № 4. С. 27–37.
24. Шуньчин С. Эффективный способ воссоздания китайской теории литературы: китаизация западных теорий литературы (重建中国文论的又一有效途径：西方文论的中国化) // Зарубежная литература. 2004. № 5. С. 120–127.
25. Хань И. Распространение и эволюция западной нарратологии (西方叙事学在中国的传播与演变). Ланьчжоу, 2006. 58 с.
26. Чжаньчунь Г. Нарративная эстетика (叙事美学). Чжэнчжоу: Изд-во Чжэнчжоуского ун-та, 2002. 228 с.
27. Пиньюань Ч. Изменение повествовательной модели в китайской прозе (中国小说叙事模式的转变). Пекин: Изд-во Пекин. ун-та, 2003. 369 с.
28. Сяохуай М. Историческая поэтика А. Н. Веселовского в Китае (维谢洛夫斯基的历史诗学研究): дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.03. Пекин, 2008. 161 с.
29. Цзе Ч. Бахтиноведение в Китае // Диалог. Карнавал. Хронотоп. 1996. № 3. С. 167–176.
30. Цзюцзюнь Ч. Яусс и переписывание истории китайской литературы XX века (重温姚斯与 20 世纪中国文学史的重写) // Теория. 2009. № 10. С. 77–79.
31. Молодых В. И., Леонтьева Т. И. Трансформация женского образа в современной китайской художественной литературе // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2019. № 3. С. 207–219.
32. Хайдапова М. Б. Поэтическое творчество Шу Тин в контексте развития китайской «туманной поэзии»: вторая половина 70-х – середина 80-х гг. XX века: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.03. Улан-Удэ, 2011. 193 с.
33. Чэн М. Китайский феминизм: национальные революционные традиции и «мужские» черты (中国女权主义的国家革命责任及男性特色) // Гуансиские общественные науки. 2015. № 3. С. 183–187.
34. Хуан Ц. От феминизма к вуманизму: преобразование западной феминистской теории в Китае (从女权到女性—西方女权主义理论在中国的传与变). Сучжоу, 2004. 42 с.
35. Те Н. Дверь прозы (玫瑰门). Шэнь Ян: Чуньфэн, 2003. 543 с.
36. Чэнь Ж. Сверхполовое сознание и моё творчество (超性别意识与我的创作) // Чжуншань. 1994. № 6. С. 105–107.

Статья поступила в редакцию 04.08.2021; принята к публикации 10.09.2021

Сведения об авторах

Чжао Сюе, кандидат филологических наук, Сычуаньский университет; 610065, Китай, г. Чэнду, ул. Ихуаньлу нань и дуань, 24; e-mail: zhaohue2018@163.com; <https://orcid.org/0000-0001-6477-1072>.

Говорухина Юлия Анатольевна, доктор филологических наук, доцент, Балтийский военно-морской институт; 236036, Россия, г. Калининград, пр-т Советский, 82; e-mail: yuliya_govoruhina@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2675-5909>.

Вклад авторов:

Чжао Сюе – основной автор, разработала концепцию исследования, работала с иностранными источниками.

Ю. А. Говорухина систематизировала материал, формулировала выводы исследования.

Для цитирования:

Чжао Сюе, Говорухина Ю. А. Восприятие современной китайской литературы русским профессиональным читателем: особенности исследовательского ракурса // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 58–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-58-68.

References

1. Vasil'ev, V. P. Essays on the History of Chinese Literature. SPb: Institut Konfutsiya v SPbGU, 2013. (In Rus.)
2. Georgievskiy, S. Mythical views and myths of the Chinese. SPb: Tip. I. N. Skorokhodova, 1892. (In Rus.)
3. Zyrenova, O. D. Contemporary Chinese poetry (the 1980s – early 21st century): Cand. philol. sci. Ulan-Ude, 2006. (In Rus.)
4. Moshchenko, I. A. Reflection of the literary process in China in the 1940s-50s in the works of domestic, Chinese and Western researchers. Bulletin of Kostroma State University, no. 2, 2019. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otrazhenie-literaturnogo-protssesa-v-kitae-40-50-h-godov-hh-veka-v-rabotah-otechestvennyh-ki-tayskih-i-zapadnyh-issledovateley>. (In Rus.)
5. Galygina, K. I., Sorokin, V. F. Study of Chinese Literature in Russia. M: Oriental literature, 2004. (In Rus.)
6. Ingarden, R. Research on aesthetics. M: Inostrannaya literatura, 1962. (In Rus.)
7. Gadamer, Kh.-G. Truth and Method: Foundations of Philosophical Hermeneutics. M: Progress, 1988. (In Rus.)
8. Egorov, I. Nobel laureate writer Mo Yan and contemporary Chinese literature. SPb: Izd-vo SPbGUP, 2014. (In Rus.)
9. Huziyatova, N. K. Development of the category of subjectivity in Chinese literary criticism of the 1980s. Siberian Journal of Philology, no. 2, pp. 109–113, 2009. (In Rus.)
10. Huziyatova, N. K. Modernist tendencies in the work of Chinese writers in the 1980s as a search for identity in the context of globalization: Cand. philol. sci. SPb., 2008. (In Rus.)
11. Turusheva, N. V. Contemporary Chinese literature as a reflection of social processes in the PRC. Tomsk State University Bulletin, no. 383, pp. 126–132, 2014. (In Rus.)
12. Zavidovskaya, E. A. Postmodernism in contemporary Chinese prose. Cand. philol. sci. M., 2005. (In Rus.)
13. Jue, Ch. A lively and agitated anti-corruption anthem – an assessment of the novel “Choice”. Academic journal “Theory”, no. 6, pp. 119–1123. 1998. (In Chin.)
14. Huziyatova, N. K. Formation and development of modernism in modern Chinese literature. Bulletin of the Chelyabinsk State University, no. 36, pp. 143–147, 2008. (In Rus.)
15. Sakhovskaya, A. A. Zhang Jie's work in the context of Chinese literature. Cand. philol. sci. M., 2008. (In Rus.)
16. L'vov, D. V. Life and work of the modern Chinese writer Wang Anyi. Cand. philol. sci. SPb, 2007. (In Rus.)
17. Haidapova, M. B. Poetic creativity of Shu Ting in the context of the development of Chinese “foggy poetry”. Cand. philol. sci. Ulan-Ude, 2011. (In Rus.)
18. Nikitina, A. A. Evolution of the person sphere of Chinese prose in the second half of the twentieth century. Cand. philol. sci. SPb., 2017. (In Rus.)
19. Rodionov, A. A. On the translations of the latest Chinese prose into Russian after the collapse of the USSR. Bulletin of St. Petersburg State University. Oriental studies and African studies, no. 2, pp. 137–149, 2010. (In Rus.)
20. Suimin, U. Reflection on the general assessment of the literature of the first 17 years. Scientific monthly journal, no. 6, pp. 101–103, 2007. (In Rus.)
21. Tszyanhua, S. About creative searches, experience and lessons of literature of the first 17 years. Social sciences, no. 1, pp. 133–139, 2004. (In Chin.)
22. Plyasenko, N. A. The influence of Western literature on modern Chinese essay. Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanitarian sciences, no. 3, pp. 173–181, 2015. (In Rus.)
23. Huziyatova, N. K. On the influence of the absurdist prose of Franz Kafka on the work of the modern Chinese writer Tsan Xue. Philology and man, no. 4, pp. 27–37, 2008. (In Rus.)
24. Shun'chin, S. An effective way to recreate the Chinese theory of literature: Sinification of Western theories of literature. Foreign Literature, no. 5, pp. 120–127, 2004 (In Chin.)
25. Khan', I The spread and evolution of Western narratology. Master's diss. Lan'chzhou, 2006. (In Chin.)
26. Chzhan'chun', G. Narrative aesthetics. Chzhenchzhou: Izd-vo Chzhenchzhouskogo universiteta, 2002. (In Chin.)
27. Pinyuan', Ch. Changing the narrative model in Chinese prose. Pekin: Izd-vo Pekinskogo universiteta, 2003. (In Chin.)
28. Syaohuai, M. Historical poetics of A. N. Veselovsky in China. Dr. philol. sci. Pekin, 2008. (In Chin.)
29. Tsze, Ch. Bakhtin studies in China. Dialogue. Carnival. Chronotope, no. 3, pp. 167–176, 1996. (In Rus.)
30. Tszutszyun', Ch. Yauss and the rewriting of the history of Chinese literature of the 20th century. Theory, no. 10, pp. 77–79, 2009. (In Chin.)
31. Molodykh, V. I., Leont'eva, T. I. Transformation of the female image in modern Chinese fiction. Territory of new opportunities. Bulletin of the Vladivostok State University of Economics and Service, no. 3, pp. 207–219, 2019. (In Rus.)

32. Khaidapova, M. B. Shu Ting's poetry in the context of the development of Chinese "foggy poetry": the second half of the 1970s – mid 80s. Cand. philol. sci. Ulan-Ude, 2011. (In Rus.)
33. Chen, M. Chinese Feminism: National Revolutionary Traditions and "Male" Traits. Guangxi Social Sciences, no. 3, pp. 183–187, 2015. (In Chin.)
34. Khuan, Ts. From Feminism to Wumanism: Transforming Western Feminist Theory in China: master's diss. Suchzhou, 2004. (In Chin.)
35. Te, N. Prose door. Shen' Yan: Chunfeng Literary Publishing House, 2003. (In Chin.)
36. Chen', Zh. Supra-sexual consciousness and my creativity. Zhongshan, no. 6, pp. 105–107, 1994. (In Chin.)

Received: August 4, 2021; accepted for publication September 10, 2021

Information about authors

Zhao Xue, Candidate of Philology, Sichuan University; 610065, China, city Chengdu, No. 24, Yihuan Road; e-mail: zhaoxue2018@163.com; <https://orcid.org/0000-0001-6477-1072>.

Govorukhina Yuliia A., Doctor of Philology, Associate Professor, Baltic Naval Institute; 236036, Russia, Kaliningrad, Soviet av., 82; e-mail: yuliya_govoruhina@list.ru; <https://orcid.org/0000-0002-2675-5909>.

Contribution of authors:

Zhao Xue – the main author, development of the research concept, work with foreign sources.
Yu. A. Govorukhina – presentation of results and conclusions of the study.

For citation:

Zhao Xue, Govorukhina Yu. A. The Modern Literary Process in China in the Works of Russian Literary Scholars-Sinologists: Features of the Research Perspective // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 58–68. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-58-68.

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ КАРТИНА МИРА

CONCEPTUAL WORLDVIEW

УДК 801.73

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-69-77

Аннель Тлеумагамбетовна Бактыбаева,
 Казахский национальный медицинский университет
 им. С. Асфендиярова
 (г. Алматы, Казахстан),
 e-mail: smile_1713@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>

Авторская повествовательная стратегия с элементами комизма в структуре концептуальной картины мира прозы Б. Канапьянова

Цель статьи состоит в выявлении своеобразия авторской стратегии русскоязычного казахстанского поэта Б. Канапьянова как неотъемлемого элемента концептуальной картины мира. Научная новизна работы определяется системным подходом к изучаемому материалу, а также тем, что впервые автор статьи рассматривает повести прозаика в заявленном ракурсе. «Байки старого комбайнёра» написаны в комическом ключе, причём жанровое определение задано уже самим заглавием. Сюжеты небольших глав демонстрируют этическую «разность» идеологических лозунгов и будничной реальности, в которую погружены сельские труженики. Фигура нарратора здесь весьма примечательна: это молодой человек, с одной стороны, являющийся порождением советской эпохи, а с другой – только что окончивший сельскохозяйственный техникум в городе и приехавший в совхоз, не имеющий большого жизненного опыта, чьё сознание ещё не замутнено идеологией, а потому он взирает на мир иронически-объективно. Казахский автор посредством использования речевых клише советской эпохи стремится передать особенности смехового мироощущения 70–80-х гг. XX в. Он наглядно демонстрирует советские идеологемы, граничащие по смыслу с «карнавальным мезальянсом». Результаты исследования показали, что элементами авторской стратегии Б. Канапьянова становятся авторское предисловие, своеобразная коммуникация автора с читателем посредством авторской маски и сказового повествования, которые помещены в комический повествовательный дискурс. Последний разворачивается в описании иронических впечатлений главного героя, его снах, описании уборки хлеба, поступков трудового наставника. Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с выявлением особенностей авторской стратегии Б. Канапьянова в повести «Брызги шампанского», осмыслением функциональной роли комических элементов в её конструировании.

Ключевые слова: Б. Канапьянов, концептуальная картина мира, авторская маска, авторская стратегия, комическое, повесть

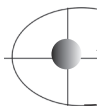
Annel T. Baktybaeva,
 Kazakh National Medical University
 them. S. Asfendiyarova
 (Almaty, Kazakhstan),
 e-mail: smile_1713@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>

Author's Narrative Strategy with Comic Elements as a Component of the Conceptual Picture of the Prose World of B. Kanapyanov

The purpose of the article is to identify the originality of the author's strategy of the Russian-speaking Kazakh poet B. Kanapyanov as an integral element of the conceptual picture of the world. The scientific novelty of the work is determined by a systematic approach to the studied material, as well as by the fact that for the first

© Бактыбаева А. Т., 2021

time the author of the article considers the novels of a prose writer in the stated perspective. "Tales of the Old Cominer" are written in a comic vein, and the genre definition is already given by the title itself. The plots of small chapters demonstrate the ethical "difference" between ideological slogans and everyday reality in which rural workers are immersed. The figure of the narrator here is quite remarkable: this is a young man, on the one hand, who is a product of the Soviet era, and on the other, who has just graduated from an agricultural technical school in the city and has arrived at a state farm, who does not have much life experience, whose consciousness is not yet clouded by ideology, and therefore looking at the world ironically and objectively. The Kazakh author seeks to convey the peculiarities of the laughter outlook of the 70–80s. twentieth century through the use of speech clichés of the Soviet era. He clearly demonstrates Soviet ideologemes, bordering in meaning, with "carnival misalliance". The results of the study showed that the author's preface, a kind of communication between the author and the reader through the author's mask and fairy tale narration, etc., become elements of the author's strategy of B. Kanapyanov, placed in a comic narrative discourse. The latter unfolds in the description of the ironic impressions of the protagonist, his dreams, the description of the harvesting of bread, the actions of the labor mentor. Prospects for further research can be associated with identifying the features of the author's strategy of B. Kanapyanov in the story "Spray of Champagne", understanding the functional role of comic elements in its construction.

Keywords: B. Kanapyanov, conceptual picture of the world, author's mask, author's strategy, comic, story

Введение. Специфика художественного текста писателя или поэта отражает фрагменты его концептуальной картины мира. Одним из ключевых моментов в её понимании является авторская стратегия, запечатлённая в художественном тексте. Именно она становится для читателя одной из опорных смысловых категорий в его познавательной деятельности [1]. Внимание к отдельным сторонам авторской стратегии, особенно в комическом контексте, а также выявление способов ее ассоциативно-смыслового взаимодействия в повести, рассказе, стихотворении позволяют реконструировать картину мира не только одного автора, но и всего народа.

В нашей статье под концептуальной картиной мира мы подразумеваем те знания и представления об окружающей действительности, которые получил человек в процессе своего взаимодействия с окружающим его миром. Внимание к изменениям в устройстве жизни, социальные перемены, включая преобразования в структуре самих знаний, находят своё воплощение в индивидуально-авторской стратегии, выраженной в прозаическом тексте.

Под термином «авторская стратегия» видится средство передачи отношения автора к герою и читателю в ходе художественной коммуникации¹. Мы солидарны с мнением О. Ю. Осьмухиной и С. А. Байковой и считаем вполне справедливым отождествление авторской стратегии со стратегией нарративной [2, с.16]. Нарративная стратегия – это намеренно избранная писателем

повествовательная форма со своеобразным индивидуально-авторским перечнем способов, тем, сюжетов, образов и мотивов в повествовательной парадигме: «автор – текст – читатель» [3, с. 12]. При этом «автор – читатель» находит свое выражение в тексте художественного произведения в виде различных приёмов: акцентирование вымысленности или достоверности рассказываемой истории, авторские маски, повествовательная стратегия «текст в тексте» и др.

Игровое, комическое начало и их выражение посредством авторских стратегий в русскоязычной литературе Казахстана конца XX – начала XXI в. фактически не становилось предметом филологического анализа, и дело не столько в отсутствии интереса к проблемам комического, смехового – напротив, эта проблематика актуализирована в литературоведческих работах на протяжении последних десятилетий [4–7] – сколько в недостаточно широкой доступности российским литературоведам текстов казахстанских писателей после известных исторических событий, в связи с чем многие исследования казахских учёных обретают характер локальный и замыкаются достаточно ограниченным научным пространством. Русскоязычная литература Казахстана активно развивается, как продолжая собственные традиции (фольклорные, в том числе), так и воспринимая опыт литературы российской, в тесном взаимодействии с которой вплоть до середины 1990-х гг. она развивалась. Это и определяет актуальность нашей статьи.

Подчеркнём, что весь корпус русскоязычной литературы Казахстана, условно говоря, репрезентующей комический дискурс,

¹ Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – С. 24.

обладает следующими общими свойствами: во-первых, авторская стратегия того или иного писателя включает признаки комического; во-вторых, при всей «разности» эстетических или идеологических установок каждый из русскоязычных казахстанских прозаиков обращается к схожим сюжетам. Наиболее примечательным в данном контексте является творчество Б. Канапьянова, прежде всего его повести.

Материалом статьи, таким образом, послужила повесть Б. Канапьянова «Байки старого комбайнёра». В ходе исследования ставились следующие задачи: во-первых, определить жанровую специфику повести Б. Канапьянова; во-вторых, выявить ключевые элементы, составляющие авторскую повествовательную стратегию «Баек старого комбайнёра».

Методы и методология исследования. В решении поставленных задач использовался комплекс методов: историко-типологический, сравнительно-сопоставительный и метод целостного анализа художественного произведения – что позволило выявить и проанализировать авторскую стратегию прозаика в контексте устойчивой традиции «баек» в литературе.

Теоретической основой статьи стали работы, в которых представлен вопрос об авторской стратегии в теоретическом и практическом аспектах: Т. И. Акимовой [8], С. А. Байковой [3], О. А. Гримовой [9], М. Д. Андриановой [10], Т. В. Мальцевой [11], В. Г. Кукуевой [12], О. Ю. Осьмухиной [13], Т. Р. Пчелкиной [14], Е. М. Ротай [15], Д. Л. Шукурова [16], Н. С. Чуевой [17], М. С. Янкелевич [18], С. И. Тиминой¹. В исследованиях Ю. Н. Караулова [19], Ю. Д. Апресян [20], З. Д. Поповой и И. А. Стернина [21], Д. С. Лихачёва [22], Ю. С. Степанова [23], В. В. Колесова и М. В. Пименовой², В. В. Красных [24] описаны различные фрагменты концептуальной картины мира, которые позволяют чётко представить современные эмоциональные ориентиры.

Практическая значимость исследования определяется тем, что его результаты, отдельные наблюдения и общие выводы мо-

¹ Современная русская литература конца XX – начала XXI века: учебное пособие для студентов учреждений высшего профессионального образования / С. И. Тимина, Т. Н. Маркова, Н. Н. Кякшто [и др.]; под ред. С. И. Тиминой. – М.: Академия, 2011. – 384 с.

² Колесов В. В., Пименова М. В. Концептология: учебное пособие. – Кемерово: Кемеровский государственный университет, 2012. – 248 с.

гут быть использованы на вузовских курсах, посвящённых русскоязычной литературе ближнего зарубежья, а также на спецкурсах и спецсеминарах по современной прозе Казахстана, курсе теории литературы, прежде всего в разделе, касающемся жанровой специфики эпических произведений.

Жанровая специфика повести Б. Канапьянова «Байки старого комбайнёра». Разножанровые стихи, поэмы, повести, рассказы, художественные переводы, поэтические переложения, притчи, эссе, диалоги Б. Канапьянова – органичная часть современной русскоязычной литературы Казахстана. Оставаясь по своему духу и мироощущению глубоко национальным писателем, он на протяжении более чем сорокалетнего творческого пути активно менял свои авторские стратегии, выстраивал их в непосредственной взаимосвязи с жанровой принадлежностью того или иного текста и литературно-художественным контекстом.

Общеизвестно, что жанровая система современного комического дискурса представлена шуткой, анекдотом, байкой, пародией, частушками и т. п. Вторичными жанрами данного дискурса являются юмористический или сатирический рассказ, монолог, роман. В творчестве Б. Канапьянова комический дискурс наиболее отчётливо проявляется в повести «Байки старого комбайнёра».

Под термином «байка» традиционно понимается юмористический рассказ о каком-либо происшествии, которое происходило в реальности. В отличие от анекдота байки с одной стороны отличаются развернутым сюжетом и более соотносимы с «историями из жизни», с другой – описание произошедшего события в них конкретно и реально или же призвано создать иллюзию достоверности происходящего³. Традиция баек оказалась удивительно живучей не только в фольклоре, но и в художественной литературе – достаточно вспомнить «Байки Деда Антропа из Лисьих Гор» М. Волкова, повествующие о становлении советской власти в Лисьих Горах, или же «Байки деда Игната о том, как жили люди когда-то» В. Радченко, являющиеся фактически семейными преданиями «казака-конвойца» об истории рода, его переселении на Кубань и событиях Гражданской войны.

³ Байка // Словарь литературоведческих терминов / ред.-сост. Л. И. Тимофеев, С. В. Тураев. – М.: Просвещение, 1974. – С. 24.

Заглавие повести Б. Канапьянова заведомо ориентирует читателя на вполне устоявшийся канон (его «байки» являются «историями» из жизни совхоза советских лет), причём сам текст строится как цикл небольших эпизодов-воспоминаний с элементами анекдота в автобиографии героя-нарратора, иронически описывающего издержки советской идеологии в отношении поэтизации «коллективного труда»: здесь и «прославление» знаменитых хлеборобов в районном масштабе, и подробности хлебоуборки в 1970–1980-х гг. Заглавие повести ориентировано на её восприятие на фоне социалистических лозунгов «Догоним и перегоним Запад», что порождает антитезу, которая спрятана под маской авторской иронии.

Подчеркнём, что именно байка позволила Б. Канапьянову не просто описать «случаи» из колхозной жизни, но сознательно пародировать устоявшиеся концепты соцреализма, посредством которых и в советской литературе, и в литературе Союзных Республик в XX в. поэтизировался труд. Это касается, во-первых, социалистического соревнования, которое не всегда было оправдано («соревнование ради соревнования»): «Я – комбайнёр совхоза “Заря Востока” тов. Белимбуганов, обязуюсь скосить 500 га, намолотить 5500 центнеров зерна. Вызываю на соц. соревнование комбайнёра тов. Айналаенова»¹. Во-вторых, награждения одних и тех же людей, несмотря на возраст и количество одних и тех же наград: «Ближе к обеду из района подъехал “газик” с открытым верхом, в котором сидел фотокорреспондент... Затем моего наставника решили повезти на полевой стан, где должны были собраться все знатные механизаторы района, для общей беседы и интервью... После встречи с газетчиком у него вид почётного человека совхоза»².

Жанр байки позволил прозаику расширить нарративное поле, в котором происходит столкновение «высокого» и «низкого», реальность нередко абсурдизируется: «К нам едет на велосипеде девочка-пионерка. У неё в руках была баночка с белой краской и кисточка. Она подъехала к нашему комбайну, отдала салют, на что я её приветствовал своим сомбреро. Затем поднялась к нам на мостик и рядом с соцобязательствами моего наставника быстро и аккуратно нарисовала

¹ Канапьянов Б. Байки старого комбайнера // Нива. – № 7. – 2010. – С. 107–121.

² Там же – С. 116.

три звёздочки. Мой наставник-комбайнёр сердечно улыбается, глядя на звёзды своего труда. Но не тут-то было. Я молча взял у девочки-пионерки баночку с белой краской и сам подрисовал тоже три звёздочки, но под своими соцобязательствами и размером, конечно, поменьше, чем звёзды моего учителя, который с недоумением уставился на меня:

– Почему?

Я стал пальцем показывать на него, а затем на три его больших звезды. А потом на себя и на три моих маленьких, ну прямо очень маленьких звёздочек. Опять немой вопрос в глазах моего наставника. Я провёл кисточкой вдоль бункера, показывая, что половина бункера с зерном – его, а другая половина – моя. А мой наставник, мой учитель-механизатор, мой благодетель-хлебороб с негодованием показывает на ряд соломенных копен и указывает на меня, мол, это твоё, а затем дотрагивается до бункера и с гордым видом утверждает, что это – его»³.

Байка, сочетающая реальность происходящего с разговорной интонацией, сказовой повествовательной манерой, избыточной разговорной лексикой, шутками, нередко «снижающими» предмет описания, у Б. Канапьянова тоже знаменует несоответствие между средствами речи и предметом: «А мы, разделённые белой полосой, так называемой демаркационной линией, сидим, каждый сам по себе»⁴; «Уныло взирали на нас наши соцобязательства»⁵; «Вдруг гениальная мысль сверкнула у меня в глазах. Дёрнул за ручку, и я сразу же наклонился с сигаретой вовнутрь мотора, выискивая искру, чтобы прикурить сигарету»⁶.

Для передачи смехового мироощущения автор использует штампы советской речи, наглядно демонстрируя советские идеологемы, граничащие по смыслу, говоря словами М. М. Бахтина, с «карнавальным мезальянсом»: «Хмурый мой наставник ведёт наш степной корабль на третьей скорости»⁷; «И тут булькающий, кипящий радиатор достиг апогея. Трах!!! Струя кипятка, описав дугу, вонзилась в спину моего наставника. Он разинул от боли рот, и тут круглая крышка от радиатора падает с неба и затыкает этот самый рот наставника-ком-

³ Там же. – С. 107–121.

⁴ Там же – С. 117.

⁵ Там же – С. 118.

⁶ Там же – С. 114.

⁷ Там же – С. 110.

байнёра. Вытаращенные глаза. Мои и моего наставника. Крышка, как кляп, торчит у него во рту»¹. Очевидно, что в процитированном фрагменте тройной восклицательный знак, обилие вопросов, многоточие подчёркивают нарочитость интонации повествования, её наигранность.

Элементы авторской стратегии Б. Канапьянова в повести «Байки старого комбайнёра». Принципиальную роль в формировании авторской стратегии повести играет авторское предисловие: «Сейчас совсем другие комбайны, не то что пятьдесят лет тому назад. И кабина комбайнёра уютная, и даже кондиционер в ней есть, одним словом, всё для комфорта сельского труженика, чтобы он полностью отдавал себя горячим, но коротким дням жатвы, и не думал ни о чём другом... Вот так год за годом... Так и не заметил, как время пролетело. И страна уже другая – суверенный Казахстан. А земля как была пятьдесят-сто лет тому назад, так и остаётся – кормилицей; и по пастбищам, и по посевам. А люди рождаются, растут, стареют, и их хоронят в нашу же землю-матушку. Одно поколение сменяется другим, а память остаётся на года и столетия. Вот и я, проработавший всю жизнь на этой земле, состарился. Мне почти семьдесят лет...»².

Авторское предисловие как важнейший элемент авторской нарративной стратегии не только обрамляет текст, создавая иллюзию достоверности описываемых далее событий. Оно мистифицирует и читателей, и персонажей повести, вводя фиктивного автора-нарратора, который, однако, повествует не сам, «голос» его подан в ретроспекции: «Внук всё это старательно записывает, а я лукаво улыбаюсь и, надев очки, перечитываю его записи моих вольных слов. И сокрушённо удивляюсь:

– Не может быть. Это ты меня не так понял или сочинил от себя!

– Как не может?! – обиженно восклицает внук.

– Ты же сам только что говорил об этом.

– Я? Об этом?! Чтобы человек, попав через жатку в копнитель, остался живым?!

– Да! И что он вышел из выгруженной тобой копны. Правда, без одежды, в одних только трусах, – процитировал по памяти свою запись моих шальных слов внук и гневно засопел носом. – Давай я порву, что-

¹ Канапьянов Б. Байки старого комбайнёра // Нива. – № 7. – 2010. – С. 111.

² Там же. – С. 107.

бы люди не подумали, что ты, дед, немного того, – и внук потянулся к тетради, в которую я, улыбаясь, вчитывался.

– Ну, зачем же так, – испугался я и, свернув в трубочку, спрятал тетрадку во внутренний карман просторной куртки.

– Всё правда, всё было, как я сказал и как ты написал, – погладил по голове я своего внука.

– Может, и было всё это в твоей далёкой жизни, а в нашей жизни – этого быть не может, – уверенно ответил внук, – всё это сказки из «Тысячи и одной ночи». Только нет в твоих сказках Аладдина и его волшебной лампы.

– А ты взгляни на меня внимательно. Может, я и есть Аладдин, а ты моя волшебная лампа»³.

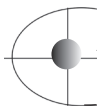
Очевидно, что повествование «первичного» рассказчика, переданного через «записи» его внука как «вторичной нарративной инстанции», представителя иной исторической эпохи, рисует предполагаемым читателям образ советской реальности, но не мифологизированной, известный из соц-арта, а достаточно цельный, увиденный глазами её непосредственного очевидца и «участника».

Более того, непосредственно в сюжетном нарративе повести образ автора и героя раздваивается: «И они все внимательно меня слушали, иногда посмеивались моим вариациям на тему “Уборка урожая пятьдесят лет тому назад”. Великодушно прощали, если я чересчур заливал, или, наверное, им было просто приятно слушать меня в час короткого привала перед ночной сменой жатвы»⁴. При этом за каждым сохраняется и авторская, и персонажная функции. С одной стороны, «я» – это сам рассказчик, комбайнёр. С другой, «я» – авторская маска автора-повествователя. Подобный приём чередования ролей «повествователя» и «героя» позволяет, во-первых, акцентировать внимание на игровой основе образа автора; во-вторых, подчёркивает условность происходящего, создаёт иллюзию «правдивости» сюжетных коллизий. Всё это в конечном итоге маркирует авторскую нарративную стратегию Б. Канапьянова.

Кроме того, прозаик неотъемлемой частью собственной авторской стратегии делает сказовую повествовательную форму, что также отсылает к предшествующей традиции (от Н. В. Гоголя, А. М. Ремизова и

³ Там же. – С. 107–108.

⁴ Там же – С. 120.

Е. И. Замятина до В. М. Шукшина, Е. А. Попова и др.). Подобная коммуникация с читателем также порождает игровую атмосферу, в которой фигуры рассказчика байки как автора «фиктивного» и автора «реального» вполне отождествимы.

При этом фиктивный автор-нарратор, помимо рассказа о том или ином происшествии из совхозной жизни, вкрапляет в ткань художественного текста и биографический компонент. Комбайнёрская биография, представленная в профессионально-бытовом плане, чаще всего подаётся в комическом ключе. Показательно иллюстрацией в этом отношении являются воспоминания фиктивного автора-нарратора о первых днях работы на комбайне: «Подъехала машина, и шофёр, выйдя из кабины, протянул путёвку моему наставнику, но я, благо сидел ближе к шофёру, перехватил бумагу и подписал.

– Твоя подпись недействительна, – буркнул наставник, отбирая у меня путёвку. И поверх моей подписи поставил свою. Шофёр подмигнул мне и спросил:

– Учишься?

– Гм.

– Ну как, получается?

– Тм.

– А учитель хороший?

– Дм.

Шофёр отъехал»¹.

Иронией пронизана и саморепрезентация героя – молодого комбайнёра: «Наставник-комбайнёр сидит за штурвалом, сосредоточенно глядя, как стебли пшеницы ложатся под крутящееся мотовило. Он в комбинезоне и в защитных очках. На его голове кожаный картуз. Я же в ковбойке и в спортивных штанах. А на голове у меня сомбреро, купленное в день отъезда в городе... От полноты чувств пою какую-то песню из какого-то кинофильма. Точнее, не пою, а ору во всё горло, но меня не слышно, песню мою заглушает рёв мотора»².

Комическая стихия воплощена и в описаниях снов молодого комбайнёра, которые, по сути, являются «продолжением» его трудовой биографии: «Я, укрепив свои руки по-удобному на поворотной оси, засыпаю и снится мне вот что: Часы на волосатой руке моего наставника... Ожесточённая жестикуляция. По этой самой жестикуляции можно догадаться, что мой наставник пробивает

¹ Канапьянов Б. Байки старого комбайнера // Нива. – № 7. – 2010. – С. 112.

² Там же. – С. 110.

себе на РТС новую коробку передач... И здесь появляется множество рук, словно бы какой-то клубок змей. Видны среди них и белоснежные манжеты мужских рубашек. А в центре выделяется рука моего наставника. Грязная, замасленная, волосатая рука... Мне сквозь сон или во сне видно, что эта самая рука наконец-то получает новую коробку передач и взваливает её на левое плечо моего наставника. А дальше что было, я уже не помню. Помню, что и я что-то делал со своими руками, когда невзначай проснулся, а затем опять уснул»³.

Иронией пронизан и эпизод уборки хлеба, где образ наставника героя, который в произведениях соцреализма традиционно выступает не просто учителем для молодого подопечного, но сам является положительным примером безупречного отношения к делу, людям, очевидно снижается: «Подшёл мой наставник, когда я с горделивым видом сел за штурвал нашего комбайна, и жестом указал на мой щит:

– Что это?

Я указал на его обязательства, затем на него самого.

Мой наставник, горячо жестикулируя, стал объяснять мне, что соревноваться на одном комбайне нельзя. Показывает на комбайн и поднимает один палец. Показывает на себя и на меня и – показывает два пальца. А затем пальцами опять показывает на меня – мол, сопляк ещё, чтобы со мной соревноваться! Я сажу молча, не внимаю его жестикуляции. А мой наставник, который не сопляк, лезет на бункер, собираясь сорвать мои сокобязательства, да не тут-то было! Я грудью встал, чтобы защитить свои планы и обязательства от таких посягательств, пусть даже он мой наставник вот уже вторую неделю. Мой наставник, сплунув, садится за штурвал.

Я же, ехидно улыбаясь, держу свою вахту, стоя на мостике нашего степного корабля»⁴.

Прошрое и настоящее комбайнёра в структуре повествования переплетаются: перед читателем с одной стороны текст – воспоминание человека советской эпохи, её летописца и хроникёра; с другой – полушутливая-полусерьёзная биография юного героя, записанная таким же юным внуком фиктивного автора-нарратора с его слов. Подобное «удвоение» фигуры рассказчи-

³ Там же – С. 115.

⁴ Там же. – С. 116.

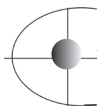
ка приводит к смещению авторской и персонажной ролей и способствует созданию игровой повествовательной стратегии.

Заключение. В результате исследования мы пришли к следующим выводам: в повести «Байки старого комбайнёра» Б. Канапьянова концептуальная картина мира передаётся посредством своеобразной авторской нарративной стратегии. Её ключевыми компонентами становятся авторское предисловие, мистифицирующее читателя и способствующее «удвоению» фигур автора и героя, а также авторская маска, функционально организующая повествование (повесть выдержана в сказовой манере), вы-

страивающаяся посредством обыгрывания биографических деталей автора «реального». Жанровая составляющая также немаловажна: она, с одной стороны, отсылает к хорошо известной в фольклоре и литературе традиции, с другой – позволяет отнюдь не шаблонно изобразить соцреалистический миф, иронически и пародийно высветив ряд его концептов, связанных с поэтизацией труда. Перспективы дальнейшего исследования могут быть связаны с выявлением особенностей авторской стратегии Б. Канапьянова в повести «Брызги шампанского», осмыслением функциональной роли комических элементов в её конструировании.

Список литературы

1. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2001. Ч. 1. 127 с.
2. Осьмухина О. Ю., Байкова С. А. «Вторичный сюжет человеческой трагикомедии»: авторская стратегия прозы Евг. Попова. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. 232 с.
3. Байкова С. А. Авторская стратегия прозы Евг. Попова 1970–1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Н. Новгород, 2013. 22 с.
4. Дмитренко В. А. Формульный характер текста анекдота // Вестник международного славянского университета. 2000. Т. 3, № 4. С. 63–65.
5. Карасик В. И. Анекдот как предмет лингвистического изучения // Жанры речи. 1997. Вып. 1. С. 144–153.
6. Кулинич М. А. Семантика, структура и прагматика англоязычного юмора: автореф. дис. ... д-ра культурологии: 24.00.04. М., 2000. 35 с.
7. Морозова А. М. Жанровая специфика юмористического дискурса // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Сер. «Филологические науки». 2013. Т. 1, № 1. С. 216–222.
8. Акимова Т. И. Авторская стратегия как литературоведческая категория: методологический аспект // Филологические науки. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Ч. 1. 2015. № 2. С. 13–16.
9. Гримова О. А. Нарративная интрига в романе Ю. Буйды «Синяя кровь». Текст: электронный // Narratorium. 2013. № 1. URL: <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631078> (дата обращения: 13.05.2021).
10. Андрианова М. Д. Авторские стратегии в романной прозе А. Битова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. СПб., 2011. 20 с.
11. Мальцева Т. В. Авторская стратегия самоидентификации героя в романе И. А. Гончарова «Обломов» // Пушкинские чтения – 2011: материалы XVI Междунар. конф. «Пушкинские чтения» / под общ. ред. В. Н. Скворцова; отв. ред. Т. В. Мальцева. СПб., 2011. С. 287–294.
12. Кукуева В. Г. Авторская стратегия как одно из оснований типологического описания рассказов В. М. Шукшина // Сибирский филологический журнал. 2006. № 1–2. С. 23–38.
13. Осьмухина О. Ю. Специфика авторской репрезентации в «Сентиментальных повестях» М. Зощенко (на материале повести «Аполлон и Тамара») // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. Сер. «Филологические науки». 2009. № 3. С. 33–43.
14. Пчелкина Т. Р. Проблема авторского самовыражения в литературоведении: история и перспективы изучения // Современная высшая школа: инновационный аспект. 2012. № 1. С. 23–26.
15. Ротай Е. М. «Новый реализм» в современной русской прозе: художественное мировоззрение Р. Сенчина, З. Прилепина, С. Шаргунова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Краснодар: Кубан. гос. ун-т., 2013. 23 с.
16. Шукуров Д. Л. Концепция авторских стратегий в дискурсе русского эгофутуризма // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. 2007. № 1. С. 1–6.
17. Чуева Н. С. Художник в открытом море, или Об авторских стратегиях // Актуальные проблемы социальной коммуникации: материалы III Всерос. науч.-практ. конф. Н. Новгород: Нижегород. гос. техн. ун-т им. Р. Е. Алексеева, 2012. С. 575–576.
18. Янкелевич М. С. Отражение личности автора в художественном произведении // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2013. Т. 15, № 2–1. С. 163–168.
19. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.

20. Апресян Ю. Д. Избранные труды: в 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348–385.
21. Попова З. Д., Стернин И. А. Язык и национальная картина мира. Воронеж: Истоки, 2002. 101 с.
22. Лихачёв Д. С. Логический анализ языка. Культурные концепты. М., 1991. С. 280–287.
23. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. М., 1997. С. 40–43.
24. Красных В. В. От концепта к тексту и обратно. К вопросу о психолингвистике текста // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1998. № 1. С. 53–70.

Статья поступила в редакцию 02.08.2021; принята к публикации 10.09.2021

Сведения об авторе

Бактыбаева Аннелъ Глеумагамбетовна, кандидат филологических наук, доцент, Казахский национальный медицинский университет им. С. Асфендиярова; 050000, Казахстан, г. Алматы, Толе-би, 94; e-mail: smile_1713@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>.

Для цитирования:

Бактыбаева А. Т. Авторская повествовательная стратегия с элементами комизма в структуре концептуальной картины мира прозы Б. Канапьянова // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 69–77. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-69-77.

References

1. Bolotnova, N. S. Philological analysis of the text Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 2001. (In Rus.)
2. Os'muhina, O. Yu., Bajkova, S. A. "Secondary Plot of Human Tragicomedy": Author's Prose Strategy Eug. Popov. Saransk: Izd-vo Mordov. un-ta, 2016. (In Rus.)
3. Bajkova, S. A. Author's prose strategy Eug. Popov 1970–1990s.: Cand. sci. diss. abstr. N. Novgorod, 2013. (In Rus.)
4. Dmitrenko, V. A. Formal character of the anecdote text. Bulletin of the International Slavic University. Khar'kov, no. 4, pp. 63–65, 2000. (In Rus.)
5. Karasik, V. I. Anecdote as a subject of linguistic study. Genres of speech. Saratov: Kolledzh, no. 1, pp. 144–153, 1997. (In Rus.)
6. Kulinich, M. A. Semantics, structure and pragmatics of English-language humor: Dr. sci. diss. abstr. Moskva, 2000. (In Rus.)
7. Morozova, A. M. Genre specificity of humorous discourse. Bulletin of the Pushkin Leningrad State University, no. 1, pp. 216–222. 2013. (In Rus.)
8. Akimova, T. I. Author's strategy as a literary category: methodological aspect. Philological sciences. Questions of theory and practice, no. 2, pp. 13–16, 2015. (In Rus.)
9. Grimova, O. A. Narrative intrigue in the novel by Yu. Buida "Blue Blood". Narratorium, no. 1–2, 2013. Web. 13.05.2021 <http://narratorium.rggu.ru/article.html?id=2631078> (In Rus.)
10. Andrianova, M. D. Author's strategies in the novel prose of A. Bitov: Cand. sci. diss. abstr. SPb., 2011. (In Rus.)
11. Mal'ceva, T. V. The author's strategy of self-identification of the hero in the novel by I. A. Goncharov "Oblomov". Pushkin readings – 2011. Proceedings of the XVI International Conference "Pushkin Readings" Sankt-Peterburg. 2011: 287–294. (In Rus.)
12. Kukueva, V. G. The author's strategy as one of the foundations of the typological description of V. M. Shukshina. Siberian Journal of Philology, no. 1–2, pp. 23–38, 2006. (In Rus.)
13. Os'muhina, O. Yu. Specificity of the author's representation in "Sentimental Stories" by M. Zoshchenko (based on the story "Apollo and Tamara"). Bulletin of the Pushkin Leningrad State University, no. 3, pp. 33–43, 2009. (In Rus.)
14. Pchelkina, T. R. The problem of author's self-expression in literary criticism: history and prospects of study. Modern higher school: innovative aspect. Chelyabinsk, no. 1, pp. 23–26, 2012. (In Rus.)
15. Rotaj, E. M. "New realism" in modern Russian prose: the artistic worldview of R. Senchin, Z. Prilepin, S. Shargunov: Cand. sci. diss. abstr. Krasnodar, 2013. (In Rus.)
16. Shukurov, D. L. The concept of author's strategies in the discourse of Russian ego-futurism. Bulletin of the Ivanovo State Energy University, no. 1, pp. 1–6, 2007. (In Rus.)
17. Chueva, N. S. An artist on the high seas, or On the author's strategies. Actual problems of social communication. Materials of the III All-Russian Scientific and Practical Conference, Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod State Technical University named after Alekseeva, 2012: 575–576. (In Rus.)

18. Yankelevich, M. S. Reflection of the author's personality in a work of art. Izvestia of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. Social, humanitarian, biomedical sciences. Samara, no. 2–1, pp. 163–168, 2013. (In Rus.)
19. Karaulov, Yu. N. Russian language and linguistic personality. M: Izdatel'stvo LKI, 2010. (In Rus.)
20. Apresyan, Yu. D. Selected works in 2 volumes. Vol. II: Integral description of language and systemic lexicography. M: Shkola "Yazyki russoj kul'tury", 1995: 348–385. (In Rus.)
21. Popova, Z. D., Sternin, I. A. Language and national picture of the world. Voronezh: "Istoki", 2002. (In Rus.)
22. Lihachev, D. S. Logical analysis of language. Cultural concepts. M: 1991: 280–287. (In Rus.)
23. Stepanov, Yu. S. Constants. Dictionary of Russian culture. Research experience. M., 1997: 40–43. (In Rus.)
24. Krasnyh, V. V. From concept to text and back. On the question of the psycholinguistics of the text. Bulletin of Moscow University, no. 1, pp. 53–70, 1998. (In Rus.)

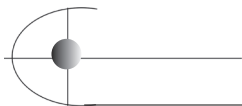
Received: August 2, 2021; accepted for publication September 10, 2021

Information about author

Baktybaeva Annel T., Candidate of Philology, Associate Professor, Kazakh National Medical University them. S. Asfendiyarova; 94 Tole-bi, Almaty, 050000, Kazakhstan; e-mail: smile_1713@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-8980-0511>.

For citation:

Baktybaeva A. T. Author's Narrative Strategy with Comic Elements as a Component of the Conceptual Picture of the Prose World of B. Kanapyanov // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 69–77. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-69-77.

УДК 81'373.21

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-78-88

Лидия Михайловна Дмитриева,
Алтайский государственный университет
(г. Барнаул, Россия),
e-mail: dmitrlm@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>

Чжан Юньфэй,
Алтайский государственный университет
(г. Барнаул, Россия),
e-mail: rkiasu@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0259-2076>

Топонимы «Россия», «Москва», «Барнаул» в сознании китайских студентов

В статье проводится анализ топонимов «Россия», «Москва», «Барнаул» с точки зрения ментально-топонимического стереотипа в сознании китайских студентов. Цель данного исследования – определить влияние ментально-топонимических стереотипов у китайских студентов на восприятие ими русских топонимов. Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи: рассмотреть сущность таких понятий, как «топонимика», «топоним», «стереотип»; проанализировать происхождение топонимов «Россия», «Москва» и «Барнаул» и определить их понимание в сознании китайских студентов. Различия в культуре и этнической принадлежности делает неизбежным появление стереотипов у людей, вступающих в контакт с культурой других стран или других этнических групп. Дальнейшее изучение топонимов, связанных с историей и культурой России, позволит расширить круг знаний у китайских студентов о русской культуре. Исследование основано на результатах анкетирования 100 китайских студентов с целью выявления их понимания, определения стереотипов в отношении географических названий «Россия», «Москва» и «Барнаул». Использование метода анкетирования и ассоциативного эксперимента позволило выявить влияние существующих стереотипов у китайских студентов в понимании иностранных (русских) топонимов «Россия», «Москва» и «Барнаул». Понимание иностранными учащимися географических названий, которые не являются национальными, в основном связано с географическим положением и некоторыми объектами, известными в определённой местности. В связи с этим в сознании китайских студентов, например, глубоко укоренилось впечатление, что «Москва красная». Таким образом, авторы приходят к выводу, что топонимы несут беспрецедентный объём информации, связанной с историческими и социокультурными аспектами. Углублённое изучение русских топонимов может помочь китайским студентам больше узнать о русской культуре. Для понимания русских топонимов китайские студенты учитывают географическое положение, климат, особенности национального языка и культуры, а также значение различных культурных символов.

Ключевые слова: топонимика, топоним, Россия, Москва, Барнаул, стереотип, ментально-топонимический стереотип

Lidiya M. Dmitrieva,
Altai State University
(Barnaul, Russia),
e-mail: dmitrlm@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>

Zhang Yunfey,
Altai State University
(Barnaul, Russia),
e-mail: rkiasu@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-0259-2076>

Toponyms “Russia”, “Moscow”, “Barnaul” in the Minds of Chinese Students

The article analyzes the toponyms “Russia”, “Moscow” and “Barnaul” from the point of view of the mental toponymic stereotype in the minds of Chinese students. The aim of the study is to identify the origin of these toponyms, as well as their perception in the minds of Chinese students. The difference in culture and ethnicity makes it inevitable for people who come into contact with the culture of other countries or other ethnic groups

© Дмитриева Л. М., Чжань Юньфэй, 2021

to develop stereotypes. So, further study of toponyms associated with the history and culture of Russia will expand the circle of knowledge of Chinese students about Russian culture. The study is based on the results of a survey of 100 Chinese students in order to identify their understanding and identify stereotypes regarding the geographical names "Russia", "Moscow" and "Barnaul". A consistent study of toponyms will help to achieve their understanding. The use of the questionnaire method and associative experiment made it possible to reveal the influence of existing stereotypes among Chinese students in the understanding of foreign (Russian) toponyms "Russia", "Moscow": and "Barnaul". The understanding by foreign students of geographic names that are not national is always primarily related to the geographic location in which they are located and some of the features for which the city is famous. In this regard, the impression that Moscow is red is deeply rooted in the minds of Chinese students. Thus, the authors come to the conclusion that toponyms carry an unprecedented amount of information related to historical and socio-cultural aspects. Russian toponyms can help Chinese students learn more about Russian culture and expand their understanding of it. In order to understand the names of Russian toponyms, Chinese students rely on their geographical location, climate, features of the national language and culture, as well as on the study and understanding of various cultural symbols.

Keywords: toponymy, toponym, Russia, Moscow, Barnaul, stereotype, mental toponymic stereotype

Введение. Актуальность исследования обусловлена тем, что в настоящее время у исследователей активно проявляется интерес к когнитивно-прагматическому подходу изучения топонимов и понятию «ментально-топонимический стереотип», среди них из-за различий в концепциях разных этнических групп изменились и концепции выражения пространственных топонимов. С развитием культурной глобализации происходит гуманитарная интеграция разных стран и разных народов. Как носитель культуры язык и связанная с ним система понятий важную роль в развитии кросс-культурных взаимодействий. Разница в культуре, этнических традициях, историческом опыте делает неизбежным появление стереотипов у людей, когда они вступают в контакт с культурой других стран или других этнических групп. Культурные стереотипы заставляют людей считаться с национальными, историческими особенностями или субъективными суждениями, когда люди разных национальностей используют их с целью понимания сущности разных культур.

Совокупность географических названий обозначают словом «топонимия» [1, с. 3]. Топонимика – это междисциплинарная наука в географии, истории и филологии, научная дисциплина, которая изучает географические названия, их происхождение, развитие, современное состояние, смысловое значение, написание и произношение. Топонимика является интегральной научной дисциплиной. Она возникла на стыке нескольких наук – лингвистики (языкознания), истории и географии. В этом заключается сложность топонимики, её комплексная междисциплинарная сущность¹. Такого же

¹ Басик С. Н. Общая топонимика: учебное пособие для студентов географического факультета. – Минск: БГУ, 2006. – 200 с.

мнения придерживается и китайский учёный Чу Япин, она считает, что топонимия не является «исключительной дисциплиной» географии, истории и лингвистики, она принадлежит к маргинальной дисциплине [2].

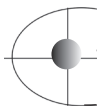
С момента появления топонимов лингвисты никогда не прекращали изучать их. Топонимы фиксируют процесс исследования мира человеком, процесс этнических изменений и интеграции, а также изменения окружающей среды. Они являются плодами духовной культуры и отражают культурные особенности разных эпох [3, с. 25]. «Топоним – это печать, поставленная человечеством на землю, а история топонимов стара, как язык» [4].

Топонимы – важная часть географии: «Они являются своеобразным связующим звеном между человеком и географическим объектом, не только указывая его место на поверхности планеты, но и давая интересную, зачастую очень важную научную информацию»². В. Д. Бондалетов считает, что «географические объекты (реки, моря, горы, местности, города: села, области, страны, улицы, проспекты, дороги и др.) также имеют собственные имена – топонимы»³.

Цель данного исследования – определить влияние ментально-топонимических стереотипов у китайских студентов на восприятие и понимание ими русских топонимов. Различия в национальной и этнической культурах неизбежно приводят к тому, что у китайских студентов возникают определённые ассоциации, связанные с данными топонимами. Используя метод анкетирования, авторы статьи приходят к выводу, какие стереотипы возникают при восприятии топо-

² Там же.

³ Бондалетов В. Д. Русская ономастика: учебное пособие для студентов педагогических институтов. – М.: Просвещение, 1983. – 224 с.

нимов «Россия», «Москва» и «Барнаул» в сознании китайских студентов, определили причины их возникновения.

Стереотипы считаются частью картины мира, которая относится к ментальным и содержательным аспектам языка и культуры. Содержание языковых стереотипов состоит из субъективно детерминированных суждений, описательных и оценочных признаков. В соответствии с социально-историческими факторами заранее заданная когнитивная модель связана с объектами в реальности. В частности, топонимы представляют собой собственные названия отдельного географического места включая населенные пункты, реки и т. п.¹

Китайские учёные Цзян Юнчжи и Чжан Хайчжун считают, что формирование стереотипов имеет «предвзятое» влияние на наши взгляды, людей или предметы. Как только стереотип сформирован, существующие предрассудки и некоторые неправильные представления будет трудно устранить. По поводу этой точки зрения учёные дали пояснения в своей статье: «Стереотип – это когнитивная структура, состоящая из знаний, пониманий и ожиданий людей в отношении определённых людей или предметов. Это фиксированное восприятие и тенденция, часто в такой категории, как пол, профессия, этническая принадлежность, регионы или топонимы люди создают серию стереотипов, хотя это не совсем верно, но они предвзято относятся к тому, что мы имеем предвзятое влияние на наши взгляды, людей или предметы» [5, с.157].

Понятие модели в гуманитарных науках обозначает абстрактную схему некоторого фрагмента или явления действительности. Как отмечает исследователь В. И. Карасик, «модель как исследовательский конструкт реальности представляет собой рабочий инструмент для изучения сущности рассматриваемого явления» [6, с. 6]. В настоящее время понятие «моделирование» становится неотъемлемой частью научных исследований. Моделирование действует как метод представления объектов, явлений или процессов, а также как метод проверки.

Моделирование – это основной метод когнитивной лингвистики. Различные язы-

ковые явления, а также процесс генерации и восприятия различных типов высказываний необходимо анализировать с помощью когнитивного моделирования. Когнитивные модели позволяют наиболее точно проанализировать природу изучаемого явления.

Создание когнитивного моделирования – это и создание когнитивной теории (частичной или общей). С помощью когнитивных моделей люди могут эффективно описывать взаимосвязи различных компонентов или элементов человеческого познания, этапы обработки информации и характеристики перехода от одного этапа к другому, моделирование может объяснить различные факты и явления, обнаруженные на основе экспериментов.

Методология и методы исследования. Сущность понятия «сознание» до сих пор остаётся одним из самых расплывчатых и неясных в современной науке. В настоящее время, несмотря на все попытки дать определение этому понятию, ни один учёный не может предоставить полного и исчерпывающего описания. С психологической точки зрения, «сознание» рассматривается как «свойственный способ отношения к объективной действительности, опосредованный всеобщими формами общественно-исторической деятельности людей» [7; 8].

С нашей точки зрения, «сознание» в исследовании топонима является более предметным изучением другого определения – сознания о мире, полученном в результате познавательной деятельности (когниции) субъекта, сформировавшейся в результате познания (отражения) субъектов окружающей действительности» [8].

На рубеже XX–XXI вв. в области топонимических исследований отмечается переход к антропоцентрической парадигме научного знания [9, с. 479]. Из-за различий в концепциях разных этнических групп (не только стран, но и разных регионов, в которых они расположены) изменились и концепции выражения пространственных топонимов. Этот стереотип восприятия топонимов разных стран и разных народов называется «ментально-топонимический стереотип». По мнению Н. Д. Голева и Л. М. Дмитриевой, выделяются четыре основных стереотипа, участвующих в организации топонимической системы:

- 1) антропоцентрический стереотип;
- 2) стереотип временного соположения;

¹ Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. – М.: Русский язык, 2000. – С. 127; Urban Linguistic Diversity: Materials of the 1st International conference / Reviewed by V. M. Alpatov, N. V. Vasilyeva. – М.: Institute of Linguistic RAS, 2018. – 52 p.

3) стереотип пространственного соположения;

4) стереотип отражения внутренней структуры.

Определив реальный набор стандартов (стереотипных блоков), которые вычленились языковым сознанием человека, можно смоделировать топонимическую картину мира, выяснить механизмы, управляющие и связывающие эту топонимическую систему [10, с.13]. Таким образом, люди могут лучше понять социальную культуру разных стран и разных этнических групп, изучая особенности топонимических стереотипов, существующих у разных национальностей в разных странах.

В исследовании использовались следующие методы сбора материала: ассоциативный эксперимент, анкетирование. С помощью лингвистического ассоциативного эксперимента и анкетирования проанализируем и определим русские топонимы в сознании китайских студентов.

Результаты исследования и их об- суждение. Существование ментально-топонимических стереотипов у большинства китайских студентов оказывает существенное влияние на восприятие русских топонимов. Наиболее часто студенты, обучающиеся в Алтайском государственном университете, встречаются с такими русскими топонимами, как «Россия», «Москва» и «Барнаул». Отметим, что студенты подсознательно экстраполируют существующие стереотипы географических объектов и этнических обычаев на восприятие и понимание русских топонимов. Что касается китайских студентов, обучающихся в России, то они, безусловно, изучали историю и развитие определённых географических названий. Ментально-топонимическая стереотипизация возникла у китайских студентов ещё до начала обучения в России, что вызвало трудности при понимании топонимов «Россия», «Москва» и «Барнаул» – в сознании китайских студентов уже сложились определённые стереотипы.

Топонимы – это название географических объектов, представляющее субъективную интерпретацию местности людьми, живущими в ней. Топонимы передают три типа информации: пространственное местоположение, временную и культурную информацию. Многие особенности территории, на которой находится то или иное государство, могут быть отражены в топонимах – топо-

графия, расселение этнических групп, их миграция, религиозные и культурные традиции и местный язык¹.

Топонимы обладают высокой степенью стабильности. «Развитие географических названий происходило в течение длительного исторического периода, поэтому они относительно стабильны» [11, с. 153]. После того как место названо и активировано, оно обычно сохраняется очень долгое время. Некоторые не менялись десятилетиями, некоторые – сотни лет, а некоторые сохраняли свою жизнеспособность даже тысячи лет. Следовательно, через географические названия китайские студенты могут получить историческую информацию о России.

Гносеологическое понятие топонима (с точки зрения сознания) заключается во взаимосвязи предмета и образа объекта (идеи); при этом образ предмета, охватываемого топонимом, уточняется идеей, лежащей в основе географического термина, неотъемлемого элемента идеи топонимического объекта (а иногда и его составляющей) [9, с. 485].

Исследование основано на результатах анкетирования 100 китайских студентов с целью выявления их понимания и определения стереотипов в отношении географических названий «Россия», «Москва» и «Барнаул».

Название страны «Россия» происходит от древнего слова «Русь». Первоначальное значение «Русь» – это не территория, а сокращённое название нации, народ, которым теперь называются русские. Происхождению названия топонима «Русь» посвящены исследования Р. А. Агеевой, которая отмечает различные точки зрения происхождения. Исследователь считает, что названия «Русь» и «Рос» – это две формы одного и того же этнонима. Проведённое нами анкетирование показывает, что китайские студенты, обучающиеся в России, не имеют полного представления о российской истории и плохо разбираются в происхождении термина «Россия». Они субъективно понимают значение топонима «Россия» через изученную историю и сопоставляют со своими стереотипами топонимов. Данные анкетирования студентов представлены в табл. 1 (сохранена грамматика, орфография и пунктуация информантов).

¹ Никонов В. А. Введение в топонимику. – Изд. 2-е. – М.: Изд-во ЛКИ, 2011. – С. 101.

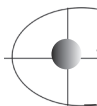

Таблица 1

Результаты анкетирования китайских студентов по восприятию топонима «Россия»

Вопросы	Ответы китайских студентов	Обобщение ответов	%
Когда упоминается топоним «Россия», какие ассоциации у вас это вызывает?	В моём сознании, топоним «Россия» связано с шоколадом, водкой и медведей	Водка, шоколад, медведь	100
	Россия – страна с самой большой площадью суши в мире	Большая страна	100
	Россия имеет большую территорию и высокие широты. Из-за холодного климата мужчины любят пить водку	Холодное место	94
	Топоним «Россия» напоминает мне красный цвет, потому что Кремль и Красная площадь, многие старинные постройки в России красные	Красная площадь, красный цвет	87
	На мой взгляд, Россия белая, потому что каждый год идёт снег очень долго в России	Большая белая страна	38
	С топонимом «Россия» мне легче думать о серьезных, высоких солдатах, потому что я часто смотрю военные парады на Красной площади по телевизору. И русские мужчины очень сильные	Смелые люди, серьезные и сильные солдаты	33
	Название «Россия» сразу напомнило мне российский флаг трёх цветов: красного, белого и синего	Цвет национального флага (белый, синий, красный)	33
	Я не знаю, откуда произошло название «Россия», но в моей памяти сразу же возник узор на российском гербе – двуглавый орёл	Двуглавый орёл	3
Как вы думаете, какое происхождение у названия страны «Россия»?	Я думаю, топоним «Россия» происходит от древнего слова «Русь»	Производное от слова «Русь»	57
	Название «Россия» происходит от финского, потому что жители Финского залива в Северной Европе когда-то называли эту землю «Ruotsi»	Производное от финского слова «Ruotsi»	22
Как вы думаете, какое значение у топонима «Россия»?	«Россия» – это страна, это государство	Государство	100
	«Россия» – это страна, в которой живут русские и во главе с русскими	Страна, в которой живут русские люди	76

На основе данных, представленных в табл. 1, можно сделать вывод, что стереотипы китайских студентов относительно топонима «Россия» отражаются в двух аспектах (антропоцентрический стереотип и стереотип пространственного соположения). Рассмотрим антропоцентрический подход. При упоминании топонима «Россия» у китайских студентов возникают следующие ассоциации: «смелые люди, серьезные и сильные солдаты». Объяснить этот стереотип нетрудно: с развитием и применением мультимедийных технологий люди получают много информации по нескольким каналам, в результате у данного топонима сложился антропоцентрический стереотип из описания СМИ и косвенных описаний других людей.

Стереотип пространственного соположения выражается в терминах «холодное место» и «большая белая страна», это связано с пространственным расположением генерируемого географического объекта, то есть географический объект расположен в северных широтах, климат здесь холодный. «Цвет национального флага» и «двуглавый

орёл» – следствие передачи культуры между разными странами и народами.

О происхождения топонима «Россия» китайские студенты высказали два возможных предположения: произведено от слова «Русь» и произведено от финского слова «ruotsi». Точка зрения «произведено от слова «Русь» – самая общепринятая в академических кругах. Мнение о том, что топоним происходит от финского слова «Ruotsi» показалось нам интересным. Проанализировав соответствующую литературу по данному вопросу, мы пришли к выводу, что оно (имя «Ruotsi») могло возникнуть, когда «скандинавы широкой волной вливались на восточнославянские территории и вместе с восточным славянством, впитав в себя это южное имя, имели соприкосновение с южными и восточными племенами финнов» [12, с. 54].

В 1975 г. польский историк Х. Ловмянский опубликовал книгу «Русь и норманны», которая была переведена и опубликована на русском языке в 1985 г. В книге можно найти следующее суждение, аналогичное данной концепции: «...поскольку название (Русь/Ruotsi) первоначально обозначало террито-

рию в Среднем Поднепровье, то очевидно, что финны перенесли его на Швецию, узнав о нём от скандинавов, которые, видимо, в момент передачи названия находились на Руси в качестве воинов или купцов...» [13].

Данное мнение представлено в работах лингвистов и историков. Возможно, мы никогда не узнаем с точностью и большой долей вероятности, откуда взялись слова «Русь» и «Ruotsi». Вместе с тем очевидно, что для раскрытия происхождения топонима «Россия» необходимы сведения из области географии, истории и этнографии.

Согласно результатам анкетирования, 100 % китайских студентов понимают топоним «Россия» как очень холодное место. Большинство респондентов ассоциируют понятие с географическими объектами, с людьми, живущими на этой территории, поэтому сформировались определённые стереотипы, в ответах появились «смелые люди, серьёзные и сильные солдаты» (87 %) и «большая белая страна» (94 %). Некоторые китайские студенты (33 %) связывают то-

поним с культурными символами, думают о двуглавом орле на российском гербе; часть респондентов (38 %) называют вещи, которые могут представлять Россию в их сознании (водка, шоколад, медведь).

Таким образом, происхождение топонима «Россия» показывает уровень понимания китайскими студентами истории России. Студенты (57 %) знают, что топоним «Россия» произошёл от слова «Русь», некоторые (22 %) полагают, что этноним северного происхождения – от финского слова «Ruotsi» [14; 15]. По поводу значения топонима «Россия» китайские студенты придерживаются простой и универсальной концепции, термин «Россия» обозначает для них страну, в которой живут русские, при этом о глубоком и историческом значении термина «Россия» никто из студентов представления не имеет.

В ходе поведённого анкетирования китайских студентов по восприятию топонима «Москва» получены результаты, представленные в табл. 2 (сохранена грамматика, орфография и пунктуация информантов).

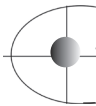
Таблица 2

Результаты анкетирования китайских студентов по восприятию топонима «Москва»

Вопросы	Ответы китайских студентов	Обобщение ответов	%
Когда упоминается топоним «Москва», какие ассоциации у вас возникают?	«Москва» красная, потому что Красная площадь и Кремль красные	Красный цвет (Красная площадь) и белый цвет (снег)	100
	Москва – столица России	Столица России	86
	В сознаний в первую очередь появилась песня «Подмосковные вечера»	Песня «Подмосковные вечера»	79
	«Москва» – и холодный и тёплый город, потому что климат в городе очень холодный, а цвет здания тёплый	Здания тёплых цветов и холодный климат	63
Как вы думаете, какое происхождение у названия города «Москва»?	Москва – город с многовековой историей, в городе много дворцовых комплексов	Дворцовый комплекс зданий	39
	Название города «Москва» происходит от названия реки Москва-река	Производное от топонима «Москва-река»	57
	Название города «Москва» происходит от славянского корня – «моск-»; Название происходит от славянского языка, что означает «низменное и влажное место»; Название происходит от корня «моск-» славянского языка, означающего «болото»	Производное от славянского корня «моск-» – «сырое место»	28
Как вы думаете, какое значение имеет топоним «Москва»?	Не знаю	Не знают (не могут объяснить)	15
	Читал информацию, думаю, что означает мокрое место или болото	Означает «мокрое место», «болото»	28
	Читал информацию, думаю, что означает замок	Означает «замок»	9
	Не знаю	Не знают (не могут объяснить)	63

У китайских студентов разные ассоциации, связанные с топонимом «Москва». Например, «красный» (Красная площадь) и «белый» (снежное поле) – здания тёплых цветов и холодный климат. Город Москва – сто-

лица России, древний и известный во всём мире город; имеет старинные и красивые дворцовые комплексы зданий и т. д. Ассоциации формируются благодаря информации в СМИ и в книгах, ментально-топонимиче-

ские стереотипы топонима «Москва» у китайских студентов связаны с архитектурной культурой Москвы, географическим положением и историей города.

Анкетирование студентов о восприятии топонима «Москва» показало: 100 % студентов знают, что этот город – столица России, и этот ответ известен всем студентам, в том числе и обучающимся в Китае.

Со дня основания КНР (1 октября 1949 г.) русская культура оказала большое влияние на китайцев. Песня «Подмосковные вечера» (музыка В. П. Соловьёва-Седого, стихи М. Л. Матусовского) очень известна в Китае с прошлого века, популярна она и в настоящее время. Понятны ассоциации большинства китайских студентов (63 чел.): «Москва» – песня «Подмосковные вечера»; в сознании респондентов Москва – тихий и красивый город-сад, город романтической любви.

Понимание иностранными учащимися географических названий, не являющихся национальными, в первую очередь связано с отдельными выдающимися объектами, которыми гордится город. Например, Красная площадь. В Китае во время повседневного общения людей или в средствах массовой информации часто говорят о Красной площади, при этом упоминают город, в котором она расположена, то есть «Московская Красная площадь», поэтому в сознании китайских студентов глубоко укоренилось, что Москва «красная».

Результаты ответа на вопрос о происхождении названия города Москвы стали следующими: китайские студенты знают, что это название – производное от топонима «Москва-река» (57 %), а также от славянского корня «моск-» (28 %). Многие города России названы по названию реки, на которой расположен город. В данном случае топоним «Москва» описательно обозначается как «Город на Москве-реке». Лингвисты считают, что название города произошло от древнеславянского корня «моск-», что означает «мокрое место, болото». Проследивалась и другая версия: одну из легенд о начале Москвы в XVII в. записал дьякон Холпольего монастыря Тимофей Каменевич-Рвовский, который полагал, что город основал библейский герой Мосох, сын Иафета, внук Ноя [16].

В ходе проведённого анкетирования отмечены следующие ответы респондентов о значении топонима «Москва»: студенты считают, что топоним означает «мокрое место, болото» (28 %), замок (9 %), некоторые считают, что «Москва» означает «мать».

Таким образом, ответы китайских студентов о происхождении топонима «Москва» единообразны, позволяют полагать, что респонденты ответили на этот вопрос, ознакомившись с соответствующими материалами. В табл. 3 представлены результаты анкетирования китайских студентов по восприятию топонима «Барнаул (сохранена грамматика, орфография и пунктуация информантов).

Таблица 3

Результаты анкетирования китайских студентов по восприятию топонима «Барнаул»

Вопросы	Ответы китайских студентов	Обобщение ответов	%
Когда упоминается топоним «Барнаул», какие ассоциации у вас возникают?	Расположен на большом ледяном поле Сибири, погода здесь очень холодная и снежная; В моем взгляде, в этом городе снег идёт всегда, потому что летом я в Китае на каникулы; Представитель холода, потому что почти каждую зиму прогноз погоды в Китае говорит: под влиянием сибирского холодного течения на юг, северо-западный регион Китая будет продолжать охлаждаться	Сибирское ледяное поле	81
	Цветное место Много гор и леса Очень много леса	Горный и лесной	72
	Это название места вызывает у меня ощущение, что здесь огромные горы и море зеленых деревьев	Жемчужина или разноцветное место	43
	На мой взгляд, Барнаул – промышленный город с множеством заводов; Этот город является центром добычи и выплавки цветных металлов; Согласно пониманию китайского перевода, я бы подумал, что это город с цветными камнями, и в городе река с цветными камнями	Промышленный город	8

Как вы думаете, какое происхождение у названия города «Барнаул»?	Думаю, город получил своё название от реки Барнаулка;	Производное от названия реки Барнаулки	81
	Название Барнаул сразу напоминает мне реку Барнаулка и реку Обь, потому что город расположен на возвышенности на восточном берегу реки Обь и река Барнаулка проходит через город		
	Происходит из тюркского языка	Из тюркского языка	54
Как вы думаете, какое значение имеет топоним «Барнаул»?	Думаю, название этого города происходит от монгольского языка. Потому что в регионах, граничащих с Россией, Китаем и Казахстаном, многие топонимы происходят от монгольского языка	Из монгольского языка	32
	Я нашёл значения города Мутная вода в интернете	Означает «мутная вода»	31
	Значение города – Волчье озеро	Означает «волчье озеро»	27
	Не знаю (не могу объяснить)	Не знают (не могут объяснить)	42

Согласно данным табл. 3, топоним «Барнаул» ассоциируется у китайских студентов как «горный» и «лесной» (72 %). Это связано с географическим положением Барнаула. Город расположен на краю горного хребта Алтай, который является трансграничным, поскольку находится в границах четырёх стран (Россия, Китай, Монголия и Казахстан). В сознании китайских студентов Барнаул как столица Алтайского края имеет некоторые черты Горного Алтая.

Ассоциация «сибирское ледяное поле» связана с географическим положением и местным климатом Барнаула. Расположение в Западной Сибири, низкая среднегодовая температура, холодная и долгая зима повлияли на возникновение у многих китайских студентов (81 %) данного стереотипа.

Два стереотипа: «жемчужина» и «разноцветное место» в сознании китайских студентов (43 %) отражают влияние китайского языка. В китайском языке каждый иероглиф имеет своё значение – топоним «Барнаул» был переведен на китайский язык согласно русскому произношению, а официальный унифицированный перевод этого слова – «нефрит» и «агат». Ввиду этого, когда китайские студенты слышат топоним «Барнаул», они ассоциативно совмещают топоним с национальной культурой переводимого языка.

«Промышленный город» – ассоциация восходит к историческим событиям и историческому развитию, однако лишь небольшая часть студентов дали такое описание (8 %).

Благодаря знаниям, полученным из тестов научной литературы, китайские студенты ответили, что топоним «Барнаул» происходит от монгольского (32 %) и тюркского (54 %) языков. «Известный писатель и краевед М. Юдалевич в одной из своих публикаций собрал разрозненные предположения и размышления разных исследователей. Об-

щим в их работах является то, что название «Барнаул» имеет либо тюркские, либо монгольские корни»¹.

Китайские студенты соотносят топоним «Барнаул» с названием реки Барнаулки (81 %). Данная точка зрения неоднократно обосновывалась нами в ряде публикаций, в частности, в словаре «Топонимический словарь Алтайского края» находим: «Город получил своё название по реке»².

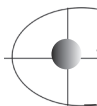
Определяя значение топонима «Барнаул», большинство китайских студентов затруднились дать ответ, но некоторые из них полагают, что топоним «Барнаул» означает «волчье озеро» (27 %), «мутная вода» (31 %). На предположение, что топоним переводится как «волчье озеро», мы можем найти детерминированный ответ: «Первая часть слова Барнаул – с тюрк. *бору*, *боре* – «волк»; по-монгольски *бору* означает также «волк», а *нуур* (*нур*) – «озеро». *Ул* – в тюркских и енисейско-кетских языках означает «река, вода». Отсюда появляется значение названия Барнаул – «волчья река»»³ [16; 17]. Барнаульский историк и археолог А. Уманский придерживался версии о реке и попытался перевести, предполагая, что название имеет телеутские корни. По мнению исследователя, «боронаул»/«бороноул» произошло в результате языковых метаморфоз от телеутского слова «поронгыул», где «по-ронгы» – «мутная вода», «ул» – река. Таким образом, Барнаулка переводится как «мутная река»⁴.

¹ Почему так назван город Барнаул, центр Алтайского края. – URL: <https://newsland.com/community/8238/content/pochemu-tak-nazvan-gorod-barnaul-tsentr-altaiskogo-kraia/6858583> (дата обращения: 20.01.2021). – Текст: электронный.

² Дмитриева Л. М. Топонимический словарь Алтайского края. – Барнаул: АЗБУКА, 2013. – С. 15.

³ Там же.

⁴ Барнаул. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BB> (дата обращения: 23.01.2021). – Текст: электронный.

На вопрос о значении топонима «Барнаул» (включая культурное и историческое значение), 42 % китайских студентов не дали никакого ответа.

Закключение. Таким образом, топонимы дают беспрецедентный объём информации, связанной с историческими и социокультурными аспектами. Огромные различия как в языке, так и в культуре мешают китайским студентам правильно понять значение русских топонимов, в связи с этим понимание китайскими студентами русских топонимов крайне неполно. Углублённое, многоаспектное изучение русских топонимов может помочь китайским студентам больше узнать о русской культуре.

В процессе использования и передачи топонимов представители разных национальностей будут понимать их по-разному: русские топонимы «Россия», «Москва» и «Барнаул» китайцы связывают с национальным (китайским) языком. Поскольку опрошенные китайские студенты изучают и понимают русский язык, на их понимание русских топонимов влияет не только

национальный язык, но и возможность использования русского языка, знание русской культуры и истории для понимания топонимов.

Нами было проведено изучение восприятия топонимов «Россия», «Москва» и «Барнаул» китайскими студентами, обучающимися в России. В результате исследования мы пришли к следующим выводам:

1) понимание китайскими студентами русских топонимов складывается из совокупности информации, которую они получили через интернет, СМИ, книги;

2) при восприятии иностранных (русских) топонимов студенты опираются на национальный (китайский) язык и культуру;

3) для понимания русских топонимов китайские студенты используют свои знания географического положения объекта, различных особенностей местности, а также климата данной территории.

Глубокое изучение топонимов, связанных с историей и культурой России, позволит расширить круг знаний у китайских студентов о русской культуре.

Список литературы

1. Суперанская А. В. Что такое топонимика? М.: Наука, 1984, 182 с.
2. Чу Япин, Инь Цзюньке, Сунь Дунху. Базовый курс топонимии. Пекин: China Cartographic Publishing House. 2009, 176 с. DOI: 10.11947/j.AGCS.2015.20130205. @@ 褚亚平, 尹钧科, 孙冬虎. 地名学基础教程[M]. 北京: 中国地图出版社, 2009, 176. DOI: 10.11947/j.AGCS.2015.20130205.
3. Ли Жулонг. Топонимия на китайском языке. Шанхай: Shanghai Education Press, 1998. 167 с. @@ 李如龙. 汉语地名学论稿. 上海: 上海教育出版社, 1998, 167.
4. Фань Сунин. Пекин и Вашингтон, планирование, географическое название, культура [J]. Шанхай: Управление города Шанхая, 2003. С. 44–45. DOI: CNKI:SUN:CGZJ.0.2003-04-013. @@ 范肃宁. 北京和华盛顿 规划·地名·文化[J]. 上海城市管理, 2003, 44–45. DOI: CNKI:SUN:CGZJ.0.2003-04-013.
5. Цзян Юнчжи, Чжан Хайчжун. Моё скромное мнение о кросс-культурном исследовании стереотипов китайского регионального характера // Social Sciences Review. 2009. Vol. 24, no. 10. P. 157. DOI: CNKI:SUN:SKZH.0.2009-10-055. @@ 姜永志, 张海钟. 中国区域性刻板印象跨文化研究刍议[J]. 社科纵横, 2009 (10): 157–160. DOI: CNKI:SUN:SKZH.0.2009-10-055.
6. Карасик В. И. Языковая матрица культуры. М.: Гнозис, 2013. 320 с.
7. Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с.
8. Стернин И. А. Коммуникативное и когнитивное сознание // С любовью к языку: сб. науч. тр. М.: Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2002. С. 44–51.
9. Васильева С. П., Дмитриева Л. М. Обзор топонимических исследований Алтая и Сибири в антропоцентрической парадигме // Журнал Сибирского федерального университета. 2021. № 4. С. 478–488.
10. Голев Н. Д., Дмитриева Л. М. Единство онтологического и ментального бытия топонимической системы // Вопросы ономистики. 2005. № 8. С. 5–17.
11. Шэнь Силунь. Китайская традиционная культура и язык [M]. Шанхай: Шанхайское образовательное издательство, 2004. 450 с. @@ 沈锡伦. 中国传统文化和语言 增补本[M]. 上海教育出版社, 2004, 450.
12. Пархоменко В. А. У истоков русской государственности (VIII–XI вв.). М.: Госиздательство, 1924. 120 с.
13. Ловмянский Х. Русь и норманны. М.: Прогресс, 1985. 184 с.
14. Ши Цзялу. Сопоставительный анализ топонимов столиц Китая и России (на примере наименования улиц Пекина, Москвы) // Litera. 2019. № 3. С. 20–31.
15. Ши Цзялу. Критерии классификации географических названий Китая и России // Litera. 2019. № 6. С. 66–77.

16. Дульзон А. П. Дорусские топонимы Средней Сибири // Изучение географических названий. 1966. № 70. С. 40–41.

17. Воробьева И. А. Русская топонимия Алтая. Томск: Томск. гос. ун-т, 1983. 256 с.

Статья поступила в редакцию 24.05.2021; принята к публикации 28.06.2021

Сведения об авторах

Дмитриева Лидия Михайловна, доктор филологических наук, профессор, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66; e-mail: dmitrlm@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>.

Чжан Юньфэй, аспирант, Алтайский государственный университет; 656049, Россия, г. Барнаул, ул. Димитрова, 66; e-mail: rkiasu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0259-2076>.

Вклад авторов:

Л. М. Дмитриева – основной автор, осуществляла анализ, систематизацию и оформление статьи.

Чжан Юньфэй осуществлял систематизацию материала, оформление статьи, сбор эмпирического материала.

Для цитирования:

Дмитриева Л. М., Чжан Юньфэй. Топонимы «Россия», «Москва», «Барнаул» в сознании китайских студентов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 78–88. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-78-88.

References

1. Superanskaya, A. V. What is toponymy? M: Nauka, 1984. (In Rus.)
2. Chu Yaping, Yin Junke, Sun Donghu. Basic course of toponymy. Beijing: China Cartographic Publishing House. 2009. DOI: 10.11947/j.AGCS.2015.20130205. (In Chin.)
3. Li Zhulong. Toponymy in Chinese [M]. Shanghai: Shanghai Education Press, 1998, 167. (In Chin.)
4. Fan Suning. Beijing and Washington, Planning, Geographic Name, Culture [J], Shanghai City Office, 2003, 012 (004): 44–45. DOI: CNKI: SUN: CGZJ.0.2003-04-013. (In Chin.)
5. Jiang Yongzhi, Zhang Haichzhong. My humble opinion on a cross-cultural study of Chinese regional stereotypes. Social Sciences Review. Gansu: Social Sciences Review Publishing, 2009, Issue 10, p. 157. DOI: CNKI: SUN: SKZH.0.2009-10-055. (In Chin.)
6. Karasik, V. I. Language matrix of culture. Moscow: Gnosis, 2013. (In Rus.)
7. Rubinstein, S. L. Being and consciousness. Saint Petersburg: Piter, 2012. (In Rus.)
8. Sternin, I. A. Communicative and cognitive consciousness. With love to the language: collection of scientific works. M.: Voronezh: Voronezh State University, 2002: 44–51. (In Rus.)
9. Vasilyeva, S. P., Dmitrieva, L. M. Review of toponymic studies of Altai and Siberia in the anthropocentric paradigm. Krasnoyarsk: Journal of the Siberian Federal University, 2021: 478–488. (In Rus.)
10. Golev, N. D., Dmitrieva, L. M. The unity of the ontological and mental being of the toponymic system. Questions of onomastics, no. 8, pp. 5–17, 2005. (In Rus.)
11. Shen Xilun. Chinese Traditional Culture and Language [M]. Shanghai: Shanghai Education Publishing House, 2004. (In Chin.)
12. Parkhomenko, V. A. At the origins of Russian statehood (VIII–XI centuries). Moscow: State Publishing House, 1924. (In Rus.)
13. Lovmyansky, H. Rus and the Normans. M.: Progress, 1985. (In Rus.)
14. Shi Jialu. Comparative analysis of the toponyms of the capitals of China and Russia (on the example of the names of the streets of Beijing Moscow). Litera, no. 3, s. 20–31, 2019. (In Rus.)
15. Shi Jialu. Criteria for the classification of geographical names of China and Russia. Litera, no. 6, pp. 66–77, 2019. (In Rus.)
16. Dulzon, A. P. Pre-Russian toponyms of Central Siberia. Study of place names, no. 70, pp. 40–41, 1966. (In Rus.)
17. Vorobyova, I. A. Russian toponymy of Altai. Tomsk: Tomsk State University, 1983. (In Rus.)

Received: May 24, 2021; accepted for publication June 28, 2021

Information about authors

Dmitrieva Lidiya M., Doctor of Philology, Professor, Altai State University; 66 Dimitrova st., Barnaul, 656049, Russia; e-mail: dmitrlm@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3008-8528>.

Zhang Yunfey, Graduate Student, Altai State University; 66 Dimitrova st., Barnaul, 656049, Russia; e-mail: rkiasu@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-0259-2076>

Contribution of authors:

L. M. Dmitrieva – the main author who carried out the analysis, systematization and design of the article.

Zhang Yunfei carried out the systematization of the material, the design of the article, the collection of empirical material.

For citation:

Dmitrieva L. M., Zhang Yunfei. Toponyms “Russia”, “Moscow”, “Barnaul” in the Minds of Chinese Students // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 78–88. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-78-88.

УДК 81.27

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-89-95

Марина Геннадьевна Юрченко,
 Кыргызско-Российский Славянский университет
 (г. Бишкек, Кыргызская Республика),
 e-mail: m4rinaiurchenko@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7464-711X>

Мотивирующие признаки концепта *студент*

Анализируются словарные статьи, раскрывающие концепт *студент*, представленные в этимологических и историко-этимологических словарях русского языка. Цель статьи – определение и описание мотивирующих признаков концепта *студент* по методологии концептуального анализа структуры ментального образования на основе словарей современного русского языка. Использован метод концептуального анализа, а также описательный и интерпретативный методы. Актуальность заявленной темы заключается в соотношении первичных признаков концепта *студент* с его понятийными признаками. Научная новизна работы состоит в первом опыте описания мотивирующих признаков концепта *студент*. Проанализировано пятнадцать словарей и дискурсивный материал Национального корпуса русского языка. В результате исследования соответствующих словарных статей в этимологических и историко-этимологических словарях было выявлено одиннадцать мотивирующих признаков исследуемого концепта. Такое количество мотивирующих признаков говорит о большом значении рассматриваемого ментального образования: сфера обучения важна в русской лингвокультуре. Существительное *учащийся* оказалось наиболее часто репрезентируемой формой концепта *студент*. Выявленные признаки объединены в шесть блоков: 1. Участники образовательного процесса: «учащийся (высшего учебного заведения)», «студент(ка)», «студент». 2. Принадлежность: «студенческий», «студенчество». 3. Усилие: «усердно работать/стараться», «прилежно/ревностно заниматься», «(про)штудировать». 4. Стремление: «стремиться (спешить) к успеху». 5. Место проведения занятий: «студия». 6. Процесс обучения: «учиться/заниматься/упражняться». В ходе развития концепта *студент* практически не произошло сужения мотивирующих признаков, сохранивших свою актуальность и ставших понятийными признаками. Из одиннадцати мотивирующих признаков в современной языковой картине мира сохранилось десять.

Ключевые слова: концепт *студент*, мотивирующие признаки, языковая картина мира, ментальное образование, лингвокультура

Marina G. Iurchenko,
 Kyrgyz-Russian Slavic University
 (Bishkek, Kyrgyz Republic),
 e-mail: m4rinaiurchenko@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0002-7464-711X>

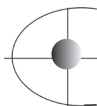
Motivating Signs of the *Student* Concept

The article analyzes the dictionary entries “student” presented in the etymological and historical-etymological dictionaries of the Russian language. The purpose of the article is to determine and describe the motivating signs of the *student* concept according to the methodology of conceptual analysis of the mental formation structure. The article uses methods: conceptual analysis, descriptive and interpretative. The relevance of the stated topic lies in the correlation of the primary signs of the *student* concept with its conceptual signs. The scientific novelty of the work consists in the first experience of describing the motivating signs of the *student* concept. Fifteen dictionaries and discourse material of the Russian National Corpus were analyzed. The analysis of the concept revealed 11 motivating signs. The number of motivating signs indicates the great importance of the considering mental formation: the education sector is important for Russian linguoculture. The identified signs are combined into six blocks: 1. Educational process participants (“learner”, “higher school student”, “student”, “skudent”). 2. Affiliation (“student-led”, “student community”). 3. Effort (“work hard”/“endeavor”, “study diligently”, “study thoroughly”). 4. Ambition (“be anxious for success”). 5. Place of studying (“studio”). 6. The process of studying (“study/practice/train”). In the course of the student concept development there was practically no narrowing of the motivating signs, which retained their relevance and became the conceptual signs. There are 10 out of 11 motivating signs have been preserved in the modern linguistic picture of the world.

Keywords: *student* concept, motivating signs, language worldview, mental formation, linguacultural studies

© Юрченко М. Г., 2021

Введение. Статья представляет собой обобщенный анализ мотивирующих признаков концепта *студент*. Актуальность темы заключается в необходимости исследования специфики концептуализации такого фрагмента сферы образования, как *студент*. Термин *концепт* широко используется в философии, психологии, социологии, логике, культурологии и других гуманитарных науках. В данной работе термин *концепт* рассматривается в поле одной из наиболее динамично развивающихся областей научного знания – когнитивной лингвистики. В. В. Колесов характеризует концепт как «зерно первосмысла, семантический «зародыш» слова, он есть диалектическое единство потенциально возможных в явлении образов, значений и смыслов словесного знака как выражение непосредственной сущности бытия в неопределённой сфере сознания» [1, с. 51].

Изучение структуры концепта, по мнению основателя Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований М. В. Пименовой, начинается с анализа мотивирующих признаков. «В зависимости от времени появления слова в языке у соответствующего концепта может быть несколько мотивирующих признаков. Чем древнее слово, тем больше мотивирующих признаков у концепта, скрывающегося за этим словом» [2, с. 25]. Говоря о внутренней форме слова, А. А. Потебня, утверждал: «Внутренняя форма есть тоже центр образа, один из его признаков, преобладающий над всеми остальными... Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, даёт ещё знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [3, с. 25].

В современной лингвистической литературе отсутствует описание мотивирующих признаков концепта *студент*. Вместе с тем зафиксировано несколько работ, посвящённых описанию различных сторон концепта *студент*. М. А. Сухомлинова сопоставляет концепт *студент* в русской и английской лингвокультурах [4]. З. М. Богословская и В. С. Новикова обращаются к дефиниционному анализу имени концепта *student* [5]. В. С. Новикова представляет работу по историко-этимологическому анализу имени концепта *student* [6]. Экспериментальное исследование Т. Я. Заглядкиной ставило целью выявить ассоциативные связи лексем *студент* в языковом созна-

нии немецких и русских студентов [7]. Когнитивные исследования вызывают интерес ряда зарубежных лингвистов, среди которых Дж. Гарфилд и К. Петерсон [8], М. Хедгаард [9], Р. Лэнекер (чаще цитируемый как Р. Лангакер) [10], В. Джон-Стейнер и Т. М. Меехан [11].

В данной работе мы опираемся на идеи Санкт-Петербургско-Кемеровской школы концептуальных исследований, на научный подход М. В. Пименовой [12–15].

Цель настоящего исследования – выявление и описание мотивирующих признаков концепта *студент*. Рабочим термином в статье является *мотивирующий признак* концепта: «*мотивирующим* называется такой признак, который послужил основанием для именованного некоего фрагмента мира, это внутренняя форма слова» [2, с. 18].

Актуальность заявленной темы заключается в соотношении первичных признаков концепта *студент* с его понятийными признаками. Научная новизна работы состоит в первом опыте описания мотивирующих признаков концепта *студент*.

Методология и методы исследования. В статье используется комплекс методов лингвистического анализа: описательный – ведущий приём анализа языковых фактов, необходимый для их констатации и обобщения; концептуальный – применяемый для выявления пяти основных групп признаков, формирующих структуру концепта (мотивирующие, понятийные, категориальные, образные и символические), и интерпретативный – служащий для истолкования фактов русской лингвокультуры. Источником материала исследования выступает Национальный корпус русского языка – НКРЯ (www.ruscorpora.ru). Корпус представляет собой информационно-справочную систему, созданную и постоянно поддерживаемую Институтом русского языка им. В. В. Виноградова. Языковой материал выступает источником для: 1) проверки актуальности выделенных признаков; 2) верификации полученных данных исследования.

Результаты исследования и их об-суждение. Для определения мотивирующих признаков привлечено пятнадцать этимологических и историко-этимологических словарей русского языка. Словарная статья «студент» включена в состав только десяти словарей. В этимологических слова-

рях Г. П. Цыганенко¹, И. И. Срезневского², Ф. С. Шимкевича³, М. Изюмова⁴, А. В. Семёнова⁵ словарной статьи «студент» не обнаружено. Анализ словарных статей позволил выделить 11 мотивирующих признаков. Концепт *студент* значительно моложе близкого концепта *ученик*, который насчитывает 46 мотивирующих признаков, 41 из которых сохранил свою актуальность и перешёл в разряд понятийных признаков. Если самое раннее упоминание лексемы *студент* относят к XVII – началу XVIII в., то упоминание слова *ученик* восходит к 1704 г., где корень -ук- восходит к ещё не разделённому состоянию русского и тюркских языков.

Существительное «учащийся» оказалось самым частотным репрезентантом концепта *студент*. В словаре П. Я. Черных⁶ выделяется наибольшее количество мотивирующих признаков – семь. Наименьшее количество – один признак – отмечен в словаре Л. В. Успенского⁷. Ни в одном из словарей нельзя отыскать полного набора сем и семем, которые соотносятся с мотивирующими признаками. Как указывает П. Я. Черных, «слово *студент* известно, по крайней мере, с XVII века». Автор словаря отмечает, что «речь идёт о польских студентах» 1660 г. И только в XVIII в. *студент* становится «обычным словом». В словаре А. К. Шапош-

никова⁸ находим конкретный год (1782), когда слово *студент* вошло в словари русского языка. Автор этого словаря указывает, что прилагательное «студенческий» отмечено в словарях с 1847 г. На факт появления в русском языке слова *студент* в начале XVIII в. указывают Н. М. Шанский⁹, М. Н. Свиридова¹⁰ и А. Ситников¹¹.

Большинство лексикографов связывают происхождение слова *студент* с немецким языком. П. Я. Черных высказывает предположение, что начальное «с» указывает на посредничество украинского и польского языков. Он же отмечает, что «немецкое *student* произносится с начальным “ш” в отличие от голландского с начальным “с”». В этой же словарной статье мы находим версию, что первоисточником всё же был латинский язык (*studens, studentis*). Автор этимологического словаря А. Г. Преображенский¹² также ставит под сомнение происхождение слова *студент* из немецкого языка, обращая внимание на начальное «с». В словаре М. Фасмера¹³ мы находим неожиданную форму слова *студент* – *скудент* (от *скудный*) с пометой «народн.».

Представляется интересным, что слово *студентка* появилось значительно позже, только в 1940 г., по данным словаря А. К. Шапошникова. Г. А. Крылов предлагает обратить внимание на родственное слово – *студия*¹⁴. Очевидно, что слова объединяет общий латинский корень. Результаты анализа мотивирующих признаков концепта *студент* представлены в таблице.

¹ Цыганенко Г. П. Этимологический словарь русского языка: более 5 000 слов. – 2-е изд., перераб. и доп. – Киев: Радянська школа, 1989. – 511 с.

² Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. 3. А–К. – СПб.: Отд-ние рус. яз. и словесности Имп. Акад. наук, 1912. – 297, [7] с.

³ Барнаул. – URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%91%D0%B0%D1%80%D0%BD%D0%B0%D1%83%D0%BB> (дата обращения: 23.01.2021). – Текст: электронный.

⁴ Корнеслов русского языка, сравненного со всеми главнейшими славянскими наречиями и с двадцатью четырьмя иностранными языками: удостоен Демидовской премии / сост. Ф. Шимкевич. – СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1842. – 167 с.

⁵ Семёнов А. В. Этимологический словарь русского языка. Сер. «Русский язык от А до Я». – М.: ЮНБЕС, 2003. – URL: <https://lexicography.online/etymology/semyonov/c> (дата обращения: 02.08.2021). – Текст: электронный.

⁶ Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. Панцирь-Ящур. – 3-е изд., стер. – М.: Рус. яз., 1999. – С. 213.

⁷ Успенский Л. В. Почему не иначе?: этимологический словарик школьника. – М.: Дет. лит., 1967. – URL: <https://lexicography.online/etymology/uspensky/c/студент> (дата обращения 31.07.2021). – Текст: электронный.

⁸ Шапошников А. К. Этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. Т. 2. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 390.

⁹ Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка. Происхождение слов. – М.: Дрофа, 2004. – URL: <https://lexicography.online/etymology/shansky/c/студент> (дата обращения: 31.07.2021). – Текст: электронный.

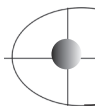
¹⁰ Свиридова М. Н. Этимологический словарь современного русского языка. – М.: Аделант, 2014. – С. 365.

¹¹ Ситникова А. Этимологический словарь русского языка. – Ростов н/Д.: Феникс, 2004. – 240 с. – URL: <http://rus-yaz.niv.ru/doc/dictionary/etymological/fc/slovar-209.htm#zag-4020> (дата обращения: 31.07.2021). – Текст: электронный.

¹² Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка: в 3 т. Т. 2. П–С. – М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1949. – С. 406.

¹³ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3: пер. с нем. – 2-е изд., стер. – М.: Прогресс, 1987. – С. 787.

¹⁴ Крылов Г. А. Этимологический словарь русского языка. – СПб.: Полиграфуслуги, 2005. – С. 379.

Таблица

Мотивирующие признаки концепта студент

№ п/п	Признаки	Горяев Н. В. Сравнительный ЭСРЯ	Крылов Г. А. Этимологический словарь РЯ	Преображенский А. Г. ЭСРЯ	Фасмер М. Этимологический словарь РЯ	Черных П. Я. Историко- этимологический словарь современного русского языка	Шанский Н. М. Школьный ЭС	Успенский Л. В. Этимологический словарь школьника	Ситникова А. Этимологический словарь РЯ	Шапошников А. К. Этимологический ССРЯ	Сеиридова М. Н. Этимологический словарь РЯ
1	«Учащийся (высшего учебного заведения)»	-	+	+	-	+	+	-	+	+	+
2	«Студент(ка)»	+	-	+	+	+	-	-	-	+	-
3	«Студенческий»	-	-	+	-	+	-	-	-	+	-
4	«Усердно работать/стараться»	-	-	+	+	+	-	-	-	+	-
5	«Прилежно/ревностно заниматься»	+	-	-	-	+	-	-	-	+	-
6	«Стремиться (спешить) к успеху»	+	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7	«(Про)штудировать»	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-
8	«Студенчество»	-	-	-	-	-	-	-	-	+	-
9	«Скудент (скудный)»	-	-	-	+	-	-	-	-	-	-
10	«Студия»	-	+	-	-	-	-	-	-	-	-
11	«Учиться/заниматься/упражняться»	-	-	-	+	+	+	+	+	-	+

Объединим мотивирующие признаки концепта *студент* в шесть блоков: 1. Участники образовательного процесса: «учащийся (высшего учебного заведения)», «студент(ка)», «скудент». 2. Принадлежность к социальной группе: «студенческий», «студенчество». 3. Усилие: «усердно работать/стараться», «прилежно/ревностно заниматься», «(про)штудировать». 4. Стремление: «стремиться (спешить) к успеху». 5. Место: «студия». 6. Процесс обучения: «учиться/заниматься/упражняться».

Первый мотивирующий признак «учащийся» упоминается в семи словарях и восходит к латинскому *studeo* (учусь, занимаюсь). В словарях П. Я. Черных, А. Г. Преображенского, А. К. Шапошникова отмечен признак «учащийся высшего учебного заведения» (*В общем, учащиеся высших учебных заведений не придали особого значения тревожному предзнаменованию и продолжили поступательное движение вперед.* С. Шерстенников. Оттепель). В остальных словарных статьях приводится признак «учащийся» (*Как результат, в некоторых агровузах Европы сейчас большая часть студентов – горожане, например в Университете Хельсинки «городские»*

составляют около 70 % учащихся факультета сельского и лесного хозяйства. Н. Бабаев, Т. Юрасова. России нужна реформа аграрного образования). Если говорить о частотности упоминания, то мотивирующий признак «учащийся», занимает только четвертую позицию.

Вторым мотивирующим признаком по степени упоминания является признак «учиться/заниматься/упражняться». Он отмечен в шести словарных этимологических статьях (*Вуз, о котором идёт речь, государственный, и большинство студентов учатся в нём бесплатно.* А. Фенько. Студент всегда прав). *Студенту свойственно «заниматься» (Ведь студенты в сессию занимаются обыкновенно ночами, а Соня с Глебовым тратили ночи на другое.* Ю. Трифонов. Дом на набережной). Актуализируется в современном дискурсе мотивирующий признак «упражняться» (*Студенты-медики из года в год, из поколения в поколение, упражнялись в творчестве, пытаюсь с помощью забавных стихов облегчить себе однообразную методику запоминания.* В. Валева. Скорая помощь).

На третьей позиции по частоте упоминания в словарях находится признак «сту-

дент(ка)», который приведён в пяти словарях и является лидером по степени актуализации в Национальном корпусе русского языка. Мотивирующий признак «студент» указывает на юность, молодость и выражается уточняющим дополнением (*Ещё в юности, студентом-первокурсником, будучи в Италии, я наткнулся глазами на афишу «опера – “Федора” – иль протагонисто Филиппо Арджи»*. С. Д. Кржижановский. Пьеса и её заглавие). Его рассматривают как соратника, последователя (*Когда имена профессора и студента стоят рядом, студента невольно ставят на первое место, и слух об Алёше, как о будущей звезде, разошёлся по всему университету*. В. Г. Распутин. Новая профессия).

Четвёртый мотивирующий признак «усердно работать/стараться» характеризуется средней частотой употребления в современной языковой среде (*Среди молодых гостей Лучицких особенно выдавались Валентин Стожаров, студент-медик, которого прочли в звёзды учёного мира, Антиох Масон, Аполлоний Загрос и Эдуард Осборн, англичанин, усердно работавший над социальными вопросами*. Л. А. Тихомиров. В последние дни; *Почему же я обращаюсь к этим молодым итальянцам или французам славистам, студентам и студенткам, которые стараются записать мою неорганизованную речь в свои блокноты...* В. П. Катаев. Алмазный мой венец).

Признаки «студенческий», «прилежно/ревностно заниматься» и «(про)штудировать» приводятся в трёх словарях, но находятся на совершенно разных позициях по частотности употребления. Признак «студенческий» активно функционирует в современном языковом пространстве, занимая третье место после признаков «учащийся» и «учиться/заниматься/упражняться» (*Журнал «Красный студент» писал: «Студенческая пицца буквально погибла»*. Н. Б. Лебина. Советская повседневность: нормы и аномалии). Популярность студенческих отрядов вновь возвращается (*Как подрабатывают студенты на каникулах, можно было узнать на закрытии трудового сезона студенческих отрядов Новгородской области, которое состоялось на днях в Доме молодёжи*. С. Горина. Трудовые открытия). Не изменились и требования к учебным планам вузов, где студенческая практика является обязательным

компонентом (*За минувшие пять лет около ста студентов из ЮАР проходили в ОИЯИ студенческую практику*. Г. Мялковская. «Радужная страна»: в ногу со временем). Широко представлено в НКРЯ и словосочетание *студенческая олимпиада* (*Студенты КГТЭИ достойно представляют вуз на всероссийских студенческих олимпиадах, конкурсах, конференциях*. Ю. Александров, Т. Катцина. Торговое образование Красноярья). *Студенческие театры* можно найти практически в каждом современном вузе (*Я многое получил от своих друзей-студентов как в Пермском университете, так и, особенно, в Студенческом театре Московского университета, но это предмет особого разговора*. М. А. Захаров. Театр без вранья). Выражение *студенческий кампус* закрепилось в современном языковом сознании (*И первый русский в студенческом кампусе сингапурского университета на моей лекции...* В. Скворцов. Сингапурский квартет). Признак «прилежно/ревностно заниматься» сохраняет промежуточную позицию между «студенческий» и «(про)штудировать» (*Прислала через сына своего, студента здешнего Университета Сергея Григорьевича Елисеева, прилежно занимающегося и безукоризненно ведущего себя*. Архиепископ Николай Японский. Дневники святого Николая Японского).

Мотивирующий признак «стремиться (спешить) к успеху», восходящий к латинскому *studere* (спешить, стремиться к успеху, ревностно чем-то заниматься), находим только в словаре Н. В. Горяева¹. Признак «успех» актуализируется в языковом материале из Национального корпуса русского языка (*Награды и медали давались студентам не за успехи в науках, а за благочестие*. Е. Ф. Литвинова. Н. И. Лобачевский; *Основная масса студентов с успехом сдаёт экзамены*. Я. Игов. С зачёткой наперевес). Тогда как предположно-падежные конструкции *стремиться к успеху, спешить к успеху* в контексте со словом *студент* на момент проведения исследования в НКРЯ не зафиксированы.

Признак «студенчество» обнаружен только в словаре А. К. Шапошникова, он достаточно часто актуализируется в современном языковом поле (*Ощущать и называть всех их естественнее, чем студентами*,

¹ Горяев Н. В. Сравнительный этимологический словарь русского языка. – Тифлис: Тип. канц. Главпочтамта. гражданской частью на Кавказе, 1896. – 558 с.

было представителями **студенчества**. А. Найман. Славный конец бесславных поколений). Слово *студенчество* – собирательное существительное, представляет признак «место проживания» (*Казалось бы, у русских студентов мало объективных оснований для столь распространённого взгляда на европейское студенчество, как на расу низшую.* А. Изгоев. Об интеллигентной молодёжи).

В словаре Г. А. Крылова был выделен признак «студия». Слово *студия* имеет общий латинский корень с репрезентантом рассматриваемого концепта. Слово *студия* в значении «помещение для занятий искусством» употребляется достаточно широко (*Он был первым из студентов, с кем я познакомился в Студии.* В. Давыдов. Театр моей мечты).

В обиходе *студент* обычно ассоциируется со скромными финансовыми возможностями, лишениями. Мотивирующий признак «скудент» показывает явную ассоциацию со словом *скудный*. Этот признак найден только в словаре М. Фасмера, в настоящее время он не актуален. Вместе с тем слова *студент* и *скудный* часто употребляются в одном контексте до сих пор (*Английский студент, выходец из мало или даже среднеобеспеченной семьи, живёт скудно, мало рассчитывая на государственную или семейную поддержку.* А. Ефремов. Цена диплома).

Заключение. Выделенные одиннадцать мотивирующих признаков концепта *студент* стали основой для дальнейшего развития его структуры. У концепта *студент* выявлен только один когнитивный признак «скудент», не сохранивший свою актуальность. Такие признаки, как «учащийся (высшего учебного заведения)», «студент(ка)», «студенческий», «усердно работать/стараться», «прилежно/ревностно заниматься», «стремиться (спешить) к успеху», «студенчество», «учиться/заниматься/упражняться», актуальны и в современном языковом сознании. Перечисленные признаки перешли в категорию понятийных. На это указывают иллюстративные примеры из Национального корпуса русского языка, постоянно пополняемого электронного ресурса собрания русских текстов. Дальнейшее исследование структуры рассматриваемого концепта предполагает изучение понятийных, категориальных, образных и символических признаков с целью описания всей структуры концепта *студент*, основного компонента макроконцепта *обучение*.

Исследования концептов позволяют выявить связь языка с мышлением и духовной культурой. Результаты таких исследований применимы в теории и практике лингвистической науки, в частности – в составлении словаря концептов.

Список литературы

1. Колесов В. В. *Философия русского слова*. СПб.: Юна, 2002. 448 с.
2. Пименова М. В. *Концепт сердце: образ, понятие, символ*. Кемерово: КемГУ, 2007. 500 с. (Сер. «Концептуальные исследования»).
3. Потебня А. А. *Мысль и язык*. Киев: СИНТО, 1993. 190 с.
4. Сухомлинова М. А. Концепт «студент» в английской и русской лингвокультурах. Текст: электронный // Гуманитарные и социальные науки. 2013. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-student-v-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah> (дата обращения: 31.07.2021).
5. Богословская З. М., Новикова В. С. Дефиниционный анализ имени концепта student. Текст: электронный // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2015. № 5–4. С. 694–696. URL: <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=7200> (дата обращения: 31.07.2021).
6. Новикова В. С. Историко-этимологический анализ имени концепта STUDENT // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 1–2. С. 143–145.
7. Заглядкина Т. Я. Лингвокультурный концепт «студент» в сознании российских и германских студентов (по материалам свободного ассоциативного эксперимента) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2009. № 2. С. 27–31.
8. Garfield J. L., Peterson C. C. Social Cognition, Language Acquisition and the Development of the Theory of Mind // *Mind and Language*. 2001. Vol. 16. Pp. 494–541.
9. Hedegaard M. Situated Learning and Cognition: Theoretical Learning and Cognition // *Mind Culture and Activity*. 1998. Vol. 5. Pp. 114–126.
10. Langacker R. W. *Concepts, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar*. Berlin; New York: Moutonde Gruyter, 1990. 395 p.
11. John-Steiner V., Meehan T. M. A functional systems approach to cognitive development // *Mind, Culture, and Activity*. 1998. Vol. 5. Pp. 127–134.

12. Пименова М. В. Концептология на современном этапе (способы исследования концептуальных структур) // Гуманитарный вектор. 2017. № 5. С. 13–22. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22.
13. Маслова В. А., Пименова М. В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта: Наука, 2016. 180 с.
14. Пименова М. В. Методика анализа и теоретические установки кемеровской школы концептуальных исследований // Науковий вісник Херсонського державного університету. Сер. «Лінгвістика». 2013. Вип. 18. С. 50–59.
15. Пименова М. В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник Кемеровского государственного университета. 2013. № 2-2. С. 127–131.

Статья поступила в редакцию 05.08.2021; принята к публикации 10.09.2021

Сведения об авторе

Юрченко Марина Геннадьевна, кандидат педагогических наук, доцент, Кыргызско-Российский Славянский университет; 720000, Киргизская Республика, г. Бишкек, ул. Киевская, 44; e-mail: m4rinaiurchenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7464-711X>.

Для цитирования:

Юрченко М. Г. Мотивирующие признаки концепта студент // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 89–95. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-89-95.

References

1. Kolesov, V. V. Philosophy of the Russian word. SPb: Yuna, 2002. (In Rus.)
2. Pimenova, M. V. The concept of heart: image, concept, symbol. Kemerovo: KSU, 2007. (In Rus.)
3. Potebnyia, A. A. Thought and language. Kiev: SINTO, 1993. (In Rus.)
4. Suhomlinova, M. A. Concept “Student” in English and Russian linguoculture. The Humanities and Social sciences, 2013, 6. Web. 31.07.2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-student-v-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah> (In Rus.)
5. Bogoslovskaya, Z. M., Novikova V. S. Definitional analysis of the concept name student. International Journal of Applied and Basic Research, no. 5–4, pp. 694–696, 2015. <http://applied-research.ru/ru/article/view?id=7200> Web. 31.07.2021 (In Rus.)
6. Novikova, V. S. Historical and Etimological Analysis of the Name of the Concept Student. Bulletin of Kemerovo State University, no. 1–2, pp. 143–145, 2014. (In Rus.)
7. Zaglyadkina, T. Ya. The linguocultural concept “student” in the minds of Russian and German students (based on the materials of a free associative experiment). Izvestia VGPU, no. 2, pp. 27–31, 2009. (In Rus.)
8. Garfield, J. L., Peterson, C. C. Social Cognition, Language Acquisition and the Development of the Theory of Mind. Mind and Language, no. 16, pp. 494–541, 2001. (In Engl.)
9. Hedegaard, M. Situated Learning and Cognition: Theoretical Learning and Cognition. Mind Culture and Activity, no. 5, pp. 114–126, 1998. (In Engl.)
10. Langacker, R. W. Concepts, Image and Symbol. The Cognitive Basis of Grammar. Berlin. B.; N. Y: Moutonde Gruyter, 1990. (In Engl.)
11. John-Steiner, V., Meehan, T. M. A functional systems approach to cognitive development. Mind, Culture, and Activity, no. 5, 127–134, 1998. (In Engl.)
12. Pimenova, M. V. Conceptology at the present stage (methods of investigation of conceptual structures). Gumanitarnyi vector, no. 12, pp. 13–22, 2017 (In Rus.) DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-5-13-22.
13. Maslova, V. A., Pimenova, M. V. Codes of linguoculture. Moscow: Flinta: Nauka, 2016. (In Rus.)
14. Pimenova, M. V. Method of analysis and theoretical concerns of the Kemerovo school of conceptual studies. Naukovii visnik Khersonskogo derzhavnogo universitetu. Seriiia “Lingvistika”, no. 8, pp. 50–59, 2013. (In Rus.)
15. Pimenova, M. V. The types of concepts and the stages of conceptual research. Bulletin of Kemerovo State University, no. 2–2, pp. 127–131, 2013. (In Rus.)

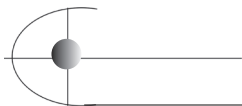
Received: August 5, 2021; accepted for publication September 10, 2021

Information about author

Iurchenko Marina G., Candidate of Pedagogy, Associate Professor, Kyrgyz-Russian Slavic University; 44 Kievskaya st., Bishkek, 720000, Kyrgyz Republic; e-mail: m4rinaiurchenko@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7464-711X>.

For citation:

Iurchenko M. G. Motivating signs of the *student* concept // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 89–95. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-89-95.

УДК 070.1; 304.4

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-96-106

Ирина Викторовна Ерофеева,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: irina-jour@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5653-2792>

Юлия Валерьевна Толстокулакова,
Забайкальский государственный университет,
(г. Чита, Россия),
e-mail: u-gazinskaya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9633-0658>

Аксиосфера концепта *Война* в медиадискурсе о Нагорно-Карабахском конфликте

На основе лингвокультурологического и концептуального анализов более 500 текстов информационных агентств и печатных изданий представлена структурно-содержательная характеристика аксиосферы концепта *Война* в медиадискурсе, повествующем о Нагорно-Карабахском конфликте. Актуальность исследования обусловлена непрекращающимся противостоянием между Арменией и Азербайджаном, несмотря на предпринятые усилия ряда заинтересованных государств. В данной ситуации важным представляется ценностная рефлексия в отношении к ключевым аспектам восприятия конфликта, объективированная в концептуализированной сфере *Война* российского медиадискурса. В этимологической характеристике исследуемого концепта обозначена классическая оппозиция «война – мир» (патология жизни и её норма), позволяющая выделить аксиологические доминанты в освещении Нагорно-Карабахского конфликта в массмедиа. Идеологическая модальность концептуализированной сферы непосредственно связана с национальными интересами в условиях современной геополитической войны. Обнаруженная в процессе исследования сценарная модель репрезентации разворачивается в экспрессивной парадигме «Мы – Они», в которой задействованы не только противоборствующие страны, но и другие заинтересованные политические акторы. Согласно результатам осуществлённого анализа аксиосфера концепта *Война* представляет собой сложное единство явно доминирующих медиаобразов, в которых аккумулируются ценностные приоритеты с положительными и отрицательными коннотациями, отражающие мировосприятие и ключевые смыслы конкретного бытия. Конфликтный медиадискурс создаётся с использованием целостных образов (гештальтов): Дом как святая историческая земля, Спаситель-Миротворец, Друг. В рамках заявленных гештальтов подспудно и имманентно конструируется положительный образ России, связанный непосредственно с её активной деятельностью в урегулировании конфликта. Исследуемые компоненты аксиосферы демонстрируют направленность и смысловую природу человеческой жизни в атмосфере войны. В целом инициируемый СМИ конфликтный дискурс подчёркивает абсолютность войны и её незавершённость, отягощённую отсутствием единого ответа на сложившуюся ситуацию со стороны Армении и Азербайджана.

Ключевые слова: концепт *Война*, медиадискурс, Нагорно-Карабахский конфликт, аксиосфера, ценностная картина мира, медиаобраз России

Благодарность: Исследование выполнено в рамках гранта РФФИ, проект № 19-013-00725 «Медиаобраз России в контексте национальной безопасности».

Irina V. Erofeeva,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: irina-jour@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0001-5653-2792>

Yulia V. Tolstokulakova,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: u-gazinskaya@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-9633-0658>

Axiosphere of the Concept of War in the Media Discourse on the Nagorno-Karabakh Conflict

Linguocultural and conceptual analyzes of more than 500 texts of news agencies and print media allows us to present structural and substantive characteristics of the axiosphere of the concept of *War* in the media discourse on the Nagorno-Karabakh conflict. The relevance of the study is due to the continuous confrontation between Armenia and Azerbaijan, despite the efforts of some countries concerned. In this situation, value reflection in relation to key aspects of the perception of the conflict objectified in the conceptualized sphere of the *War* of the Russian media discourse is very important. The etymological characteristic of the concept studied indicates classical opposition “war – peace” (pathology of life and its norm), which allows us to distinguish axiological dominants in the coverage of the Nagorno-Karabakh conflict in the mass media. Ideological modality of the conceptualized sphere is directly related to national interests in the context of modern geopolitical war. The scenario representation model discovered in the process of our research shows itself in the expressive paradigm “We – They”, which involves not only warring countries but also other political actors concerned. In general, the conflict discourse initiated by the media emphasizes the absolute nature of the war and its inconclusive nature, burdened by the lack of a unified response to the current situation from Armenia and Azerbaijan.

Keywords: concept of *War*, media discourse, the Nagorno-Karabakh conflict, axiosphere, value worldview, media image of Russia

Acknowledgment : The research was carried out within the framework of RFBR grant, project No. 19-013-00725 “Media image of Russia in the context of national security”.

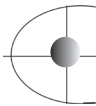
Введение. В конце сентября 2020 г. многолетний конфликт в Нагорном Карабахе перерос в активные боевые действия и гибель мирного населения. Перемирие стало возможным лишь 10 ноября в результате заключения трёхстороннего соглашения при посредничестве Армении, Азербайджана и Москвы. Конфликтующие стороны договорились прекратить огонь, обменяться пленными и телами погибших. В регион пришли российские миротворцы. Тем не менее, конфликт не исчерпан, он продолжается. Информационные потоки современных масс-медиа фиксируют концептуальные и ценностные аспекты его реализации.

Актуальность выбранной темы обусловлена геополитическими реалиями современного мира. Война в Нагорном Карабахе не только трагическое отражение культурно-этнического противостояния, но и демонстрация новой политики разных стран, осознающих стратегическую важность региона в Закавказье. Свои особые интересы, связанные с данной территорией, заявляют США, Турция, Иран, Франция, Евросоюз. Россия также обеспокоена дестабилизацией у своих гра-

ниц, к тому же у неё давно сложившиеся тесные связи с бывшими республиками СССР.

Медиадискурс, как «речь, погружённая в жизнь» [1], в процессе объективации военных действий и сопутствующих международных процессов предлагает социальное и аксиологическое измерение непрекращающегося конфликта. СМИ непосредственно участвуют в общественных процессах, вынуждены, отталкиваясь от фактуры, инициировать конфликтный дискурс и соответствующую коммуникацию [2, с. 12], в которую непосредственно вовлечены: во-первых, массовая аудитория (её интересы и потребности); во-вторых, автор публикации как носитель определённой картины мира. Символические релеванты Нагорно-Карабахского конфликта запечатлены в медиадискурсе, они отчасти связаны с противоборствующими сторонами, но большее значение имеет концептуальная составляющая восприятия данного конфликта автором и аудиторией.

Особо важные перспективы рассмотрения феномена «Нагорно-Карабаха» встроены в процесс «осмысления и разработки стратегий развития будущего мироустрой-

ства» [3, с. 65]. В научных исследованиях по указанному вопросу поднимается тема, которую можно обозначить формулой «страна глазами жителей другой страны» [4].

Формирование представлений об ином государстве обосновано не только взаимосвязанностью мира в условиях глобализации, но и участившимися военными конфликтами на отдельных территориях. Представляется важным регистрировать актуальные явления одной страны, связанные с особым истолкованием её действительности – в другой. В обстоятельствах, сосредоточенных на урегулировании конфликта ненасильственным образом, особую роль играет и сторонний субъект – третья сторона, заинтересованная в благополучном разрешении сложившейся ситуации. Как правило, данное государство одновременно ориентировано и на конструирование собственного положительного медиаобраза как «важнейшего аспекта политики» [5].

Цель нашего исследования – реконструировать модель аксиосферы *Война*, представленной в русскоязычных СМИ, повествующих о Нагорно-Карабахском конфликте. Для реализации этой цели осуществлены лингвокультурологический и концептуальный анализы концептосферы *Война* в медиадискурсе российских СМИ, выделить доминирующие гештальты и сопутствующие им фреймы, аккумулирующие ценностный вектор интерпретации Нагорно-Карабахского конфликта. Особое внимание в процессе качественного контент-анализа медиадискурса было обращено на акценты разворачивающегося конфликтного дискурса (противоборство Армении и Азербайджана с участием других стран), а также на конструирование медиаобраза России в процессе нормализации отношений сторон.

Нагорный Карабах как проблема научных исследований: обзор литературы. Нагорно-Карабахский конфликт – актуальная и востребованная тема в разных сферах знания. Так, поисковая система научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU предлагает 7475 публикаций, в названии которых фигурирует словосочетание «Нагорный Карабах». Проблемному вопросу посвящён ряд сборников научных статей, опубликованных в России и за рубежом [6; 7].

Ученые подчёркивают геополитическую актуальность конфликта, рассматривают

факторы обострения ситуации и её влияние на безопасность в Каспийском регионе [7; 8]. Первопричины конфликта, история сложных отношений между Арменией и Азербайджаном, ключевые события до и после распада СССР, проблема отсутствия необходимых дипломатических скреп рассматриваются в работах А. Г. Ибрагимова [9], А. А. Егикова [10], К. Shukiurov [11], В. D. Foster [12].

Отдельные авторы предлагают анализ социально-экономических, политических и правовых аспектов территориальных претензий Армении к Нагорному Карабаху [13]. Возможные этапы, миссии и перспективы урегулирования конфликта с разных позиций представлены в трудах С. М. Маркедонова [14], N. Aliev [15], H. Vilén [16]. Г. К. Погосян обращает внимание на политико-правовые вопросы в поиске путей выхода из сложившегося тупика, который связан с антагонизмом и недоверием между противостоящими сторонами, накопившимися за три последние десятилетия после войны 1992–1994 гг.

Региональная интеграция и связанные с ней экономические реалии – также предмет особого интереса учёных [6; 17 и др.]. Нагорный Карабах рассматривается исследователями сквозь призму отношений Армении и Турции, России и Азербайджана, позиции Ирана, роли Франции и международных межправительственных организаций в урегулировании конфликта, в частности ОБСЕ. Достаточно подробно артикулируется анализ политики Евросоюза в отношении вооружённого конфликта между Арменией и Азербайджаном [6; 18], уточняется роль в мирном урегулировании международных посредников – России, США и Франции. В разных плоскостях интерпретируется роль Турции в помощи Азербайджану [19–21]. В качестве аргументов обсуждается вопрос «исконности земли», третья сторона позиционируется как «препятствие на пути к миру» или «искусственный баланс».

Россия представлена как неоднозначный игрок в разрешении конфликта. В. Р. Агрян обращает внимание на историю формирования внешнеполитических приоритетов России [22]. Зарубежные авторы также подчёркивают особое значение Нагорного Карабаха для нашей страны [11]. В связи с этим некоторые исследования обращены к этнической и культурной составляющей конфликта. Р. Карагёзов справедливо отмечает, что незаслуженно редко

исследуется роль коллективной памяти в возникновении и урегулировании этнополитических конфликтов [23]. Именно медиатексты способны транслировать конструкты коллективной памяти. Специфику работы с религиозными представлениями, этнической информацией, политической мифологией, шаблонными нарративами, паттернами коллективной памяти как эффективными инструментами воздействия на массовое сознание анализируют А. Н. Топуян [24], Е. К. Рева [25], Р. Карагёзов, Р. Кадырова [23], А. Gahramanova [26]. Данный инструментарий можно рассматривать как нарративное примирение или вмешательство [27].

Неслучайно немало работ посвящено Нагорному Карабаху в ракурсе информационных войн, оценивается эффективная работа СМИ по освещению конфликта в Армении и Азербайджане [28], Великобритании [29], России и иных странах [30–32]. В цифровую эпоху борьбы за сознание общества, управление международными процессами на первый план выходят медийные технологии и информационный инструментарий конструирования территориальной идентичности. Активно проводятся исследования общественного мнения¹. Опубликованная информация иногда используется разными силами Армении и Азербайджана в процессе борьбы за власть.

Несмотря на обилие работ по Нагорному Карабаху мы не обнаружили исследования лингвокультурологического характера, нацеленные на поиск смыслов и ценностей концептуализированной сферы *Война*, репрезентированных в медиадискурсе носителями определённой картины мира. Тем не менее, с момента начала обострения конфликта в 2020 г. наблюдается резкое увеличение информационных потоков на данную тему. Так, 12 апреля 2021 г. только на сайте «Известия.ru» с тегом «Нагорный Карабах» отмечено от 1 до 9 материалов в день (ежедневно)², на сайте «РИА Новости» – 8 620³

¹ Карабахский конфликт в зеркале СМИ и общественного мнения Армении, Азербайджана и Нагорного Карабаха. – URL: <https://www.kavkaz-uzel.eu/articles/24014/> (дата обращения: 05.09.2021). – Текст: электронный.

² Известия.ru. – URL: <https://iz.ru/tag/nagornyi-karabakh> (дата обращения: 24.09.2021). – Текст: электронный.

³ РИА Новости. – URL: <https://ria.ru/search/?query=нагорных+карабах> (дата обращения: 24.09.2021). – Текст: электронный.

медиатекстов, на сайте «Коммерсант.ru» – более тысячи документов⁴.

Методология и методы исследования. Основополагающими методами в процессе исследования стали лингвокультурологический анализ (постулирующий единство языка и культуры и позволяющий выявить специфику аксиологических доминант в восприятии фактов и их репрезентации в медиатексте языковой личностью), а также контент-анализ медиадискурса. Объектом анализа выступили 500 русскоязычных медиатекстов, опубликованных в период 2020–2021 гг. и повествующих о Нагорно-Карабахском конфликте: РБК, РИА Новости, Известия, Коммерсант, Российская газета, Аргументы и факты.

В качестве единиц анализа были выбраны лексемы актуализации концепта *Война*: Нагорный Карабах, миротворцы, война, конфликт. Концептуальная сфера медиадискурса распознаётся в форме вербализации народного опыта, рождающего систему смыслов родной культуры, именно поэтому анализ эмпирического материала осуществлялся через фреймовую характеристику концепта *Война*, продуцирующую в медиатекстах реалии конфликта в Нагорном Карабахе. Анализ аксиосферы концепта осуществлялся с помощью семантических, лингвокультурных и ассоциативных компонентов, входящих в его семантическую структуру [33].

В процессе исследования использовались сложившиеся постулаты современной когнитивной лингвистики. Известно, что концепт есть квант переживаемого знания, некий концентрат культуры, доступный всем членам языковой общности. Концепт как «опорная сеть коренных понятий национальной культуры существует вне времени и пространства» [34, с. 25], познаётся интуитивно и «воспринимается одинаково, но с разной силой, энергией и отдачей» [Там же]. Концептуализированная сфера включает понятийный уровень концепта, систему соответствующих образов и ценностей, выступающих высшими организаторами мыслительных операций и поведения человека. Концепт аксиологичен по своей природе,

⁴ Коммерсант.ru. – URL: https://www.kommersant.ru/search/results?places=&categories=&isbankrupt=&datestart=20.09.2020&search_query=нагорный+карабах&sort_by=1&search_full=1&time_range=2&dateStart=20.09.2020&dateEnd=12.04.2021 (дата обращения: 12.04.2021). – Текст: электронный.

по утверждению В. И. Карасика, способен отражать абсолютные ориентиры, нормы и деонтические суждения, а также социально одобряемые или допустимые в конкретной группе действия [по: 17]. В данном контексте ценности есть предельно нормативные акты сознания и поведения, это «смыслообразующие основания человеческого бытия», напрямую влияющие на мотивы и направленность жизни, соотнесённые со сложившимися в культуре образцами [35]. Предметом нашего исследования становятся ценности концептуализированной сферы *Война*.

Результаты исследования и их обсуждение. Концепт *Война* является сверхзначимым и сложным конструктом в языковой картине мира разных культур. Он базируется на понятийной основе, репрезентируется в СМИ за счёт сложной образной архитектоники и сопровождается культурно-обусловленными оценками [36]. Понятийное значение слова «война» включает семы «вооружённая борьба между государствами или народами, между классами внутри государства», «борьба, враждебные отношения с кем-чем-нибудь»¹.

Осуществлённый лингвокультурологический анализ медиадискурса показал, что аксиосфера концепта *Война* характеризуется как неоднозначное единство ценностных приоритетов, объективированных в системе целостных образов с положительными и отрицательными коннотациями. Ментальная рефлексия языковой личности автора в процессе повествования о Нагорно-Карабахском конфликте осуществляется традиционно в бинарной оппозиции: «Война - Мир», которая в свою очередь задействует ассоциативные связи: смерть – жизнь, зло – добро, страх – стойкость и бесстрашие. Экзистенциальное переживание жизни человека наиболее полно возможно при столкновении благой реальности мира и жестоких страданий войны. Атмосфера войны выступает триггером душевного хаоса и раздора между людьми и странами.

Выделенный в процессе исследования **фрейм «военные действия»** подчёркивает трагедийность происходящего, угрозу государственности как качественного состояния общества. Медиадискурс наполнен картинками боевых столкновений и военных операций, несущих крупные потери живой силе и технике. Частотно в публикациях ценность

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: АЗЪ, 1996. – С. 90.

человеческой жизни становится разменной монетой политического противоборства: *В Минобороны Нагорного Карабаха заявили, что информация о вооружённой провокации со стороны армянских военных не соответствует действительности. По данным ведомства, попытку атаки вечером 11 декабря предприняла азербайджанская сторона. В результате перестрелки были ранены трое военных, сообщили в Минобороны Нагорного Карабаха* (РБК. 2020. 12 декабря).

Аксиосфера *Войны* актуализирует ключевую парадигму культуры «Жизнь – Смерть», в рамках которой смысл вечного движения жизни постигается на уровне страдания и мысли о близости смерти. Трагические истории, боль потери, страх смерти, горе и ужас символизируют войну как разрушителя человеческой жизни. Семиотическая плотность концептосферы создаётся за счёт экспрессивных печальных образов: шествие памяти матерей погибших армянских военнослужащих²; старики и дети на фоне разрушенных домов; «кровавая жатва войны» в череде новостей о погибших (АиФ. 2021. 5 июня); ослеплённые горем люди не могут смириться с потерей родных и близких и «по малейшему поводу хватаются за оружие» (Российская газета. 2020. № 295. 28 декабря). Доминирующие информационные потоки рисуют образ «выжженной земли». Журналисты задаются вопросами: «Удастся ли возродить жизнь в местах, где недавно гремела война, пройдёт ли торговый путь там, где шла бронетехника» (РИА Новости. 2021. 9 августа).

Тем не менее, духовный инвентарь *Войны* открывает перед человеком истинность Жизни; близость смерти порождает ситуацию выбора, люди обнаруживают в себе либо зловещие склонности и патологию души, либо неиссякаемый источник гуманности. «В нас нет ненависти», – говорит женщина из города Шуши, в котором жившие десятилетиями бок о бок соседи стали врагами. – «В любой войне нет победителей, проигрывают все» (АиФ. 2021. 5 июня).

В медиадискурсе образы *Войны* и *Мира* тесно сосуществуют. Обнаруженный в про-

² Матери погибших в НКР перекрыли дорогу к военному кладбищу в Ереване. – Текст: электронный // Известия.ru. – 2020. – 19 дек. – URL: <https://iz.ru/1102060/2020-12-19/materi-pogibshikh-v-nkr-perekryli-dorogu-k-voennomu-panteonu-v-erevane> (дата обращения: 20.12.2020).

цессе исследования **фрейм «мир»** демонстрирует политический компромисс и настрой на нормализацию отношений. Общий медиатекст артикулирует невозможность, по крайней мере в ближайшее время, благоприятного межкультурного взаимодействия и дружбы конфликтующих народов. При этом реально сближение позиций по политическим вопросам.

Гештальт *Мира* вербализируется распорядительными словосочетаниями: *гуманитарное перемирие, политический компромисс, настрой на нормализацию отношений, статус-кво как возврат к исходному состоянию, поддержание стабильности* и др. Противоречивое утверждение «принуждение к миру» за счёт третьей стороны часто артикулируется в СМИ. Факторы *Мира*, рычаги его установления по-разному представлены в лексической макроструктуре аксиосферы: *резолюция*¹, *«трёхстороннее соглашение»*², *дорожная карта мира*³, *создание центра перемирия*⁴ и т. д.

Несмотря на предпринимаемые усилия разных стран, мир как наивысшая ценность не устанавливается. Непрерывающаяся война абсолютна в своём продолжении. Как справедливо подчёркивает М. А. Ефимец, «война, как противовес миру и состояние войны между странами, ещё не означает, что нет мира, и отсутствие войны не значит, что есть мир» [3, с. 67].

Противоборствующие стороны аксиологически полярно воспринимают перемирие. У Азербайджана прекращение войны ассоциируется с «восторженной радостью», Армения видит в установленном соглашении

капитуляцию и предательство национальных интересов⁵.

В смысловом поле аксиосферы *Война* нашли отражение национальные интересы сторонних государств и международных структур: Россия, США, Турция, Иран, Евросоюз и др. «Поле битвы» за территорию Нагорного Карабаха в медиадискурсе структурируется **дихотомией «Мы – Они»**. Символическое пространство столкновения задействует культурную составляющую и включает необходимую для национальной идентификации разную предметно-образную стихию: хорошо – плохо, свет – тьма. Война объединена смыслами нарастания противостояния, захвата территории агрессивным способом и в то же время защиты своей родной обители.

В русскоязычных СМИ не наблюдается резкое противопоставление образов Армении и Азербайджана, зато традиционно объективировано противостояние России и Запада, представлены разные аксиологические векторы восприятия конфликта и отношения к Нагорному Карабаху. Однонаправленно повествование о приоритетах Турции, требующей покончить с *«оккупацией Нагорного Карабаха»*⁶. Вовлечение иных стран в конфликт, исключая Россию, интерпретируется как «атака на духовные ценности и идентичность»⁷.

Как мы уже отмечали, концептосфера *Война* в медиадискурсе разворачивается с использованием гештальтов, аккумулирующих определённую систему ценностных координат. Преобладающими выступают образы «Дома – святой исторической земли», Миротворца-Спасителя, Друга. Символическая составляющая гештальтов отражает их смысловую природу, ценностные мотивы и ориентационный вектор военного конфликта, объективированного в СМИ.

Образ «Дома» – необходимый компонент осознания благодати мира и хаоса войны. Гештальт воспроизводится в нарративе

¹ Мы все очень хорошо помним про геноцид армян. – Текст: электронный // Коммерсант.ru. – 2020. – 27 нояб. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4586041?query=нагорный%20карабах> (дата обращения: 13.11.2020).

² Нагорный Карабах поделили на троих. – Текст: электронный // Коммерсант.ru. – 2020. – 10 нояб. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4565772> (дата обращения: 13.11.2020).

³ Дорожная карта мира. – Текст: электронный // Российская газета. – 2021. – 11 янв. – URL: <https://rg.ru/2021/01/11/vladimir-putin-ilham-aliev-i-nikol-pashinian-dogovorilis-o-razvitii-karabaha.html> (дата обращения: 11.01.2021).

⁴ Эрдоган заявил о внесении Турцией вклада для поддержания мира в Карабахе. – Текст: электронный // Известия.ru. – 2021. – 13 янв. – URL: <https://iz.ru/1110969/2021-01-13/erdogan-zaiavil-o-vnesenii-turtciei-vklada-dlia-podderzhanii-mira-v-karabakhe> (дата обращения: 20.01.2021).

⁵ Нагорный Карабах поделили на троих. – Текст: электронный // Коммерсант.ru. – 2020. – 10 нояб. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4565772> (дата обращения: 13.11.2020).

⁶ Эрдоган потребовал покончить с оккупацией Нагорного Карабаха. – Текст: электронный // РБК. – 2020. – 28 сент. – URL: <https://www.rbc.ru/politics/28/09/2020/5f71c8a29a79474d03e10e13?> (дата обращения: 13.11.2020).

⁷ Кочарян заявил, что к поражению в Карабахе привело внешнее вмешательство. – Текст: электронный // РИА Новости. – 2021. – 15 июня. – URL: <https://ria.ru/20210615/kocharyan-1737049755.html> (дата обращения: 25.06.2021).

исторического дома и культурной памяти, в композиционном рисунке которого идёт ожесточённая борьба за родную культуру. Дом знаменует освоенную и прирученную уменьшенную модель мира, непосредственно отражающую «Я» человека. Историческая земля понимается, прежде всего, как место становления человека и жизни прародителей, как память веков, пространство геополитической безопасности и суверенности.

Сохранность дома ассоциируется с победой в войне¹. При этом в рамках спорной территории проживают и армяне, и азербайджанцы, считающие её исторически своим домом, который они восстановят после изгнания врага с родной земли². Дом как место силы народа – это не только Карабах, дом – это Баку, дом – это Ереван. И только мирное сосуществование упрочивает дом.

Часто артикулируемый **фрейм «военные»**, как правило, связан с образом «миротворцев и защитников» – контингентом, прибывшим из России. Данный образ конструируется в медиадискурсе с использованием исключительно положительных коннотаций. **Гештальт Миротворца** основывается на архетипе *Спасителя*. В информационных потоках русские военные, как примиряющая сторона конфликта, наделяются миссионерской харизмой, они – гаранты безопасности и готовы к обновлению и преобразованию территорий: *Российские миротворцы запустили водоэборную скважину в Нагорном Карабахе* (Известия. 2021. 9 сентября); *Миротворцы РФ обеспечили безопасность посещения монастыря в Нагорном Карабахе* (Известия. 2021. 7 сентября); *Культурный спецназ – защита древних памятников* (Коммерсант. гл. 2020. 19 октября) и т. д.

Ассоциативный рисунок *Миротворца* подчёркивает его беспристрастное служение миру в рамках международного права: он обеспечивает безопасное возвращение беженцев³; оказывает гуманитарную помощь⁴; участвует в восстановлении объ-

ектов гражданской и инженерной инфраструктуры⁵; выполняет долг во имя защиты слабых, нередко рискует своей жизнью⁶.

Образ Миротворца непосредственно связан с процессом конструирования **положительного медиаобраза России**. Отчасти это отмечено даже в зарубежных исследованиях [37]. Миротворчество как феномен безопасности занимает особое место в деятельности РФ, во многих конфликтах Россия является посредником установления мира: Хорватия, Чечня, Южная Осетия, Молдова, Сирия и др. В медиадискурсе в процессе повествования о миротворческой миссии России вербализируется и **образ Друга**, включённого в процесс налаживания отношений и установления мира. В русской культуре отмечается особый интерес к сфере отношений между людьми. Он находит отражение в русском языке в обилии слов, передающих различные виды дружеских отношений⁷. Дружба как идеальная модель коммуникации вне рамок личного взаимодействия важна и для выстраивания международных контактов. Исключительно положительно оцениваются посреднические усилия России и роль её миротворцев в создании коридора безопасности⁸. Россия именуется гарантом стабильности и мира, исторических соглашений о мире. В дружбе важную роль играет эмоциональный фактор установления тесных и доверительных взаимоотношений: *«Мы очень переживаем, потому что и Азербайджан, и Армения, и На-*

23 сент.; Миротворцы РФ в Карабахе доставили гуманитарную помощь 20 многодетным семьям // Известия. – 2021. – 29 июля; Миротворцы РФ сдали 40 литров крови для жителей Нагорного Карабаха // Известия. – 2021. – 13 авг.; Российские миротворцы продолжают оказывать помощь жителям Нагорного Карабаха. Они не только обеспечивают безопасность в регионе, но и снабжают его жителей всем необходимым // Российская газета. – 2021. – 26 апр.

⁵ Миротворцы РФ в Карабахе оборудуют пропускные пункты // Российская газета. – 2020. – 13 дек.; Российские сапёры очистят 20 га территории села в Нагорном Карабахе // Аргументы и Факты. – 2021. – 20 авг.

⁶ В Карабахе при разминировании погиб российский офицер // Российская газета. – 2020. – 18 дек.; Миротворцы РФ нашли и уничтожили в Карабахе более 25 тысяч боеприпасов // Российская газета. – 2021. – 25 марта; Собаки и роботы-сапёры помогают российским военным разминировать Карабах // Российская газета. – 2021. – 13 мая; Эта служба и опасна и трудна // Российская газета. – 2020. – № 295. – 28 дек.

⁷ Шмелев А. Д. Русская языковая модель мира: материалы к словарю. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 180–188.

⁸ Позитивная роль России // РИА Новости. – 2021. – 24 сент.

¹ Для армянской стороны победа – это сохранить свой дом. – Текст: электронный // Коммерсант. гл. – 2020. – 19 окт. – URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4538437> (дата обращения: 20.12.2020).

² Алиев заявил о «большом возвращении» в Нагорном Карабахе. – Текст: электронный // РБК. – 2021 – 15 янв. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/600187539a794737e2f02351> (дата обращения: 03.02.2020).

³ Миротворцы в Карабахе ищут пропавших без вести // Российская газета. – 2021. – 21 янв.

⁴ Миротворцы РФ оказали гуманитарную помощь беженцам и многодетным семьям в Карабахе // Известия. – 2021. –

горный Карабах – это всё территории, на которых проживают не чужие нам люди», – сказал Владимир Путин¹. В результате моделирование в массмедиа образа России осуществляется с использованием эмоционально-когнитивного блока, включающего ценности равенства, взаимной поддержки и помощи, надёжности и преданности.

Заключение. Война есть всегда испытание, лакмусовая бумага, которая проявляет потенциал зла и кладёшь духовности человека. Военные конфликты – пространство аномальное и явление асимметричное, сталкивающее надежды человека и реальность страдания. Нагорный Карабах стал трагедией не одного десятилетия, в перспективе он может продолжать быть триггером раздора или всё-таки выступить отправной точкой объединения народов и разных стран.

Медиадискурс, при непосредственном участии языковой картины мира автора, в вербально-знаковой парадигме репрезентирует доминирующие ценности конфликта. Аксиосфера концепта *Война* отражает актуальные смыслы конфликтной ситуации в Нагорном Карабахе, которые имеют свою мотивацию и ориентационный вектор развития конфликта. Лингвокультурологический анализ концептосферы *Война* позволил вы-

явить ключевые гештальты, основанные на доминирующих фреймах и аккумулирующие значимую систему ценностей: Дом как святая историческая земля; Миротворец как спаситель и защитник; Друг как гарант стабильности и мира в лице России.

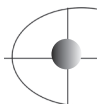
Многослойная структура аксиосферы раскрывает роль и значение трагичности событий в Нагорном Карабахе, в парадигме «Мы – Они» проявляют себя неоднозначные интересы третьих стран, а также проблема установления исторической справедливости в деле защиты собственного дома, нормализации отношений конфликтующих сторон – Армении и Азербайджана.

Когда нет вооружённого противостояния, то нет и достигнутого согласия в его символическом облике, существует идея незавершённости процесса, тлеющего состояния войны. Заявленное в статье исследование требует дальнейшей разработки аксиологических доминант неоконченной войны в Нагорном Карабахе, нашедших свою репрезентацию в медиадискурсе. Подобная рефлексия благодатна в аспекте осознания конфликта и поиска коллективной идентичности – единых для людей, проживающих на данной территории, убеждений, идеалов и интересов.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Сов. энцикл., 1990. С. 136–137.
2. Сибиданов Б. Б. Конфликтный медиадискурс (по материалам прессы Бурятии) // Учёные записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Сер. «Филологические науки». 2018. Т. 4, № 1. С. 12–31.
3. Ефимец М. А. «Мир» как универсальный культурно-цивилизационный концепт // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 2. Март–апрель. С. 64–73.
4. Пименова М. В. Политическая концептуальная система // Политическая лингвистика. 2010. № 2. С. 47–55.
5. Волкова И. И., Ашур Ю. Д. Медиаобраз Иордании в интернет-СМИ Рунета: особенности «неперсонализации» // Вопросы теории и практики журналистики. 2021. Т. 10, № 1. С. 39–50.
6. 30-летие конфликта в Нагорном Карабахе: сборник научных статей / под ред. К. П. Курылева. М.: РУДН, 2019. 172 с.
7. Malysheva D. The Conflict in Nagorno-Karabakh: its Impact on Security in the Caspian Region. Oxford; New York, 2001. Pp. 257–280.
8. Маслакова-Клауберг Н. И., Садыкова Э. Л. Обострение ситуации в Нагорном Карабахе как геополитический вызов // Вестник Института мировых цивилизаций. 2020. Т. 11, № 3. С. 51–57.
9. Ибрагимов А. Г. Нагорный Карабах: разрешение конфликта посредством региональной интеграции // Постсоветские исследования. 2018. Т. 1, № 2. С. 170–176.
10. Егиков А. А. Нагорный Карабах как очаг нестабильности на Южном Кавказе // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2019. Т. 9, № 12. С. 2661–2667.
11. Shukiurov K. On Autonomy for Nagorno-Karabakh: Lessons of History // The Caucasus & Globalization. 2008. Т. 2, № 2. С. 140–150.
12. Foster B. D. Empire, Names and Renaming: The Case of Nagorno Karabakh // Engineering Earth. The Impacts of Megaengineering Projects. London, 2011. Pp. 2013–2029.

¹ Путин назвал события в Карабахе трагедией. – Текст: электронный // РИА Новости. – 2020. – 7 окт. – URL: <https://ria.ru/20201007/karabakh-1578576241.html> (дата обращения: 12.11.2020).

13. Mehbaliyeva S. Aggression of Armenia Against Azerbaijan: Socioeconomic, Political and Legal Aspects of Territorial Claims to Nagorno-Karabakh // *Science and World*. 2017. Vol. 1, No. 7. Pp. 66–71.
14. Маркедонов С. М. Тридцать лет Нагорно-Карабахского конфликта: основные этапы и перспективы урегулирования // *Постсоветские исследования*. 2018. Т. 1, № 2. С. 129–138.
15. Aliev N. Nagorno-Karabakh Conflict: Legal Aspects of a Settlement // *Central Asia and the Caucasus*. 2005. No. 3. Pp. 23–30.
16. Vilén H. Planning a Peace-Keeping Mission for the Nagorno Karabakh Conflict // *Security Dialogue*. 1996. Vol. 27. No. 1. Pp. 91–94.
17. Рустамбеков Г. Б. Нагорно-Карабахский конфликт: экономические реалии и региональная интеграция // *Постсоветские исследования*. 2018. Т. 1, № 2. С. 163–168.
18. Щербак И. Н. Проблема Нагорного Карабаха в фокусе антикризисной дипломатии ЕС // *Научно-аналитический вестник Института Европы РАН*. 2020. № 17. С. 60–67.
19. Ozen Murat Ahmet . On the Issue of the History of the Nagorno-Karabakh Conflict and the Triumphal March of the Azerbaijani Army (September-October 2020) // *Elmi xəbərlər. Sosial və humanitar elmlər bölməsi*. 2021. Vol. 17, No. 1. Pp. 57–63.
20. Cornell S. E. Turkey and the Conflict in Nagorno Karabakh: a Delicate Balance // *Middle Eastern Studies*. 1998. Vol. 34, No. 1. Pp. 51–72.
21. Betts W. Third Party Mediation: an Obstacle to Peace in Nagorno Karabakh // *SAIS Review*. 1999. Vol. 19, No. 2. Pp. 161–183.
22. Аглян В. Р. Формирование внешнеполитических приоритетов России на постсоветском пространстве в первой половине 1990-х гг. и проблема урегулирования Нагорно-Карабахского конфликта // *Постсоветские исследования*. 2018. Т. 1, № 2. С. 193–203.
23. Карагёзов Р. Коллективная память в этнополитическом конфликте: случай Нагорного Карабаха // *Центральная Азия и Кавказ*. 2006. № 47. С. 167–179.
24. Topoyan A. H. Religion and the Conflict Over Nagorno Karabakh // *A Dissertation, submitted to the Graduate Faculty of Baylor University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy*. Waco: Baylor University, 2012.
25. Рева Е. К. Этническая информация в социально-политическом контексте // *Известия Пензенского государственного педагогического университета им. В.Г. Белинского*. 2012. № 27. С. 378–381.
26. Gahramanova A. Paradigms of Political Mythologies and Perspectives of Reconciliation in the Case of the Nagorno-Karabakh Conflict // *International Negotiation*. 2010. Vol. 15, No. 1. Pp. 133–152.
27. Garagozov R., Kadyrova R. Narrative and Reconciliation: Possible Strategies of Narrative Intervention in the Nagorno-Karabakh Conflict // *The Caucasus & Globalization*. 2012. Vol. 6, No. 4. Pp. 16–24.
28. Багиян Ж. Г. СМИ Армении и Азербайджана в ходе войны в Нагорном Карабахе // *Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия: материалы междунар. науч.-практ. конф. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова*, 2021. С. 129–131.
29. Фидан Т. А. К. Освещение II Карабахской войны в СМИ Великобритании // *Национальная ассоциация учёных*. 2021. № 36–4. С. 59–61.
30. Федорченко С. Н. Нагорный Карабах в ракурсе информационных войн // *Постсоветские исследования*. 2018. Т. 1, № 2. С. 211–218.
31. Куликов Е. А., Алиева С. А. Влияние независимых СМИ на разрешение армяно-азербайджанского конфликта в Нагорном Карабахе // *Colloquium-journal*. 2020. № 31–2. С. 20–21.
32. Овакимян В. М. Анализ газет/СМИ в Нагорно-Карабахском конфликте // *Вестник магистратуры*. 2020. № 1–5. С. 81–83.
33. Фоменко И. Б. Концепт «война» в русской и китайской языковой картинах мира // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2021. Т. 14, вып. 3. С. 910–917.
34. Колесов В. В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019. 776 с.
35. Микешина Л. А. Современное развитие понятия «ценность» // *Ценности и смыслы*. 2009. № 1. С. 6–17.
36. Ерофеева И. В. Концепт «война» в современном медиатексте: репрезентация традиционных моделей // *Ученые записки Забайкальского государственного университета*. 2015. № 2. С. 72–82.
37. Mihalka M. Nagorno-Karabakh and Russian Peacekeeping: Prospects for a Second Dayton // *International Peacekeeping*. 1996. Т. 3, № 3. С. 16–32.

Статья поступила в редакцию 24.08.2021; принята к публикации 30.09.2021

Сведения об авторах

Ерофеева Ирина Викторовна, доктор филологических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: irina-jour@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-5653-2792>.

Толстокулакова Юлия Валерьевна, кандидат филологических наук, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30; e-mail: u-gazinskaya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9633-0658>.

Вклад авторов:

И. В. Ерофеева – основной автор, осуществляла постановку научной проблемы исследования, определяла основные направления её решения; разрабатывала теоретико-методологические основы исследования; структурировала и анализировала полученные результаты.

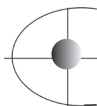
Ю. В. Толстокулакова определяла замысел и методологию статьи; осуществляла сбор материалов, структурирование и анализ данных, инициировала исследование, занималась подготовкой начального варианта текста с последующей доработкой.

Для цитирования:

Ерофеева И. В., Толстокулакова Ю. В. Аксиосфера концепта Война в медиадискурсе о Нагорно-Карабахском конфликте // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 96–106. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-96-106.

References

1. Arutyunova, N. D. Discourse. Linguistic Encyclopedic Dictionary. M: Sov. encyl., 1990: 136–137. (In Rus.)
2. Sibidanov, B. B. Conflict media discourse (based on materials from the press of Buryatia). Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Philological Sciences, vol. 4, no. 1, pp. 12–31, 2018. (In Rus.)
3. Efimets, M. A «Peace» as a universal cultural and civilizational concept. Bulletin of the Moscow State University of Culture and Arts. no. 2, March – April: 64–73, 2020. (In Rus.)
4. Pimenova, M. V. Political conceptual system. Political linguistics, no. 2, pp. 47–55, 2010. (In Rus.)
5. Volkova, I. I., Ashur Yu.D. The media image of Jordan in the Internet media of the Runet: features of «non-personalization». Questions of theory and practice of journalism, vol. 10, no. 1, pp. 39–50, 2021. (In Rus.)
6. 30-th anniversary of the conflict in Nagorno-Karabakh: collection of scientific articles / ed. K.P. Kuryleva. Moscow: RUDN, 2019. (In Rus.)
7. Malysheva, D. The Conflict in Nagorno-Karabakh: its Impact on Security in the Caspian Region. Oxford; New York, 2001: 257–280. (In Rus.)
8. Maslakova-Klauberg, N. I., Sadykova E. L. Aggravation of the situation in Nagorno-Karabakh as a geopolitical challenge. Bulletin of the Institute of World Civilizations, vol. 11, no. 3, pp. 51–57, 2020. (In Rus.)
9. Ibragimov, A. G. Nagorno-Karabakh: conflict resolution through regional integration. Post-Soviet studies, vol. 1, no. 2, pp. 170–176, 2018. (In Rus.)
10. Egikov, A. A. Nagorno-Karabakh as a hotbed of instability in the South Caucasus. Issues of national and federal relations, vol. 9, no. 12, pp. 2661–2667, 2019. (In Rus.)
11. Shukiurov, K. On Autonomy for Nagorno-Karabakh: Lessons of History. The Caucasus & Globalization, vol. 2, no. 2, pp. 140–150, 2008. (In Rus.)
12. Foster, B. D. Empire, Names and Renaming: The Case of Nagorno Karabakh. Engineering Earth. The Impacts of Megaengineering Projects. London, 2011: 2013–2029. (In Rus.)
13. Mehbaliyeva, S. Aggression of Armenia Against Azerbaijan: Socioeconomic, Political and Legal Aspects of Territorial Claims to Nagorno-Karabakh. Science and World, vol. 1, no. 7, pp. 66–71, 2017. (In Rus.)
14. Markedonov, S. M. Thirty years of the Nagorno-Karabakh conflict: the main stages and prospects of settlement. Post-Soviet studies, no. 2, pp. 129–138, 2018 (In Rus.)
15. Aliev, N. Nagorno-Karabakh Conflict: Legal Aspects of a Settlement. Central Asia and the Caucasus, no. 3, pp. 23–30, 2005. (In Rus.)
16. Vilén, H. Planning a Peace-Keeping Mission for the Nagorno Karabakh Conflict. Security Dialogue, no. 1, pp. 91–94, 1996. (In Rus.)
17. Rustambekov, G. B. Nagorno-Karabakh conflict: economic realities and regional integration. Post-Soviet studies, no. 2, pp. 163–168, 2018. (In Rus.)
18. Shcherbak, I. N. The problem of Nagorno-Karabakh in the focus of anti-crisis diplomacy of the EU. Scientific-analytical bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences, no. 17, pp. 60–67, 2020 (In Rus.)
19. Ozen, Murat Ahmet. On the Issue of the History of the Nagorno-Karabakh Conflict and the Triumphal March of the Azerbaijani Army (September–October 2020). Elmi xəbərlər. Sosial və humanitar elmlər bölməsi, no. 1, pp. 57–63, 2021. (In Azerbaijani)

20. Cornell, S. E. Turkey and the Conflict in Nagorno Karabakh: a Delicate Balance. *Middle Eastern Studies*, no. 1, pp. 51–72, 1998. (In Engl.)
21. Betts, W. Third Party Mediation: an Obstacle to Peace in Nagorno Karabakh. *SAIS Review*, no. 2, pp. 161–183, 1999. (In Engl.)
22. Aglyan, V. R. Formation of Russia's foreign policy priorities in the post-Soviet space in the first half of the 1990s. and the problem of settling the Nagorno-Karabakh conflict. *Post-Soviet studies*, no. 2, pp. 193–203, 2018. (In Rus.)
23. Karagyzov, R. Collective memory in ethnopolitical conflict: the case of Nagorno-Karabakh. *Central Asia and the Caucasus*, no. 47, pp. 167–179, 2006. (In Rus.)
24. Tonoyan, A. H. Religion and the Conflict Over Nagorno Karabakh. A Dissertation, submitted to the Graduate Faculty of Baylor University in Partial Fulfillment of the Requirements for the Degree of Doctor of Philosophy. Waco: Baylor University, 2012. (In Engl.)
25. Reva, E. K. Ethnic information in a socio-political context. *News of the Penza State Pedagogical University*. V. G. Belinsky, no. 27, pp. 378–381, 2012. (In Rus.)
26. Gahramanova, A. Paradigms of Political Mythologies and Perspectives of Reconciliation in the Case of the Nagorno-Karabakh Conflict. *International Negotiation*, no. 1, pp. 133–152, 2010. (In Rus.)
27. Garagozov, R., Kadyrova, R. Narrative and Reconciliation: Possible Strategies of Narrative Intervention in the Nagorno-Karabakh Conflict. *The Caucasus & Globalization*, no. 4, pp. 16–24, 2012. (In Engl.)
28. Baghiyan, Zh. G. Mass media of Armenia and Azerbaijan during the war in Nagorno-Karabakh. *Journalism in 2020: creativity, profession, industry: materials of the international. scientific-practical conf. M.: Moscow State University. M. V. Lomonosov, 2021: 129–131. (In Rus.)*
29. Fidan, T. A. K. Coverage of the II Karabakh War in the British media. *National Association of Scientists*, no. 36–4, pp. 59–61, 2021. (In Rus.)
30. Fedorchenko, S. N. Nagorno-Karabakh from the perspective of information wars. *Post-Soviet studies*, no. 2, pp. 211–218, 2018. (In Rus.)
31. Kulikov, E. A., Alieva S. A. Influence of independent media on the resolution of the Armenian-Azerbaijani conflict in Nagorno-Karabakh. *Colloquium-journal*, no. 31–2, pp. 20–21, 2020. (In Rus.)
32. Ovakimyan, V. M. Analysis of newspapers / media in the Nagorno-Karabakh conflict. *Magistracy Bulletin*, no. 1–5, pp. 81–83, 2020. (In Rus.)
33. Fomenko, I. B. Concept «war» in the Russian and Chinese language pictures of the world. *Philological sciences. Questions of theory and practice*, no. 3, pp. 910–917, 2021. (In Rus.)
34. Kolesov, V. V. *Fundamentals of conceptology*. Saint Petersburg: Zlatoust, 2019. (In Rus.)
35. Mikeskina, L. A. Modern development of the concept of «value». *Values and meanings*, no. 1, pp. 6–17, 2009. (In Rus.)
36. Erofeeva, I. V. The concept of «war» in modern media text: the representation of traditional models. *Scientific notes of the Trans-Baikal State University*, no. 2, pp. 72–82, 2015. (In Rus.)
37. Mihalka, M. Nagorno-Karabakh and Russian Peacekeeping: Prospects for a Second Dayton. *International Peacekeeping*, no. 3, pp. 16–32, 1996. (In Engl.)

Received: August 24, 2021; accepted for publication September 30, 2021

Information about authors

Erofeeva Irina V., Doctor of Philology, Associate professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: irina-jour@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5653-2792>.

Tolstokulakova Yulia V., Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Transbaikal State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: u-gazinskaya@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-9633-0658>.

Contribution of authors

I. V. Erofeeva – the main author, statement of the research problem and identification of the main ways to solve it; development of theoretical and methodological foundations of the study; structuring and analysis of the results obtained; writing the draft text of the article.

Yu. V. Tolstokulakova – formulation of the purpose of the study and choice of research methodology; collection of materials and initiation of the study; data structuring and analysis; preparation of the initial version of the text with subsequent revision.

For citation:

Erofeeva I. V., Tolstokulakova Yu. V. Axiosphere of the Concept of War in the Media Discourse on the Nagorno-Karabakh Conflict // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 96–106. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-96-106.

УДК 81.42

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-107-116

Наталья Сергеевна Цветова,

*Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: cvetova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4093-0427>*

Актуальные медиаконцепты: динамика ценностных смыслов

В статье представлены результаты исследования динамики смысловой структуры ключевых концептов современного российского медиадискурса: *семья, патриотизм, бизнес*. Актуальность темы статьи обусловлена, с одной стороны, огромным воздействующим потенциалом медиатекстов, с другой – оформлением семантико-когнитивного подхода к медиаречи. Задача автора – выявление особенностей модернизации смысловой структуры концептов, обладающих аксиологическим содержанием. Для реализации задачи использован трёхступенчатый аналитический алгоритм, предполагающий анализ лексикографического описания слова-концепта, выявление его реального содержания, исследование дискурсивной интерпретации в медийном пространстве – выявление ценностного компонента смысловой структуры концепта, презентованного в журналистских лексико-фразеологических стереотипах и в оригинальных контекстах, формирующих ассоциативно-смысловое поле. Эмпирическая база исследования – более 200 медиатекстов разной жанровой принадлежности, опубликованных в 2000–2021 гг. в российских СМИ разного типа и разной дискурсивной принадлежности, отобранных в процессе мониторинга медиaproстранства и целевой выборки из Национального корпуса русского языка. При создании эмпирической базы использовался метод репрезентативной выборки. Предпочтение отдавалось текстам, смысл которых определяется семантикой отобранных для анализа слов-концептов. Методологические основания авторской концепции – положения о диалектической взаимосвязи языка и мышления, представленные в фундаментальных работах по функциональной стилистике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, концептологии. Автор приходит к выводу, что современные медиа активно работают в первую очередь над модернизацией аксиологического (ценностного) компонента смысловой структуры ментально значимых концептов. Техники преобразования концептуальных ассоциативно-смысловых полей в значительной степени связаны с нейтрализацией конфликтов, обусловленных общей установкой современных медиасистем на формирование консолидированной картины мира с предельно минимизированным национальным компонентом. Перспективы разработки данной темы исследования связаны с развитием аксиологии журналистики и с формированием медиаантропологии, с разработкой новых аналитических методик, соответствующих давней идее М. М. Бахтина, настаивавшего на необходимости создания национальной компаративистики – научного направления, объединяющего достижения многих гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: медиаконцепт, смысловая структура, ассоциативно-смысловое поле, ценностный компонент, аксиология журналистики, медиаантропология

Natalia S. Tsvetova,

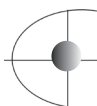
*Higher School of Journalism and Mass Communications
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia),
e-mail: cvetova@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-4093-0427>*

Current Media Concepts: Dynamics of Value Meanings

The article presents the results of a study on the dynamics of the semantic structure of the modern Russian media discourse key concepts: family, patriotism, and business. On the one hand, the relevance of the topic of the article is due to the huge influencing potential of the media texts. On the other hand, it is due to the design of the semantic-cognitive approach to media speech. The main task of the author is to identify the features of the modernization of the semantic structure of concepts with significant content. To implement this task, a three-stage analytical algorithm was used, which involves the analysis of the lexicographic description of the concept word, identifying its real, the study of discursive interpretation in the media space is the identification of the value component of the semantic structure of the concept presented in journalistic lexical and phraseological stereo-

© Цветова Н. С., 2021

types and to some extent original contexts that form an associative semantic field in which interrelated, mutually conditioned meanings and meanings are presented. The empirical basis of the research is more than 200 media texts of different genres published over two decades in Russian media of different types and different discursive affiliation. The author comes to the conclusion that modern media are actively working, first of all, on the modernization of the axiological (value) component of the semantic structure of mentally significant concepts. The techniques of transformation of conceptual associative-semantic fields are largely associated with the neutralization of conflicts caused by the general attitude of modern media systems to the formation of a consolidated picture of the world with an extremely minimized national component. The prospects for the development of this research topic are connected with the development of the axiology of journalism and with the formation of such a direction of media studies as media anthropology, with the development of new analytical methods corresponding to the long – standing idea of M. M. Bakhtin, who insists on the need to create national comparative studies – a scientific direction that combines the achievements of many humanitarian disciplines.

Keywords: media concept, semantic structure, associative-semantic field, value component, axiology of journalism, media anthropology

Введение. Актуальность темы статьи обусловлена, с одной стороны, постоянно возрастающим воздействующим потенциалом массмедиа, с другой – оформлением семантико-когнитивного подхода в медиалингвистике. Активное развитие именно этого направления лингвистических исследований провоцируется очевидным и чрезвычайно продуктивным в настоящее время переключением внимания специалистов по медиалогии «на процесс и результат коммуникации» [1, с. 3; 2; 3].

Отобранные для анализа концепты *семья*, *патриотизм*, *бизнес* отличаются уникальной способностью включать в себя «всё, что индивид знает и предполагает о той или иной реалии действительности: понятие, визуальное или сенсорное представление, эмоции, ассоциации разного характера и в качестве интегративного компонента – слово» [4, с. 101–102], характеризуются высокой частотностью, которая устанавливается с помощью приёма интроспекции – самонаблюдения исследователя как носителя русского языка и анализа соответствующей выборки из Национального корпуса русского языка. Каждое из слов-концептов имеет научное описание, включено в авторитетные толковые словари [5, с. 74]. Их актуальное значение презентует «набор специфических когнитивных, эмотивных и поведенческих стереотипов нации» [6, с. 12]. В аксиологическом компоненте смысловой структуры концепта *семья* зафиксированы ключевые когнитивные национальные стереотипы, *патриотизм* связан со стереотипами эмотивными. Представление о *бизнесе* может оказывать мощное влияние на поведенческие алгоритмы.

Методология и методы исследования. Основная наша цель – выявление особенностей медийной модернизации

смысловой структуры концептов, обладающих «ценностно значимым» содержанием (И. В. Силантьев). Эмпирическая база исследования – более 200 медиатекстов, опубликованных в течение трёх последних десятилетий, частично представленных в Национальном корпусе русского языка. При создании эмпирической базы использовался метод репрезентативной выборки фрагментов журналистских произведений разной жанровой принадлежности. Предпочтение отдавалось текстам, смысл которых в значительной степени определяется семантикой отобранных для анализа слов-концептов.

Методологические основания созданной концепции – положения о диалектической взаимосвязи языка и мышления, представленные в фундаментальных работах по функциональной стилистике, когнитивной лингвистике, лингвокультурологии, концептологии.

Анализ эмпирического материала осуществлялся поэтапно: от лексикографического описания слова-концепта, от выявления его «психологически реального» (В. И. Карасик, И. А. Стернин) содержания к исследованию дискурсивной интерпретации в медийном пространстве, т. е. к выявлению ценностного компонента смысловой структуры концепта, презентованного в журналистских лексико-фразеологических стереотипах и в той или иной степени оригинальных контекстах, формирующих ассоциативно-смысловое поле, в котором представлены взаимосвязанные, взаимообусловленные смыслы и значения. На третьем, ключевом этапе активно использовался термин *ассоциативно-смысловое поле* для номинации сегмента дискурса, в котором представлены взаимосвязанные, взаимообусловленные смыслы и значения [7].

Наше представление об ассоциативно-смысловом поле основано на теории поля Й. Трира и Г. Ипсена, максимально приближено к концепциям Й. Л. Вайсгерберга [8; 9] и С. Д. Кацнельсона, настаивавших на понимании понятийных полей как ментальных сущностей [10].

Вслед за авторитетными исследователями (И. А. Стернин, С. Г. Воркачев, М. В. Пименова, В. В. Колесов и др.) мы исходили из убеждения, что ассоциативно-смысловое поле зонировано:

– ядерная зона – номинирующее концепт слово, значение которого фиксируется в словаре;

– приядерная зона, в которую включены дешифрующие базовые концептуальные смыслы лексические единицы;

– смысловая периферия, так называемые «ассоциации употребления» [11], обусловленные функционированием концепта в публичной коммуникации, в медиатекстах, в которых, как правило, и фиксируются изменения оценочного компонента в смысловой структуре концепта.

При описании ассоциативно-смысловых полей использовался приём интроспекции – самонаблюдения, что предполагает, особенно при интерпретации смысловой периферии концепта, «логически обоснованное домысливание, интуитивно проясненное интенциональное вчувствование и предположительность» [12, с. 26].

Результаты исследования и их об- суждение. Особое место в медийном дис- курсе занимает концепт *семья*, смысловая структура и аксиологический статус которого определяется включённостью в психомен- тальные характеристики русского этноса, прямой и очевидной связью с представле- нием о земной, *повседневной жизни* чело- века [13, с. 2]. Несмотря на характеристики, предполагающие определённую стабиль- ность смысловой структуры данного кон- цепта, толковые словари всё же фиксируют динамику предметного значения слова-кон- цепта, в первую очередь за счёт расшире- ния семейного круга. Концептологи говорят об активизации в публичной сфере мета- форического значения, основанного на ак- туализации «древней особенности русского языкового сознания» представлять «страну и людей, её населяющих, как большую се- мью» [14, с. 123]. О постоянном присутствии данного концепта в общественном сознании

свидетельствуют многочисленные фоль- клорные жанры и литературные тексты, на- чиная с «Поучения Владимира Мономаха» (XII в.). В настоящее время такие стереоти- пы активно используются в политическом сегменте медиадискурса.

Сохранение особого статуса концеп- та *семья* в национальном коммуникатив- ном пространстве подтверждается интер- нет-источниками. Так, «Ассоциативный интернет-словарь» предлагает более 200 вполне традиционных ассоциаций, связан- ных с данным концептом, презентующих жизненный цикл семьи (от добрачного пери- ода до похоронно-поминальных обрядов), семейное пространство (дом, жилище); внешний облик членов семьи, их ролевую специфику, которая проявляется и в труде, и в свободном времяпровождении; наконец, механизмы управления семьёй¹.

Е. А. Сермягина, А. С. Поршнева – авто- ры свободного ассоциативного эксперимен- та, утверждают, что в ядро ассоциативного поля концепта по-прежнему входят *любовь, дом, большая, дети, крепкая, дружная, опо- ра, поддержка, наконец, счастье* [15].

Следует отметить, что идиллический образ традиционной семьи поддержива- ется медиа, прежде всего, формирующи- ми публичный религиозный дискурс (канал «Спас», журналы «Фома», «Душа», радио «Радонеж», газета «Верую» и т. п.). Смысло- вые доминанты, представленные в высту- плениях известных православных публици- стов протоиерея Андрея Ткачева и архиман- дрита Тихона (Шевкунова), формируют ас- социативное поле, в ядерной зоне которого *брак, верность*.

Однако в последние годы журнали- сты-аналитики всё чаще пишут о том, что в современном мире доминирует *мнение, что большая дружная семья – редкость*². Акти- визируется парное функционирование на- звания концепта с метафорой *война*: Россия «воюет, будьте уверены. Но без кассетных бомб и химического оружия. Она воюет за брак, семью и верность»³. Всё активнее экс- плуатируется отрицательно-оценочная пе-

¹ Ассоциативный интернет-словарь. – URL: <https://wordassociation.ru/%D0%BF%D0%B0%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BE%D1%82%D0%B8%D0%B7%D0%BC> (дата обращения: 14.06.2021). – Текст: электронный.

² Косарева Л. Любовь никто не отменял // Лебе- дяньские вести. – 2020. – № 28. – 9 июля. – С. 3.

³ Протоиерей А. Ткачев. Пётр и Феврония // Прото- иерей А. Ткачев. О мире и человеке: сборник статей. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2015. – С. 626.

риферия концептуального ассоциативного поля. На месте традиционных ассоциаций появляются новые: *сожитель, сожительница, лишение родительских прав, секс-символ, неисполнение родительского долга, дотошные родители, семейное застолье*. Бульварные («жёлтые») издания постоянно сообщают о *семейных скандалах, разводах, супружеской измене, суррогатной матери, богатейших жёнах, торговле детьми*. Новые поводы для появления информационных сюжетов на семейную тему: *пьяная горемать едва не убила ребёнка, сожитель убил приёмных детей, мать оставляет младенца на улице на лавочке в Люберцах* (это сюжеты только одного информационного дня на федеральном телевизионном канале НТВ – 16 сентября 2020 г.) и т. п. В период пандемии дискурс обогатился лексическим стереотипом, связанным с *суррогатным материнством – продажа/покупка детей*.

На развлекательных ток-шоу с недавних пор обсуждаются не *неполные семьи*, а отношения в разного типа аномальных семейных парах. Проблема мезальянса уже самая безобидная. Всё больше медиатекстов на сексуальные темы, публикуемых без каких-либо ограничений, в результате чего интимные отношения получают статус публичных и определяющих для семейной жизни.

Функционирование в современных российских массмедиа концепта *патриотизм*, на первый взгляд, презентует иные сферы общественного сознания, связанные с политическим сегментом медиадискурса. Этот концепт имеет целый ряд принципиальных отличий от концепта *семья*, что обусловлено его смысловой структурой, которая начала формироваться задолго до того, как в языке появилось слово, обладающее соответствующим отвлечённым, понятийным лексическим значением. Именно отсюда постоянные споры о смысловой структуре концепта, в которой отсутствует всеми признанный ключевой мотивирующий компонент, что позволяло использовать слово в компрометирующем синонимическом ряду *патриотизм/национализм/шовинизм*, позволяет обновить этот ряд, не меняя оценки (*патриотизм/изоляциялизм/консерватизм*).

Концепт обозначается заимствованным словом, которое, по Фасмеру, встречается

впервые у Петра I. «Позднее заимствование через нем. *Patriot* или непосредственно из фр. *Patriote*» переводится как «сын отечества», лат.-греч. – «земляк, соотечественник»¹. Уже из словарного описания ясно, что слово, номинирующее концепт, изначально включалось в ядерную зону ассоциативного поля концепта *Родина (Отчизна)*, что подтверждается многочисленными толковыми словарями:

Патриот – «любитель отечества, ревнитель о благе его, отчизнолюб, отечественник или отчизник»².

Патриотизм – «любовь, преданность и привязанность к отчеству, своему народу»³.

Патриотизм (от греч. *patris* – «родина, отечество») – «любовь к родине, преданность своему отчеству, своему народу»⁴.

Положительно оценочное толкование концепта *патриотизм* – особое чувство родной земли, проявляющееся в боли за свою Родину; любовь и уважение к родным и близким людям; любовь к родной природе и родному слову. В советскую эпоху самым ярким образом в ассоциативном поле концепта был образ кинотаможенника Верещагина, которому принадлежит знаменитый афоризм «За державу обидно!» (В. Мотыль. Белое солнце пустыни. 1970).

Ценностный компонент представлен в фольклорных текстах, в пословицах и поговорках, при создании которых ключевая номинативная единица не использовалась, но основной компонент смысловой структуры присутствовал: *Славны бубны за горами...; Мила та сторона, где пупок резан; Скучно Афонюшке на чужой сторонушке; И кости по родине плачут; Всякому мила своя сторона; Чужая сторона – мачеха; Своя сторонушка и собаке мила; С родной земли – умри, не сходи!* [16, с. 324–327]. «Пронзительное» чувство любви к «родине униженной», по мнению Е. Водолазкина, определяет уникальность «Слова о полку Игореве» [17, с. 12].

Всё это доказывает правоту Ю. С. Степанова, который относит концепт *патриотизм* к константам русского общественного сознания (термин Ю. С. Степанова). Далее

¹ Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. – СПб.: Азбука, 1996. – С. 217.

² Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. Т. 4. – М.: ГИИНС, 1955. – С. 24.

³ Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 3. – М.: ГИИНС, 1939. – С. 69.

⁴ Современный толковый словарь русского языка / гл. ред. С. А. Кузнецов. – СПб.: Норинт, 2001. – С. 499.

авторитетный учёный утверждает, что в «операциях» с такими «предвечными» концептами и «состоит» «духовная культура» общества [18, с. 5–6].

«Операции» с концептом *патриотизм* в русской литературе начались в эпоху Д. И. Фонвизина, предпославшего знаменитым «Письмам из Франции» уже упоминавшуюся русскую поговорку «Славны бубны за горами...». На формирование смысловой структуры концепта значительное влияние оказал М. Ю. Лермонтов — автор стихотворений «Бородино» и «Родина», в которых выражена идея неофициальной, нерассудочной любви к России, обусловленной не только и не столько славным историческим прошлым — «Люблю Отчизну я, но **странною** любовью, / Не победит её **рассудок** мой, / Ни слава, купленная кровью...».

В результате спора «западников» и «славянофилов» произошло уточнение понятия за счёт включения в смысловую структуру деятельностного компонента: «Патриотизм — любовь к отчеству, преданность ему, стремление своими действиями служить его интересам...». Хотя чувство естественной привязанности к родной земле, родному языку соединяется с осознанием гражданских обязанностей по отношению к общественному целому уже в эпоху разложения первобытно-родового общества¹.

Вторая половина XX в. — время идеологизации смысловой структуры концепта, включения его в поле эпохального конфликта, о напряжённости которого можно судить по знаменитому отрицанию патриотического чувства в восклицании, приписываемом одному из самых знаменитых шестидесятников — А. Галичу: «Россия-сука, ты за всё ответишь!»

В современном мире в условиях изменившейся государственной политики даже журналисты, которые находятся вне «патриотического дискурса», могут признаваться, как, например, известная телеведущая Д. Златопольская: «Я чувствую очень сильную связь с культурой и землёй России»². Разными средствами, усилиями разных персон, представителями разных медиа в последние годы восстанавливается традиционное ассоциативное поле с ядерной зоной, которая может быть презентована существительным «патриотизм»: *связь, за-*

¹ Философская энциклопедия: в 5 т. Т. 4 / гл. ред. Ф.В. Константинов. — М.: Сов. энцикл., 1967. — С. 224.

² Литературная газета. — 2019. — № 34. — С. 3.

щита, подвижничество, наконец, ключевое — любовь.

Яркий пример — сильная позиция совокупного текста «Невского альманаха» (издаётся с 1825 г., возрождён в 2003 г.). На обложке одного из номеров публикуется фрагмент из интервью Е. Чубенко: «Посмотри на свою бабушку, расскажи о ней, и я поверю, что ты любишь свою Родину»³. Эти же ассоциации актуализировал Л. Якубович с интервью с прозаиком и публицистом З. Прилепиным, которому принадлежит такой образ, опубликованный впервые в журнале «Новый мир» в самом начале 2005 г.: «Я глажу милую по спинке, а детей по головам..., а за окном снег и весна, снег и зима, снег и осень. Это моя Родина, и в ней живём мы»⁴.

Но национальное ментальное пространство — явление сложное, конкретно-историческое, подверженное определённым корректировкам, особенно очевидным в аксиологическом аспекте. В годы перестройки одним из общественных идеалов становится открытое общество. Для продвижения этой идеи перестроечными медиа был осуществлён многократный манипулятивный вброс в публичное коммуникативное пространство афоризма Самуэля Джонсона «*Патриотизм — последнее прибежище негодяя*» без необходимого контекста. Так начался многолетний процесс компрометации понятия. «Один из признаков нового мышления, обозначенного в 1990-е гг., — немыслимые прежде вопросы и утверждения: «Патриоты-негодяи...»⁵. В ассоциативном поле именно в это время появилось пренебрежительное *русопят*.

Политико-идеологическое обоснование отрицательной оценки было предложено в 1990 г. кандидатом в народные депутаты РСФСР, членом редколлегии нового журнала «Диалог» В. И. Вьюницким: «*Патриоты трактуют перестройку как губительный для государства, для нашего общественного строя перенос западных концепций развития на российскую почву и решительно отвергают его. Все их надежды — в возрождении России. Выдвигая на первый план остро вставшие вопросы сбережения*

³ Невский альманах. — 2019. — С. 52.

⁴ Прилепин З. Рассказы. — URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2005/5/rasskazy-171.html. (дата обращения: 14.06.2021). — Текст: электронный.

⁵ Яковлева А. Андеграунд. Ставший мейнстримом. Что происходит, когда нормы диктует подворотня // Литературная газета. — 2018. — № 10. — 13 марта. — С. 3.

национального культурно-исторического наследия народов России, их природной среды, социально-экономических и духовно-нравственных традиций, они связывают решение многих и сегодняшних проблем с охранительными, а то и реставрационистскими подходами, с политическими формулами – *увы! – вчерашних дней*¹.

В начале 2000-х гг. открыто демонстрировалась ирония в отношении к патриотическому чувству: «патриотизм кошачьим чувством обозвали» (2006)². Оппонировать такому положению дел пытались защитники идеи просвещённого патриотизма, группировавшиеся тогда преимущественно вокруг «Литературной газеты», возглавляемой Ю. Поляковым. Хотя позиция сторонников идеи патриотизма как *национального чувства* (Н. Басовская)³ фиксировалась тогда в следующем отрицательно-оценочном ассоциативном поле: *красно-белый, с диким перехлестом, квасной, натужный, ложный, подчёркнутый, военный, кондовый, обязательный, официальный, судорожный, публичный, местный, московский патриотизм*. Воздействие этого поля на общественное и индивидуальное сознание проявляется в до сих пор сохраняющейся скомпрометированности концепта, которая признаётся, фиксируется многими медийными персонами:

– *Преподаватели приходят в школу ради интеллектуального труда, творческой атмосферы и, не постыжусь этого слова, патриотизма* (Е. Рачева)⁴;

– *Все было честно, без фальши... даже патриотизм!* (Л. Малюкова)⁵.

– *От слова «патриотизм» меня тошнит*⁶.

Наконец, Ю. Поляков в недавнем интервью вынужденно констатировал: «Сегодня в театральной среде нет слова предсудительнее, чем “патриот”» (Ю. Поляков)⁷.

Суть общественных споров, посвящённых проблеме патриотизма, в настоящее время связана с антитезой патриотизм (национализм, консерватизм) – либерализм (западничество, оппозиционность). Основные усилия контрпропаганды направлены на десакрализацию государственной политики по воспитанию чувства патриотизма у молодёжи. Авторитетный А. Липский, например, связывает государственный патриотизм с конфронтацией с Западом, милитаризмом⁸. В постоянно расширяющееся ассоциативное поле всё чаще включаются как периферийные номинации не только поисковое объединение «Возрождение», но и «Юнармия» (военно-патриотическое общероссийское движение школьников), всероссийское движение «Волонтёры Победы», марафон ценностей ЗОЖ (здоровый образ жизни).

Во втором десятилетии одним из средств формирования отрицательно-оценочного компонента в смысловой структуре концепта патриотизм становится актуализация в границах соответствующего ассоциативного поля номинации национализм, например, с помощью обоймы прецедентных феноменов – имён интеллектуалов, мировоззренческие установки, публичные выступления которых ассоциируются с патриотической идеей (Н. Нарочницкая, С. Кара-Мурза, А. Панарин, С. Кургинян и др.). Ещё один вариант противостояния продемонстрировал постоянный эксперт популярного ток-шоу «Место встречи», американский журналист Майкл Бом: «*В Америке не учат патриотизму, а учат попытке быть справедливым*»⁹. Так или иначе в смысловую структуру концепта закладывается конфликтность, обеспечивающая возможность и даже необходимость противостояния. В результате сторонники идеи патриотизма – авторитетные публичные персоны – вынуждены до сих пор оправдываться: *России чуждо национальное высокомерие* (К. Шахназаров)¹⁰.

Ещё одно современное средство уничтожения ментальной константы – медийная мода, создаваемая с использованием так называемой «российской культурной элиты», которая «часто считает патриотизм немодным и невыгодным», точнее, не модным, а потому и невыгодным. Несмотря на то, что

¹ Советская культура. – 1990. – 10 февр. – С. 3.

² Поляков Ю. Созидательный реванш. – М.: АСТ, 2015. – С. 32.

³ ГТРК «Культура». – 2010. – 11 марта.

⁴ Независимая газета. – 2018. – 9 февр.

⁵ Там же. – 24 авг.

⁶ Интервью музыканта И. Кролевского // Lenta.ru. – 2018. – 19 марта.

⁷ Драмкружок при психбольнице. Писатель Юрий Поляков о современном театре. – Текст: электронный // Аргументы и Факты. – URL: https://aif.ru/culture/theater/dramkruzhoz_pri_psihbolnice_pisatel_yuriy_polyakov_o_sovremennom_teatre (дата обращения: 14.06.2021).

⁸ Независимая газета. – 2018. – 26 дек.

⁹ НТВ (телеканал). – 2019. – 20 сент.

¹⁰ Там же. – 10 сент.

представители шоу-бизнеса «властителями дум» не являются, «общество всё равно скрупулёзно отслеживает их символические жесты и поступки, вступая затем в ожесточенные споры»¹. Особенно остро массовая аудитория реагирует на любые проявления антироссийских настроений, которые представители «творческой интеллигенции» интерпретируют чаще всего как попытки противостояния государственным «перегибам с патриотизмом».

Вместе с тем в последние годы появляются весьма успешные варианты использования государством ментальных конструкций для форматирования официальной идеологии. Как правило, противники такого аксиологического поворота игнорируют напоминания о том, что «все голливудские фильмы построены на патриотическом подтексте», «если любовь к Родине – это идеология, то нет страны без идеологии»². В первую очередь срабатывает вековой стереотип, в соответствии с которым поддержка государственной идеологии является одним из ключевых признаков интеллектуальной ограниченности. Этот стереотип успешно используют тролли: *Люблю когда парады... Огни Олимпиады... Я бы Путину дала!* (С. Шнуров).

Одна из наиболее ярких – провокационный медийный образ тролля, конструируемый А. Невзоровым. Так А. Невзоров в эфире оппозиционного «Эха Москвы» заявляет: *«Все эти Космодемьянские, Кутузовы, Сталины, Коневы – они существуют в какой-то совершенно другой реальности ненужной. Это всё нефталин. Это всё зашвар. Это всё абсолютно неинтересно и с этим не хочется иметь вообще никакого дела. И, наверное, этот неинтерес – это то, что называется сегодняшним языком, не заходит, это тоска и скука»*³. Такого рода оценочные высказывания, презентующие конфликтное ассоциативное поле концепта, формирующееся в год 75-летия Великой Победы, откровенно манипулятивны. С. Шнурову, А. Невзорову, Д. Быкову и другим они дают возможность привлечь внимание публики. Но социально значимый результат усилий популярных троллей – под-

готовленная ими массовая аудитория почти не реагирует на оскорбительное «Россия – дура толстожопая» (Т. Толстая?), Россия – «страна генетического отребья» (К. Собчак) и т. п.

Основываясь на данных Национального корпуса русского языка, можно утверждать, что в современных социально-экономических условиях востребованными оказываются журналистские стереотипы *экономический* и *бизнес-патриотизм*, при создании которых использовались два интересующих нас концепта, совмещаются два ассоциативных поля.

В ядерной зоне концепта *бизнес* существительное *бизнесмен*, его синонимы *предприниматель*, *коммерсант*, на периферии *богатый* – определение, смысл которого, как тогда казалось, безвозвратно скомпрометирован в социалистическую эпоху. Целенаправленная реабилитация концепта началась в эпоху перестройки, когда в публичном пространстве появились два стереотипа: *Если ты такой умный, то почему ты такой бедный? Сколько ты стоишь, столько тебе и платят!*

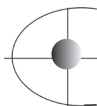
Почему фиксация нового типа экономических отношений осуществлялась через новое заимствование, а, например, не через процесс ренеологизации? Фиксация обновления системы экономических отношений в заимствованном слове, безусловно, призвана провоцировать положительные коннотации в сознании современного носителя русского языка в силу престижности заимствования. Чтобы поднять оценку скомпрометированной в прежние времена сферы человеческой деятельности, связанной с частным предпринимательством (перечитайте стихотворение Симеона Полоцкого «Купецство», вспомните Чичикова, Дикого и Штольца), нужна была новая номинация для преодоления отрицательных ассоциаций, зафиксированных в словаре В. И. Даля: бизнесменов тогда называли *«барышниками»*, не скрывая отрицательной оценки установки носителей данной номинации на получение барыша, выгоды.

В 1990-е гг. в приядерную зону концепта входят *бабки*, *баксы*, *штуки*, *навар*. Понятно, что все эти лексические элементы жаргонные, что было естественно для того времени, когда бизнес-сфера осознавалась массовой аудиторией как сфера криминальная.

¹ Братерский А. Мода быть патриотом // Культура. 2020. – № 8. – 20 авг. – С. 2–3.

² Новоселов Е. По правде об искусстве говоря // Российская газета. – 2019. – № 247. – С. 6.

³ Братерский А. Мода быть патриотом // Культура. – 2020. – № 8. – С. 2.

В настоящее время процесс эволюции ассоциативного поля концепта *бизнес* вошёл в новую стадию – актуальными становятся публичные дискуссии о «*социально ответственном бизнесе*». Серьёзным знаком снижением градуса противостояния *бизнес-общество* можно считать возникновение темы *патриотически ориентированного капитала*, высокую частотность полуантропонимов: *абрамовичи, дерипаски, ходор*, появление антитезы *крупняк* (монопольные коммерческие структуры, картели) – *малыши* (малый бизнес, микропредприятия, мелкая торговля). В зоне категорического неприятия уже нет *малого и среднего бизнеса*.

До разрушения отрицательно-оценочного компонента смысловой структуры концепта ещё далеко, о чём свидетельствует бурное возмущение в *СМИ и соцсетях* после выступления на Общероссийском гражданском форуме председателя правления «Роснано» А. Чубайса, заявившего, что граждане России должны быть благодарны бизнесу за то, что предприниматели сделали для страны. Надежды на появление устойчивых положительно-оценочных ассоциаций, видимо, пока можно связывать только с *малым или средним бизнесом* [19].

Проанализированные медиатексты подтверждают справедливость высказывания лауреата солженицынской премии, прозаика А. Варламова: «Ценности, которые веками исповедовали наши предки», в настоящее время подвергаются «атаке не менее яростной», чем, например, в эпоху большевиков, но «более изощрённой»¹, провоцирующей более масштабные и значительные, чем социальные, кризисы. Достаточно обобщить результаты изменения периферийных смыслов концепта *семья*, чтобы понять, что дискуссия о семейном вопросе, открытая И. С. Тургеневым, Л. Н. Толстым, Н. Г. Чернышевским, в настоящее время касается аксиологических, экзистенциальных, по сути своей, проблем, обусловлена установкой на безусловную презентацию несовершенства традиционных семейных отношений в целом.

В современном мире не просто подменяются (определение О. А. Бурукиной) [20], а подвергаются системному переосмыслению концепты, в смысловой структуре которых присутствует конвенциональный компонент, способный повлиять на эмоциональное состояние массовой аудитории, дефор-

¹ Варламов А. В русском зеркале // Литературная газета. – 2006. – № 19. – С. 8.

мировать действующие поведенческие стереотипы. Цель переосмысления не просто влияет на характер функционирования актуальных, ментально релевантных концептов, но и определяет процесс конструирования соответствующих смыслов, не отражающих, а целенаправленно формирующих определённую картину мира, как следствие, моделирующих поведение массовой аудитории.

Такого рода моделирование чаще всего осуществляется вне ориентации на национальные традиции, с учётом закреплённого в современной исторической психологии стереотипа, который любят повторять современные журналисты: «У каждой эпохи свои духовные ценности, а у разных поколений меняются оценки одного и того же события»². Понятно, что актуализация деклараций такого типа в значительной степени упрощает организацию глобального процесса управления массовым сознанием с использованием медийных воздействующих техник. Ключевой из этих техник наш опыт позволяет признать вербальную интервенцию лексических единиц, позволяющих обновить периферию ассоциативного поля концептов, в смысловой структуре которых мощно развит ценностный компонент.

Заключение. Анализ презентованной в разножанровых и разнотипных медиатекстах динамики смысловой структуры концептов, отражающих когнитивные, эмотивные и поведенческие национальные стереотипы, позволяет говорить о том, что модернизационные процессы обусловлены целым рядом факторов, ключевыми из которых являются факторы социально-политические, напрямую связанные с государственной политикой, с приоритетами государственной политики. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочертить линию модернизации концептов *патриотизм, бизнес*, выявить специфику его презентации в массмедиа.

Основная зона модернизационных процессов – периферия ассоциативных полей, в которой создаются смысловые конфликты, свидетельствующие о сути актуального идеологического противостояния. Сегодня такое противостояние очевиднее всего проявляется в ассоциативном поле концепта *семья*.

Не менее очевидно, что концептуализация массового сознания, осуществляемая с

² Глезеров С. Вдохнуть душу в прошлое // Санкт-Петербургские ведомости. – 2015. – 22 апр. – С. 6.

применением техники вербальной интервенции, направлена на конструирование необходимых адресантам смыслов, не отражающих, а целенаправленно формирующих определённую картину мира, как следствие, моделирующих поведение массовой аудитории.

Сложность, социальная значимость описанного процесса определяют перспективность медиаконцептологических иссле-

дований в связи с развитием аксиологии журналистики, с формированием медиаантропологии, требующей разработки новых аналитических методик, соответствующих давней идее М. М. Бахтина, настаивающего на необходимости создания национальной компаративистики – научного направления, объединяющего достижения многих гуманитарных дисциплин.

Список литературы

1. Седов К. Ф. М. М. Бахтин – знамя отечественной антропологической лингвистики // Бахтин М. М. Антропологическая лингвистика: избранные труды. М.: Лабиринт, 2010. С. 3–6.
2. Стоянова Е. Деньги в русском языковом сознании. Шумен: Епископ Константин Преславски, 2009. С. 60–69.
3. Стоянова Е. «Новые русские» – новый русский лингвокультурный феномен (на материале русской прессы). Шумен: Епископ Константин Преславски, 2004. С. 111–122.
4. Павиленис Р. И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
5. Уфимцева Н. В. Человек и его сознание: проблема формирования // Язык и сознание: парадоксальная рациональность / ред. Е. Ф. Тарасов. М., 1993. С. 59–75.
6. Воркачев С. Г. Постулаты лингвоконцептологии // Антология концептов / под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина. Волгоград: Парадигма, 2006. Т. 1. С. 10–13.
7. Щур Г. С. Теория поля в лингвистике. М.: Наука, 1974. 253 с.
8. Вайсгербер Й. Л. Родной язык и формирование духа / пер. с нем., вступ. ст., коммент. О. А. Родченко. М.: УРССС, 1993. 229 с.
9. Kleparski G. A., Rusinek A. The tradition of field theory and the study of lexical semantic change // Studia Anglica Resoviensia. 2007. Vol. 4. 205 p.
10. Кацнельсон С. Д. Категории языка и мышления: из научного наследия. М.: Языки славянской культуры, 2001. 864 с.
11. Мартинович Г. А. Типы вербальных связей и отношений в ассоциативном поле // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 143–146.
12. Никольский С. А., Филимонов В. П. Русское мировоззрение. Смыслы и ценности российской жизни в отечественной литературе и философии XVIII – середины XIX столетия. М.: Прогресс-Традиция, 2008. 415 с.
13. Лещенко В. Ю. Семья и русское православие (XI–XIX вв.). СПб.: Изд-во Фроловой, 1999. 394 с.
14. Колесов В. В., Пименова М. В. Языковые основы русской ментальности. М.: Флинта: Наука, 2016. 133 с.
15. Сермягина Е. А., Поршнева А. С. Составление ассоциативного поля концепта «семья» в русском языке путём проведения свободного ассоциативного эксперимента. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/20142410/> (дата обращения: 20.07.2021). Текст: электронный.
16. Пословицы русского народа: сборник В. Даля / предисл. М. Шолохова. М.: ГИХЛ, 1957. 991 с.
17. Водолазкин Е. «Слово о полку Игореве» // Литературная матрица. СПб.: Лимбус-Пресс, 2014. С. 9–25.
18. Степанов Ю. Константы: словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: Академический проект, 2001. 990 с.
19. Цветова Н. С. Концепт «бизнес» в ментальном пространстве России: логика медиапрезентации // Проблемы когнитивного и функционального описания русского и болгарского языков. Шумен: Епископ Константин Преславски, 2020. С. 71–84.
20. Бурукина О. А. Структурная деформация общественных ценностей как основы русской культуры и менталитета // Риторическая парадигма: теоретические и практические аспекты. 2020. № 25-1. С. 11–20.

Статья поступила в редакцию 22.07.2021; принята к публикации 20.08.2021

Сведения об авторе

Цветова Наталья Сергеевна, доктор филологических наук, профессор, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета; 199053, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия ВО, 26; e-mail: cvetova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4093-0427>.

Для цитирования:

Цветова Н. С. Актуальные медиаконцепты: динамика ценностных смыслов // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 107–116. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-107-116.

References

1. Sedov, K. F. M. M. Bakhtin – the banner of national anthropolinguistics. Bakhtin M. M. Anthropolinguistics: Selected Works. M: Labyrinth, 2010: 3–6. (In Rus.)
2. Stoyanova, E. Money in the Russian linguistic consciousness. Bishop-Constantine and the readings. Shumen: Bishop Konstantin Preslavski, 2009: 60–69. (In Bulgarian)
3. Stoyanova, E. “New Russians” – a new Russian linguocultural phenomenon (based on the material of the Russian press). Shumen: Bishop Constantine and Reading, 2004: 111–122 (In Bulgarian)
4. Pavilenis, R. I. The problem of meaning: modern logical-philosophical analysis of language. M: Mysl', 1983. (In Rus.)
5. Ufimtseva, N. V. Man and his consciousness: the problem of formation. Language and consciousness: paradoxical rationality. M: 1993: 59–75. (In Rus.)
6. Vorkachev, S. G. Postulates of linguoconceptology. Anthology of concepts. V. 1 / Ed. by V. I. Karasik, I. A. Sternina. Volgograd: Paradigm, 2006: 10–13. (In Rus.)
7. Schur, G. S. Field theory in linguistics. Moscow: Nauka, 1974. (In Rus.)
8. Weisgerber, J. L. Native language and the formation of the spirit. M: URSSS, 1993. (In Rus.)
9. Kleparski, G. A., Rusinek, A. The tradition of field theory and the study of lexical semantic change. Studia Anglica Resoviensia, 2007. (In Engl.)
10. Katznelson, S. D. Categories of language and thinking. From the scientific heritage. M: Languages of Slavic culture, 2001. (In Rus.)
11. Martinovich, G. A. Types of verbal connections and relationships in the associative field. Questions of psychology, no. 2, pp. 143–146, 1990. (In Rus.)
12. Nikolsky, S. A., Filimonov V. P. Russian worldview. Meanings and values of Russian life in Russian literature and philosophy of the XVIII – the middle of the XIX century. M: Progress-Tradition, 2008. (In Rus.)
13. Leshchenko, V. Yu. Family and Russian Orthodoxy (XI–XIX centuries). St. Petersburg: Frolova Publishing House. 1999. (In Rus.)
14. Kolesov, V. V., Pimenova, M. V. Linguistic foundations of the Russian mentality. Moscow: Flinta-Nauka, 2016. (In Rus.)
15. Semyagina, E. A., Porshneva, A. S. Compilation of the associative field of the concept “family” in the Russian language by conducting a free associative experiment. Web. 20.07.2021. URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/20142410> (In Rus.)
16. Proverbs of the Russian people. Collection of V. Dahl. Moscow: GIKHL, 1957. (In Rus.)
17. Vodolazkin, E. “The Word about Igor’s Regiment”. Literary Matrix. SPb: Limbus-Press, 2014: 9–25. (In Rus.)
18. Stepanov, Yu. Constants: Dictionary of Russian Culture. Ed. 2, corrected and added. M: Academic project, 2001. (In Rus.)
19. Tsvetova, N. S. Concept ‘business’ in the mental space of Russia: the logic of media presentation. Problems of cognitive and functional description of Russian and Bulgarian languages. Shumen: un. Publishing house “Bishop Konstantin Preslavsky” (Bulgaria), 2020: 71–84. (In Bulgarian)
20. Burukina, O. A. Structural deformation of social values as the basis of Russian culture and mentality. Rhetorical paradigm: theoretical and practical aspects, no. 25-1, pp. 11–20, 2020. (In Rus.)

Received: July 22, 2021; accepted for publication August 20, 2021

Information about author

Tsvetova Natalia S., Doctor of Philology, Professor, Higher School of Journalism and Mass Communications Saint Petersburg State University; 26 VO1st line, Saint Petersburg, 199053, Russia; e-mail: cvetova@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-4093-0427>.

For citation:

Tsvetova N. S. Current Media Concepts: Dynamics of Value Meanings // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 107–116. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-107-116.

АКСИОЛОГИЯ МАССМЕДИА

AXIOLOGY OF MASS MEDIA

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-117-125

Виктор Александрович Сидоров,
Санкт-Петербургский государственный университет
(г. Санкт-Петербург, Россия),
e-mail: v.sidorov@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>

Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения

В статье рассматривается вопрос о формировании нового научного предмета – аксиологии массмедиа, – с одной стороны, прикладной дисциплины философской теории ценностей, с другой – естественного продолжения недавно разработанной аксиологии журналистики, которая изучает журналистику как источник и ретранслятор ценностей общества во всём их предметно-смысловом многообразии, а также собственно журналистику как социальную ценность, исследует принципы и способы освоения журналистами социокультурных ценностей, эффективность и методы их репрезентации в аудитории СМИ. Рассматривается потребность в углублении теории ценностного анализа медиа и расширении предмета изучения вызвана растущими запросами общества на понимание и оценку происходящих в современной медийной среде процессов, которые в настоящее время не ограничены рамками функционирования ни традиционных СМИ, ни интернет-изданий. Медийные процессы, во-первых, обрели определённое и значительное расширение за счёт активного вторжения в информационное пространство так называемого массового человека, интенсификации присутствия в этом пространстве прежних медийных фигур – политиков, учёных, деятелей культуры и т. д., прихода новых – блогеров, постоянных авторов комьюнити и др. Расширился контент медиасреды – тексты, музыка, видео, игры; увеличилось число медийных платформ – мессенджеры, телеграм-каналы, видеохостинги; возникла проблема взаимодействия с искусственным интеллектом. Всё это, во-вторых, обусловлено технологической революцией в информационной среде социума, которая стала цифровой, тем самым в своём развитии обрела новое качество. Ценностный анализ фактов, явлений и процессов цифровых медиакоммуникаций – один из важнейших методов удовлетворения запросов общества на новое знание. Таким образом, построение аксиологии массмедиа объективно предопределено. Рассмотрение условий формирования новой научной дисциплины – таков предмет настоящего исследования, результаты которого отражаются в этой статье. Исследование проведено на базе изучения философского дискурса по аксиологии, а также соответствующих публикаций журналистов-практиков в их профессиональном издании.

Ключевые слова: массмедиа, цифровая среда, аксиология, ценности, методологический разрыв, искусственный интеллект, медийность

Viktor A. Sidorov,
Saint Petersburg State University
(Saint Petersburg, Russia),
e-mail: v.sidorov@spbu.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>

Axiology of Mass Media: Problem Fields and Study Strategies

The paper deals with the development of a new scientific subject, the axiology of mass media, which is, on the one hand, a practical discipline of philosophical theory of values, and on the other, a natural continuation of the recently developed axiology of journalism. The last one explores journalism as a source and retranslator of

© Сидоров В. А., 2021

social values in all their subject and semantic diversity, and journalism itself as a social value, researching the principles and ways of assimilating of socio-cultural values by journalists, and the effectiveness and methods of their representation in the audience of media. The need to deepen the theory of value analysis of the media and to broaden the scope of study is caused by growing demands from society for understanding and evaluating the processes taking place in the modern media environment, which at present are not limited to the functioning of either traditional media or Internet publications. First, media processes have gained a certain and significant expansion due to the active invasion of the information space by the so-called “mass person”, the intensification of the presence in this space of former media figures – politicians, scientists, cultural figures, etc., the arrival of new ones – bloggers, regular authors of communities, etc. The content of the media environment got expanded – texts, music, videos, games; the number of media platforms increased – messengers, telegram channels, video hosting; the problem of interaction with artificial intelligence emerged. Second, it was due to the technological revolution in the information environment of society which has become digital and, thus, in its development has acquired a new quality. The value analysis of facts, phenomena and processes of digital media communications is one of the most important methods of satisfying society’s demands for new knowledge. Thus, the construction of mass media axiology is objectively predetermined. Consideration of the preconditions for the formation of a new scientific discipline is the subject of this study. The research is based on the study of philosophical discourse on axiology, as well as relevant publications by practitioners-journalists in their professional media.

Keywords: mass media, digital environment, axiology, values, methodological gap, artificial intelligence, media content

Введение. Сущность рождающихся в журналистике ценностных смыслов двойственна: смыслы как понимание мира журналистом и смыслы как итог передачи журналистом сложившегося в обществе взгляда на мир. Однако ценностная природа журналистики всё ещё слабо изучена. Так что интерес к ней со стороны науки следует только приветствовать, хотя на этом направлении не всё удачно, так как даже в разработке самой философской теории ценностей наблюдается теоретический разброд [1, с. 34]. Но общественная практика – опасность духовной деструкции социума – послужила стимулом к развитию аксиологии и её прикладных дисциплин – медицинской [2] и политической аксиологии, формируется аксиология журналистики, несмотря на то, что всё ещё нет ответа на важнейшие аксиологические вопросы: если добро и красота – ценности, то почему отказываем в ценностном статусе злу и безобразию? «Вопрос не просто терминологический, ибо провозглашение абсолютного добра лишает такого же статуса зло, но тогда теряется сам смысл зла как антипода добра» [3, с. 62–64]. Другой точки зрения придерживаются политологи – «понимание добра означает противопоставление ему зла». Противопоставление добру абстракции зла овеществляется в медийном поле, где «подрывное воздействие на потенциалы жизнеспособности страны оказывают антиценности (ложные ориентиры), внедряемые в массовое сознание» [4, с. 179, 594].

На запросы медийной практики свой ответ находит аксиология журналистики. По её проблематике проводятся конференции (наиболее крупная состоялась на факульте-

те журналистики МГУ¹), выходят статьи, монографии, защищаются диссертации; в части университетов аксиология журналистики включена в программу подготовки будущих журналистов. Показательно, что становление аксиологии журналистики обусловлено практикой СМИ, а динамикой практики уже в наши дни дан запрос на обновление теоретического каркаса ценностных подходов к изучению массмедиа. Так, С. Стеенсен и Л. Ахва, проанализировав материалы авторитетных изданий, посвящённых медиаисследованиям – “Journalism – Theory, Practice and Criticism” и “Journalism Studies”, обратили внимание на увеличение доли исследований по вопросам этики и объективности в журналистике; на рост числа теоретических исследований, несмотря на преобладание эмпирико-ориентированных работ [5, с. 12]. Анализ продолжен и по другим изданиям, и выяснилось, что среди исследователей более всего популярны вопросы технологий (ключевые слова – «цифровой», «данные», «алгоритм») и медийных платформ (ключевые слова – «социальные медиа», «онлайн», «мобильный», «мультимедиа») [6].

Перед нами новая – цифровая – эпоха, которая обладает двумя уровнями описания: «содержание цифровых трансформаций, включая посредников коммуникации – компьютеры, интернет, искусственный интеллект, работу с большими данными и

¹ Журналистика в 2011 году. Ценности современного общества и средства массовой информации: материалы междунар. науч.-практ. конф. (6-8 февр. 2012 г.) МГУ им. М. В. Ломоносова, факультет журналистики. – URL: http://www.journ.msu.ru/science/events/conf/2012/journalism_2011.php (дата обращения: 04.06.2021). – Текст: электронный.

фундирующий, призванный объяснять наблюдаемые процессы и их восприятие» [7, с. 24]. По сути, это вопросы философского анализа эпохи, в которой пора «увидеть цифру не как побочный эффект культуры, а как условие нового мира» [8, с. 109]. Цифра, цифровая реальность, цифровизация – это то, что называем «сложным социальным и технологическим феноменом на стыке конвергирующих супертехнологий» [9, с. 6]. При этом воздействие на формирование облика современной медийной среды со стороны социальных и технологических факторов равновелико. Возник феномен текучей медийности, когда факты и события становятся реальными и значимыми для аудитории массмедиа, если они будут отображены в информационном пространстве, в котором даже «мнимые конструкции воздействуют на реальные политические процессы, не только подменяя собой действительность, но и активно формируя её» [10, с. 99–100].

В итоге явственна ситуация, когда журналистский и социальный факт уравнены, когда в восприятии индивида стёрлись ценностные различия в содержании сообщений, поступивших к нему по разным каналам коммуникаций – журналистским или сетевым, когда рамки журналистики размываются под воздействием изменчивых условий жизнедеятельности аудитории медиа, блогеров, акторов политики, культуры. Поэтому аксиология журналистики, методология ценностного анализа информационного пространства, нуждается в обновлении.

Методология и методы исследования. На повестке дня углубление и расширение начатого в аксиологии журналистики дискурса. Кратко обозначим его основные вехи.

В аксиологии журналистики рассматривались вопросы ценностного взаимодействия акторов медиа и ценностных конфликтов, протекающих в «культурно побуждающей среде» (Ю. Хабермас); социокультурных идентичностей и ценностного культурного кода артикуляции проблем и их восприятия. В аксиологических моделях учитывались возможные негативные факторы медийных деструкций духовной жизни общества, зарождения фобий, практик нигилизма, вместе с тем утверждалась высокая ценность публичного диалога в техногенной цивилизации XXI в. Главный акцент сделан на ценностном анализе собственно журна-

листики, для этого адаптировались методы исследовательских практик смежных наук, например, лингвокультурологический анализ [11, с. 14]. Среди новых инструментов – методы «отнесения к ценности», «археологии ценностей» «ценностной динамики смыслов»¹. Они важны и в настоящее время при изучении содержания медиа их применение позволяет продвигаться в область построения аксиологии массмедиа.

Журналистика, перестав доминировать в информационной жизни социума, вошла в высококонкурентную среду медиакommunikаций, где технологическая революция резервирует каждому беспрепятственный вход в сетевое пространство и где образовался стратифицированный медиасоциум – по уровням доступа и ориентации в Интернете, культуры и образования. Стратификация медиасоциума может отличаться от стратификации реального общества, а значит – воспроизводить иную ценностную систему. Стратифицированный медиасоциум «замещает собой реальную действительность, беря на себя функции единственного источника знаний и представлений об окружающем мире» [12, с. 127]. И даже нового пространства культурных и политических конфликтов [13]. Сложилась «гибридная реальность». Но если «реальность производит новые сегменты, новый теоретический язык должен быть услышан непосредственно из этих сегментов» [8, с. 110].

В нашем случае потребность в гибридизации теории связана с преодолением «ограничивающего изучения массмедиа фактора» – отсутствия эффективного взаимодействия теории и практики. До сих пор «академический дискурс развивается параллельно отраслевому, более того – в последнем культивируются предубеждения по поводу значимости подобных исследований» [14, с. 45–46]. Тем более нельзя отрываться от практики медиакommunikаций и, в равной мере, от противоречий в теории, которые обнаруживаются при многоаспектном изучении массмедиа.

Таким образом, среди первых задач по становлению аксиологии массмедиа – ликвидация методологического разрыва, обусловленного отставанием теории от актуальных запросов практики на изучение нового цифрового пространства.

¹ См.: Сидоров В. А. Аксиология журналистики: учеб. пособие. – СПб.: Петрополис, 2016. – С. 169–196.

Теоретической базой исследования стали публикации по вопросам философии (Володенков, 2016; Дудник, 2020; Каган, 1997; Момджян, 2020; Назаров, 2014); культурологии (Авдеева, 2012; Перцева, 2019); массмедиа (Ерофеева, 2010; Козлова, 2015; Нигматуллина, 2021; Хайдарова, 2018; Пром, 2018) и др., а также итоги дискуссий, принятых автором в рамках выполнения исследования по гранту РФФИ (1920) [15] и международного форума «Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения» (1921)¹. Идея гибридации аксиологического анализа медиа позволяет расширить эмпирическую базу статьи, включив в неё проявления саморефлексии профессионалов медийной среды (журнал «Журналист», 2020).

Исследовательская процедура предусматривает анализ отдельных публикаций, непосредственно нацеленных на рефлексию их авторов по вопросам ценностей в мире журналистики. Среди изученных текстов (200) только в 12 можно выделить выраженное отношение их авторов к тем или иным ценностям. Однако скрытая ценностная рефлексия прослеживалась и в других опубликованных материалах: наиболее явно это отмечается в публикациях, касающихся болезненных для журналистов вопросов их взаимодействия с органами власти. На первое место выходят ценности права, независимости массмедиа, достоинства журналиста как гражданина и профессионала. Последнее отмечается при рассмотрении этических аспектов взаимодействия журналиста и работодателя. Гибридность предпринимаемого анализа проявляется, прежде всего, через включение фактов саморефлексии акторов медиа в проблемное поле исследований, чем подчёркивается праксиологическая доминанта новой дисциплины.

Результаты исследования и их об- суждение. Итогом анализа аксиологического дискурса – статей и монографий по вопросам философской теории ценностей, противоречий в духовной жизни общества, интернет-функционализации социальных

¹ Медийные деструкции духовных ценностей социума: междунар. круглый стол экспертов. – СПб.: СПбГУ, 2020 (грант РФФИ № 20-011-31069\20); Ценности гуманизма contra фобии медийной среды. – Текст: электронный // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения: междунар. форум. – СПб.: СПбГУ, 2021. – URL: <https://smif.spbu.ru/about/programma.html> (дата обращения: 04.07.2021).

сетей и т. д. – стало определение важнейших смысловых зон дискурса, в которых нашла подтверждение гипотеза о необходимости начала второго этапа в развитии аксиологии журналистики – её трансформации в современную отрасль гуманитарного знания о массмедиа.

Начнём с признания справедливости тезиса о включённости медиа в повседневную реальность, в которой «многие социальные процессы уже невозможно рассматривать без медиальной компоненты» [16, с. 203–204]. В современном мире медийная среда выступает, прежде всего, в цифровом воплощении, усложнившем понимание её онтологии. В этом контексте императив «увидеть цифру не как побочный эффект культуры, а как условие нового мира» [8, с. 109], весьма своевременный. Философы, культурологи ставят вопрос о смыслах включения человека в цифровой формат и подчёркивают, что «смысл всегда на пересечении творца и реципиента, это всегда диалог; и успех такого взаимодействия зависит от способности понять собеседника, а это возможно, как правило, только при сопоставимой культурной и интеллектуальной базе» [17, с. 9]. Так что смыслы включения человека в «цифру» и сказанного им в новейшей среде возникают исключительно в режиме пересечений интеллекта с интеллектом.

Однако правила жизни в медиа не постоянны, отчего любой автор медийного выступления «должен всё время адаптироваться под условия очередной медиаплатформы»². Впрочем правила медиаповедения не сводятся к формальным предписаниям, нейтральным по отношению к идеологии текста. Они непосредственно влияют на содержание текстов, на систему ценностей их авторов, и потому «в рамках аксиологической проблематики вопрос формирования ценностных смыслов является первостепенным» [18, с. 259]. Добавим, что реалии информационной эпохи спутали ценности взаимодействия интеллектов в цифровых медиакоммуникациях. Что, если субъект взаимодействия не человек, а робот, «не является ли нейромаркетинг вмешательством в частное психическое пространство?»³ Сомнения вполне справедливы, и к ним резонно прибавить такие же, но уже возникшие на почве

² Нигматуллина К., Корнев М., Пуля В. Тренды новых медиа-2020 // Журналист. – 2020. – № 1. – С. 16.

³ Нигматуллина К. Требуется сверхчеловеки // Журналист. – 2020. – № 2. – С. 25.

пристрастий части общества к компьютерным играм. Всё это побуждает задуматься о «формировании цифровых прав человека, обеспечивающих его свободу, приватность и деятельность» [19, с. 66], иначе говоря, задаться вопросом, что делать с «цифровым» правом личности – включать ли в него как неизбежность XXI столетия взаимодействие с искусственным интеллектом?

Среди исследователей и журналистов нет единства в оценках системы «человек – робот». Журналисты тревожатся не столько о растущем для редакций значении программистов, сколько о результатах их работы, когда техника определяет, «кто есть “хороший” журналист в современной редакции»¹. В настоящее время работник СМИ отчётливо понимает, что искусственный интеллект агрегатора может предложить аудитории газеты/онлайн-издания такие медийные тексты, которые отличаются удобным для неё форматом и привлекательным содержанием, тогда как журналист по старинке забывает, что «в условиях бесконечного выбора и диктатуры соцсетей и агрегаторов люди просто не будут тратить время на темы и истории, которые считают важными только журналисты»².

Вопрос о ценностной подоплёке авторства медийного текста – человека или робота – злободневен. Настала пора разработки новой этики, «напрямую связанной с коммуникацией и взаимодействием между новыми и традиционными медиапрофессионалами. Нейросеть пишет разработчик, но редакционные ценности формирует по-прежнему редактор»³. Согласимся, что ценностные установки всё ещё задаёт человек – журналист, редактор, владелец издания, но время формирует новый тип идентичности актора медиа. В его основе «игра на видимость/невидимость», которая является «фундаментальным аспектом онлайн-существования и ставит перед пользователем неудобную дилемму: быть увиденным и, следовательно, быть или не быть увиденным и, следовательно, не быть» [Там же, с. 64–65]. Так цифровая среда возвращает нас к извечной дилемме «Быть или не быть?». Другой исследователь,

констатируя, что «цифровые инновации в той или иной мере сегодня касаются жизни большинства», определил относящиеся к ним проблемы как «проблемы связанности и эффективности. Быть на связи – значит быть эффективным, а быть эффективным – значит быть на связи» [20, с. 19].

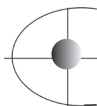
В ситуации неопределённости любой ответ на вопрос о медийной идентичности личности не очевиден. Поэтому в цифровой ситуации дилемма «быть или не быть?» означает совсем не то же, что 100 лет назад. Это не отказ от разумного бытия человека, это нечто большее – отказ от признания разумного бытия ценностью, как если бы эта ценность была агрегирована искусственным интеллектом. В конечном счёте «цифровые алгоритмы способны не только включить личность в глобальную виртуальную реальность, но и вытеснить из её сознания... фундаментальные основания мировоззренческой картины мира» [21, с. 159]. Это не просто замена одной реальности на другую, а ценностная перемена внутри наблюдателя, для которого уже нет верифицируемого мира, зато есть цифровая псевдосреда, которая «замещает реальную действительность, беря на себя функции единственного источника знаний и представлений об окружающем» [12, с. 127]. Псевдосреда и ситуация неопределённости в вопросах идентичности выступают как актуальные проблемные поля аксиологии массмедиа.

Другое проблемное поле составили размышления авторов научных публикаций о феномене человека в «цифровой реальности», так как побочным эффектом «цифровых» технологий явилось формирование индивида нового типа, склонного жить в медийном пространстве, то в этой ситуации надо задуматься о том, что «инструменты, которые создаются людьми, быстро опережают их умственные способности» [22, с. 222]. На этот счёт один из аналитиков спрашивает, о каком человеке говорим, когда строим своё понятие ценности [18, с. 260]. Вряд ли получим однозначный ответ, потому как противоречив сам аксиологический подход к оценке действительности. «Проблема ценностей неизбежно возникала в эпохи обесценивания культурной традиции и дискредитации идеологических устоев общества» [Там же, с. 265]. Если ширятся практики провокации кризисов, криминализации общества, то ясно, что «у определённых субъектов в об-

¹ Довбыш О. Незванный гость хуже робота: автоматизированная журналистика глазами академических исследователей // Журналист. – 2020. – № 9. – С. 26.

² Пуля В. Как вовлечь невовлекаемое // Журналист. – 2020. – № 7. – С. 49.

³ Довбыш О. Незванный гость хуже робота: автоматизированная журналистика глазами академических исследователей // Журналист. – 2020. – № 9. – С. 27.

ществе существуют особые цели и ценности (как анти-ценности по отношению к целостной социосистеме)» [23, с. 57].

Распад ценностной системы общества – основная внутренняя угроза для любого государства, как высказался на встрече с молодёжью министр обороны России Сергей Шойгу: «Всё это связано с тем, что постепенно разлагается общество»¹. Индивид «цифровой реальности» не живёт изолированно. И какие бы усилия ни прилагала власть, возможности полностью оградить граждан страны от деструктивных идей у неё нет. Поэтому для поддержания целостности социума «критическое значение имеет самостоятельное определение ценностей», так как «попытки улучшения системы путём заимствования ценностей из других систем ...могут на деле вести к деградации» [24, с. 11].

Об угрозах нигилизма говорится немало. Отмечается, что особую «опасность представляет «инфицирование» нигилизмом в медийном пространстве, предрасположенном к нему своим массовым характером» [25, с. 48]. Вряд ли угроза коренится исключительно в деструктивном функционировании массмедиа. Цифровая среда – это совокупность действий/результатов действий многих акторов, приведения ими в рабочее состояние сложных информационных агрегатов. «Механизмы проникновения малоизученных и потенциально вредоносных движений и идей находятся в постоянном развитии, эффективно адаптируясь под условно безопасные и «привычные» для обывателя механизмы и инструменты социальной коммуникации, тем самым усиливая вероятность создания идеологических рисков и их последствий» [21, с. 158].

Таким образом, угрозы ценностной системе общества, идущие со стороны цифрового пространства, медийных агрессий и деструкций по отношению к духовной жизни социума, рассматриваются нами в качестве актуального проблемного поля построения аксиологии массмедиа. И на этом поле важнейшим объектом внимания видится личность человека, потому что, как однажды высказался известный журналист Василий Песков, «только у человека есть «болезнь

¹ Шойгу назвал главную внутреннюю угрозу для любой страны. – Текст: электронный // РИА Новости. – 2021. – 10 авг. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/611291069a794726b7e9687d> (дата обращения: 04.06.2021).

совести»². Современный исследователь выводит правдивость в качестве главной ценностной характеристики личности, которая «утверждает себя в противостоянии неправде, в борьбе с ней, в противодействии всевозможным формам неподлинности и убожества» [26, с. 18–20]. Тем самым намечается важная линия демаркации с искусственным интеллектом. С ним можно увязать ценность точности/безошибочности, и в таком узком значении слова – даже ценность истинности, но не правдивости. Правдивость, веками находившаяся в тени истинности, в «цифровой реальности» оказалась наиболее близка человеку. В современном мире нужны аксиологические и этические подходы к пониманию медийного взаимодействия живого разума с искусственным интеллектом.

Анализ научных публикаций подкрепляет основания не столько актуальности разработки прикладных аспектов теории ценностей в сфере массмедиа, сколько целесообразности аксиологического анализа негативной стороны проблематики – наиболее опасных деструкций медиамира XXI в. Исследование медийных деструкций – это не только своевременный ответ на запросы социальной практики, но и способ/путь к накоплению и систематизации материала как научной базы новой дисциплины.

В аксиологии ценности рассматриваются как важнейший элемент мотивации, обеспечивающий свободу выбора поведенческих реакций индивида на испытываемые влечения. Философы выделяют три уровня ценностной мотивации: 1) базисные «ценности как цели», 2) исторически изменчивые «ценности по выбору» и 3) исторически вариативные «ценности как средства» [27, с. 25]. Обозначенные уровни можно также воспринимать как уровни ценностной мотивации медиаповедения индивидов. Но в понимании уровней ценностной мотивации поведения индивида в оффлайне и его медиаповедения, то есть в онлайне, нет тождества. Медиаповедение является особым объектом ценностного анализа, следовательно, частью исследований в области аксиологии массмедиа.

Заключение. Анализ современных теоретических источников по вопросам философской теории ценностей показывает, что прикладное значение аксиологии возрастает

² Семина Л. Песков, который всегда говорил правду // Журналист. – 2020. – № 2. – С. 57.

ет, прежде всего, в исследованиях, затрагивающих представления о статусе личности человека в меняющемся «цифровом» мире, в связи с чем усиливается внимание к медийным аспектам бытия, что, в свою очередь, актуализирует вопрос о ценностном анализе массмедиа. Таким образом, в повестку дня включаются углубление теоретических аспектов и расширение проблемных полей аксиологии журналистики, которая в результате должна преобразоваться в новую отрасль знания – аксиологию массмедиа.

Новая дисциплина – прикладная по отношению к философской теории ценностей и развитию аксиологии журналистики. Радикальные перемены в современном информационном мире расширяют предмет изучения, включая в него важнейшие для современности вопросы соотношения социальной реальности и «цифрового мира», включения человека в цифровой формат.

Философский дискурс по ценностной проблематике даёт понять, что потребность в рассмотрении вопросов «цифровой реальности» назрела, необходимы так называемые гибридные теории. Гибридизация начинается с оценки соответствия рефлексии теоретиков цифровому преобразению мира в целом, медиа в частности, и саморефлексии журналистов – акторов цифрового пространства.

Разбор журналистами-практиками фактов «цифровой реальности» по-своему смыкается с философским анализом цифрового формата действительности. И в том и в другом случае на обсуждение выносятся злободневная проблема взаимодействия в системе «человек – робот». Значение такого взаимодействия следует рассматривать как в узком, так и в широком смыслах, когда и тот и другой непосредственно касаются аксиологии массмедиа.

В узком смысле взаимодействие с искусственным интеллектом затрагивает, прежде всего, профессиональные аспекты журналистики. Это ценностный анализ текстов с точки зрения их истинности, точности, правдивости. Анализируемые в настоящее время тексты создаются в традиционных СМИ и интернет-изданиях как журналистами, так и агрегатами, которые управляются искусственным интеллектом роботов. В широком смысле значения проблема касается всей совокупности фактов взаимодействия аудитории медиа с информационной продукцией искусственного интеллекта. Тем самым, изучается соотношение разных по авторству – человек или робот – медийных картин мира, значимость дилеммы «быть или не быть» в современном цифровом мире, который до сих пор ещё не осмыслен – то ли новая социальная реальность, то ли псевдосреда.

Для аксиологии массмедиа особую актуальность приобретает анализ медийных деструкций в духовной жизни общества. Деструкция духовных ценностей оборачивается разрушением культуры социума. Медийные формы действий и выражаемых ими событий знаменуют состояние общества «цифровой» вербализации социальных связей всех уровней. Идентификация индивида, трудовой процесс, его результаты закрепляются в электронной форме, приобретают свойства текучей медийности. В политике и культуре факты и события подвержены медиатизации, так как индивид соприкасается только с медиафактами и медиасобытиями. Медиатизация – процесс, медийность – результат преобразования действительности, знаменующий собой «цифровое отчуждение» человека, уравнивающий подлинное и мнимое, красоту и безобразие, добро и зло. Таким образом, в медийности обнаруживается потенциал деструкций духовных ценностей общества. И это понимается как важнейшее проблемное поле аксиологии массмедиа.

Список литературы

1. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
2. Ларионова И. С. Здоровье как социальная ценность: автореф. дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2004. 38 с.
3. Выжлецов Г. П. Аксиология культуры. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 152 с.
4. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Высшие ценности Российского государства. М.: Научный эксперт, 2012. 624 с.
5. Steensen S., Ahva L. Theories of journalism in a digital age: An exploration and introduction // Journalism Practice. 2015. Vol. 9. Pp. 1–18.
6. Steensen S., Grøndahl Larsen A., Benestad Hågvær Y., Kjos Fonn B. What Does Digital Journalism Studies Look Like? // Digital Journalism. 2019. Vol. 7. Pp. 320–342.

7. Шиповалова Л. В. О субъекте научной деятельности в цифровую эпоху // Социальные и цифровые исследования науки / науч. ред. и сост. А. А. Аргамакова [и др.]. М.: Русское общество истории и философии наук, 2019. С. 23–37.
8. Очеретяный К. А. Компьютерные игры: эпистемический ресурс цифровой культуры // Социальные и цифровые исследования науки / науч. ред. и сост. А. А. Аргамакова [и др.]. М.: Русское общество истории и философии наук, 2019. С. 108–123.
9. Аргамакова А. А. Предисловие // Социальные и цифровые исследования науки / науч. ред. и сост. А. А. Аргамаковой [и др.]. М.: Русское общество истории и философии наук, 2019. С. 5–9.
10. Казимирчик Л. В. Феномен медиатизации публичной политики: теоретико-методологический аспект // Теория и практика общественного развития. 2014. № 11. С. 99–103.
11. Ерофеева И. В. Аксиология медиатекста в российской культуре (репрезентация ценностей в журналистике начала XXI века): автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. СПб., 2010. 51 с.
12. Володенков С. В. Медиатизация и виртуализация современного пространства публичной политики // Коммуникология – Communicology. 2016. № 4. С. 125–136.
13. Koukoutsaki-Monnier A., Seoane A. Discours de haine sur l'internet. Текст: электронный // Hal. Archives-ouvertes. hal-02153771, version 1. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02153771> (дата обращения: 14.06.2021).
14. Нигматуллина К. Р. Профессиональная культура журналистов в России. СПб.: Алетейя, 2021. 286 с.
15. Sidorov V., Melnik G. Media Destruction of the Spiritual Values of Society (Based on the Materials of the Experts' Round Table) // Media Education (Mediaobrazovanie). 2020. Vol. 61. Pp. 126–134.
16. Гуреева А. Н. Теоретическое понимание медиатизации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета. Сер. «Журналистика». 2016. № 6. С. 192–208.
17. Черниговская Т. В. Ещё раз о мозге и семиозисе: можно ли найти точку в нейросетях? // Вопросы философии. 2021. № 6. С. 5–15.
18. Авдеева И. А. Формирование ценностей как философская, социальная и культурологическая проблема // Вестник Тамбовского государственного университета. 2012. Вып. 3. С. 257–268.
19. Сморгунов Л. В. Институционализация управляемости и проблема контроля в пространстве цифровых коммуникаций // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. № 3. С. 62–75.
20. Дудник С. Отчуждение в цифровом обществе // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 17–20.
21. Перцева У. С. Деструктивный культ в современном медиапространстве // Известия Тульского государственного университета. Сер. «Гуманитарные науки». 2019. № 4. С. 157–166.
22. Namelink C. James Halloran Memorial Lecture. Conversations with my Robot // Nordicom Review. 1996. Vol. 30. June. Jubilee Issue. Pp. 218–223.
23. Панарин В. И., Пучков О. Э., Пфаненштиль И. А., Яценко М. П. Эволюция аксиологии и её роль в решении актуальных социально-философских проблем развития ноосферы // Вестник института развития ноосферы. 2020. № 3. С. 33–77.
24. Алексеев А. П., Алексеева И. Ю. Информационная война в информационном обществе // Вопросы философии. 2016. № 11. С. 5–14.
25. Хайдарова Г. Р. Медиасреда как пространство культурной практики: борьба за воображаемое // Общество. Среда. Развитие. 2018. № 1. С. 45–51.
26. Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ. М.: Канон+: Реабилитация, 2010. 336 с.
27. Момджян К. Х. О проблеме общечеловеческих ценностей // Вопросы философии. 2020. № 3. С. 25–41.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; принята к публикации 20.08.2021

Сведения об авторе

Сидоров Виктор Александрович, доктор философских наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: v.sidorov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>.

Для цитирования:

Сидоров В. А. Аксиология массмедиа: проблемные поля и стратегии изучения // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 117–125. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-117-125.

References

1. Kagan, M. S. Philosophical theory of value. SPb: Petropolis, 1997. (In Rus.)
2. Larionova, I. S. Health as a social value. Dr. sci. diss. abstr. M., 2004. (In Rus.)
3. Vyzhletsov, G. P. Axiology of culture. SPb: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 1996. (In Rus.)
4. Bagdasarian, V. E., Sulakshin, S. S. The highest values of the Russian state. M.: Nauchnyi ekspert, 2012. (In Rus.)
5. Steensen, S., Ahva, L. Theories of journalism in a digital age: An exploration and introduction. In *Journalism Practice*, vol. 9, pp. 1–18, 2015. (In Engl.)
6. Steensen, S., Grøndahl Larsen, A., Benestad Hågvar, Y., Kjos Fonn, B. What Does Digital Journalism Studies Look Like? In *Digital Journalism*, vol. 7, pp. 320–342, 2019. (In Engl.)
7. Shipovalova, L. V. About the subject of scientific activity in the digital age. Ed. by Argamakova, A. A. *Social and digital science research*. M: ROIIFN, 2019: 23–37. (In Rus.)
8. Ocheretianyi, K. A. Computer games: an epistemic resource of digital culture. Ed. by Argamakova, A. A. *Social and digital science research*. M.: Russkoe obshchestvo istorii i filosofii nauk, 2019: 108–123. (In Rus.)
9. Argamakova, A. A. Foreword. Ed. by Argamakova, A. A. *Social and digital science research*. M: ROIIFN, 2019: 5–9. (In Rus.)
10. Kazimirchik, L. V. The phenomenon of public policy mediatization: theoretical and methodological aspect. In *Theory and Practice of Social Development*, no. 11, pp. 99–103, 2014. (In Rus.)
11. Erofeeva, I. V. Axiology of media text in Russian culture (representation of values in journalism of the early XXI century). Dr. sci. diss. abstr. SPb., 2010. (In Rus.)
12. Volodenkov, S. V. Mediatization and virtualization of the modern public policy space. In *Kommunikologiya – Communicology*, no. 4, pp. 125–136, 2016. (In Rus.)
13. Koukoutsaki-Monnier, A., Seoane, A. Discours de haine sur l'internet. In *Hal. Archives-ouvertes*. hal-02153771, version 1. Web. 14.07.2021. <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-02153771> (In French)
14. Nigmatullina, K. R. Professional culture of journalists in Russia. SPb: Aleteia, 2021. (In Rus.)
15. Sidorov, V., Mel'nik, G. Media Destruction of the Spiritual Values of Society (Based on the Materials of the Experts' Round Table) // *Media Education (Mediaobrazovanie)*, no. 61, pp. 126–134, 2020. (In Rus.)
16. Gureeva, A. N. Theoretical understanding of mediatization in the digital environment // *Moscow University Bulletin*, no. 6, pp. 192–208, 2016. (In Rus.)
17. Chernigovskaia, T. V. Once again about the brain and semiosis: is it possible to find a point in neural networks? // *Philosophy questions*, no. 6, pp. 5–15, 2021. (In Rus.)
18. Avdeeva, I. A. Formation of values as a philosophical, social and cultural problem // *Tambov State University Bulletin*. Release, no. 3, pp. 257–268, 2012. (In Rus.)
19. Smorgunov, L. V. Institutionalization of manageability and the problem of control in the digital communications space // *South-Russian Journal of Social Sciences*, no. 3, pp. 62–75, 2019. (In Rus.)
20. Dudnik, S. Alienation in a digital society // *Philosophy questions*, no. 3, pp. 17–20, 2020. (In Rus.)
21. Pertseva, U. S. Destructive cult in modern media space // *Bulletin of the Tula State University. Humanitarian sciences*, no. 4, pp. 157–166, 2019. (In Rus.)
22. Namelink, C. James Halloran Memorial Lecture. Conversations with my Robot // *Nordicom Review*. Vol. 30, June. Jubilee Issue, pp. 218–223, 1996. (In Engl.)
23. Panarin, V. I., Puchkov, O. E., Pfanenshtil', I. A., Iatsenko, M. P. Evolution of axiology and its role in solving urgent social and philosophical problems of the development of the noosphere. *Bulletin of the Institute for the Development of the Noosphere*, no. 3, pp. 33–77, 2020. (In Rus.)
24. Alekseev, A. P., Alekseeva, I. I. Информационная война в информационном обществе. *Philosophy questions*, no. 11, pp. 5–14, 2016. (In Rus.)
25. Khaidarova, G. R. Media environment as a space of cultural practice: the struggle for the imaginary. *Society. Wednesday. Development*, no. 1, pp. 45–51, 2018. (In Rus.)
26. Dubrovskiy, D. I. Deception. Philosophical and psychological analysis. M: Kanon+: Reabilitatsiia, 2010. (In Rus.)
27. Momdzhian, K. Kh. On the problem of universal human values // *Philosophy questions*, no. 3, pp. 25–41, 2020. (In Rus.)

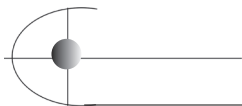
Received: July 13, 2021; accepted for publication August 20, 2021

Information about author

Sidorov Viktor A., Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb., Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: v.sidorov@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8819-6815>.

For citation:

Sidorov V. A. Axiology of Mass Media: Problem Fields and Study Strategies // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 117–125. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-117-125.

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-126-135

Рузанна Гургеновна Иванян,
*Высшая школа печати и медиатехнологий,
Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна
(г. Санкт-Петербурга, Россия),
e-mail: rouzanna@youthcentre.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8210-3606>*

Ценность солидарности в современной журналистике

Статья посвящена изучению ценности солидарности в современной российской журналистике, актуализированной в профессиональном и общегражданском аспектах. Пандемия способствовала развитию практик солидарности и взаимопомощи, всплеску дискуссий об этой ценности. Журналистика отражает процессы зарождения новых практик и реинкарнации традиционных, участвует в формировании солидарности, разделяя её гуманистический и гражданский характер. В то же время солидарность в журналистике актуализируется как профессиональная ценность, позволяя медийному сообществу противостоять внешнему давлению. Целью исследования является анализ солидарности как ценности современной журналистики. В качестве методов исследования использованы мониторинг постов и комментариев в социальных сетях, первичный и вторичный анализ данных, кейс-анализ. Выбор методов обусловлен спецификой исследования и позволил, опираясь на конкретные кейсы, вывести общие закономерности в практиках журналистской солидарности. Автор изучает предпосылки журналистской солидарности, её акторов. Фрагментированность и дискретность журналистики проявляются во взаимодействии (или его отсутствии) между разными акторами журналистской солидарности. Цифровой характер современной медиасреды вносит свой вклад: солидарность реализуется в онлайн-формате, усиливается роль комьюнити-менеджера. Другие тренды журналистской солидарности – её публичность и медиатизация, монетизация. Палитра инструментов солидарности в журналистике постоянно расширяется, вбирая в себя инструменты других областей. Современная солидарность впитывает элементы социального проектирования, приобретая формы общественных кампаний, мобилизационных проектов. Проявления журналистской солидарности носят ситуативный характер, часто сфокусированный вокруг конкретного медиа, знакового или резонансного события, или журналиста в конкретный краткий промежуток времени. Первичной задачей становится огласка. Примеры растянутой по времени солидарности редки и вынуждены информационно о себе напоминать, поддерживать интерес, модерироваться. Автор приходит к выводу, что различные практики солидарности в журналистике строятся на актуализированной ценности солидарности, и предлагает её понимание.

Ключевые слова: профессиональные ценности, гражданские ценности, журналистика, солидарность, медиатизация, Иван Сафронов, Елена Пивоварова

Ruzanna G. Ivanyan,
*Graduate School of Print and Media Technologies,
Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design
(Saint Petersburg, Russia),
e-mail: rouzanna@youthcentre.ru
<https://orcid.org/0000-0002-8210-3606>*

Solidarity as Value in Journalism

The paper is researching the value of solidarity in contemporary Russian journalism, actualized in its professional and civic aspects. The pandemic has contributed to the development of practices of solidarity and mutual aid, and a surge in discussions about this value. Journalism reflects the processes of the birth of new practices and the reincarnation of traditional ones, and takes part in the formation of solidarity, sharing its humanist and civic character. At the same time, solidarity in journalism is actualized as a professional value, allowing the media community to resist external pressure. The object of the study is civil and professional values in journalism; the subject of the study is the value of solidarity. Monitoring of posts and comments in social networks, primary and secondary data analysis, and case analysis were used as methods of research. The empirical material includes cases from contemporary journalistic solidarity practice. The author examines the circumstances that become the background for journalistic solidarity, its traditional and new actors. The fragmented and discrete nature of jour-

© Иванян Р. Г., 2021

nalism also manifests itself in the interaction (or lack thereof) between the various actors of journalistic solidarity. The digital nature of the modern media environment makes its contribution: solidarity is being implemented in an online format and the role of the community manager is increasing. Other trends of journalistic solidarity are its publicity, its mediatization, and monetization. The palette of solidarity tools in journalism is constantly expanding, incorporating tools from other fields. Modern solidarity absorbs elements of social projection, taking the form of public campaigns and mobilization projects. Manifestations of journalistic solidarity are situational, often centered around a particular media outlet, an iconic or high-profile event, or a journalist in a particular short period of time. Publicity becomes the primary goal. Examples of extended solidarity are rare and forced to be informationally recalled, interest maintained and moderated. The author concludes that various solidarity practices in journalism are built on the actualized value of solidarity and offers an understanding of it.

Keywords: professional values, civic values, journalism, solidarity, mediatization, Ivan Safronov, Elena Pivovarova

Введение. Попытки дать определение понятию «ценность» предпринимались социологами и философами на протяжении многих веков, но до сих пор его идеальное и всеми признаваемое описание отсутствует. Под ценностью будем понимать «внутренний, эмоционально освоенный субъектом ориентир его деятельности, который воспринимается им как его собственная интенция, а не имперсональный, надличностный, отчуждённый от него регулятор поведения» [1, с. 164].

Солидарность – одна из ценностей, которая в настоящее время ярко артикулирована в публичном пространстве. Социологи говорят о существовании различных видов солидарности [2]. В качестве индивидуальной ценности в российском обществе солидарность мало упоминалась до 2020 г.¹ Пандемия коронавируса актуализировала её, доказав важность для мобилизации в кризисные минуты. «Коронавирус – это не только проверка на способность взять в нужный момент самоотвод, выпасть из социального механизма, но и тест на солидарность»².

Наличие общей угрозы, необходимость самоизоляции стали важными факторами для формирования высокого уровня солидарности, особенно на локальном уровне [3, с. 47–48]. Люди объединяются в ассоциации и союзы, участвуют в волонтерских движениях и акциях взаимопомощи³. Примерно

¹ Ценностная солидаризация и общественное доверие в России. – URL: <http://doverie.zircon.tilda.ws/zennosti> (дата обращения: 01.07.2021). – Текст: электронный.

² Героизм на диване. Юрий Сапрыкин – о том, как избежать самообмана при самоизоляции. – URL: <https://reminder.media/post/geroizm-na-divane-yuriy-saprykin-o-tom-kak-izbezhat-samoobmana-pri-samoizolyatsii?fbclid=IwAR3gSnF-UAwlquSzs2fP7XnwRN5fem5WZwwFcRhW7bWr-LBBJnuOmW2VHho> (дата обращения: 01.07.2021). – Текст: электронный.

³ Фонд общественного мнения. – URL: <https://fom.ru/TSennosti/14393> (дата обращения: 01.07.2021). – Текст: электронный.

59 % россиян чаще занимаются добровольческой деятельностью, 71 % опрошенных хотя бы раз помогли другому человеку в пандемический период⁴.

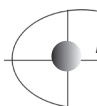
Всплеск новых и реинкарнация традиционных практик солидарности в марте 2020 – июле 2021 г. позволяют обществу жить в ситуации угрозы и неопределённости. В. С. Вахштайн называет солидарность одним из типов реакции сообщества на эпидемию, наряду с поляризацией, атомизацией [4]. Солидарность компенсирует первоначальный дефицит связей, идей, институций, ресурсов, а также психологической поддержки людям [5]. В статье П. Бэра описываются внешние и внутренние факторы солидаризации во время эпидемии [6]. При этом наивно думать, что пандемия способна автоматически усилить солидарность [7].

Современная солидарность имеет ряд особенностей. Р. Лункин считает, что мы наблюдаем стремление выстроить её на основе нового понимания демократии, когда люди готовы взять на себя часть функций государства [8].

Новые ценностные опоры оказались трудно разделимы, и поэтому некоторые инициативы по формированию солидарности не принесли желаемых результатов⁵. Но практики солидарности были и продолжают отражаться в качестве контентного наполнения в СМИ. Солидарность становится сама по себе информационным поводом, элементом повестки дня и даже частью инфотейнмента. Выражение солидарности эмоционально заряжено. Другая особенность проявления современной солидарно-

⁴ ВЦИОМ. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/solidarnost-na-fone-pandemii> (дата обращения: 01.07.2021). – Текст: электронный.

⁵ «COVIDарность»: почему люди так и не начали помогать друг другу сами. – URL: <https://te-st.ru/2020/10/29/covidarnost> (дата обращения: 01.07.2021). – Текст: электронный.

сти связана с преимущественной областью распространения – Интернетом. Л. Б. Зубанова и Н. Л. Зыховская полагают, что в онлайн-солидарности значимым становится обозначение, озвучивание единства и сплочённости, а не их непосредственная реализация [9].

Особенностью интернет-практик солидарности исследователи считают их горизонтальный характер, опору на потребности и интересы, озвученные в пространстве всемирной паутины, добровольности участия и способности к самоорганизации [9; 10]. К этому можно добавить ещё и простоту в выражении солидарности – чем проще и понятнее ожидаемое действие, тем быстрее, чаще и активнее его будут выполнять.

Солидарность в качестве профессиональной ценности журналистского сообщества – главная сторона изучаемой нами проблематики. Попытки найти унифицированный список ценностей российского журналиста безуспешны, более того, маловероятно, что он вообще может существовать, поскольку содержание ценностей меняется и трансформируется, и зачастую это происходит даже без замены общего названия. В научно-исследовательских публикациях сложно вычленить ценностный, аксиологический аспект, как правило, речь идёт о смежных тематических ракурсах: профессиональном самосознании и мировоззрении журналистов, культуре журналиста, социально-профессиональных ориентациях и установках (например, исследования ЦИРКОН, 2016 и 2018 гг.), о роли журналистики в становлении гражданского общества (А. А. Ширева) и т. д.

В то же время нельзя не заметить интерес научного сообщества к ценностной составляющей журналистского труда, что проявляется в осмыслении его аксиологического измерения [11–14]. Дискуссии идут и о приверженности традиционным ценностям журналистики (и о том, что входит в это понимание), и о выработке новой «шкалы ценностей» или даже нескольких «шкал» для разных сегментов журналистики, поскольку в настоящее время мы говорим не о «монолитной» журналистике, а о дискретных «журналистских» [15]. Наличие единства среди российских журналистов признают только чуть больше трети населения. При этом оценки широкой публики и самих журналистов совпали. Фрагментированность

российского медиасообщества отражает фрагментированность всего российского общества¹.

Размежевания происходят по многим векторам: журналисты из «традиционных» и нетрадиционных медиа, журналисты из госхолдингов и независимых от государства СМИ и др. Есть и более точечные размежевания. Например, в расследовательской журналистике стоит вопрос об этичности или неэтичности покупки информации, использовании нелегальных баз данных, что также свидетельствует о разнице в понимании и интерпретации профессиональных ценностей.

Профессиональные ценности являются относительно устойчивым ядром, которое имеет потенциал и для определения границ журналистского сообщества, и для понимания базы профессиональной солидарности, и для формирования или анализа поведенческих норм. Предположим, что ключевые ценностные подходы, к которым можно отнести уважение человеческого достоинства и прав человека, равенство, свобода, социальная ответственность и другие создают важный фундамент журналистской профессии. Инструментальные ценности реализуются через практическую деятельность. Так, ценность профессионального сотрудничества, горизонтальных связей особенно ярко артикулируется в коллаб-журналистике. Журналистика сообществ и вся деятельность гиперлокальных медиа свидетельствуют о фокусе на разделении общих ценностей. Социальная ответственность выражается в различных действиях СМИ, направленных на улучшение жизни общества, например, в виде социальных проектов [16]. Коллаборативная журналистика, журналистика соучастия, парципаторная журналистика, вовлекающая журналистика, журналистика решений – каждая по-своему фокусируется на той или иной ценности.

Солидарность – одна из традиционных ценностей в журналистике. Различные политические векторы СМИ, конкурентный характер современной медиасреды, разнообразие интересов, позиций и мотивов, сложный характер современной российской внутренней политики и разночтение этических норм и стандартов являются фоном,

¹ Аналитический отчёт по результатам массового опроса населения РФ. – М., 2018. – С. 52. – URL: http://www.zircon.ru/upload/iblock/b0d/Obraz_zhurnalistov (дата обращения: 01.07.2021). – Текст: электронный.

на котором сомнения в коллегиальной солидарности стали привычным элементом дискуссии. А. Николов, рассуждая о профессии журналиста, привёл пример, связанный с профессиональной солидарностью. Угроза в контексте этой ценности стала для него индикатором разворота журналистики в негативном направлении¹.

Конечно, допустимо предположить, что профессиональная солидарность является, скорее, идеалом, нежели практикой, а картинки из прошлого журналистики отретушированы и размыты. Тем не менее это не обесценивает дискуссии о солидарности и её важности для понимания современной журналистики. Разовые примеры вызывают эмоциональный подъём в профессиональной среде (например, когда в деле Голунова волна солидарности создала прецедент влияния на систему государственного обвинения²).

Таким образом, на фоне общего роста числа практик солидарности в мире и переосмысления её ценностного содержания изучение журналистской солидарности носит широкий, гражданский характер, поскольку журналистика органично вписана в современный мир. В то же время солидарность остаётся внутренней темой обсуждений в профессиональном сообществе, поднимая со дна противоречивость толкования профессиональных и гражданских ценностей журналиста. Именно таким двуединым началом, обострённым в настоящее время, и объясняется актуальность нашего исследования.

Фокус сделан не на практиках солидарности, примеров которых великое множество и в онлайн-, и в оффлайн-пространстве, а на самой ценности солидарности в двух её аспектах (гражданском и профессиональном), создающей почву и определяю-

щей вектор, формат и другие характеристики практических действий.

Методология и методы исследования. Объектом исследования являются гражданские и профессиональные ценности в журналистике, предметом – ценность солидарности. Наше предположение состоит в том, что ценность солидарности в журналистике в настоящее время актуализирована и обострена, поскольку имеет одновременно и гражданское, и профессиональное измерение. Современное наполнение солидарности в журналистике России связано и с традиционными профессиональными идеями и подходами, и с современными социальными практиками активизма и взаимопомощи, и с прочтением солидарности в более широком контексте как важной черты современного демократического общества и государства.

Исследование имеет аксиологический характер, опирается на понимание журналистики как ценностно-ориентированной профессии.

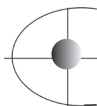
В качестве методов исследования использованы мониторинг постов и комментариев в социальных сетях, первичный и вторичный анализ данных, кейс-анализ. В качестве эмпирического материала приводятся три кейса из современной практики журналистской солидарности. В действительности их намного больше, в опубликованных ранее трудах автора имеются разные варианты классификации кейсов солидарности [17–19]. Однако социально-политический контекст быстро меняется, и классификации требуют регулярного расширения и углубления.

Результаты исследования и их обсуждение. *Пример 1. Елена Пивоварова.* В ноябре 2020 г. главного редактора батайской газеты «Вперёд» Е. Пивоварова внезапно освободили от занимаемой должности. В качестве возможных причин увольнения коллеги называют принципиальную позицию редактора в вопросах освещения жизни города. В отношении Елены возбуждено уголовное дело. У журналистки прошли обыски, после которых она оказалась в больнице, где, по словам её адвоката, на неё продолжали оказывать давление.

За экс-редактора вступились сотни журналистов со всей страны: комментировали ситуацию, давали советы, подписывали открытые обращения, придавали дело

¹ В 1999 г. журналист Кристиана Манкур, работая в белградском телецентре, узнала, что его будут бомбить, и ушла оттуда, не предупредив коллег. См.: Николов А. Из выступления на пленарном заседании на междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия» (4–6 февр. 2021 г.). – URL: <https://drive.google.com/file/d/1hgwwygnm-UZxsJpaN6rswNqVn6Ogs7y/view> (дата обращения: 01.07.2021). – Текст: электронный.

² Иван Голунов – журналист-расследователь, задержан в июне 2019 г. по обвинению в попытке сбыта наркотиков. Широкий общественный резонанс, большая волна солидарности привели к тому, что спустя пять дней журналиста освободили, а дело в отношении него закрыли.

огласке. Ростовское отделение Союза журналистов практически сразу опубликовало заявление, в котором потребовало возвращения ситуации в правовое поле¹. Поддержка звучала на индивидуальных страницах журналистов в социальных сетях, они использовали различные поводы, чтобы лишь один раз напомнить о ситуации коллеги.

Инициаторы старались упростить процесс выражения солидарности, предлагали чёткий список возможных действий: «опубликуйте текст письма у себя на сайте, подпишите открытое письмо, поделитесь постом или ссылкой. Статьи о ситуации появились во многих изданиях². Редакция «Российской газеты» не только опубликовала статью, но и попросила областную прокуратуру проверить законность увольнения и проверки местной Контрольно-счётной палаты³. Поступали обращения Альянса независимых региональных издателей в Государственную Думу и Администрацию Президента.

С помощью краудфандинговой платформы «Сила слова» инициативная группа смогла собрать более 100 000 р. на оплату адвокатов. «Сбор средств на адвоката для журналиста – это не помощь малоимущим, это акт журналистской солидарности»⁴.

Сто сорок три руководителя и журналиста региональных и муниципальных СМИ подписали открытое письмо Президенту В. Путину, о ситуации рассказали на пресс-конференции с ним.

Интересным форматом солидарности является предоставление журналисту площадки для публичности, например, публикации открытого письма. Так, журнал «Журналистика и медиарынок» опубликовал письмо Е. Пивоваровой с благодарностями и рассказом от первого лица.

¹ О деле Елены Пивоваровой. – URL: <https://rostdomgur.ru/2021/02/20/o-dele-eleny-pivovarovoj/?fbclid=IwAR1dSX08XxmTOXAQPY6yuyxuDjwy76oE2eTYIZMYZYUcfvzJrnA2hONEJlk> (дата обращения: 14.06.2021). – Текст: электронный.

² См., напр.: Журналистика и медиарынок (журнал). – 2020. – № 12.

³ Лариса Ионова. Проверка для всех. – URL: https://rg.ru/2020/11/29/reg-ufo/prodolzhaetsia-poisk-prichiny-uvolneniia-glavreda-gazety-vpered.html?fbclid=IwAR1cXrzP1ixyOySq1L4cdkG5rlqN5_488r2vm7dqfjwRmsaC3ezS51-bmC0 (дата обращения: 14.06.2021). – Текст: электронный.

⁴ Ступин Д. Журналистика и медиарынок. – URL: <https://www.facebook.com/groups/579473192069002/user/100001078914589/> (дата обращения: 14.06.2021). – Текст: электронный.

Пример 2. Совместный протест против гибридного давления на медиа. Современный период социальных и политических отношений в России характеризуется принятием законодательства, ограничивающего или дополнительно регламентирующего действия СМИ. Мы становимся свидетелями практики внесения ряда СМИ в реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента⁵, признания журналистов как физических лиц «иностранными агентами», объявления некоторых организаций «нежелательными». Это распространилось на «VTimes», «Радио Свобода», «Кавказ. Реалии», «Крым. Реалии», «Медузу», «The Insider», «Проект медиа» и др.⁶

Ужесточения сокращают пространство деятельности независимых медиа в РФ и в ответ вызывают «волны» протестных действий разного характера, несущие в себе компонент выражения солидарности с затронутыми и пострадавшими медиа и журналистами.

В июле 2021 г. многие независимые медиа заблокировали, они оказались на грани выживания⁷. С декабря 2020 г. Минюст России начал включать в реестр СМИ-иноагентов физических лиц. В самом начале в список попали журналисты Л. Савицкая и Д. Камалаягин, С. Маркелов. Журнал «7×7» снял документальный фильм, в котором деконструирует образ журналиста – иностранного агента. Разрушение клише «иностранного агента» через рассказ о жизни журналистов, как и популяризацию деятельности коллег, можно считать формой выражения солидарности.

В августе 2021 г. издание «Холод» запустило кампанию #запрещённаяпрофессия в

⁵ Реестр иностранных средств массовой информации, выполняющих функции иностранного агента. – URL: <https://minjust.gov.ru/ru/documents/7755/> (дата обращения: 14.06.2021). – Текст: электронный.

⁶ Список СМИ-иностранных агентов, СМИ-нежелательных организаций и журналистов – иностранных агентов в статье «Издание “Проект” объявили нежелательной организацией, журналистов – “ино-агентами”». – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-57853340> (дата обращения: 15.06.2021). – Текст: электронный.

⁷ Например, «Команда 29» вынуждена объявить о самоликвидации. 7 июля 2021 г. издание «Readovka» заблокировало свой сайт, основанием стало постановление суда. В объединении журналистов-фрилансеров «Четвёртый сектор» объявили о закрытии проекта после начала внеплановой проверки Министерством юстиции РФ.

поддержку независимой журналистики. В рамках флешмоба «Холод» призвал журналистов рассказать, как они пришли в профессию и как на них повлияло происходящее.

Медиа, оказавшиеся в конфликте с законом, быстро теряют рекламодателей и могут пытаться поддержать своё функционирование за счет краудфандинга, используя послания, основанные на ценности солидарности. Если «VTimes» отказалось от этой стратегии изначально, предпочитая закрыться, то у «Медузы» мы сейчас наблюдаем такие попытки. Помимо призывов подписаться на регулярные донаты издание вышло с лозунгом «Медуза – это вы», запустило музыкальный марафон в свою поддержку¹.

Далеко не каждая попытка объявить сбор средств в пользу СМИ может соотноситься с солидарностью или происходить в её контексте. Например, некоторые издания собирают средства для оплаты штрафов или судебных издержек, не прибегая к идеям солидарности².

Пример 3. Иван Сафронов. О деле Ивана Сафронова можно узнать из группы на Фейсбуке «Свободу Сафронову»³. В ней регулярно публикуются ссылки на расследования журналиста, новые детали по его делу, записки о его состоянии и т. д. С помощью информационных поводов поддерживается интерес аудитории. В ситуации с Сафроновым ярко и часто звучит тема финансового выражения солидарности. Проводятся акции для сбора средств (например, стендап-концерт 24 сентября 2020 г.), выпускается продукция сувенирного характера, которую можно приобрести в знак солидарности.

В то же время наблюдаются традиционные формы: петиции с различными требованиями (например «Новой газеты»), письма поддержки, видеообращения⁴. С самого начала запущен мини-проект по написанию и

доставке писем Сафронову, создана гугл-форма, позволяющая сделать это быстро и просто. Популяризация деятельности коллеги – важный инструмент солидарности. Например, «Новая газета» выпустила фильм о журналисте, в котором родные, друзья и коллеги Ивана рассказывают о нём как о человеке и профессионале⁵.

Результаты анализа указанных кейсов позволяют утверждать, что актуализация ценности солидарности в журналистике связана с рядом обстоятельств:

1. В первую очередь речь идёт о сужении пространства гражданского общества, которое происходит не только в российском, но и в европейском пространстве. Выражение поддержки лицам, находящимся под следствием или в заключении, краудфандинг для выплаты штрафов и многие другие примеры подчёркивают характерную черту современности – восприятие солидарности в качестве акта гражданского активизма.

2. Другим смежным дискурсом стал вопрос о переосмыслении роли журналистики как элемента гражданского общества, субъекта социального контроля и оппонента государственной власти, т. е. о гражданской роли самой журналистики. «Размытость» границ современной журналистики, переживание её с блогерством и медиаактивизмом на фоне усиления протестных настроений обостряют проблематику. Рассмотрение журналистики как субъекта гражданского общества в контексте активизма позволяет по-новому взглянуть на формулу «журналист-активист» и соотнести её как с традиционным прочтением основ журналистики (что бы под этим ни понималось), так и с современными вызовами⁶. Наличие гражданской позиции часто называется важным условием формирования личности журналиста [20]. В этих условиях солидарность – это гражданская ценность.

¹ Медуза – это вы». – URL: https://support.meduza.io/?fbclid=IwAR2at_21WrA0uYA5JViiA_1-UvUSmsB-PGhte70aGE6JF6xfqPQDkmHJ1RM (дата обращения: 14.06.2021). – Текст: электронный.

² Новый Качканар. – URL: <https://xn--80aaaf9agbtgd4a3f4b.xn--p1ai/%D0%B2%D0%BE%D0> (дата обращения: 14.06.2021). – Текст: электронный.

³ Группа в поддержку Ивана Сафронова. – URL: <https://www.facebook.com/groups/safronov/about> (дата обращения: 14.06.2021). – Текст: электронный.

⁴ См., напр.: Видеообращение редактора телеканала «Дождь» Тихона Дзядко. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=7-t8899EKQY&feature=youtu.be&fbclid=IwAR1C_HRgqIx0IznYR34LIUMgtFiJs0aQFskYdQju-0QaJx2WqEi-sX_ZT1w (дата обращения: 14.06.2021). – Текст: электронный.

⁵ Дело Ивана Сафронова. Документальный фильм «ШпионоВания». – URL: <https://www.youtube.com/watch?v=yK0JwQWBruE> (дата обращения: 14.06.2021). – Текст: электронный.

⁶ Диаметральные противоположные позиции обозначены у В. Соловьёва и И. Колпакова (выступление на междунар. науч.-практ. конф. «Журналистика в 2020 году: творчество, профессия, индустрия» (4–6 февр. 2021 г.). – URL: <https://drive.google.com/file/d/1hgwvvygnm-UZxsJpaN6rswNqVn6Ogs7y/view> (дата обращения: 01.07.2021). – Текст: электронный; Подкаст «Давай голосом». – URL: <https://music.yandex.ru/album/11536407/track/81362840> (дата обращения: 16.06.2021). – Текст: электронный.

3. Пандемия COVID-19 усилила преследования журналистов. Применение юридических и экономических механизмов, гибридных атак рассчитаны на деморализацию журналистов, самоцензуру, уход из профессии¹. В России распространёнными формами давления считаются незаконное уголовное и административное преследование (58 %), а также различные способы влияния через руководство и собственников изданий (50 %)².

Огласка случаев преследования, публичность и репутация журналистов среди коллег и в глазах активной части общества, солидарность, защита и поддержка друг друга, вступление в профсоюз повышают уровень безопасности работы журналиста [21]. Примечательно, что в общественном дискурсе солидарность ассоциируется с «поддержкой» и защитой³.

4. Поиск журналистами своей профессиональной идентичности подталкивает инициирование и воплощение солидарности в журналистских сообществах. За последние годы его границы существенно изменились. Решения Роскомнадзора 2021 г. о спецодежде с наклейками, введении QR-кодов демонстрируют не только желания контроля, но и назревшие потребности журналистского сообщества в самоидентификации, соответственно, праве на профессиональную поддержку, защиту и солидарность.

Активизм журналистов как частный вариант медиаактивизма часто либо воплощает солидарность в онлайн- или оффлайн-практике, либо придерживается её идей на ценностном уровне, либо применяет в качестве методологии своей деятельности.

Некоторые субъекты журналистики становятся активными акторами солидарности. Традиционные системы, созданные для поддержки журналистского сообщества (например, разные союзы журналистов и другие структуры, являющиеся наследием со-

ветского периода), не покрывают полностью спектр существующих потребностей. Их роль заметно меняется с появлением новых профессиональных или гражданских сообществ и общественных организаций (АНРИ, АРС-ПРЕСС, Ассоциация СМИ Северо-Запад, Академия телевидения и радио, «Синдикат-100» и др.) и относительно «новых» медиапроектов, включая группы в социальных сетях, анонимные и авторские телеграм-каналы и т. д., обладающих серьёзным потенциалом в организации, мобилизации и управлении человеческим ресурсом.

Новые субъекты солидарности ориентируются на потребности более фокусных целевых групп (например, региональных журналистов), предположим, в меньшей степени испытывают политическое и экономическое давление. Такие структуры создаются, как правило, в ответ на отсутствие помощи со стороны официальных структур независимым журналистам, попавшим в сложную ситуацию⁴.

Они могут выступать в публичной дискуссии от лица профессионального сообщества, быть медиаторами, участвовать в решении трудовых споров, проведении общественных кампаний, формулировать новые профессиональные стандарты, этические профессиональные нормы и ценности. Новые структуры более гибкие, но в то же время менее устойчивые. Однако «старые» субъекты солидарности обладают большими возможностями в лоббировании интересов журналистского сообщества на мегауровне и модерировании вертикального сетевого взаимодействия.

Фрагментированность и дискретность журналистики проявляются и во взаимодействии (или его отсутствии) с разными акторами журналистской солидарности. М. В. Тулузакова пишет о раздроблении активистского сообщества: представлении интересов разных групп как противоположных, попытке внести раскол изнутри через создание лояльных организаций, распространении дискредитирующих слухов [22]. Предположим, что в профессиональном журналистском пространстве это происхо-

¹ Фонд «Справедливость для журналистов». – URL: <https://fj.fund/ru/karta-riskov/> (дата обращения: 01.07.2021). – Текст: электронный.

² Преследование журналистов в России. Взгляд сообщества журналистов независимых российских СМИ. – URL: <https://www.levada.ru/2021/07/01/> (дата обращения: 12.06.2021).

³ Как журналисты защищали журналистов, это отчётливо заметно. – URL: <https://tjournal.ru/analysis/101243-kak-zhurnalisty-zashchishchali-zhurnalistov?fbclid=IwAR1N28yFFx7nvSznU-fSvG0YmYBZJW6KgUibrNsDBradGVOzs5SVDQqgfJA> (дата обращения: 16.06.2021). – Текст: электронный.

⁴ Малышева Е. «Быть вместе гораздо выгоднее, чем порознь». Как и зачем псковские журналисты создали свой профсоюз. – URL: <https://7x7-journal.ru/articles/2021/04/08/byt-vmeste-gorazdo-vygodnee-chem-porozn-kak-i-zachem-pskovskie-zhurnalisty-sozdali-svoj-profsoyuz> (дата обращения: 01.07.2021). – Текст: электронный.

дит по тем же принципам. Например, конфликт между двумя Союзами журналистов в Петербурге и Ленинградской области однозначно подрывает потенциал региональной солидарности¹.

Цифровой характер современной медиасреды вносит свою специфику. Солидарность не просто опирается на инфраструктуру социальных сетей, но и зависит от их устройства, подобно «цифровому» или «гибридному соседству»². В социальных сетях звучат основные дискуссии об этой ценности, частные кейсы рассматриваются в разрезе глобального.

Практически в каждом конкретном случае возникает сетевое сообщество пользователей, которое проявляет себя как в постах, так и в комментариях к ним. Менеджер сообщества (даже ситуативный) должен управлять дискуссией, реагировать на комментарии пользователей. От него во многом зависит, насколько сильно будет актуализирована ценность солидарности в данном медийном пространстве, как расставлены акценты и какие практические действия предприняты в оффлайн-практике.

Заключение. Ценность солидарности в журналистике проявляется и в декларациях, и в повседневной практике. Мы предлагаем понимать под ней внутренний духовный ориентир деятельности журналиста, СМИ, группы медиарботников, имеющий одновременно и гражданский, и профессиональный характер, направленный как в профессию, так и происходящий вне её. Действия на базе этой ценности могут различаться, однако ключевыми ориентирами становятся поддержка, защита, признание коллег и/или единомышленников.

Понимание ценности солидарности различается, и не только из-за политических интересов игроков медиаполя (медиаполей) и дискретности журналистики. Её характер, акторы, способы выражения и формат меняются, каждый конкретный промежуток времени добавляет свои смысловые фоку-

сы, но в то же время отчётливо просматриваются вечные константы. Неизменным остаётся особый характер солидарности, проявляющийся в сочетании профессиональных и гражданских ориентиров журналиста.

Палитра практических инструментов солидарности в журналистике постоянно расширяется, вбирая в себя элементы социального проектирования. Другие тренды журналистской солидарности – её публичность, медиатизация, монетизация. Побуждение к действию – традиционная составляющая солидарности, но именно сейчас это приобретает конкретный финансовый характер. Благодаря возможностям цифровой среды выражение солидарности предлагается воплотить в краудфандинге, финансировании, благотворительности.

Проявления журналистской солидарности носят ситуативный характер, часто сфокусированный вокруг конкретного медиа, знакового или резонансного события, или журналиста в конкретный короткий промежуток времени. В качестве первичной задачи ставится огласка. Примеры растянутой по времени солидарности редки, её активисты вынуждены информационно о себе напоминать, поддерживать интерес. В то же время проявление солидарности само по себе ценно как для того, кому она предназначена, так и для профессионального сообщества или российского общества в целом.

В качестве исследовательской темы солидарность в журналистике имеет большие перспективы, и не только в силу её обостренности и актуальности. Среди возможных исследовательских направлений нам видится первостепенным разработка методологии для анализа солидаризационных практик и изучения солидарности как ценности в журналистике. Не менее интересным кажется изучение солидарности в контексте протестной мобилизации медиасообщества на фоне современных законодательных тенденций.

Список литературы

1. Каган М. С. Философская теория ценностей. СПб.: Петрополис, 1997. 205 с.
2. Солидарность и конфликты в современном обществе / отв. ред. Ю. В. Асочаков. СПб.: Скифия-принт, 2018. 600 с.

¹ Чистки и правки в Союзе журналистов: что стоит за скандальными изменениями в Уставе. – URL: https://78.ru/articles/2020-08-21/chistki_i_pravki_v_soyuze_zhurnalistov_chno_stoit_za_skandalnimi_izmeneniyami_v_ustave (дата обращения: 01.07.2021). – Текст: электронный.

² Гибридное соседство: как битвы за тишину в подъезде переместились в Интернет. – URL: <https://sysblok.ru/urban/gibridnoe-sosedstvo-kak-bitvy-za-tishinu-v-podezde-peremestilis-v-internet/> (дата обращения: 14.07.2021). – Текст: электронный.

3. Грицких К. Е. Влияние пандемии COVID-19 на социальную солидарность // Современное общество в условиях социально-экономической неопределённости. М.: МАКС Пресс, 2021. 1241 с.
4. Вахштайн В. С. Пандемия, страх, солидарность // Россия в глобальной политике. 2020. № 3. С. 155–162.
5. Маховская О. И. Психологический потенциал солидарности российских медиа в условиях пандемии // Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология. 2021. № 1. С. 65–92.
6. Baehr P. Social Extremity, Communities of Fate, and the Sociology of SARS // European Journal of Sociology. 2005. No. 2. Pp. 179–211.
7. Prainsac B. Solidarity in Times of Pandemics // Democratic theory: an interdisciplinary journal. Publisher: Berghahn Journals. 2020. Is. 2. Pp. 124–133. DOI: <https://doi.org/10.3167/dt.2020.070215>.
8. Лункин Р. Н. Неформальная солидарность на фоне пандемии // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2020. № 4. С. 122–128.
9. Зубанова Л. Б., Зыховская Н. Л. Транзитная солидарность в современной сетевой культуре: между карнавалом и травмой // Социологические исследования. 2019. № 5. С. 119–128.
10. Юдина Е. Н., Алексеенко И. В. Солидарность в социальных сетях // Коммуникология. 2020. № 1. С. 114–127.
11. Нигматуллина К. Р. Аксиология в журналистике: пересекающиеся измерения // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. № 1–1. С. 140–146.
12. Сидоров В. А. Аксиология журналистики. СПб.: Петрополис, 2016. 204 с.
13. Сидоров В. А. Ценностные константы и переменные в медиасфере России XXI века // Век информации. 2016. № 2. С. 157–160.
14. Журналистика. Общество. Ценности / ред.-сост. В. А. Сидоров. СПб.: Петрополис, 2012. 448 с.
15. Зиновьев И. В. Диалогизм Бахтина и современная теория журналистики // Известия Уральского федерального университета. 2012. № 2. С. 24–31.
16. Фролова Т. И., Гатилин А. С. Социальные проекты местных СМИ в контексте принципов партиципаторной журналистики // Вестник Московского университета. 2021. № 3. С. 121–152.
17. Иванян Р. Г. Социальная и профессиональная солидарность в журналистике Петербурга (2017–2020 гг.) // Очерки Петербургской школы журналистики / ред.-сост. И. Н. Блохин. СПб.: Алетейя, 2020. С. 251–267.
18. Иванян Р. Г. Журналистика как площадка для солидарности (2017–2020 годы) // Современные СМИ в контексте информационных технологий. СПб.: СПбГУПТД, 2020. С. 50–57.
19. Иванян Р. Г. Типология практик внутрипрофессиональной солидарности в журналистике // Вестник Волгоградского государственного университета. 2017. № 1. С. 123–129.
20. Толкачёв В. Гражданская позиция как важное условие формирования личности журналиста // Аудиовизуальные медиа в условиях трансформации социокультурной среды / под общ. ред. В. Г. Булацкого. 2019. С. 163–167.
21. Савченко В. А. Солидарность и конфликт в информационном обществе // Молодой учёный. 2020. № 7. С. 205–210.
22. Тулузакова М. В. Стратегия формирования солидарного общества: практика, социальные риски и перспективы // Известия Саратовского университета. 2014. Вып. 2. С. 26–30.

Статья поступила в редакцию 25.07.2021; принята к публикации 27.08.2021

Сведения об авторе

Иванян Рузанна Гургеновна, кандидат политических наук, доцент, Высшая школа печати и медиа-технологий, Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна; 191186, Россия, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, 18; e-mail: rouzanna@youthcentre.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8210-3606>.

Для цитирования:

Иванян Р. Г. Ценность солидарности в современной журналистике // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 126–135. DOI: [10.21209/1996-7853-2021-16-4-126-135](https://doi.org/10.21209/1996-7853-2021-16-4-126-135).

References

1. Kagan, M. S. Philosophical theory of values. SPb: LC "Petropolis", 1997. (In Rus.)
2. Solidarity and conflicts in modern society / Ed.: Yu. V. Asochakov. SPb: Scythia-print, 2018. (In Rus.)

3. Gritskikh, K. E. Impact of the COVID-19 pandemic on social solidarity. *Modern Society in Terms of Socio-Economic Uncertainty*. Moscow: MAKS Press: 47–48. (In Rus.)
4. Vakhshain, V. C. Pandemic, fear, solidarity. *Russia in global politics*, no. 3, pp. 155–162, 2020. (In Rus.)
5. Makhovskaya, O. I. Psychological Potential of Solidarity of Russian Media in Conditions of Pandemic. Institute of Psychology of Russian Academy of Sciences. *Social and Economic Psychology*, no. 1, pp. 65–92, 2021. (In Rus.)
6. Baehr, P. Social Extremity, Communities of Fate, and the Sociology of SARS. *European Journal of Sociology*, no. 2, pp. 179–211, 2005. (In Engl.)
7. Prainsac, B. Solidarity in Times of Pandemics. *Democratic theory: an interdisciplinary journal*. Publisher: Berghahn Journals, Issue 2. Pp. 124–133, 2020. DOI: <https://doi.org/10.3167/dt.2020.070215>. (In Engl.)
8. Lunkin, R. N. Informal solidarity against the background of the pandemic. *Scientific and Analytical Bulletin of the IE RAS*, no. 4, pp. 122–128, 2020. (In Rus.)
9. Zubanova, L. B., Zykhevskaya, N. L. Transit solidarity in modern network culture: between carnival and trauma. *Sociological Studies*, no. 5, pp. 119–128, 2019. (In Rus.)
10. Yudina, E. N., Alekseenko, I. V. Solidarity in social networks. *Communicology*, no. 1, pp. 114–127, 2020. (In Rus.)
11. Nigmatullina, K. R. Axiology in journalism: intersecting dimensions. *Vestnik S.-Peterb. Universita*, no. 1-1, pp. 140–146, 2008. (In Rus.)
12. Sidorov, V. A. *Axiology of journalism*. SPb.: Petropolis, 2016. (In Rus.)
13. Sidorov, V. A. Value constants and variables in the media sphere of Russia in the XXI century. *Century of Information*, no. 2, pp. 157–160, 2016. (In Rus.)
14. *Journalism. Society. Values* / Ed. V. A. Sidorov. SPb.: Petropolis, 2012. (In Rus.)
15. Zinoviev, I. V. Dialogism of Bakhtin and modern theory of journalism. *Izvestiya Ural. Fed. Universiteta*. Ser. 1: Problems of education, science and culture, no. 2, pp. 24–31, 2012. (In Rus.)
16. Frolova, T. I., Gatilin, A. S. Social projects of local mass media in the context of principles of participatory journalism. *Bulletin of MSU*, no. 3, pp. 121–152, 2021. (In Rus.)
17. Ivanyan, R. G. Social and professional solidarity in Saint Petersburg journalism (2017–2020). *Essays on the Petersburg school of journalism* / ed. by I. N. Blokhin. SPb: Aletheia, 2020: 251–267. (In Rus.)
18. Ivanyan, R. G. Journalism as a platform for solidarity (2017–2020). *Modern media in the context of information technologies: collection of scientific papers of the 6th All-Russian scientific and practical conference – SPb.: SPbGUPTD*, 2020: 50–57. (In Rus.)
19. Ivanyan, R. G. Typology of practices of intraprofessional solidarity in journalism. *Vestnik of Volgograd State University*, no. 1, pp. 123–129, 2017. (In Rus.)
20. Tolkachev, V. Civic position as an important condition for the formation of the personality of the journalist. *Audiovisual media in the transformation of the socio-cultural environment. Materials of the international theoretical and practical conference* / Ed. by V. G. Bulatsky. G. Bulatsky. 2019: 163–167. (In Rus.)
21. Savchenko, V. A. Solidarity and conflict in the information society. *Young Scientist*, no. 7, pp. 205–210, 2020. (In Rus.)
22. Tuluzakova, M. B. The Strategy of Forming a Solidarity Society: Practice, Social Risks and Perspectives. *Izvestiya Saratovskogo Universiteta*, vol. 2, pp. 26–30, 2014. (In Rus.)

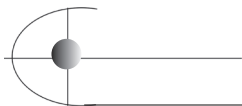
Received: July 25, 2021; accepted for publication August 27, 2021

Information about author

Ivanyan Ruzanna G., Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Graduate School of Print and Media Technologies, Saint Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; 18 Bolshaya Morskaya st., Saint Petersburg, 191186, Russia; e-mail: rouzanna@youthcentre.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8210-3606>.

For citation:

Ivanyan R. G. Solidarity as Value in Journalism // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 126–135. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-126-135.

УДК 070

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-136-144

Сергей Васильевич Курушкин,*Санкт-Петербургский государственный университет**(г. Санкт-Петербург, Россия),**e-mail: s.kurushkin@spbu.ru**<https://orcid.org/0000-0001-6154-6988>*

Ценностный базис российских сетевых сообществ: интегративная функция коммуникативных агрессий

В статье поднимаются вопросы развития ксенофобий в российских сетевых сообществах. Основной задачей стал анализ трансформации фобий в коммуникативные агрессии в динамике социального взаимодействия. Рассматривая коммуникативные агрессии как инструмент установки доминирования в социальном целеполагании, мы обратились к изучению сообществ разного типа с целью выявления взаимосвязей между уровнем коммуникативного напряжения и определёнными ценностями. В качестве эмпирической базы исследования выбраны сообщения (посты), опубликованные в сетевых сообществах феминисток и анонимных пользователей (в контексте их отношения к исламу). Методами исследования стали case-study и критический дискурс-анализ (на уровне организации исследования), неформализованный контент-анализ, text mining и корреляционный анализ (на уровне сбора и обработки данных). На общетеоретическом уровне предпринята попытка объединить позитивистскую и интерпретативную парадигмы. В результате исследования двух кейсов выявлена динамика перехода от культивации фобий к распространению коммуникативных агрессий; показывается, каким образом цифровизация коммуникаций влияет на поляризацию культурно-символических и социополитических различий и способствует интеграции индивида в сетевое сообщество. Определены различные сценарии, по которым происходит распространение коммуникативных агрессий. Например, в сообществах радикальных феминисток агрессии возникают тогда, когда под угрозой оказываются ценности свободы, жизни и здоровья. В случае с исламом агрессия вызывает толерантность как ценность, а также угроза закону, семье и свободе. По итогам анализа каждого кейса представлены рекомендации по снижению уровня коммуникативного напряжения, которые заключаются в избегании конкретных ценностных триггеров, трансформации медиаобраза сетевых сообществ и выстраиванию коммуникативных стратегий с более равномерным обращением ко всем ценностям, а не только к терминальным. Таким образом, сообщества, в которых интеграция происходит исключительно за счёт выстраивания агрессивных коммуникаций, вынуждены обращаться к иным стратегиям для реализации полноценной деятельности.

Ключевые слова: коммуникативные агрессии, фобии, сетевые сообщества, феминизм, исламофобия

Sergey V. Kurushkin,*Saint Petersburg State University**(Saint Petersburg, Russia),**e-mail: s.kurushkin@spbu.ru**<https://orcid.org/0000-0001-6154-6988>*

The Value Basis of Russian Network Communities: the Integrative Function of Communicative Aggression

The article raises questions of the evolution of xenophobia in the Russian online communities. The main task was to analyze the transformation of phobias into communicative aggression in the dynamics of social interaction. Considering communicative aggression as a tool for establishing dominance in social goal-setting, we turned to the study of communities of different types in order to identify the relationship between the level of communicative tension and certain values. As an empirical basis for the study, we chose messages (posts) published in the online communities of feminists and anonymous users (in the context of their relationship to Islam). The research methods were case-study and critical discourse analysis (at the level of research foundation), non-formalized content analysis, text mining and correlation analysis (at the level of data collection and data processing). At the general theoretical level, an attempt was made to combine the positivist and interpretative paradigms. The study of two cases revealed the dynamics of the transition from the cultivation of phobias to the spread of communicative aggression. It shows how the digitalization of communications affects the polarization

© Курушкин С. В., 2021

of cultural, symbolic and sociopolitical differences and promotes the integration of the individual into the network community. Various scenarios were identified according to which the spread of communicative aggression occurs. For example, in radical feminist communities, aggression occurs when the values of freedom, life and health are threatened. In the case of Islam, aggression is caused by tolerance as a value, as well as a threat to the law, family and freedom. Based on the results of the analysis of each case, recommendations are presented to reduce the level of communicative tension, which consist in avoiding specific value triggers, transforming the media image of network communities and building communication strategies with a more even appeal to all values, and not only to terminal ones. Thus, communities with integration occurs solely by spreading aggressive communications will be forced to turn to other strategies to implement full-fledged activities.

Keywords: communicative aggression, phobias, network communities, feminism, Islamophobia

Введение. Цифровизация медиа приводит к интенсификации переносов социальных противоречий в медийную среду. Доступность цифровых платформ, упрощение коммуникаций, анонимность (зачастую мнимая) становятся факторами, влияющими на развитие и культивацию разного рода фобий. Основанные на фобиях суждения и даже мировоззрения находят свой выход в виде коммуникативных агрессий. Отличительной чертой подобных мировоззрений становится деструкция ценностной базы носителя.

Культивация образа врага – проверенный временем способ интеграции разрозненных общностей, который в изменившихся коммуникативных условиях приводит к переносу агрессии в цифровое, а затем (при выполнении ряда условий) и в физическое пространство. Базирующийся на страхе, образ врага развивает динамику ненависти и становится основой для формирования фобий различного рода.

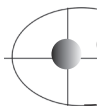
Коммуникативные агрессии являются отклонением от нормы в борьбе разного типа сообществ, институтов и социальных страт за доминирование в социальном целеполагании. Постановка значимых для общества целей и их закрепление в медийном дискурсе позволяют не только определять повестку дня, но и устанавливать в качестве доминирующего тот или иной ценностно-политический дискурс: диалогический или агрессивный – в соответствии с которым люди трактуют многозначные события [1]. Теперь люди не просто «могут выбирать, когда, каким образом и на каком расстоянии общаться друг с другом», но и использовать эти возможности для достижения своих целей [2, с. 11–12].

Преодоление разрозненности сообществ и общества в целом с помощью стереотипов, мифов и культивации образа врага недействительно, потому что приумножает агрессию в цифровом пространстве, откуда при неблагоприятных условиях она вырвет-

ся обратно в пространство физическое. Статья нацелена на предложение способов преодоления коммуникативных агрессий внутри сетевых сообществ. Для этого проводятся теоретический анализ понятия коммуникативных агрессий и основанный на нём эмпирический анализ трёх кейсов (феминизм, исламофобия и протесты в Беларуси).

В мировой литературе коммуникативные агрессии изучаются в рамках языка ненависти и вражды (hate speech, discours de haine) [3], цифровой бдительности (digital vigilantism), «киберфашизма» и других направлений, которые учитываются нами в теоретико-методологической части исследования. Под коммуникативной агрессией будем понимать предложенный Ангеликой Монье сценарий, или рассказ-аргумент, который делает законной агрессивную по отношению к Другому эмоцию. Он обладает двойным эффектом: угроза врагу и обольщение сочувствующих. Его объект или цель становится таковой, как правило, из-за присутствия, «врождённых» характеристик [4], закреплённых как отличие, Другое. В рамках реализации данного сценария выделяют такие речевые акты, как обвинение, приказ, описание, связь, угроза, критика, замалчивание, оскорбление, подстрекательство к действию, которые могут вести к насильственным действиям как напрямую, так и косвенно, через закрепление предрассудков и стереотипов, установление причинно-следственных связей, упрощений и непроверенных суждений.

Фундаментальные вопросы сетевой агрессии отсылают к изучению пограничья между обществом и сетью, онлайн и оффлайн [5–7], а также воздействию на коммуникативных акторов явления интермедиальности [8, с. 226–227]. Если удастся уменьшить или даже подавить разжигание ненависти в Интернете, можно ли надеяться, что исчезнет сама ненависть? Почему проявляется такое поведение, и люди разжигают ненависть без чувства вины и без

размышления о деструктивном эффекте, вызванном их речью [3]?

Следует особо отметить, что сетевые сообщества реализуют специфическую форму поведения – медиаповедение, под которым подразумевается «опосредованная система психических, физических и социальных действий индивида или сообщества, сложившаяся в результате их взаимодействия с медиасредой, направленная на самореализацию личности и удовлетворение её информационных и коммуникативных потребностей» [9]. В контексте нашего исследования углубляется социальный компонент в медиаповедении сетевых сообществ, то есть медиаповедение дефинируется как вид социального поведения в медийном пространстве [10, с. 55].

Методология и методы исследования. Мы полагаем, что изучение языка вражды, коммуникативных агрессий и фобий, возникающих вследствие распространения и утверждения агрессивных дискурсов, следует начинать с радикализованных сообществ – то есть тех общностей, члены которых разделяют крайние взгляды. Эти взгляды могут отличаться от воззрений среднестатистического обывателя, однако в соответствии с заявленной целью исследования нам необходимо выйти на экстремистские или околоэкстремистские высказывания, и здесь радикализация мировоззрений и мироощущений выходит на первый план, поскольку она, несомненно, является отклонением от нормы.

Другая поставленная перед нами задача – объединение позитивистского и интерпретивистского подходов при проведении исследования. Недостаточно просто подсчитать количество словоупотреблений той или иной лексической единицы: её следует изначально выделить из коммуникативного фона, обратив внимание на социальный контекст, а затем заново (уже с использованием наших методик) погрузить в этот контекст как обработанную и оценённую единицу исследования.

На методологическом уровне возникает необходимость определиться с методом организации исследования. Case-study, безусловно, можно считать основным вариантом: при использовании данного метода у нас появляется возможность установить обоснованные самим «жизненным циклом» кейса временные рамки.

В нашем исследовании используется и дискурс-анализ, в частности – критический дискурс-анализ, который изучает не только отношения власти и доминирования в коммуникативной среде [11], но и нормы, отклонения от нормы [12]. Агрессии и фобии – безусловно, ненормальные состояния, которые могут приводить к выведению деструктивных практик оффлайн. В данном случае исследование необходимо направить по сценарию, раскрывающему природу этих деструкций от зарождения к угасанию или еще большему распространению. Таким образом, исследование состоит из следующих этапов:

1. Этап первичного неформализованного контент-анализа, на котором мы выявляем тональность постов и комментариев, оставленных в отобранных нами сообществах. Нас интересуют в первую очередь посты и комментарии, имеющие негативную тональность: именно они способствуют закреплению фобий. Полагаем, что в данном случае не столь важно соотношение негатива и позитива, поскольку даже один негативный комментарий сигнализирует о потенциальной фобии, а также может способствовать закреплению деструктивных практик в медиапространстве.

2. Этап вторичного неформализованного контент-анализа, на котором мы отбираем в постах и комментариях лексические единицы, используемые в данных сообществах как ценностные триггеры, способствующие разворачиванию цепочек ценностных ассоциаций.

3. Этап подготовки двух списков. Первый – список ценностных триггеров, второй – список ценностей, с которыми эти триггеры связаны, а также тематик, в которых эти триггеры функционируют.

4. Text mining с использованием соответствующего программного обеспечения (ПО). Изучив частотность употребления тех или иных триггеров, мы кодируем их в числовом формате для дальнейшей обработки. На данном этапе происходит кодирование ценностей/тематик в буквенном формате для подсчёта коэффициента корреляции (это необходимо из-за ряда ограничений, вызванных некоторыми особенностями работы ПО). В качестве ПО используется программа STATISTICA версии 13 в комплектации Academic Ultimate Bundle. STATISTICA представляет собой набор модулей для сбо-

ра и обработки информации. Нами использовались модули, позволяющие анализировать большие объёмы текстовых данных (text mining), модули для построения общих линейных моделей, а также инструментарий для подсчёта коэффициента корреляции Пирсона.

5. Подсчёт коэффициента корреляции между ценностными триггерами и ценностями/тематиками. Поскольку ранее мы отобрали тонально-негативные посты и комментарии, сильные связи будут говорить нам о высоком агрессивном потенциале, который проявляется при обращении к конкретным ценностям. В данном случае лексическая единица, оформляясь в качестве ценностного триггера, будет обладать мощным потенциалом для формирования фобий, поскольку её употребление будет способствовать закреплению «ненормальных» связей, апеллирующих к ценностям.

Результаты исследования и их осуждение. Изучение распространения и утверждения агрессивных дискурсов целесообразно начать с радикализованных сообществ, в членах которых организаторы изначально позиционируют не «среднестатистических обывателей», а в некотором смысле склонных к крайностям, чувствительных к радикализации мировоззрений и мироощущений. Отсюда наш первый кейс – радикальный феминизм.

Радикальность отображенных нами сообществ в социальной сети «ВКонтакте» подтверждалась тем, что они блокировались за использование языка вражды летом 2020 г.: Феминизм наглядно: https://vk.com/feminism_visually; Подслушано феминизм: https://vk.com/overhear_feminism; Free of anything феминизм: <https://vk.com/freeofanything>; Типичный сексист: https://vk.com/typical_sexist; Мужерабка: <https://vk.com/muzherabka>.

Хронологические рамки исследования: сентябрь 2020 г. – февраль 2021 г.

Оценка тональности постов и комментариев показала следующие результаты:

– посты и комментарии в отображенных сообществах характеризуются достаточно высоким уровнем негатива: от 32 до 69 % постов с негативной тональностью и от 17 до 35 % комментариев с негативной тональностью;

– негативная тональность и постов, и комментариев носит внешний по отношению к сообществам характер. Однако по-

зитивные посты в целом собирают больше позитивных комментариев, чем негативные посты – негативных комментариев. Это может говорить о приоритетах в саморегуляции сообществ: взаимная поддержка и укрепление связей между членами общностей стоят выше, чем культивирование фобий.

Анализ сообщений, распространяемых в сообществах феминисток, показал, что в них чётко прослеживается тенденция к распространению ряда ценностных триггеров. Далее мы приводим как сами триггеры, так и раскрывающие их интерпретации, используемые участниками сообщества:

– «Патриархат/патриархалы» – ключевое понятие, социальная система, от функционирования которой основную выгоду получают мужчины. Патриархал – сторонники этой системы.

– «Мизогиния» – ненависть к женщинам.

– «Абьюз» – жестокое обращение с человеком, как физическое, так и психологическое.

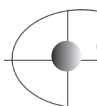
– «Нитакусик» – мужчина, который является «не таким, как все». Термин появился благодаря женщинам, которые оставляли комментарии в постах феминистской направленности, защищая своих близких, например, следующим образом: «Да, он гад, но мой мужчина точно не такой».

– «Токсичный» – создающий невыносимую атмосферу.

– «Психологиня» – используется и в позитивном ключе (как феминитив, обозначающих психолога-женщину), и в негативном – как ироничное обозначение некомпетентной женщины-психолога.

– «Мужик» – язык рассматриваемых нами сообществ в целом не радикализован. Так, например, не имеет употребления слово «спермобак», которым многие радикальные феминистки называли мужчин. Вероятно, действия администрации «ВКонтакте» вкпе с трансформацией языка радикальных феминисток привели к усреднению языковой среды. В таких условиях пренебрежительным обозначением мужчины становится «мужик».

Анализ тематик сообщений, публикуемых в сетевых сообществах феминисток, показал, что их можно сгруппировать по следующим ценностным блокам: психическое здоровье, физическое здоровье, свобода, секс, жизнь. Выходит, что поднимаемые в постах темы восходят к определённым цен-

ностным блокам и интерпретируются, основываясь на ценностном базисе участников сообщества.

Затем мы провели корреляционный анализ, чтобы выявить сильные и средние связи между ценностными триггерами и ценностями, к которым они восходят. Чем выше корреляция, тем больше вероятность, что наличие в тексте сообщения конкретного

триггера приведёт к его интерпретации через определённую группу ценностей. Проще говоря, при наличии сильной связи триггер показывает, какие ценности транслируются в сообщении.

Итоги подсчёта связей между триггерами и ценностями / тематиками представлены в табл. 1 (коэффициент корреляции по Пирсону, интерпретация по шкале Чеддока).

Таблица 1

Корреляция пар «триггер – ценность» в феминистских сообществах

Ценностный триггер	Тематики и ценности	Коэффициент корреляции	Уровень корреляции
Патриархат/патриархалы	Свобода	0,84	Высокий
Токсичный	Психическое здоровье	0,78	Высокий
Абьюз	Жизнь	0,73	Высокий
Абьюз	Физическое здоровье	0,57	Средний

Остальные связи показали слабую корреляцию либо отсутствие корреляции. Обратной корреляции не наблюдалось. Наличие высокой корреляции говорит о том, что обращение к конкретным ценностям активизирует деструктивные практики, базирующиеся на фобиях, и в конечном счёте с высокой долей вероятности приведёт к распространению коммуникативных агрессий и повышению уровня коммуникативного напряжения в сообществах.

Перейдём к следующему кейсу. При анализе кейса «Исламофобия» мы обратились к изучению анонимных сообществ. Если в случае с феминизмом самоидентификация является важным условием для интеграции, то в случае с исламофобией агрессивные комментарии в социальных сетях либо оперативно удаляются, либо отпугивают неанонимных пользователей уже «на входе». Изучение анонимного обсуждения способно показать, каким образом агрессия на эту тему встраивается в картину мира индивида. Таким образом, изучение анонимных форумов даст более полную картину.

Мы изучили сообщество сайта – анонимного форума 2ch.hk, принцип общения на котором основан на создании так называемых «тредов»: оригинального сообщения и комментариев. Хронологические рамки исследования: сентябрь 2020 г. – февраль 2021 г. Были отобраны 100 новостей и 789 комментариев к ним. Отбор новостей производился по принципу наличия в них указания на ислам и мусульман.

Оценка тональности постов и комментариев показала следующие результаты:

– уровень агрессии в комментариях к новостям максимален: в обсуждении каждой новости, касающейся ислама и мусульман, встречаются агрессивные комментарии. 73 % комментариев носят агрессивный или крайне агрессивный по отношению к исламу или мусульманам характер;

– агрессиям подвергаются не только мусульмане и ислам, но и те, кто с ними связан: например, немусульманские девушки (пренебрежительно – «Наташки»), которые встречаются с мусульманами;

– крайне высок уровень стереотипизации мусульман. Анализ комментариев показал, что мусульмане интерпретируются анонимным сообществом как варвары, не признающие «цивилизованных законов», а также как террористы. Акцентируется внимание на любвеобильности мусульман, подчёркивается их особый статус в мировом сообществе.

Следует отметить, что при анализе кейса «Исламофобия» мы использовали те же методы, что и при анализе кейса «Феминизм». Поэтому мы не будем дублировать описание алгоритма наших действий, представленное в разделе «Методология и методы исследования» и при описании предыдущего кейса.

Триггер-анализ выявил присутствие в сообщениях посетителей анонимного форума 2ch.hk следующих триггеров:

– «Муслим», «мюсли» – пренебрежительное название мусульман. Используется в агрессивных интерпретациях новостных сообщений, гораздо реже – в нейтральных. Примеры использования (орфография и пунктуация оригинала сохранена) – в ком-

ментарии к новости о том, что член Общественной палаты России Султан Хамзаев предложил усложнить доступ граждан к алкогольной продукции крепостью выше 15°: «Кто бы б***ь, мог подумать. Как з****и эти ё****е мюсли в чужой монастырь со своим уставом лезть»¹. В комментарии к новости о Хабибе Нурмагомедове, опубликовавшем пост с оскорблением президента Франции Э. Макрона: «Тем не менее ситуация не меняется – не всякий муслим режет за религию бошки гражданским, однако почти всегда режущий бошки простым гражданским – муслим. И для любого человека цивилизованного понятно что чо-то там кукарекать про Макрона, не осуждая животное что убило трёх человек (вообще мимокрокодилов) – это расписываться в том что он дикое животное и его надо изолировать»².

– «Ахмед» – чаще всего используется в значении «собираетелный образ мусульманина, который вступает в половые отношения с немусульманскими женщинами», пара для «Наташек».

– «Куколд» – в контексте рассматриваемого нами кейса: «Человек, общность, государство, которые в тех или иных ситуациях демонстрируют толерантность по отношению к мусульманам или исламу». Комментарий к новости о том, что в одном из детских садов Ярославля ввели халяльное питание: «Директор детского сада – куколдище толерантное. Представляю себе куда бы послали этого активиста, если б он д*****я со свиной до директора гимназии в ярославской губернии в РИ»³.

Анализ тематик сообщений, публикуемых в анонимных сетевых сообществах при интерпретации новостей, связанных с исламом и мусульманами, показал, что эти тематики можно сгруппировать по следующим ценностным блокам: свобода, закон, семья, толерантность.

Итоги подсчёта связей между триггерами и ценностями/тематиками представлены в табл. 2 (коэффициент корреляции по Пирсону, интерпретация по шкале Чеддока).

Таблица 2

Корреляция пар «триггер – ценность» в анонимных сообществах при интерпретации новостей, связанных с исламом и мусульманами

Ценностный триггер	Тематики и ценности	Коэффициент корреляции	Уровень корреляции
Куколд	Толерантность	0,91	
Муслим (мюсли)	Свобода	0,89	
Ахмед	Семья	0,85	
Муслим (мюсли)	Закон	0,77	

Остальные пары показали слабую корреляцию или отсутствие корреляции.

Нетрудно заметить, что негативные ценностные триггеры в радикальных феминистских сообществах обращаются к терминальным ценностям (по Рокичу) или общечеловеческим ценностям. Радикальный феминизм анализирует социальную систему в целом и некоторые установившиеся в ней порядки в частности: патриархат, насилие по отношению к женщинам, мизогиния. Критика этих порядков может привести к распространению агрессивных коммуникаций, формированию фобий, изоляции сообщества в рамках так называемой «теории сужения», ког-

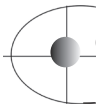
да члены локального сообщества предпочитают общение между собой и охрану своих ценностей восприятию чужих [13, с. 30].

Повышение уровня абстракций, таким образом, приводит к формированию дискурса противостояния или даже вражды. Патриархат и его сторонники воспринимаются как угроза свободе членов рассматриваемых сообществ, что приводит к распространению негативных, агрессивных и враждебных высказываний.

Агрессии и фобии в сообществах радикальных феминисток рождаются в тех случаях, когда члены сообщества чувствуют угрозу в отношении терминальных ценностей: жизни, свободы, здоровья. Использование устоявшихся триггеров (абьюз, токсичный) можно считать своеобразным предупредительным сигналом: когда эти лексические единицы возникают в тексте, речь ведётся, во-первых, на высоком уровне абстракций,

¹ Россиянам предложили усложнить доступ к водке (2021). – URL: <https://2ch.hk/news/arch/2021-02-11/res/9335070.html#9335080> (дата обращения: 10.06.2021). – Текст: электронный.

² Бибиб прошёл в ноги Макаруну. – URL: <https://2ch.hk/news/arch/2020-11-04/res/8622955.html> (дата обращения: 10.06.2021). – Текст: электронный.

а во-вторых, возникает состояние «угрозы» для членов сообщества, требующее соответствующей реакции.

Снижение уровня коммуникативного напряжения в феминистских сообществах может быть достигнуто несколькими способами. Во-первых, тематической диверсификацией и установкой «неконфликтной» повестки, базирующейся на тех ценностях, фиксация которых в текстах не вызывает агрессий. Во-вторых, приведением лексики в нейтральное состояние: полагаем, что корреляции, выделенные нами, работают и в обратную сторону (употребление в тексте конкретных триггеров приводит к активации особых ценностных интерпретаций, основанных на фобиях). В-третьих, реализацией соответствующей социальной политики, направленной на решение базовых потребностей рассматриваемой нами общности: фобии и агрессии возникают там, где участницы феминистских сообществ чувствуют недостаток свободы, угрозу психическому здоровью и жизни. Итог нашего исследования может стать сигналом для лиц, определяющих социальную политику, поскольку выделенные нами «агрессивные тематик» сигнализируют о неудовлетворённости отдельной социальной группой положением дел, что потенциально может привести к культивации фобий.

Иные выводы можно сделать, проанализировав кейс «Исламофобия».

Мы можем говорить о наличии исламофобии в медиасообществах России. Агрессивная и стереотипная интерпретация образа мусульманина и исламских ценностей базируется на фобиях, которые выводят нас на конкретные ценности.

С высокой долей вероятности образ мусульманина вызовет агрессивные интерпретации через ценности свободы, закона, семьи и толерантности. Свобода в контексте исламофобии трактуется не как ценность, а как антиценность, мусульмане предстают в описаниях комментаторов как люди, которым дозволено многое из-за их культурных и религиозных особенностей. Это приводит к распространению тем, базирующихся на ограничениях свободы с помощью закона: мусульмане должны соблюдать законы страны, в которой живут, иначе это вызовет агрессию и дальнейшую установку стереотипа о бесконтрольных адептов ислама. Очень важным представляется восприятие сообществами мусульман как угрозы тра-

диционным семейным ценностям. Здесь прямо культивируется образ врага: они забирают наших женщин, а мы это терпим. Наконец, восприятие ислама и мусульман через призму исламофобии не приемлет ценностей, связанных с толерантностью. Интерпретация чаще всего ведётся по принципу от противного: если мусульмане нетерпимы к христианам, если ислам нетерпим к другим религиям, то и мы не должны быть толерантными, иначе будем записаны в разряд «куколдов».

Рекомендации по уменьшению уровня коммуникативной напряжённости в контексте данного кейса уже не могут сводиться к конкретным коммуникативным стратегиям, как это было в случае с кейсом «Феминизм». Здесь радикализация суждений находится на ином – гораздо более высоком – уровне («Муслимы стремятся захватить весь мир. Это религия террора. Религия экспансии. Религия смерти. Её надо искоренять всеми способами. С муслимами сработает только концлагерь и стерилизация»¹). Корни этой проблемы лежат в иной социокультурной парадигме, если сравнивать с феминистскими сообществами. Агрессии вызывают любые новости, в которых поднимаются вопросы неспособности мусульман воспринимать иные ценности и сосуществовать с ними. Следовательно, коммуникативные стратегии, касающиеся снижению уровня коммуникативных агрессий по отношению к исламу и мусульманам, должны базироваться на подчёркивании адаптивных аспектов совместного существования ислама с другими религиями. Более того, имеет смысл обратить внимание на распространение в медиа идеологии «светского ислама»: стереотипный образ мусульманина, базирующийся на исламофобской идеологии, представляет в виде мусульманина уроженцев Кавказа, Ближнего Востока и Северной Африки, но не, скажем, татар.

Заключение. Итак, мы постарались продемонстрировать, как коммуникативные агрессии коренятся в различных картинах мира, отражающихся в дискуссиях сетевых сообществ. Интегративная функция коммуникативных агрессий, таким образом, приводит к формированию вокруг социальных общностей своеобразных эхо-камер, когнитивных структур, пред-

¹ Муслимы объявили джихад Диснею из-за фильма «Мулан», снятого в концлагере. - URL: <https://2ch.hk/news/arch/2020-09-15/res/8305806.html#8306006> (дата обращения: 10.06.2021). – Текст: электронный.

ставляющих собой препятствие как для сравнения с «Другими», так и для сближения на практике. Борьба с ними, как нам видится, является ключевым элементом на этапе снижения уровня коммуникативной напряжённости.

Особое внимание мы уделили коммуникативным агрессиям как форме реализации специфического медиаповедения сетевых сообществ. Эта реализация идёт по особому сценарию, включающему в себя когнитивный, ценностный, реперативный, вербальный и поведенческий этапы, на каждом из которых индивид или сообщество интерпретируют действительность и сопоставляют её со своим ценностным базисом [14].

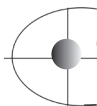
Медиаповедение сообществ в условиях «цифровой подлинности» реализуется через восприятие «цифры» как продолжения действительности. Непрерывный поток коммуникаций может привести к радикализации суждений, однако будет покоиться на том же ценностном базисе, который определяет действия индивида оффлайн.

Выявленные закономерности среди прочих могут лежать в основе того, что циф-

ровизация коммуникаций способна приводить к легитимизации различий, культивации образов «Своего» и «Чужого» при стигматизации последнего. Между тем образ «Чужого» при реализации определённых коммуникативных стратегий (проработка позитивных ценностных триггеров, полифония мнений при их дерадикализации) может трансформироваться в образ «Другого», который можно интерпретировать более глубоко и в отрыве от коммуникативных агрессий: «В образе “другого” мы часто видим то, чего не можем достичь, или то, что беспокоит нас в нас самих, чего мы не признаём» [15, с. 42]. В этом случае отпадёт необходимость в коммуникативных агрессиях как инструменте интеграции индивида в сообщество: функцию интеграции будет выполнять совместная интерпретация социально значимых событий (или событий, имеющих ценность для сообщества), свободная от сугубо негативной окраски и поиска общего врага.

Список литературы

1. Сидоров В. А. Артефакты текущей медийности: новые основания символического господства // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 1. С. 153–159.
2. Кин Д. Демократия и декаданс медиа. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 312 с.
3. Hate Speech in Asia and Europe: Beyond Hate and Fear (1st ed.) / M. Kang, M.-O. Rivé-Lasan, W. Kim, P. Hall, S. Park (eds.). UK: Routledge, 2020. 206 p.
4. Koukoutsaki-Monnier A., Seoane A. Discours de haine sur l'internet. Текст: электронный // Publicationnaire. URL: <http://publicationnaire.huma-num.fr/notice/discours-de-haine-sur-linternet/> (дата обращения: 10.06.2021).
5. Морозова А. А. Социальная сеть: к вопросу о безопасности пользователя. Текст: электронный // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2017. С. 201–204. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-set-k-voprosu-o-bezopasnosti-polzovatelya/viewer> (дата обращения: 10.06.2021).
6. Steensen S., Grøndahl L. A., Benestad H. Y., Kjos F. B. What Does Digital Journalism Studies Look Like? // Digital Journalism. 2019. No. 3. Pp. 320–342.
7. Steensen S., Ahva L. Theories of journalism in a digital age: An exploration and introduction. Текст: электронный // Journalism Practice. 2015. No. 1. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/17512786.2014.928454?needAccess=true> (дата обращения: 10.06.2021).
8. Пичугина О. А. Трансмедийное повествование в коммуникативном пространстве мегаполиса // Коммуникология. 2016. № 4. С. 225–238.
9. Жилавская И. В. Медиаповедение личности. Обретение смысла. Текст: электронный // Медиа-скоп: электронный научный журнал. 2011. № 2. URL: <http://www.mediascope.ru/node/786> (дата обращения: 10.06.2021).
10. Зинчина А. Б. Медиаповедение как социальный феномен и социологическое понятие // Science and Education: a New Dimension. Humanities and Social Sciences. 2015. No. 3, is. 64. Pp. 52–56.
11. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Либроком, 2015. 352 с.
12. Fairclough N. Critical Language Awareness. UK: Routledge, 2014. 356 p.
13. Цукерман Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 319 с.
14. Sidorov V. A., Kurushkin S. V. Media behavior of network societies in liquid modernity. Текст: электронный // Turismo: Estudos & Práticas (UERN). 2021. No. 1. URL: <http://geplat.com/rtep/index.php/tourism/article/view/867/828> (дата обращения: 13.06.2021).

15. Шипилов А. В. Оппозиция «свои – чужие» в социальных науках // Парадигма «свои» – «чужие» в культурах Эстонии XX века: сб. ст. / ред. И. З. Белобровцева, А. А. Данилевский, С. Н. Доценко. М.: Флинта: Наука, 2019. С. 34–58.

Статья поступила в редакцию 13.07.2021; принята к публикации 20.08.2021

Сведения об авторе

Курушкин Сергей Васильевич, кандидат политических наук, Санкт-Петербургский государственный университет; 199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9; e-mail: s.kurushkin@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6154-6988>.

Для цитирования:

Курушкин С. В. Ценностный базис российских сетевых сообществ: интегративная функция коммуникативных агрессий // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 136–144. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-136-144.

References

1. Sidorov, V. A. Fluid media artifacts: new foundations for symbolic dominance. *Humanitarian vector*, no. 1, pp. 153–159, 2021. (In Rus.)
2. Kin, D. *Democracy and the media decadence*. M: Izd. dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2015. (In Rus.)
3. *Hate Speech in Asia and Europe: Beyond Hate and Fear* (1st ed.). UK: Routledge, 2020. (In Engl.)
4. Koukoutsaki-Monnier, A., Seoane, A. Hate speech on the Internet. *Publicationnaire*, 2019. Web. 10.06.2021. <http://publicationnaire.huma-num.fr/notice/discours-de-haine-sur-linternet/> (In Fr.)
5. Morozova, A. A. Social network: on the question of user safety. Symbol: problematic field of media education, 2017. Web. 10.06.2021. <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-set-k-voprosu-o-bezopasnosti-polzovatelya/viewer> (In Rus.)
6. Steensen, S., Grøndahl, L. A., Benestad, H. Y., Kjos, F. B. What Does Digital Journalism Studies Look Like? *Digital Journalism*, no. 3. pp. 320–342, 2019. (In Engl.)
7. Steensen, S., Ahva, L. Theories of journalism in a digital age: An exploration and introduction. *Journalism Practice*, no. 1, 2015. Web. 10.06.2021. <https://www.tandfonline.com/doi/pdf/10.1080/17512786.2014.928454?needAccess=true> (In Engl.)
8. Pichugina, O. A. Transmedia storytelling in the communicative space of the metropolis. *Communicology*, no. 4, pp. 225–238, 2016. (In Rus.)
9. Zhilavkaya, I. V. Personal media behavior. Making sense. *Electronic Scientific Journal “Mediascope”*, no. 2, 2011. Web. 10.06.2021 <http://www.mediascope.ru/node/786> (In Rus.)
10. Zinchia, A. B. Media behavior as a social phenomenon and sociological concept. *Science and Education: a New Dimension. Humanities and Social Sciences*, no. 3, Is.: 64, pp. 52–56, 2015. (In Rus.)
11. Van Deyk, T. *Discourse and Power: Representing Dominance in Language and Communication*. M.: Librokom, 2015. (In Rus.)
12. Fairclough, N. *Critical Language Awareness*. UK: Routledge, 2014. (In Engl.)
13. Cukerman, E. *Re-wire. Digital cosmopolitans in the communication age*. M: Ad Marginem Press. 2015. (In Rus.)
14. Sidorov, V. A., Kurushkin, S. V. Media behavior of network societies in liquid modernity. *Tourism: Studies & Practices (UERN)*, no. 1, 2021. Web. 13.06.2021. <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/article/view/2960/2559> (In Rus.)
15. Shipilov, A. V. Opposition “friends and foes” in the social sciences. In Belobrovceva, I. Z., Danilevskij, A. A., Docenko, S. N., editors. *The paradigm “ours” – “strangers” in the cultures of Estonia of the twentieth century: collection of articles*. M: FLINTA: Nauka, 2019: 34–58. (In Rus.)

Received: July 13, 2021; accepted for publication August 20, 2021

Information about author

Kurushkin Sergey V., Candidate of Political Sciences, Saint Petersburg State University; 7/9 Universitetskaya emb.; Saint Petersburg, 199034, Russia; e-mail: s.kurushkin@spbu.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6154-6988>.

For citation:

Kurushkin S. V. The Value Basis of Russian Network Communities: the Integrative Function of Communicative Aggression // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 136–144. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-136-144.

УДК 32(438)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-145-157

Войцех Новяк,

Университет Адама Мицкевича в Познани
(г. Познань, Польша),
e-mail: wojciech.nowiak@amu.edu.pl
<https://orcid.org/0000-0001-7448-5002>

Кшиштоф Моленда,

Университет искусств Магдалена Абаканович в Познани
(г. Познань, Польша),
e-mail: krzysztof.molenda@amu.edu.pl
orcid: <https://orcid.org/0000-0002-1500-3496>

Медиадискурс «Восстания женщин»: спор о ценностях

В своём анализе статья отсылает читателя к восприятию наивысшего блага как ценности в контексте изменений в СМИ и протестов женщин в Польше в конце 2020 г. В начале третьего десятилетия XXI в. в публичном пространстве подчёркиваются важные ценности: благо людей, свобода выражения мнений, политическое, социальное и экономическое равенство в отношении всех, независимо от расы, пола, культуры, религии, политической и сексуальной ориентации. Новые медиа, в том числе ставшие чрезвычайно важными социальные сети, явились пространством для защиты этих ценностей и нападков на них. Целью данной статьи является практический анализ пересечения ценностей с традиционным гуманистическим смыслом, таких как культура речи и публичных дебатов, с борьбой за свободу выражать свои взгляды и отстаивать ценности с помощью новых медиа. Поле для анализа – это политический и идеологический спор, разгоревшийся на польской политической арене, а также в Интернете и социальных сетях. В исследовании применялись методы критического дискурс-анализа, контент-анализа и теоретического анализа актуальных источников научной литературы по вопросам политологии и медиа. Тематически исследования связаны с протестом женщин в Польше. В силу характера социальных сетей в них нет ни цензуры, ни контроля форм выражения и содержания. Такая форма свободы ведёт к вульгаризации общественной жизни. Часто вульгарность слов, жестов, символов и их использование в медиакоммуникациях берут своё начало в политике. По мнению авторов, эта чрезвычайно важная форма выражения мыслей, в том числе служащая для защиты основных ценностей, требует самоконтроля со стороны пользователей и обучения использованию средств выражения. Культура применения средств выражения зависит также от органов государственной власти и поведения их представителей.

Ключевые слова: гуманистические ценности, новые медиа, общественные дебаты, графические символы, формы выражения

Wojciech Nowiak,

Adam Mickiewicz University in Poznan
(Poznan, Poland),
e-mail: wojciech.nowiak@amu.edu.pl
<https://orcid.org/0000-0001-7448-5002>

Krzysztof Molenda,

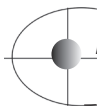
Magdalena Abakanovich Poznan University of the Arts
(Poznan, Poland),
e-mail: krzysztof.molenda@amu.edu.pl
orcid: <https://orcid.org/0000-0002-1500-3496>

Media Discourse “Rebellions of Women”: Dispute about Values

The article refers in its analysis to the perception of the value of Man as the highest good in the context of media changes and women's protests in Poland at the end of 2020. At the beginning of the third decade of the 21st century, the important values emphasized in the public space are: the good of individuals, freedom of expression, political, social and economic equality concerning everyone, regardless of race, gender, culture, religion, political and sexual orientation. New media, including extremely important social media, have become a space for defending these values and attacking them. The aim of this article is a practical analysis of the inter-

© Новяк В., Моленда К., 2021

section of values with a traditional humanistic meaning, such as the culture of speech and public debate, with the fight for the freedom to express one's views and defend values with the use of new media. The field for analysis is the political and ideological dispute sparked on the Polish political scene. The analysis based on political science research and media science was based on researching the sources of both scientific literature, the Internet and social media. Case studies are related to the women's protest in Poland. Due to the nature of social media, there is no censorship, no control of forms of expression and content. This form of freedom leads to a vulgarization of public life. Often vulgarity, verbal, gestures, symbols, and their use have their origins in politics. According to the authors, this extremely important form of expressing thoughts, including the one serving to defend basic values, requires self-control on the part of users and education in the use of means of expression. This education depends on public authorities and their own behavior

Keywords: humanistic values, new media, public debate, graphic symbols and forms of expression

Введение. Спор о ценностях ведётся в человеческих обществах с незапамятных времён. Ещё в Античности было установлено, что чаще всего самая главная цель индивидуальных и коллективных действий – благо человека. К продвижению этого блага имеют отношение религии, идеологии, политические программы и люди, пытающиеся реализовать свои индивидуальные и коллективные проекты. Каталог ценностей последовательно расширяется. В течение последнего исторического периода благом, относящимся к категории фундаментальных ценностей, стала свобода человека, независимо от его расы, исповедуемых им религиозных и политических взглядов, разнообразий, включая выбор пола и сексуальной ориентации, а также возможность выражения человеком своего мнения, взглядов и протестов в контексте защиты этих ценностей. Нет никаких сомнений в том, что фундаментальным благом, фундаментальной ценностью является право на жизнь: абсолютный запрет смертной казни распространяется на большинство стран мира.

В контексте этой фундаментальной ценности в третьем десятилетии XXI в. в Польше происходит идеологический и правовой спор относительно права женщин на аборт и возможности его законного проведения. До 2020 г. правовое положение «Компромисс по аборту» допускало законный аборт, связанный с серьёзным необратимым повреждением плода, угрозой жизни матери и беременностью в результате изнасилования. Этот закон считался одним из самых строгих в Европе. Попытки впоследствии смягчить его вызвали протесты католической церкви, а также правых и консервативных политических групп. В 2019 г., по данным Минздрава Польши, всего было проведено 1116 легальных аборт, среди которых было 1074 случая, связанных с вероятностью тяжёлого и необратимого

поражения плода или неизлечимого заболевания¹.

Политический кризис, выход на улицы осенью 2020 г. сотен тысяч протестующих женщин по всей Польше, был спровоцирован, по мнению оппозиции, незаконным решением Конституционного трибунала. Трибунал вынес своё заключение по просьбе политиков-католиков, консервативные группы которых правят в Польше с 2015 г. Их организация, известная как «Объединённые правые», с сильнейшей группировкой «Право и справедливость» (ПиС – PiS) под руководством своего лидера Ярослава Качиньского пришла к власти при поддержке католической церкви. Осенью, 22 октября 2020 г., трибунал постановил, что положение, разрешающее аборт в случае высокой вероятности тяжёлого и необратимого поражения плода, неконституционно².

По мнению многих комментаторов и исследователей польской политической сцены, само заявление, поданное группой консервативных депутатов, связанных с PiS, было заранее одобрено самим Ярославом Качиньским. Таким образом, это была своего рода атака правящей партии на либеральные и левые политические группы, а также на женские общественные организации, которые ранее призывали к ослаблению очень ограничительного польского закона об абортах. Открылся конфликт ценностей, дремавший в течение многих лет, относительно либерального подхода к абортам и праву выбора **женщин с одной стороны** и консервативной борьбы за жизнь от зачатия до естественной смерти – с другой.

¹ Raport: 1 116 aborcji w 2019 roku. – URL: <https://www.rp.pl/Spoleczenstwo/200819353-Raport-1116-legalnych-aborcji-w-2019-roku.html> (дата обращения: 17.07.2021). – Текст: электронный.

² Wyrok w sprawie aborcji opublikowany i wchodzi w życie. – URL: <https://www.prawo.pl/prawo/wyrok-tk-ws-aborcji-jest-uzasadnienie-bedzie-publicacja,506088.html> (дата обращения: 17.07.2021). – Текст: электронный.

Результатом инициативы массового протеста, поддержанной большинством оппозиционных групп, было и остаётся общественное движение, известное как «Восстание женщин». Следует отметить, что этот протест был инициирован во время саммита по пандемии COVID-19 в Польше. В начальный период это вызвало положительную реакцию всего общества, в том числе сил безопасности. Однако многое поменялось после политических решений правительства, в том числе самого Ярослава Качиньского – имели место жёсткие действия полиции против протестующих женщин.

Социальные сети оказались чрезвычайно полезным инструментом для консолидации протестующих по стране и в местных сообществах. При участии этих медиа аналогичные акции прошли во многих странах мира, что стало поддержкой протестующих женщин в Польше. Особенно это касалось Европы, США и других мест, где живут поляки.

Протестующие использовали новые, современные, с точки зрения молодого поколения, средства выражения, графические символы и способы их отображения. История связала молодых людей с символами прошлого. Сформировался также чрезвычайно сильный, даже жёсткий, шокирующий старшее поколение язык, основанный на использовании ненормативной лексики, распространённой в современной музыке и других формах самовыражения. На эту тему в Польше велась общественная дискуссия, которая также коснулась вопросов значимых ценностей.

В результате затрагивались фундаментальные вопросы: что может быть принято/приемлемо в публичных дебатах? Можно ли отображать в массмедиа язык и символику, которые обычно считаются вульгарными? Являются ли символы исторического значения достоянием/товаром общедоступным и могут ли они использоваться в настоящее время для текущей деятельности и достижения современных целей? Женский протест затронул фундаментальные ценности свобод выражения своих взглядов – ценности свободы слова, права на протест, права на защиту со стороны государства и общественных институтов.

На улице, в Интернете, в общественных местах, на балконах, на окнах машин, на одежде и телах горожан появились симво-

лы, свидетельствующие об их сопротивлении властям. Духовные ценности переплелись с новыми возможностями выражения взглядов индивида.

Технический прогресс последних лет означает, что почти все области индивидуальной и коллективной жизни связаны с той или иной формой деятельности в области новых медиа [1; 2].

На начальном этапе развития новые технологии и средства массовой информации использовались для выполнения тех же функций, что и традиционные СМИ – газеты, радио и телевидение. Однако технический прогресс, превративший устройство с первоначальной функцией телефона в мини-компьютер, с отличной видекартой и профессиональными программами для работы со звуком и изображением, привёл к постепенному отходу общества от традиционных медиа. Революционное значение приобрело появление социальных сетей – Facebook [3], Instagram [4], Twitter [5] и др. Они изменили лицо современной политики и журналистики [6, с. 5].

YouTube стал мерилем ценности, социальным и культурным просветителем с контентом, созданным самими пользователями, не обращающими внимания на корректность, присущую вербальному и иконографическому выражению ценности. Появилось поколение людей, которые не пользуются традиционной прессой, а смотрят радио или телевидение только через Интернет. Оказалось, что случившаяся перемена имеет свои культурные последствия, когда символ, аббревиатура, графический знак означают больше, чем печатная страница.

Последующий анализ будет посвящён отдельным аспектам воздействия современных технологий на функционирование общества через язык символов и изображений, отображаемых протестующими и проникающих в общественную жизнь со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это анализ практической стороны борьбы за актуализируемые традиционные ценности с помощью современных инструментов социальной коммуникации.

Фундаментальный многовековой спор о ценностях продолжается, новые поколения выходят на авансцену социальных процессов, используя свои средства выражения. Принципиальное значение этих средств подтверждается реальной политической

практикой [7]: опыт любых политических кампаний показывает, что без учёта применения современных средств медиакommunikации невозможно вести агитацию и побеждать на выборах [8; 9].

Методология и методы исследования. В медийной реальности XXI в. исследователи вынуждены принять вызов, связанный с появлением новых медиакommunikаций – Интернета и социальных сетей. Первоначально традиционные средства массовой информации, где преобладала журналистика с её профессиональными принципами и нормами, в том числе этическими, относящимися к ценностям гуманизма, пытались сохранить исторически сложившиеся методы и приёмы работы, войдя в виртуальный мир со своими произведениями и принципами их создания. Тем не менее сокращение тиражей печатных газет вынудило их начать выход в Интернете. В мировой паутине газеты стали размещаться в привычном для них виде, но со временем отдельные издания, используя возможности электронной среды, стали разнообразить приёмы публикации своих материалов.

Похожая ситуация произошла и с телевидением, и сразу же начала расти его популярность в Интернете; телевидение шагнуло на мобильные устройства – телефоны, смартфоны, планшеты. Здесь также действовали исторически сложившиеся каноны, определяющие, что разрешено, а что нет. Это касалось языковой и графической версии содержания – хорошие манеры, этика и дух профессии журналиста были начеку.

Однако технологическая революция, социальные сети и их быстрое развитие привели к тому, что вся традиционная журналистика начала поддаваться давлению практик современных медиакommunikаций. Согласно статистике, 4,14 млрд чел. во всём мире в настоящее время используют интернет-СМИ (53 % населения) и проводят в социальных сетях в среднем 15 % своего времени, то есть около двух с половиной часов в сутки¹.

Данные по отдельным соцсетям однозначны:

Facebook. По состоянию на октябрь 2020 г. у Facebook было 2,7 млрд активных пользователей в месяц. В апреле 2020 г. бо-

лее 98 % активных пользователей Facebook по всему миру вошли в социальную сеть через свой мобильный телефон; 88 % интернет-пользователей входят в Facebook, чтобы оставаться на связи с семьёй и друзьями; 33 % – для развлечений; 23 % – чтобы оставаться на связи, получать сообщения; 17 % – подписаться на компании и бренды; 11 % – на укрепление деловых отношений и 6 % – по другим причинам².

Instagram. В октябре 2020 г., по данным статистики, у Instagram было 1,1 млрд активных пользователей в месяц. Например, 85 % подростков в США используют Instagram, 25 % подростков считают, что Instagram является их предпочтительной платформой. В феврале 2020 г. женщины составляли 56,4 % пользователей Instagram в США. В 2020 г. 35 % всех пользователей Instagram были в возрасте от 25 до 34 лет³.

TikTok. Доступен в 154 странах, на 75 разных языках. У него более миллиарда пользователей. В 2020 г. TikTok был самым загружаемым приложением среди пользователей Android (больше, чем Facebook, Instagram, WhatsApp и Zoom). По состоянию на октябрь 2020 г. у TikTok по всему миру было 689 млн активных пользователей в месяц⁴.

По словам Д. Келси и Л. Беннета, социальные сети создают пространство для новой динамики политической и социальной власти снизу вверх, поскольку авторы размещаемых в социальных сетях текстов выступают против институционального дискурса [10]. Разные исследователи отмечают случаи политической активности в социальных сетях, хотя роль социальных сетей как средства нисходящего дискурса остаётся неоднозначной [11; 12].

В этом контексте авторы статьи в своих заключениях должны принять во внимание три аспекта выбранной для исследования социально-политической реальности, в том числе спора о ценности. Во-первых, изменения в медийном пространстве, связанные с политическими кампаниями «третьей» эпохи, для которой характерен упор на прямые

² Statista.com. – URL: <https://www.statista.com/aboutus/> (дата обращения: 17.07.2021). – Текст: электронный.

³ App industry news. – URL: <https://www.businessofapps.com/guides/> (дата обращения: 17.07.2021). – Текст: электронный.

⁴ Wallaroo. – URL: <https://wallaroomedia.com/blog/social-media/tiktok-statistics/> (дата обращения: 17.07.2021). – Текст: электронный.

¹ Digital 2020 Global Overview Report. – URL: <https://wearesocial.com/blog/2020/01/digital-2020-3-8-billion-people-use-social-media/> (дата обращения: 17.07.2021). – Текст: электронный.

средства медиакommunikации. Во-вторых, результаты детального анализа «забастовки женщин» в качестве выражения современного протеста. В-третьих, оценки используемых средств выражения, с точки зрения спора о ценностях, связанных с исторической стороной происхождения символов.

Анализируемые вопросы носят комплексный характер, поэтому при работе над статьей, как и во всем предшествующем процессе исследования проблемных полей протестного медиадискурса, использовались методы анализа, применяемые в политологии, социологии и медианауке. Так, при изучении иконографической и вербальной символики участников феминистских акций в городах Польши применялся контент-анализ; при изучении содержания и динамики протестного дискурса в сетевой среде – метод критического дискурс-анализа. Изучение эмпирической базы опирается на материалистическую трактовку назначения массмедиа в обществе, рассмотренную с учётом реалий текущей эпохи. Нашёл своё применение метод обобщения социологической информации и теоретических положений политологии, медианауки, почерпнутых из научных источников последних лет. Поскольку высказываемые в статье заключения касаются моральных, эстетических и когнитивных ценностей, то вся работа над ней строилась с учётом методологии ценностно-политического анализа медиа.

Результаты исследования и их об-суждение. Переходя к анализу медиaproстранства, следует отметить, что современная медийная реальность, эпоха цифровых технологий, означает, что мы живём во время постоянной политической кампании (постмодерна). В этот период политические кампании ориентированы на потребителя по примеру рекламы. У профессионально подготовленного сообщения есть свой конкретный получатель. Новые медиа предлагают технологические возможности, влияющие на доставку текста, звука и изображения. Интернет может предложить всё, что предлагали все предыдущие медиа: текст, звук, видео, интенсифицировать интерактивность [12]. Традиционные СМИ по своей природе не поощряют двустороннее общение и сводят общественное голосование к минимуму. В мире социальных сетей в дебатах могут быть тысячи или даже миллионы участников. В начале XXI в. Нойман предположил,

что новые медиа не обязательно исключают массовую коммуникацию, скорее, дополняют существующие медиа и их использование [13].

Новые медиатехнологии открывают новые формы участия общественности. В эпоху традиционных СМИ у большинства из нас были укоренившиеся привычки пассивного, полувнимательного использования средств массовой информации. Между тем новые технологические возможности делают многих участников, особенно молодое поколение, активными в СМИ. Человек, участвующий в политическом или общественном мероприятии, может постоянно сообщать о нём. Один и тот же человек может побуждать других к активному участию как вживую, так и в виртуальном пространстве. Отдельный слоган, плакат или символ становится массовым артефактом, распространяется по социальным сетям миллионными тиражами, виртуально перемещаясь, материализуется на плакатах, листовках, баннерах в любом месте и в любое время. Примером может служить забастовка женщин 2020 г. и связанные с ней формы выражения протеста, которые проанализируем далее.

Новые медиатехнологии встроены в текущие социальные процессы, оказывают на общество влияние совершенно иное, чем прежние, социальные и политические кампании, приобретают характер непрерывных процессов. Происходит революционная модернизация, основанная на технологических и политических разработках, общих для многих развитых демократий [5]. Такие же процессы в отношении технологических изменений имеют место и в недемократических системах, что отчётливо видно на примере роли социальных сетей во время арабской весны 2011 г.

В своё время президент Барак Обама был очевидным пионером в использовании новых медиа в политических кампаниях. Сотрудники New Media Обамы, многим из которых было по 20 лет, открыли новую перспективу и внесли технический опыт в кампанию 2008 г. и разработали новаторскую коммуникационную стратегию с ведением блогов, передачей текстовых сообщений на электронную почту избирателей и в социальные сети [14]. В настоящее время опыт работы New Media воспринимается необходимым разделом учебного пособия для всех, кто занимается политической деятельностью.

Так называемая «третья» эпоха характеризуется упором на прямые средства медиакоммуникации, использование целевых сообщений в кампании или фрагментацию политической коммуникации. В этом отношении особенно важно технологическое развитие [15]. Новые информационные и коммуникационные технологии создают стимулы и позволяют сторонам разрабатывать многосторонние кампании, нацеленные на различные подгруппы общества, используя при этом более узкий канал [16].

Анализируемое в данном случае «Восстание женщин» является примером массовой общественной инициативы, которая широко использует «язык Интернет» и собственно мировую паутину в качестве нового средства информации и коммуникации. Приёмы коммуникации в «женской забастовке» совершенно другие, чем раньше, они не подчиняются языковым культурным правилам, уважаемым и известным в медиaproстранстве по практике работы традиционных СМИ – прессы, радио, телевидения. Новизна методов спровоцировала и вызвала противодействие со стороны консервативной части общества и его институтов. При этом следует подчеркнуть, что в существующей медийной реальности консервативные политики сами часто нарушают существовавшие веками каноны публичных дебатов, используют язык агрессии и вульгаризируют язык политики. Таким образом, чаще всего у них нет аргументов против новых методов медиакоммуникации оппонентов.

Как уже упоминалось, в октябре 2020 г. сотни тысяч протестующих вышли на улицы большинства польских городов после решения Конституционного суда, которое резко ужесточило закон об абортax. Среди протестующих преобладали женщины, мужчины в свою очередь, составлявшие значительное меньшинство, заявили, что оказывают поддержку. Следовательно, с самого начала протест был проявлением женского бунта, отсюда и название «женская забастовка», или «Восстание женщин».

Протесты против ограничения прав женщин проходили на улицах, но самой важной информационной, коммуникационной и организационной платформой стал Интернет. Пароли, знаки, символы и сообщения о запланированных мероприятиях распространялись через Интернет. Прямые трансляции и документирование событий были

представлены тысячами картинок, видео, мемов, комментариев. Следовательно, важным элементом эмпирической базы нашего анализа является виртуальное пространство, которое стало возможным благодаря инструментам, доступным в Интернете, и популярным коммуникаторам (Instagram, Facebook, Twitter, TikTok.)

Возник новый язык – лаконичный язык улицы и Интернета, полный юношеских и разговорных выражений, ненормативной лексики, вдохновлённый языком рэп-поколения, вульгарный по своей природе, агрессивный, бунтарский и непонятный «старым» политикам.

О новом следует говорить на новом языке. Новые лозунги, слова решимости, «революционный» язык – иконографический и вербальный – создают новое сообщество. Новый язык становится кодом, отличительной чертой. Вульгарные «некультурные» и «запрещённые» слова выражают бунт против запретов и лицемерия. Лозунги: «Нам хватит», «к чёрту», «улица», «молодёжь» – это категорическое, бунтарское неприятие всякой дискуссии, диалога, перевода. Отказ от последующих уловок, риторических заявлений власти. Это слово отказа от «старого» (политиков и их оппортунизма, лицемерия), отказа от внушенного через воспитание родителями. Новые лозунги – повторяющиеся, продублированные, воспеваемые, они фиксируются в сознании как отождествление поколений с восстанием. Слово, которое не проходит через горло анахроничного, лицемерно правильного «старичка».

Красная молния стала символом протеста на тротуарах, плакатах, транспарантах, масках или телах протестующих (рис. 1). Символ молнии – предупреждающий знак опасности, бунта и гнева – упрощённая буква “S” (например: Strike) в простой, легко воспроизводимой графической форме. Негативно относящиеся к забастовке правительственные СМИ сравнивали этот символ с эмблемой нацистского формирования SS. Но это не более чем сознательная манипуляция общественным мнением – связать символы забастовки с символикой нацистской Германии, которая является архетипическим, «вечным» страхом поляков. Акция протеста была дискредитирована как скандальная, пошлая, хулиганская по своему языку и форме выходка, выходящая за рамки норм общественной дискуссии (рис. 1).

Рис. 1. «Красная молния». Автор: Ола Ясионовская

Fig. 1. "Red Lightning". Author: Ola Yationovskaya

Консерваторы сравнивали изображение с символом Waffen SS. Символ забастовки женщин в своей графической форме не имеет ничего общего с символами нацистских организаций, таких как Гитлерюгенд или СС. Опора на простой факт, что оба символа связаны с помощью молнии, широко используемой в графической символике, – это манипуляция, направленная на дискредитацию политических оппонентов.

Широко распространённый, в основном в социальных сетях, слоган «Уйди на х..!» скандировали во время акций протеста, он появлялся на плакатах. Лозунг стал выражением бессилия «тотального» восстания. Ненормативная лексика выражала спонтанный гнев юношеского отрицания, не допускающего никаких компромиссов, давая выход негодованию и облегчению. Готовые к печати файлы листовок и плакатов можно было бесплатно загрузить в Интернете. Был создан "Pogotowie Graficzne" – портал, на котором дизайнеры делали свои проекты доступными (рис. 2, 3).

Рис. 2. «Женская сила». Автор неизвестен

Fig. 2. "Feminine power". Author unknown

Рис. 3. «Девичья сила». Автор неизвестен
(<https://lisdemo.libguides.com/GirlPo>)

Fig. 3. "Maiden power". Author unknown
(<https://lisdemo.libguides.com/GirlPo>)

Одним из основных символов протестующих стали изображённые на плакате известные из поп-культуры фигуры сильных женщин. Они изображены с оружием в руках в решающей боевой позе на фоне лозунга «Уйди на х..!». Лозунг набран шрифтом со ссылкой на логотип «Солидарность» и плакат, посвящённый первым свободным выборам после падения коммунизма в Польше в 1989 г. (рис. 4).

Другой популярный слоган протестов – «E... PiS», в котором выражение по условиям цензуры и морали заменили на восемь звёзд – символически размытую надпись. Повторяющийся и распространяющийся, как вирус, в Интернете в бесчисленных креативных вариантах символ восьми звёзд, как своего рода шутка для инсайдеров, стал даже более красноречивым, чем сам слоган. Название правящей партии расставлено точками, как вульгарное слово, становясь в некотором смысле пошлым (рис. 5).

Рис. 4. «Уйди на х..!», «Забывшие женщины солидарности». Отсылка к плакату 1989 г. «Солидарность», изображающему сильных женщин в поп-культуре

Fig. 4. "Get away with h ..!", "Forgotten women of solidarity". A reference to the 1989 poster for Solidarity, which depicts strong women in pop culture

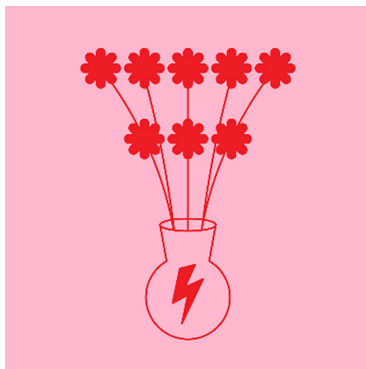

Рис. 5. Восемь звезд. Скрытый слоган "E.... PiS". Плакат Адела Мадей

Fig. 5. Eight stars. The hidden slogan "E.... PiS". Poster Adela Madey

Во время первых женских протестов в Польше в сентябре и октябре 2016 г. (именно с них начинались бунты против проектов ужесточения закона об абортах со стороны правоконсервативного правительства) по Польше прокатилась волна «Чёрного протеста». Такое название она получила из-за чёрной одежды и чёрных зонтов протестующих. Зонт стал символом участия в акции протеста и поддержки забастовки женщин, так как в те дни, когда состоялись демонстрации, шёл дождь, однако тысячи протестующих вышли на улицы. Этот протест помешал властям изменить закон. Отметим, что акция «Подъём зонтика» стала символическим завершением известного цикла истории Польши. Сто лет назад, в 1918 г., суфражистки стучали зонтами перед домом

маршала Пилсудского, требуя права голоса и социального равенства (рис. 6).

Рис. 6. Зонтики не складываем. Отсылка к восстанию суфражисток 1918 г.

Fig. 6. The umbrellas cannot be folded. A reference to the 1918 suffragist uprising

Использование протестующими провокационных образов, символов и пошлых лозунгов является примером выражения своего рода беспомощности и бессилия перед жестокой и безжалостной государственной машиной. Это стало выражением фундаментального права на восстание, протеста против насмешек и издевательств над «молодыми», неприятия высокомерия, тщеславия и жёсткости «старых». Новый, агрессивный, бескомпромиссный, «вирусный», иконографический и вербальный язык протеста, полный юношеских терминов, каламбуров, использующий неизвестный «старым» Интернет, послужил инструментом не только восстания против резкого ограничения прав женщин, но и восстания поколений против

«старых», окостеневших, дискредитированных политических элит и лицемерия католической церкви, присваивающей всё большее влияние во всех сферах общественной жизни (рис. 7).

Рис. 7. Молния в кресте. Молния забастовки женщин разбивает католический крест. Плакат Иоанна Горска, Ежи Скакун (домашнее задание)

Fig. 7. Lightning in the cross. Women's strike lightning breaks the Catholic cross. Poster Joanna Gorska, Jerzy Skakun (Homework)

Эскалация гнева обрушилась на правительство с огромной силой, и сила этого нападения оказалась настолько велика, что под предлогом пандемии впервые в истории демократической Польши протесты были запрещены, определялись как незаконные. Однако их якобы «незаконность», запрет на проведение акций высвободили энергию юношеского бунта и неповиновения. Это неповиновение, нарушение пространства влияния государственной власти на общество стали символическим жестом восстановления свободы, а также выхода протестующих из ситуации замкнутости (рис. 8).

Использование социальных сетей, порталов, приложений, мгновенное создание мемов, видеоклипов стало новым инструментом протеста молодёжи. Конечно, политики осознают силу влияния новых медиа, они сами пытаются пользоваться ими, пытаются наладить параллельный диалог с молодёжью, используют молодёжный сленг, часто подвергая себя насмешкам в неумелой, неестественной имитации. Речи политиков, их слова, термины и фразы немедленно подвергаются изменению, сопоставлению с другими заявлениями, насмешкам, добавлению тысяч новых лозунгов, интернет-мемов или искажённых цитат (рис. 9).

Рис. 8. Манифестация на улицах Варшавы. 2020 г.

Fig. 8. Demonstration on the streets of Warsaw. Feb 2020

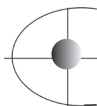

Рис. 9. Власть в интернет-СМИ. Президент Республики Польша на молодёжном портале TikTok исполняет рэп-песню в ответ на интернет-«вызов» рэпера # Hot16Challenge 2

Fig. 9. Power in the Internet media. The President of the Republic of Poland on the youth portal TikTok sings a rap song in response to the internet "challenge" of the rapper # Hot16Challenge 2

Большинство населения, как показывают социологи, считают язык протестов понятным и законным. Интернет заполнился огромной библиотекой мемов, шуток, паролей, комментариев, отправленных миллионами репостов, твитов и текстовых сообщений. Только в Instagram было добавлено более 250 000 постов с использованием хештегов #StrajkKobiet и других слоганов, связанных с протестами. Официальные профили в социальных сетях собрали около полумиллиона человек, поддерживающих, вовлечённых и «последователей». Добавленные людьми «аватары» профиля, сообщения, комментарии и фотографии, даже не обязательно о протестах, часто содержали эмблемы забастовки, включая красную молнию и восьмизвёздочный символ.

Протесты, связанные с забастовкой женщин, и язык этих протестов, с одной стороны, содержат в себе неопределимую двусмысленность, непередаваемые насмешки и игру слов, юношеский бунт, игру, а с другой – современное мировоззрение и образ жизни. Сила новых медиа, онлайн-инструментов, нового лаконичного языка, новых выражений и символов в политике стала огромной.

Заключение. Третья эра политической коммуникации – это новые каналы коммуникации, профессиональное вовлечение, тар-

гетинг сообщений и фрагментация контента. Технологические изменения сопровождаются изменением языка и форм общения. Политики, как и представители делового мира, начали принимать и использовать агрессивные выражения и символы, потому что они думают в первую очередь о политических интересах. Независимо от того, какой язык использует избиратель, важно, чтобы агрессия была направлена против политических оппонентов.

В том же направлении развивается ситуация, связанная с использованием обществом новых медиа, и это касается и протестных движений против авторитарной, по мнению протестующих, политической власти. Благородные цели и ценности сопровождаются вульгарным языком, которого не было в предыдущие эпохи функционирования средств массовой информации, выраженным как словами, так и символами. Об этом свидетельствует проведённый в статье анализ иконографического и вербального отображения в медиакоммуникациях «Восстания женщин» в Польше. Возникает вопрос: станет ли это явление, как и новые медиа, постоянным?

Агрессивный язык применялся и применяется везде, будь то Польша, Россия, Китай, Франция или США, особенно если

он направлен против политических оппонентов. При этом практически никто не осознаётся в том, что его язык коммуникации агрессивный, все говорят о языке протеста, революции и борьбы с тоталитарным режимом. Это заключение следует подчеркнуть, так как язык протеста носит двойственный характер. С одной стороны, он высвобождает социальную энергию, которая открывает дорогу необходимым обществу переменам, утверждает ценности свободы, прогресса, достоинства человека. С другой, язык улицы и новых медийных коммуникаций ведёт к деструкции традиционных духовных ценностей, тем самым приходит в противоречие с ценностями гуманизма.

Поэтому в настоящее время требуются сознательные действия, чтобы не допустить проникновения языка протеста в социальную реальность и жестокого обращения с окружающей средой. Проблема влияния СМИ, контроля и образования на уровне дошкольных и начальных школ должна интересовать не только учёных. Политики также должны быть вовлечены в эту деятельность. Хотя часто это противоречит их намерениям. И все же они должны учитывать общественные интересы. Новые медиа нельзя завоевать отрицанием или цензурой, они не знают границ, только влияние на пользователей может принести желаемые результаты.

Список литературы

1. Moy P., Xenos M. A., and Hess V. K. Communication and Citizenship: Mapping the Political Effects of Infotainment // *Mass Communication and Society*. 2009. Vol. 8, no. 2. Pp. 111–131.
2. Papacharissi Z. The Virtual Sphere: The Internet as the Public Sphere // *New Media & Society*. 2020. No. 4. Pp. 5–23.
3. Papacharissi Z. The Virtual Sphere: The Internet as the Public Sphere // *New Media & Society*. 2020. No. 4. Pp. 5–23.
4. Norazian M., Syasya S. S. The impact of instagram in society // *Research Hub*. 2019. Vol. 5, is. 2. Pp. 20–30.
5. Zappavigna M. Discourse of Twitter and Social Media: How we Use Language to Create Affiliation on the Web. New York: Continuum, 2012. Pp. 1–3.
6. Norris P. A Virtuous Circle. Political Communication in Postindustrial Societies. Cambridge: Cambridge University Press, 2000.
7. Castells M. Communication, Power and Counter-Power in the Network Society // *International Journal of Communication*. 2007. No. 1. Pp. 238–266.
8. Wring. D., Horrocks I. The transformation of political parties? // *New media and politics* / B. Axford, R. Huggins (eds.). London: SAGE, 2000. Pp. 191–209.
9. Wodak R., Wright S. The European Union in Cyberspace. Multilingual Democratic Participation in a virtual public sphere // *Journal of Language and Politics*. 2006. Vol. 5, no. 2. Pp. 251–275.
10. Kelsey D., Bennett L. Discipline and Resistance on Social Media: Discourse, Power and Context in the Paul Chambers "Twitter Joke Trial" // *Discourse, Context and Media*. 2014. No. 3. Pp. 37–45.
11. Cottle S., Nolan D. Global Humanitarianism and the Changing Aid Field: Everyone was Dying for Coverage. Текст: электронный // *Journalism Studies*. 2007. No. 8. Pp. 862–878. URL: <https://doi.org/10.1080/14616700701556104> (дата обращения: 17.07.2021).
12. Cottle S. Media and the Arab Uprisings of 2011: Research Notes. Текст: электронный // *Journalism*. 2011. No. 12. Pp. 647–659. URL: <https://doi.org/10.1177/1464884911410017> (дата обращения: 17.07.2021).
13. Neuman W. R. The Impact of the New Media // *Mediated Politics* / ed. by W. L. Bennett, R. M. Entman. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Pp. 299–323.
14. Hayes D., Lawless J. L. As Local News Goes, So Goes Citizen Engagement: Media, Knowledge, and Participation in U. S. House Elections // *The Journal of Politics*. 2015. Vol. 77, no. 2. Pp. 447–462.
15. Homann C. P., & Suphan, A. Stuck with "electronic brochures"? How boundary management strategies shape politicians' social media use. *Information // Communication & Society*. 2017. No. 20. Pp. 551–569.
16. Jebri N., Erik A., Claes H. Infotainment, Cynicism and Democracy: The Effects of Privatization vs. Personalization in the News // *European Journal of Communication*. 2013. No. 2. Pp. 105–121.

Статья поступила в редакцию 22.08.2021; принята к публикации 27.09.2021

Сведения об авторах

Новяк Войцех, профессор, политолог, Университет Адама Мицкевича в Познани; 61-712, Польша, г. Познань, ул. Венявского, 1; e-mail: wojciech.nowiak@amu.edu.pl, <https://orcid.org/0000-0001-7448-5002>.

Моленда Кшиштоф, профессор изящных искусств, Университет искусств Магдалена Абаканович в Познани; 60-967, Польша, г. Познань, ул. Марцинковского, 29; e-mail: krzysztof.molenda@amu.edu.pl; <https://orcid.org/0000-0002-1500-3496>.

Вклад авторов:

В. Новяк провёл дискурсивный анализ концепции и значений новых медиа в публичных сообщениях, описал способы их использования в политических кампаниях и общественной жизни, проанализировал их значение в контексте существующих систем ценностей, оценил изменения в существующих системах ценностей по отношению к новым медиа, их роль и значение.

К. Моленда сделал дискурсивный выбор и описал средства выражения, использованные во время забастовки женщин в Польше; анализ касается символики и того, как они используются в социальных сетях.

Для цитирования:

Новяк В., Моленда К. Медиадискурс «Восстания женщин»: спор о ценностях // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 145–157. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-145-157.

References

1. Moy, Patricia, Michael, A. Xenos, and Verena, K. Hess. 2009. "Communication and Citizenship: Mapping the Political Effects of Infotainment," *Mass Communication and Society*, vol. 8, no. 2, pp. 111–131, 2009. (In Engl.)
2. Papacharissi, Z. The Virtual Sphere: The Internet as the Public Sphere, *New Media & Society*, no. 4, pp. 5–23, 2020. (In Engl.)
3. Mercea, D. (2013) Probing the Implications of Facebook use for the organizational form of social movement organizations. *Information, Communication and Society*, no. 16, pp. 1306–1327, 2013. (In Engl.)
4. Norazian, M. & Syasya, S. S. The impact of Instagram in society, *Research Hub*, Vol. 5, Issue 2, 20–30, 2019. (In Engl.)
5. Zappavigna, Michele. *Discourse of Twitter and Social Media: How we Use Language to Create Affiliation on the Web*. New York: Continuum, 2012: 1–3. (In Engl.)
6. Norris, P. A *Virtuous Circle. Political Communication in Postindustrial Societies*. Cambridge: Cambridge University Press, 2000. (In Engl.)
7. Castells, M. *Communication, Power and Counter-Power in the Network Society*, *International Journal of Communication*, no. 1, pp. 238–266, 2007. (In Engl.)
8. Wring, D., & Horrocks, I. The transformation of political parties? In B. Axford & R. Huggins (Eds.), *New media and politics*. London, England: SAGE, 2000: 191–209. (In Engl.)
9. Wodak, R. and Wright, S. The European Union in Cyberspace. *Multilingual Democratic Participation in a virtual public sphere? Journal of Language and Politics*, vol. 5, no. 2, pp. 251–275, 2006. (In Engl.)
10. Kelsey, D., Bennett, L. Discipline and Resistance on Social Media: Discourse, Power and Context in the Paul Chambers "Twitter Joke Trial". *Discourse, Context and Media*, no. 3, pp. 37–45, 2014 (In Engl.)
11. Cottle, S., Nolan, D. Global Humanitarianism and the Changing Aid Field: Everyone was Dying for Coverage. *Journalism Studies*, no. 8, pp. 862–878, 2007. Web. 17.07.2021 <https://doi.org/10.1080/14616700701556104> (In Engl.)
12. Cottle, S. Media and the Arab Uprisings of 2011: Research Notes. *Journalism*, no. 12, pp. 647–659, 2011. Web. 17.07.2021. <https://doi.org/10.1177/1464884911410017> (In Engl.)
13. Neuman, W. R. *The Impact of the New Media*. Ed. by Bennett, W. L., Entman, R. M. *Mediated Politics*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001: 299–323. (In Engl.)
14. Hayes, Danny, and Jennifer, L. Lawless. 2015. As Local News Goes, So Goes Citizen Engagement: Media, Knowledge, and Participation in U. S. House Elections, *The Journal of Politics*, vol. 77, no. 2: 447–462, 2015. (In Engl.)
15. Homann, C. P., & Suphan, A. Stuck with "electronic brochures"? How boundary management strategies shape politicians' social media use. *Information, Communication & Society*, no. 20, 2017. (In Engl.)
16. Jebiril, Nael, Erik Albaek, and Claes H. deVreese. "Infotainment, Cynicism and Democracy: The Effects of Privatization vs. Personalization in the News", *European Journal of Communication*, no. 2, pp. 105–121, 2013. (In Engl.)

Received: August 22, 2021; accepted for publication September 27, 2021

Information about authors

Wojciech Nowiak, Professor, Political Scientist, Adam Mickiewicz University in Poznan; 1 Wieniawski st., Poznan, 61-712, Poland; e-mail: wojciech.nowiak@amu.edu.pl; <https://orcid.org/0000-0001-7448-5002>.

Krzysztof Molenda, Professor of Fine Arts, Magdalena Abakanovich Poznan University of the Arts; 29 Al. Marcinkowski, Poznan, 60-967, Poland; e-mail: krzysztof.molenda@amu.edu.pl; <https://orcid.org/0000-0002-1500-3496>.

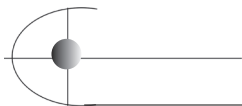
Contribution of authors:

W. Nowiak has made a discursive analysis of the concept and meaning of the new media in the public message; He described the ways of using them in political campaigns and social life; He analyzed their significance in the context of the current value systems; He assessed changes in the current value systems in relation to the new media, their role and importance.

K. Molenda made a discursive choice and described the means of expression used during the Women's Strike in Poland, His analysis concerns symbolism and how they are used in social media.

For citation:

Nowiak W., Molenda K. Media Discourse "Rebellions of Women": Dispute about Values // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 145–157. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-145-157.

УДК 070, 81-13

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-158-168

Вера Владимировна Антропова,
Челябинский государственный университет
(г. Челябинск, Россия),
e-mail: ava45@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3421-9978>

Василий Викторович Федоров,
Челябинский государственный университет
(г. Челябинск, Россия),
e-mail: vvf-82@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6295-5054>

Верификация ценностных доминант в региональном медиадискурсе: травмирующе-фобический сегмент информационного поля

Актуальность исследования обусловлена тем фактом, что под влиянием релятивистской аксиологической парадигмы в массмедийном дискурсе происходит «испытание» традиционных гуманистических ценностей, постоянная верификация их актуальности для современного массового сознания. Подобные тенденции проявляются в существовании специфической повестки дня, в которой аккумулируются страхи и фобии по отношению к существующему типу культуры и морально-этическим нормам. В работе представлен современный и уникальный эмпирический материал – дискурс региональных медиа, который репрезентирует механизмы верификации ценностей и их возможную трансформацию в условиях пандемии, что определяет новизну исследования (сайты изданий Челябинской области «Южноуральская панорама», «Деловой квартал – Челябинск», 74.ru). Проблема изучения ценностной картины связана с ролью СМИ в формировании фобий и страхов или же, напротив, в их устранении. Так, массмедиа вынуждены сообщать о травмирующих событиях, то есть событиях, нарушающих социальную норму, вследствие этого конструируется травмирующе-фобический сегмент информационной картины, который позволяет установить востребованные ценностные доминанты. Цель работы – выявить закономерности построения травмирующе-фобического дискурса региональных массмедиа, в котором представлены угрозы норме, базовым ценностям российского общества. В работе использованы следующие методы: дискурс-анализ, концепт-анализ и нарративный анализ журналистских публикаций регионального уровня, вербализующих концепт «фобия». Результаты исследования подтвердили выдвинутую гипотезу: в региональном массмедийном дискурсе, объектом которого являются травмирующие события, обнаружены страхи и фобии, связанные с потерей, утратой ключевых гуманистических ценностей, которые должны упорядочивать социальную действительность, гармонизировать общественные отношения, определять позитивный сценарий социального бытия.

Ключевые слова: ценности, региональные СМИ, медийный дискурс, культурная травма, фобии, концепт, нарративный шаблон

Благодарность: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Челябинской области в рамках научного проекта № 20-412-740009 «Дискурсы массмедиа о страхах и фобиях населения поликультурного региона с повышенными социогенными и техногенными рисками: возникновение, эскалация и противодействие».

Vera V. Antropova,
Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia),
e-mail: ava45@yandex.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3421-9978>

Vasilii V. Fedorov,
Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia),
e-mail: vvf-82@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-6295-5054>

Verification of Value Dominants in the Regional Media Discourse: a Traumatic-Phobic Segment of the Information Field

The relevance of the research is due to the fact that under the influence of the relativistic axiological paradigm, traditional humanistic values are “tested” in mass media discourse, and the irrelevance for the modern mass consciousness is constantly verified. Such tendencies are manifested in the existence of a specific agenda, in which fears and phobias are accumulated in relation to the existing type of culture and moral and ethical norms. The paper presents a modern and unique empirical material the discourse of regional media, which represents the mechanisms of verification of values and the impossible transformation in the conditions of a pandemic, which determines the novelty of the study. The problem of studying the value picture is related to the role of the media in the formation of phobias and fears, or, on the contrary, in the elimination. Thus, the mass media are forced to report traumatic events, that is, events that violate the social norm, as a result, a traumatic-phobic segment of the information picture is constructed, which allows us to establish the demanded value dominants. The purpose of the work is to identify the regularities of the construction of the traumatic-phobic discourse of the regional mass media, which presents threats to the norm, the basic values of Russian society. The following methods are used in the work: discourse analysis, concept analysis and narrative analysis of journalistic publication sat the regional level that verbalize the concept of “phobia”. The results of the study confirmed the hypothesis put forward: in the regional mass media discourse, the object of which is traumatic events, there are fears and phobias associated with the loss, loss of key humanistic values that should streamline social reality, harmonize social relations, determine a positive scenario of social life.

Keywords: values, regional media, media discourse, cultural trauma, phobias, concept, narrative template

Acknowledgment: The research was funded by Russian Foundation for Basic Research and Chelyabinsk Region, project number 20-412-740009 “Mass media discourses about the fears and phobias of the population of a multicultural region with increased social and man-made risks: emergence, escalation and counteraction”.

Введение. Ситуация аксиологического плюрализма и релятивизма привела, с одной стороны, к легитимации, нормативизации, дифференциации различных ценностных систем [1; 2], «мультиморальности, когда люди, существуя в рамках своей моральной матрицы, признают право других людей жить по их собственным законам» [3, с. 142–143], с другой – к иллюзорному, симуляционному характеру продуцирования человеческим сознанием ценностей, и этот процесс является «более или менее сложной игрой субъективных удовлетворений и их ассоциативных компонентов» [4], что заставляет учёных в настоящее время говорить о подмене ценностных понятий [5]. Крайними, радикальными формами аксиологического релятивизма признаются гедонизм [4], моральный нигилизм [6], прагматизм и антиморализм [5]. Такая динамика, проявляющаяся в отсутствии единых базовых ценностей и, напротив, в сосуществовании конфликту-

ющих ценностных систем¹, утверждающая неустойчивость и конфликтность аксиосферы, вызывает серьёзную тревогу и опасения российского научного общества – вплоть до прогноза гибели цивилизации [Там же].

Общественные трансформации как длительные, мало прогнозируемые, трудноопределяемые процессы, происходящие в «социально едином фонде готовых шаблонов символики, интерпретации, восприятия, толкования происходящего социального действия» [7, с. 6], имели особенно болезненный характер и травмирующий эффект во время пандемии, которая стала, по большому счёту, наиболее травмирующим событием в 2020 г. и одновременно катализатором аксиологических преобразований, верификатором ценностных доминант в обществе, поскольку любое травмирующее событие нарушает обычный порядок вещей,

¹ Сидоров В. А. Аксиология журналистики. – СПб.: Петрополис, 2016. – 204 с.

заставляет человека пересмотреть привычные, устоявшиеся модели поведения, мышления, оценивания, меняет его жизненный мир, повседневные практики.

Нами была выдвинута гипотеза о том, что обострение страхов и фобий населения в региональной информационной повестке, максимально приближенной к повседневным практикам обывателя, актуализировало потребность в гуманистических ценностях, к которым традиционно относят доброту, терпимость, милосердие, честность, человечность, любовь, дружбу, отзывчивость, порядочность, сострадание [8]. Мы предположили, что ценности гуманизма оказались востребованы именно во время пандемии, когда жизнь в её экзистенциальном понимании, социальная обустроенность и защищённость человека от социально-травмирующих деструктивных изменений, социальные связи и отношения становятся важнейшими атрибутами социальной жизни. В ходе исследования поставлена цель – изучить травмирующе-фобический сегмент информационного поля на предмет присутствия в нём определённых ценностных смыслов и верифицировать их в соответствии с гуманистической ценностной парадигмой.

Методология и методы исследования. Методологическое решение обозначенной задачи нам видится в обращении к трём основным методам: 1) дискурс-анализу, 2) концепт-анализу, 3) нарративному анализу.

1. Дискурс-анализ [9–14] обеспечил, по сути, эпистемологические основания изучения текстов СМИ как некоей социально-идеологической структуры реальности, которая в силу институциональной природы строится и функционирует согласно определённым правилам и конвенциям, и придал анализу медиатекстов системность, репрезентативность, достоверность, доказательность, поскольку учитывался ряд параметров дискурс-анализа: 1) контекст общения; 2) содержательная составляющая, включающая информацию об участниках коммуникации; 3) сценарная составляющая (сценарии, скрипты).

2. Содержательную составляющую дискурс-анализа предлагаем изучать с помощью концепт-анализа¹ [15, с. 10]. Концепт – это единица ментальности, имеющая полевую – то есть ядерно-периферийную –

¹ Попова З. Д., Стернин И. А. Когнитивная лингвистика. – М.: АСТ, Восток-Запад, 2007. – 314 с.

организацию. Для анализа содержания интересующего нас сегмента информационного поля был определён, соответственно, концепт «фобия». Ядерную и приядерную части концептуального поля составляют коллективно выработанные, инвариантные, обязательные для всех носителей языка, наиболее частотные когнитивные признаки (смыслы), напрямую коррелирующие с названием поля. Зону периферии образуют случайные, маловероятные признаки, основанные на метафорических, ассоциативных связях, соотносящиеся с именем поля опосредованно.

3. Сценарную составляющую дискурса, на наш взгляд, рационально изучать с помощью нарративного анализа, в том числе с опорой на понятие культурой травмы как иницирующего начала фобических переживаний. Травма является не только неким событием, но и процессом его репрезентации в дискурсе, процессом создания смыслов и атрибуций вокруг значимого события в истории социальной группы/целого народа в виде нарративных шаблонов (стереотипов), то есть устойчивых моделей и текстопорождающих практик, которые становятся основой для формирования идентичности различных сообществ [16–20]. Травмирующим оказывается такое событие, которое имеет сильное эмоциональное воздействие, и именно сильные эмоции могут вызвать процесс нарративизации, так как требуют объяснения [16]. С другой стороны, нарративный анализ даёт возможность рассмотрения когнитивных структур дискурса как совокупности речевых актов («ходов»), которые моделируются в общественном сознании под воздействием правил и конвенций дискурса и которые с позиций логико-грамматического подхода вербализируют определённый тип информации [9].

Результаты исследования и их обсуждение. Итак, определение ценностного содержания дискурсивного концепта «фобия» и констатация закономерностей создания такого контента предполагают, во-первых, построение узальной (общезыковой) модели как некоего ментального эталона, образца, включающего ряд смыслов, объединённых в два субконцепта: «конкретные (специфические) фобии» и «социальные фобии» [21]; – во-вторых, реконструирование дискурсивных моделей [22; 23], которые наглядным образом иллюстрируют иерар-

хию ценностных смыслов; в-третьих, их сравнение, на основе чего мы можем говорить об определённых когнитивных стратегиях конструирования данного ментального образования в дискурсах различных медиа.

В ходе нарративного анализа применялась идентичная схема (на основе идей Ж. Женетта [24]): 1) построение инвариантной повествовательной модели, которая, с одной стороны, определяет практики говорения о фобиях, с другой стороны, обнаруживает само содержание фобий, верифицирующих ценности современного общества; 2) сравнение инвариантной модели и её дискурсивной реализации.

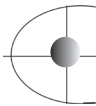
Результаты исследования показали, что методом сплошной выборки материала из трёх региональных СМИ Челябинской области («Южноуральская панорама», «Деловой квартал-Челябинск», 74.ru), отобраны все тексты за 2020 г., которые репрезентируют концепт «фобия».

В дискурсе издания Правительства и Законодательного Собрания Челябинской области «Южноуральская панорама» он оказался наименее представленным в количественном отношении: обнаружено всего 16 текстовых единиц. Характер расположения когнитивных признаков в пределах концептуального поля «фобия» позволяет говорить о значимости только одного субконцепта из двух в пространстве дискурса правительственной газеты – субконцепте «конкретные фобии». Его репрезентирует единственный когнитивный признак «борьба с навязчивыми страхами перед определёнными объектами окружающей действительности, а также с последствиями подобных патологических состояний» (11 текстов из 16). В текстах речь идёт о нозофобии, ксенофобии, исламофобии, аэрофобии, радиофобии. При этом в восьми случаях повествуется о фобиях, которым подвержены именно жители Челябинской области, фобические переживания обусловлены пандемией, а также территориальной, этнонациональной спецификой региона.

Сравнительно небольшая количественная представленность концепта «фобия» объясняется, с одной стороны, морbidностью тревожных переживаний, беспричинностью подобных состояний, с другой – спецификой самого источника информации: «Южноуральская панорама», являясь правительственным изданием, в первую

очередь говорит о социальных нормах, а не патологиях, формирует в глазах общественности позитивную социальную реальность. Селекция информации осуществляется таким образом, что в региональную повестку дня не попадает контент о «неправильных», аномальных ситуациях. Если всё же речь и идёт о фобиях, то исключительно в контексте противодействия им или их предупреждения. Так формируется образ сильной власти, которая гарантирует населению социальную стабильность, не допускает возникновения развития фобий у населения региона. В соответствии с этим выделяем **социально-предупреждающую, социально-противодействующую, панически-купирующую** когнитивные стратегии конструирования концепта. Общеязыковая модель концепта в пространстве дискурса кардинально модифицируется: семантика деструктивных эмоций, патологического страха отсутствует вовсе, зато периферийное узувальное значение борьбы перемещается из периферии в центр. Правительственное издание заблаговременно купирует фобии жителей региона, выделяя в наборе когнитивных признаков ценностные доминанты «борьба с ненормой», «противодействие», «предупреждение», «утверждение нормы».

Нарративная модель в травмирующе-фобическом дискурсе «Южноуральской панорамы» развёртывается по доминантной структуре, состоящей в большинстве случаев из ходов, которые могут быть обозначены категориями «Констатация», «Борьба/Устранение», «Обобщённо-стереотипное заключение». Мы отмечаем констатацию самой фобии как феномена социальной жизни, в журналистском материале фиксируется её наличие. Это связано прежде всего с тем, что происходит включение сообщения о фобии в текст, то есть информационный повод лишь косвенно связан с конкретным травмирующим событием, оно остаётся за скобками, констатируется только присутствие фобии, но в новом контексте, часто позитивном. Например, ксенофобия и исламофобия становятся предметом обсуждения в публикациях, посвящённых стратегиям развития национальной политики в регионе («Южноуральская панорама» от 3 ноября 2020 г. и 29 декабря 2020 г.). Возникает эффект «абстрактной фобии», которая существует как коллективное нарушение общепризнанной (традиционной) нормы. Логично, что вторым

ходом становится рассказ о борьбе с фобией, её устранении. В этой части повествования представлены либо конкретные действия по снятию фобий, либо императивные утверждения борьбы с ними. Здесь мы можем отметить появление конструкций с модальными глаголами, словами категории состояния, имеющими значение долженствования и предписания (*должны, надо, полагается* и т. п.). Использование таких языковых единиц создаёт сценарий, в котором утверждается нормативность действий акторов, поскольку происходит апелляция к должному и общепринятому [25]. Третий компонент схемы – обобщённо-стереотипное заключение – фиксирует потенциально позитивную развязку противостояния нормы и антинормы, отнесённую в будущее, то есть как длящийся и постоянно воспроизводящийся конфликт нормы и антинормы. Таким образом, практика говорения о фобиях строится на **социальном противодействии** нарушению норм, которые связаны с традициями и здравым смыслом.

Содержание самих фобий, выделяемых в дискурсе «Южноуральской панорамы», верифицирует ценности современного общества. Во-первых, надо отметить, что представления о фобиях здесь не связываются с пандемией. Значит, она не мыслится как угроза традиционным ценностям, норме, но является временным отклонением, выходом за границы обыденного существования. Во-вторых, нарративная реализация фобий обнаруживает культурные (коллективные) травмы.

С одной стороны, изменения социокультурной обстановки, миграционные процессы в регионе стали травмирующим событием для местного населения. Возникли вопросы, связанные с национальной идентификацией, межкультурным взаимодействием, национальной политикой в целом (публикации на эти темы занимают первое место по частотности). В дискурсе правительственной газеты на первый план выходит позитивный сценарий решения национального и культурного вопросов. Это связано с функцией регулирования общественных отношений, которую выполняет издание. Можно говорить о «реабилитации» гуманистических ценностей в переходную эпоху. С другой стороны, технический прогресс и развитие технологий также приводят к изменению традиционных форм жизни, становятся

травмирующим событием (темы экологии и влияния деятельности человека на природу и социум занимают второе место в количественном отношении). В данном сегменте травмирующе-фобического дискурса травма обнаруживает разрыв с естественным, природным началом, ценности «здоровой» жизни подвергаются верификации, а медийный нарратив выполняет оправдательно-объяснительную функцию.

Второе рассматриваемое региональное СМИ – «Деловой квартал – Челябинск» – позиционирует себя как независимое деловое издание, анализирующее не только местные новости бизнеса и политики, но и федеральные, поскольку входит в сеть локальных деловых журналов «ДК». Мы обнаружили 184 репрезентирующие единицы, что в 11,5 раз больше, чем в предыдущем источнике. Количественные показатели свидетельствуют о том, что издание готово обсуждать проблемы социальных девиаций, при этом качественный параметр – построенная нами полевая модель с ядерной, приядерной и периферийной зонами – свидетельствует о важности и значимости для этого типа СМИ именно социальных, а не конкретных фобий, поскольку ядерно-приядерную часть составил субконцепт «социальные фобии» с такими ценностными смыслами, как: 1) «возникновение, развитие социально-экономических фобий во время пандемии, причины их возникновения и эскалации, возможные способы преодоления» (69 текстовых единиц); 2) «возникновение, развитие социальных фобий вследствие неопределённости, неизвестности во время пандемии, причины их возникновения и эскалации, возможные способы устранения» (58 текстовых единиц). В ядре дискурсивной модели оказываются как общеязыковые центральные, так и периферийные элементы. Базовые признаки репрезентируются в многочисленных аналитических публикациях о социально-экономических, финансовых, социокультурных угрозах локального, федерального и мирового масштаба. И только на периферии поля заявлен субконцепт «конкретная фобия», назовём наиболее частотные периферийные смыслы: «возникновение, развитие патологического страха заразиться COVID-19 и/или умереть, причины его возникновения и эскалации, возможные способы преодоления» (35 текстовых единиц); «возникнове-

ние, развитие навязчивого страха во время пандемии остаться без продуктов первой необходимости, причины его возникновения и эскалации, возможные способы устранения» (15 текстовых единиц).

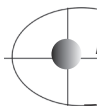
Таким образом, стратегии концептуализации фобических настроений в дискурсе делового издания совершенно иные, нежели в первом: приоритетными становятся смыслы, связанные с фобиями социально-экономического характера, при этом деловое издание отмечает все этапы переживания фобических расстройств (появление, эскалация вплоть до паники и истерии, затухание). Важными в равной степени можно признать такие аксиологические установки/стратегии конструирования фобий, как **этиопатогенетическая** (установление причин появления фобий и эскалации), **социально-регулирующая, панически-нейтрализующая**. Причины такого подхода обусловлены спецификой целевой аудитории и информационной политики: издание ориентировано на коммерческий сектор, который составляют индивидуальные предприниматели, аналитическая направленность и меньший в сравнении с официальными СМИ груз социальной ответственности предполагает апелляцию, в том числе к панической семантике в процессе концептуализации фобий.

Нарративная модель в травмирующе-фобическом дискурсе издания «Деловой квартал – Челябинск» представляет собой две инвариантные структуры. В первом случае фобия, паника выступают не как предмет речи, а как смысловой компонент, дополняющий основную тематическую направленность. Здесь эти состояния представлены как следствие чего-либо, как закономерное продолжение различных процессов. Во втором случае используется уже известная трёхчастная модель, которая получает семантическое расширение.

Так, первый компонент – это констатация наличия фобии, панических тенденций, чаще всего он вынесен в лидер-абзац или первый абзац основного текста. В отличие от дискурса «Южноуральской панорамы» здесь названы возможные или реальные причины, указаны травмирующие события, а значит, не только констатируется наличие фобии или панических настроений как нарушение нормы, но и представлено аналитическое обобщение, индуктивное построение причинно-следственных связей, когда

конкретный случай встраивается в определённую систему. В некоторых примерах представлены даже стадии формирования фобий. Борьба/устранение деструктивных феноменов – второй компонент нарративной модели, в котором не только рассказывается о способах борьбы с фобиями и противостояния навязчивым состояниям, но и используются анарративные отступления, включающие аналитику, статистику, мнение экспертов и частных лиц, а текст представляет собой набор советов или рекомендаций. Показательно, что данный компонент повествования часто отделяется от лидер-абзаца хештегами «лайфхаки», «мнения», подчёркивающими прагматичный подход к решению проблемы. Таким образом, мы можем говорить о рационализации фобий и деструктивных настроений, о «работе» с ними в дискурсе издания «Деловой квартал – Челябинск». Третий компонент модели – прагматическое заключение, в котором отсутствуют общие размышления об отклонении от нормы или традиции, однако даны объективные ответы на вопросы, важные для жизни «обычного» человека, представлена практическая результативность возможных действий или позитивный сценарий поведения. Таким образом, в данном издании говорение о фобиях строится на **объяснительно-рационализующей стратегии**, которая призвана объяснить и минимизировать деструктивные социальные последствия, нейтрализовать их влияние.

Содержание фобий верифицирует социальные и экзистенциальные ценности. Важно, что в большинстве материалов пандемия и ограничительные меры, связанные с ней, воспринимаются как травмы, которые угрожают ценностям личности. С одной стороны, это социальные потери и изменения социального статуса, самооценки. С другой – это экзистенциальный контекст, в котором травмирующее событие влияет на осмысление жизненного целеполагания. Можно отметить, что непредсказуемость социальных, культурных, технических процессов формирует ощущение утраты экзистенциальных ценностей, приводит к созданию сценариев их актуализации, сохранения. Таким образом, в травмирующе-фобическом дискурсе издания «Деловой квартал – Челябинск» эксплицируется тревога по отношению к норме, в которой высшие ценности – это человек как личность, его свобода

и самореализация в рамках социальной коммуникации.

Третьим источником наблюдения стал региональный информационный портал 74.ru, который имеет универсальную направленность, он наименее всего подвержен институциональному параметрированию. В дискурсе этого медиа рассматриваемый концепт имеет наибольшую по сравнению с предыдущими СМИ количественную представленность: его объективируют 220 текстовых единиц. В зоне ядра оказался субконцепт «конкретные фобии» (180 текстов), связанные в первую очередь с биологическими фобиями: нозофобией и танатофобией (смыслы «боязнь заразиться COVID-19 и умереть от этой болезни»; «боязнь умереть во время пандемии от голода вследствие недостатка продуктов питания»). Концептуализируются как фобические переживания (99), так и идея борьбы с биологическими фобиями населения (64). Субъектами борьбы выступают или представители местной власти, которые информируют жителей Южного Урала о незамедлительности и эффективности предпринимаемых мер в борьбе с ковидной инфекцией, оперативности работы всех служб, призывают общественность не поддаваться панике, или рядовые жители региона, которые делятся личным опытом преодоления фобий.

Периферийную локацию занял субконцепт «социальные фобии» (40 текстов) с похожими ценностными смыслами: концепируется либо состояние навязчивой тревоги по поводу потери прежнего социального статуса, прежних социальных связей, отношений, либо идея борьбы с социальными фобиями населения. Впервые в процессе анализа дискурсивная модель в базовой своей части совпала с общеязыковой, поскольку семантика эмоции страха оказалась в приоритете – это говорит о том, что, во-первых, СМИ универсальной направленности поддержало общеязыковую картину мира, во-вторых, именно оно «готово» вместе со своими читателями переживать травмирующие обстоятельства социальной жизни через «личные истории» южноуральцев, истории повседневной жизни. В связи с этим выделяем **социально- и индивидуально-конструктивную, властно-функционирующую и социально-регулирующую, панически-купирующую стратегии** конструирования фобического концептуального поля.

Нарративная модель в травмирующе-фобическом дискурсе портала 74.ru представляет собой структуру, строго ориентированную на конкретное происшествие в общественной жизни, то, что выходит за рамки обычного, обыденного, то есть часть социального хаоса, ненормы. Линейное повествование базируется на документальной фиксации всех действий и процессов. Публикации портала представляют собой репортажи или обзоры с динамичным развёртыванием событий (часто в виде стенографии, онлайн-трансляций). Событие, нарушающее норму, выносится в заголовок и лидер-абзац, о нём сообщают непосредственные участники или причастные лица, воспроизводится «эмпирика» социальных отношений, выдвигается частный случай нарушения нормы. Перед нами – личное переживание тревоги, паники или страха, вызванное самыми разными травмирующими факторами социального хаоса. Можно сказать, что это не просто «личные повествования», а форма светского жития «маленького человека», в котором рассказывается о борьбе за жизнь и существование. Здесь аналитичность и призыв соответствовать норме, традициям уступают место чувственно воспринимаемому переживанию деструктивных состояний. В какой-то мере обобщением частного случая становятся советы, которые появляются в ряде публикаций. Таким образом, говорение о фобиях в дискурсе портала 74.ru строится на **социально- и индивидуально-презентационной стратегии**, которая вместо аналитики или апелляции к норме предлагает осмысление травмы, вызывающей фобии, через представление частных и конкретных историй.

Содержание фобий верифицирует главные ценности – жизнь, существование человека, его здоровье, социальное благополучие. Обращение к конкретным травмирующим событиям обнаруживает реакцию защиты обывателя на непредсказуемые процессы, защиты от нового и непонятного, так как в условиях пандемии ещё не сформировался личный опыт переживания этого события, нет когнитивных моделей, обеспечивающих понимание последствий. Поэтому в травмирующе-фобическом дискурсе портала 74.ru представлена «частная» версия тревоги, связанной со страхом утраты самого существования человека, в том чис-

ле из-за непредсказуемости происходящих событий.

Заключение. Концептологический анализ фобического дискурса в разных типах региональных СМИ обнаружил специфические ценностно-смысловые установки его конструирования. В правительственной официальной прессе, где степень социального контроля и социальной ответственности весьма высока, используются социально-предупреждающая, социально-противодействующая, панически-купирующая стратегии конструирования ментального конструкта «фобия». В деловом аналитическом издании, которое стремится к сохранению идеологической нейтральности и утилитарно-прагматической направленности, отмечаются этиопатогенетическая, социально-регулирующая, панически-нейтрализующая установки. Универсально-информационный портал 74.ru, имеющий широкий охват разных типов целевой аудитории, обращённый к «личным историям» читателей, обнаруживает приверженность социально- и индивидуально-конструктивной, властно-функционирующей и социально-регулирующей, панически-купирующей стратегиям.

В травмирующе-фобическом сегменте дискурсов массмедиа представлено несколько сценариев переживания травмирующего события, связанного с нарушением социокультурной нормы, которое угрожает гуманистическим ценностям в условиях хаоса. В материалах издания «Южноуральская панорама» – это апелляция к тради-

ционным ценностям культуры, незабываемой социальной норме, порядку, которые не имеют чёткой корреляции с конкретным травмирующим событием. В публикациях издания «Деловой квартал – Челябинск» обнаруживается тревога в отношении социальных и экзистенциальных ценностей, когда человек воспринимается как личность, ценностями являются его свобода и самореализация в рамках социальной коммуникации, поэтому возникает связь между конкретным травмирующим событием и его последствиями для жизни рядового обывателя, реализуется прагматичный подход к страхам и фобиям. Дискурс портала 74.ru формируется через апелляцию к частному случаю нарушения нормы, травмирующее событие связывается с тревогой за само существование человека, его физическое и психическое здоровье, воспроизводится социальный хаос.

Таким образом, выдвинутая нами гипотеза подтвердилась: в региональном массмедийном дискурсе, объектом которого являются травмирующие события, обнаружены страхи и фобии, связанные с потерей, утратой ключевых гуманистических ценностей, которые упорядочивают социальную действительность, гармонизируют общественные отношения, определяют позитивный сценарий социального бытия. В перспективе исследования предполагается изучение травмирующе-фобического дискурса как результата ценностного релятивизма в современном социуме.

Список литературы

1. Мареева С. В. Динамика норм и ценностей россиян // Социологические исследования. 2013. № 7. С. 120–130.
2. Шубкин В. Н., Климов И. А. Социальная разобщённость как феномен массового сознания // Россия реформирующаяся. 2004. № 4. С. 245–261.
3. Двадцать лет реформ глазами россиян (опыт многолетних социологических замеров): аналитический доклад. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2011. 304 с. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html (дата обращения: 17.07.2021). Текст: электронный.
4. Левицкий В. А. Свобода и ответственность // «Основы органического мировоззрения» и статьи о солидаризме. М.: Посев, 2003. URL: <https://litvek.com/br/217655?p=60> (дата обращения: 17.07.2021). Текст: электронный.
5. Наумчик В. Н. Аксиологический релятивизм: пределы допустимого // Мастерство online. 2015. № 1. URL: <http://rpo.unibel.by/index.php?id=706> (дата обращения: 18.07.2021). Текст: электронный.
6. Гюрчинов М. Аксиологический релятивизм и моральный нигилизм в нашей эпохе (неизвестная судьба безыдейного мира) // Литературоведческий журнал. 2014. № 34. С. 150–158.
7. Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Социологические исследования. 2001. № 1. С. 6–16.
8. Шубина О. А. Гуманистические ценности в структуре жизненных ориентаций студенческой молодёжи: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.06. Екатеринбург, 2008. 19 с.
9. Дейк Т. А. ван. Язык. Познание. Коммуникация. Благовещенск: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. 308 с.

10. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 331 с.
11. Макаров М. Л. Основы теории дискурса. М.: Гнозис, 2003. 280 с.
12. Пеше М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 302–336.
13. Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса. М.: Прогресс, 1999. С. 12–53.
14. Фуко М. Порядок дискурса: лекция // Гуманитарная библиотека. URL: <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (дата обращения: 19.07.2021). Текст: электронный.
15. Воркачев С. Г. Концепт счастья в русском языковом сознании: опыт лингвокультурологического анализа. Краснодар: КГТУ, 2002. 142 с.
16. Айерман Р. Культурная травма и коллективная память // Новое литературное обозрение. 2016. № 5. С. 40–67.
17. Александер Дж. Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 6–40.
18. Cultural Trauma and Collective Identity / J. Alexander. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2004. P. 304.
19. Alexander J. C. On the Social Construction of Moral Universals: The “Holocaust” from War Crime to Trauma Drama // Cultural trauma and collective identity / J. Alexander. Berkeley: University of California Press, 2004. Pp. 196–263.
20. Eyerman R. Cultural Trauma and Collective Memory // Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. Pp. 1–22.
21. Антропова В. В. Концептуализация страхов и фобий в дискурсах региональных СМИ: к методологии вопроса // Известия Уральского федерального университета. Проблемы образования, науки и культуры. 2021. № 1. С. 23–31.
22. Антропова В. В. Когнитивные механизмы концептуализации фобий в дискурсе информационных порталов региона с повышенными техногенно- и социогенными рисками. Текст: электронный // Медиа в современном мире: 60-е Петербургские чтения: материалы междунар. науч. форума. СПб., 2021. URL: https://smif.spbu.ru/images/2021-thesis/Sidorov/Сидоров_Антропова_AAM.docx (дата обращения: 20.07.2021).
23. Сайтгалин Т. Р., Антропова В. В. Репрезентация фобий и страхов жителей региона с повышенными соци- и техногенными рисками в дискурсе правительственных изданий // Пользовательский контент в современной коммуникации. Челябинск: Изд-во ЧелГУ, 2021. С. 70–75.
24. Женетт Ж. Фигуры: Работы по поэтике: пер. с фр.: в 2 кн. Кн. 2. М.: Изд-во им. Сабашникова, 1998. 435 с.
25. Федоров В. В. Трансформация экспрессивного компонента риторической модели современных российских медиа // Медиалингвистика. Язык в координатах массмедиа: материалы междунар. науч.-практ. конф. СПб.: СПбГУ, 2016. С. 52–53.

Статья поступила в редакцию 22.07.2021; принята к публикации 27.08.2021

Сведения об авторах

Антропова Вера Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; e-mail: ava45@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3421-9978>.

Федоров Василий Викторович, кандидат филологических наук, доцент, Челябинский государственный университет; 454001, Россия, г. Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129; e-mail: vvf-82@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6295-5054>.

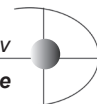
Вклад авторов:

В. В. Антропова описала дискурсивную репрезентацию концепта «фобия» в публикациях региональных массмедиа.

В. В. Федоров описал нарративные модели, определяющие построение конкретных медийных текстов.

Для цитирования:

Антропова В. В., Федоров В. В. Верификация ценностных доминант в региональном медиадискурсе: травмирующе-фобический сегмент информационного поля // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 158–168. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-158-168.

References

1. Mareeva, S. V. Dynamics of norms and values of Russians. *Sociological research*, no. 7, pp. 120–130, 2013. (In Rus.)
2. Shubkin, V. N., Klimov, I. A. Social disunity as a phenomenon of mass consciousness. *Russia is being reformed*, no. 4, pp. 245–261, 2004. (In Rus.)
3. Twenty years of reforms through the eyes of Russians (the experience of many years of sociological measurements): analytical report. M: Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, 2011. Web. 17.07.2021. URL: https://www.isras.ru/analytical_report_twenty_years_reforms.html. (In Rus.)
4. Levitsky, V. A. Freedom and responsibility. "Fundamentals of an organic worldview" and articles on solidarism. M: Posev, 2003. Web. 17.07.2021. URL: <https://litvek.com/br/217655?p=60>. (In Rus.)
5. Naumchik, V. N. Axiological relativism: limits of permissible. *Mastery online*, no. 1 (2), 2015. Web. 18.07.2021. URL: <http://ripo.unibel.by/index.php?id=706>. (In Rus.)
6. Gyurchinov, M. Axiological relativism and moral nihilism in our era (the unknown fate of unprincipled world). *Literary Journal*, no. 34, pp. 150–158, 2014. (In Rus.)
7. Sztompka, P. Social change as a trauma (article one). *Sociological research*, no. 1, pp. 6–16, 2001. (In Rus.)
8. Shubina, O. A. Humanistic values in the structure of life orientations of student youth: abstract of the thesis of the cand. sc. Ekaterinburg, 2008. (In Rus.)
9. Dijk, T. A. van. *Language. Cognition. Communication*. Blagoveshchensk: I. A. Baudouin de Courtenay Publishing House, 2000. (In Rus.)
10. Karasik, V. I. *The language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd: Peremena, 2002. (In Rus.)
11. Makarov, M. L. *Fundamentals of the theory of discourse*. M: Gnosis, 2003. (In Rus.)
12. Pecheux, M. *Content analysis and the theory of discourse. Quadrature of meaning: the French school of discourse analysis*. M: Progress, 1999: 302–336. (In Rus.)
13. Sériot, P. *How texts are reading France. Quadrature of meaning: the French school of discourse analysis*. M: Progress, 1999: 12–53. (In Rus.)
14. Foucault, M. *The order of discourse: a lecture*. Humanities Library. Web. 19.07.2021. URL <https://gtmarket.ru/library/articles/777> (In Rus.)
15. Vorkachev, S. G. *The concept of happiness in the Russian language consciousness: the experience of linguistic and cultural analysis*. Krasnodar: Kuban State Technological University, 2002. (In Rus.)
16. Eyerman, R. Cultural trauma and collective memory. *New literary Review*, no. 5, pp. 40–67, 2016. (In Rus.)
17. Alexander, J. Cultural trauma and collective identity. *Sociological Journal*, no. 3, pp. 6–40, 2012. (In Rus.)
18. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press, 2004. 304 p. (In Engl.)
19. Alexander, J. C. *On the Social Construction of Moral Universals: The "Holocaust" from War Crime to Trauma Drama*. Cultural trauma and collective identity. Berkeley: University of California Press. 2004: 196–263. (In Engl.)
20. Eyerman, R. *Cultural Trauma and Collective Memory // Eyerman R. Cultural Trauma: Slavery and the Formation of African American Identity*. Cambridge: Cambridge University Press, 2001: 1–22. (In Engl.)
21. Antropova, V. V. Conceptualization of fears and phobias in the discourses of regional mass media: on the methodology of the question. *Proceedings of the Ural Federal University. Problems of education, science and culture*, no. 1, pp. 23–31, 2021. (In Rus.)
22. Antropova, V. V. Cognitive mechanisms of conceptualization of phobias in the discourse of information portals of the region with increased technogenic and sociogenic risks. *Media in the modern world. 60th St. Petersburg readings: materials of the International Scientific Forum*. St. Petersburg, 2021. Web. 17.07.2021. URL: https://smif.spbu.ru/images/2021-thesis/Sidorov/Сидоров_Антропова_AAM.docx (In Rus.)
23. Saitgalin, T. R., Antropova, V. V. Representation of phobias and fears of residents of the region with increased socio- and technogenic risks in the discourse of government publications. *User content in modern communication*. Chelyabinsk: ChelSU Publishing House, 2021: 70–75. (In Rus.)
24. Genette, G. *Figures: Works on poetics*. M.: Publishing house named after Sabashnikov, 1998. (In Rus.)
25. Fedorov, V. V. Transformation of the expressive component of the rhetorical model of modern Russian media. *Media linguistics. Language in the coordinates of the mass media: materials of the International Scientific and Practical Conference*. St. Petersburg: St. Petersburg State University, 2016: 52–53. (In Rus.)

Received: July 22, 2021; accepted for publication August 27, 2021

Information about authors

Vera V. Antropova, Candidate of Philology, Associate Professor, Chelyabinsk State University; 129 Bratyev Kashirinykh st., Chelyabinsk, 454001, Russia; e-mail: ava45@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3421-9978>.

Vasilii V. Fedorov, Candidate of Philology, Associate Professor, Chelyabinsk State University; 129 Bratyev Kashirinykh st., Chelyabinsk, 454001, Russia; e-mail: vvf-82@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-6295-5054>.

Contribution of authors:

V. V. Antropova described the discursive representation of the concept of “phobia” in the publications of the regional mass media.

V. V. Fedorov described the narrative models that determine the construction of specific media texts.

For citation:

Antropova V. V., Fedorov V. V. Verification of Value Dominants in the Regional Media Discourse: a Traumatic-Phobic Segment of the Information Field // *Humanitarian Vector*. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 158–168. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-158-168.

УДК 070 (470.340)

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-169-178

Дмитрий Михайлович Рогозин,*Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС**(г. Москва, Россия),*<https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>*e-mail: rogozin@ranepa.ru***Елена Васильевна Вьюговская,***Центр полевых исследований,**Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС**(г. Москва, Россия),*<https://orcid.org/0000-0003-3488-6025>*e-mail: vyugovskaya-ev@ranepa.ru*

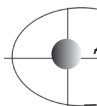
Три гипотезы о медиасреде в условиях распространения коронавируса

В рамках ежемесячного мониторинга социально-экономического положения и поведения населения в условиях распространения коронавируса командой Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в середине апреля 2020 г. проведено онлайн-исследование в социальных сетях Facebook и Instagram, затрагивающее вопросы доверия официальной информации и восприятия угрозы пандемии для общественного/индивидуального здоровья и экономики страны/личного материального положения. В свете развития эпидемии высокий интерес к новостям о проблеме заболевания сопровождался снижением уровня доверия аудитории к сведениям, публикуемым в СМИ – 28 % опрошенных высказывались, что доверяют официальной информации о коронавирусе в полной или значительной мере, в то время как 69 % признавались, что доверяют лишь отчасти или совершенно не доверяют ей. Наибольшую же угрозу распространение инфекции, по мнению большинства респондентов, представляло для государственной экономики (85 %) и здоровья всего населения (47 %). Полученные данные позволили актуализировать ряд суждений: 1) о зависимости роста недоверия к официальным источникам и распространения неподтвержденной информации (слухов); 2) о воздействии пандемического социального контекста на характер публикуемой информации; 3) о формировании нового языка описания текущих событий, позволяющего адекватно воспринимать и интерпретировать происходящие социальные изменения. Благодаря обзору релевантных публикаций других авторов, подкреплённому эмпирическим массивом, основанным на опросах общественного мнения, указанные гипотезы подвергаются проверке, усиливаются новыми аргументами и предположениями. Авторами предлагается комбинированный, междисциплинарный подход в целях расширения перспектив анализа для широкой заинтересованной аудитории и дальнейшего изучения медиадискурса, осмысления влияния медийных ресурсов на общественное мнение и повседневное общение россиян.

Ключевые слова: доверие, коронавирус, медиасреда, опросы общественного мнения, социальные сети, СМИ, COVID-19

Благодарность: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС № 1.1 «Социально-экономическое положение России: статистический и социологический анализ».

Dmitry M. Rogozin,
Field Research Center,
Institute of Social Analysis and Forecasting,
Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration (RANEPA)
(Moscow, Russia),
e-mail: rogozin@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>

Elena V. Vyugovskaya,
Field Research Center,
Institute of Social Analysis and Forecasting,
Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration (RANEPA)
(Moscow, Russia),
e-mail: vyugovskaya-ev@ranepa.ru
<https://orcid.org/0000-0003-3488-6025>

Three Hypotheses about the Media Content Amidst the Coronavirus Infection

In the middle of April 2020, the team of the Institute for Social Analysis and Forecasting (RANEPA) conducted an online survey on social networks Facebook and Instagram. The survey as a part of the regular monitoring research concerning social status and behavior of the population amidst the coronavirus infection (COVID-19) deals with the issues of trust to official information as well as perception of threat of the pandemic for public and individual health, for the country's economy and personal financial situation. In the context of epidemiological situation, a high demand in news about the disease was accompanied by a decrease of confidence in the information published in the media, i. e. 28 % of respondents commented that they fully or significantly trust official information about the coronavirus, while 69 % admitted that they partially trust it or do not trust at all. Even so according to most respondents the greatest threat of coronavirus spreading was raised by the state economy (85 %) and the public health (47 %). The obtained data helps to maintain several statements: 1) the dependence of the growth of mistrust in official sources and the spread of unconfirmed information (rumors); 2) the impact of the pandemic social context on the nature of official information; 3) the formation of a new language for describing current events and making possible to perceive and interpret the ongoing social changes. Through a review of relevant publications by the other authors, supported by the empirical data based on public opinion polls, the above listed hypotheses are tested and reinforced with new arguments and assumptions. The authors propose a combined, interdisciplinary approach to expand the prospects for analysis for a wide audience and to continue studying the media discourse, understanding the influence of media resources on public opinion and everyday communication in Russia.

Keywords: trust, coronavirus, mass media content, opinion polls, social networks, media, COVID-19

Acknowledgment: The article was written on the basis of the RANEPA state assignment research program No. 1.1 "Social and economic situation in Russia: statistical and sociological analysis".

Введение. Эпидемия коронавируса – глобальное и длительное событие, переопределившее жизнь всего человечества. Невозможно найти ни одного государства, сообщества, человека, которых бы в той или иной степени не затронули прямые или косвенные последствия эпидемии [1–4]. Массовая трансформация медийной повестки затронула и научные журналы. На 14 ноября 2020 г. в Национальной библиографической базе данных научного цитирования (РИНЦ) насчитывается 30 086 публикаций, содержащих в заглавии, аннотации или ключевых словах термин «пандемия», 15 633 – «коронавирус», 15 103 – «COVID-19».

Многие из этих статей проходные, конъюнктурные, одноразовые. Но уже выделяются публикации, которые позволяют формировать исследовательскую повестку,

формулировать гипотезы, находить зависимости, конструировать эмпирические и теоретические описания. К таковым относится статья Ксении Дементьевой, ранее опубликованная в научном журнале «Гуманитарный вектор» и отражающая особенности медиаповестки и вовлечённости аудитории в Республике Мордовия [5]. Автор провела анализ пабликов крупнейших медиаизданий Мордовии, в ходе которого удалось выявить около 2 000 публикаций, имеющих отношение к коронавирусу. Отличная аргументированная подача эмпирического материала об особенностях медиаповестки и вовлечённости аудитории позволила сформулировать три гипотезы.

Во-первых, ссылаясь на экспертов, Ксения Дементьева утверждает, что «при возникшем недоверии общества к власти

возникает склонность делиться друг с другом непроверенной информацией, на людей действует презумпция опасности, что и приводит к распространению фейков» [5, с. 168]. Другими словами, распространение непроверенной информации напрямую связано с недоверием к официальным источникам.

Во-вторых, в журналистике реже употребляется лексика вражды, этнические медиамемы, наблюдается «более ответственное отношение к источникам информации» [Там же, с. 172–173]. Другими словами, пандемия способствовала актуализации этической повестки и переосмыслению роли журналиста в формировании общественного мнения.

В-третьих, «изменения в обществе, связанные с пандемией, инициировали появление неологизмов» [Там же, с. 169], «активное их внедрение в медиасферу» [Там же, с. 173]. Таким образом, мы наблюдаем создание и развитие нового набора понятий, которые входят в обиходный язык, начинают формировать картину мира, позволяющую адекватно воспринимать и интерпретировать происходящие изменения.

Рассмотрим три обозначенные гипотезы в контексте массового опроса.

Методология и методы исследования. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС уже много лет проводит мониторинг социально-экономического положения в стране. Основанный на выборке, реализованной посредством таргетированных информационных кампаний в социальных сетях, мониторинг позволил измерить мнения относительно ограниченной, но социально значимой аудитории [1, с. 189]. В 2020 г. запланировано и проведено семь онлайн-опросов и четыре телефонных, сформированных на общенациональной выборке. Мы рассматриваем вторую волну онлайн-мониторинга, которая проводилась с 14 по 17 апреля 2020 г. в социальных сетях Facebook и Instagram. Объём неслучайной, потоковой выборки составили 5 011 чел.

Выборка значительно смещена от общероссийского распределения по полу и

уровню образования – доля женщин составляет 73 %, доля лиц с высшим и незаконченным высшим образованием – 70 %. Незначительные смещения наблюдаются по возрасту (доля респондентов от 18 до 34 лет составляет 22 %, от 35 до 54 лет – 45 %, старше 55 лет – 33 %); размеру домохозяйства (проживают одни 16 %, вдвоём – 31 %, троём – 26 %, четвером – 16 %, пять и более – 10 %) и занятости (53 % работают). Другими словами, выборка представляет социально активное население, включённое в медиапоступку, текущее обсуждение слухов и официальной информации.

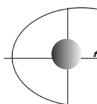
Результаты исследования и их обсуждение. К концу апреля тема коронавируса заняла доминирующее место как в публичных, так и в кулуарных обсуждениях. Однако именно с этого момента началось снижение интереса к публикациям в СМИ, освещающим тему заболеваемости: 68 % читали или слышали их каждый день в конце апреля по сравнению с 79 % в марте. Наблюдались постепенное привыкание к новостной повестке, переход в фоновый режим восприятия разговоров о пандемии [Там же, с. 195]. Низкий уровень доверия населения ко всем без исключения институтам власти – в целом характерная черта российского общества, о чём не перестают писать социологи [6–8]. В первую волну опроса 32 % респондентов выражали недоверие к любым источникам о коронавирусе, демонстрировали неудовлетворённость достоверностью любой информации о COVID-19, публикуемой в медиа. Многие вообще не могли найти точного ответа: доля затруднившихся стала максимальной и доходила до трети опрошенных [1, с. 190].

По данным «Левада-центра», в полной или значительной мере доверяют информации официальных СМИ о коронавирусе 38 % граждан; в нашем опросе информационно активной аудитории второй волны полное и значительное доверие снижается до 28 %, или на 10 процентных пунктов (п. п.). Причём более всего снижается доля в группе, доверяющей в полной мере (табл. 1).

Таблица 1

Уровень доверия к средствам массовой информации, % по столбцу

Доверяете ли вы официальной информации о ситуации с коронавирусом в России, которая распространяется в СМИ?	Онлайн-мониторинг	«Левада-центр» ¹	Различие, п. п. ²
В полной мере	7	16	-9
В значительной мере	21	22	-1

Окончание табл. 1

Доверяете ли вы официальной информации о ситуации с коронавирусом в России, которая распространяется в СМИ?	Онлайн-мониторинг	«Левада-центр» ¹	Различие, п. п. ²
Доверяю лишь отчасти	43	35	8
Совершенно не доверяю	26	24	2
Затрудняюсь ответить	3	3	0

¹Опрос «Левада-центра» проведён 19–25 марта 2020 г. по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения объемом 1 624 чел. в возрасте от 18 лет и старше в 137 населённых пунктах, 50 субъектах РФ. Исследование проводится на дому у респондента методом личного интервью. Распределение ответов приводится в процентах от общего числа опрошенных. Источник: <https://www.levada.ru/2020/03/26/pandemiya-koronavirusa>.

²Разность между онлайн-мониторингом и личным опросом

Большинство населения доверяют официальным СМИ лишь отчасти. Среди пользователей социальных сетей доля таких граждан составляет 43 %, в то время как в целом по стране – 35 %. Доля совершенно не доверяющих различается меньше, всего на 2 п. п.: 26 % пользователей сетей и 24 % населения в целом.

Настороженность и избирательность, с которой респонденты относятся и подходят к открытым информационным источникам, находили выражение в многочисленных суждениях о недоверии «экспертным» оценкам, сомнениях в правильности принимаемых решений, необходимости привлечения профильных, в первую очередь медицинских специалистов к обсуждению социальных изменений в связи с пандемией, а также привлечения к ответственности тех, кто распространяет необоснованные сведения:

– Хотелось бы более точной информации СМИ (женщина, 46 лет, Волгоградская область);

– Оценивать степень угрозы и необходимость тех или иных мер следовало специалистам-эпидемиологам, а не менеджерам (женщина, 48 лет, Московская область);

– Ужесточить меры по ложным новостям и фейкам в соцсетях! (женщина, 61 год, Московская область);

– Категорически против запугивания людей. Люди общаются между собой и делятся информацией, умеющие анализировать, могут отличить правду от лжи (женщина, 57 лет, г. Москва).

Мы не можем однозначно утверждать о том, что отсутствие доверия приводит к росту слухов и сплетен, однако обнаруживается зависимость между включённостью в медиасреду, активным участием в распространении информации и падением уровня доверия к официальным СМИ. Возможны два варианта: 1) либо участие в дискуссиях, обсуждениях, активном потреблении информационных ресурсов приводит к падению доверия официальным источникам; 2) либо утрата доверия к официальным СМИ приводит к активному потреблению неофициальных источников и последующему распространению информации, не всегда соответствующей действительности.

В апреле 2020 г., когда проводился опрос, угроза здоровью из-за эпидемии коронавируса воспринималась в основном через средства массовой информации. В повседневной жизни подавляющего большинства россиян не было каких-либо проявлений заболевания. Люди не сталкивались с вирусом сами, но читали, слышали и смотрели о его разрушительных воздействиях. Отсюда сдержанность в оценках и различия в личных и общественных страхах. Во-первых, большая часть населения определяла угрозу умеренной и незначительной. Во-вторых, заметна существенная разница между страхом за личное здоровье и за здоровье других: значительной угрозу здоровью населения называют 47 % опрошенных, личному здоровью – лишь 23 % (табл. 2).

Таблица 2

Восприятие угрозы здоровью от распространения коронавируса, % по столбцу

В настоящее время угроза здоровью... от распространения коронавируса (в России) – значительная, умеренная, незначительная или нет никакой угрозы?	Населения	Вашему личному	Различие, п. п. ¹
Значительная	47	23	24
Умеренная	28	34	-6

Окончание табл.2

В настоящее время угроза здоровью... от распространения коронавируса (в России) – значительная, умеренная, незначительная или нет никакой угрозы?	Населения	Вашему личному	Различие, п. п. ¹
Незначительная	10	21	-11
Нет никакой угрозы	7	14	-7
Затрудняюсь ответить	7	8	-1

¹Разность между ответами об угрозе здоровью населения и личному здоровью

Высокие риски опасности и негативные последствия от коронавируса не подвергаются сомнениям, однако тенденция в различии оценок личного и общественного сохраняется и в восприятии экономи-

ческой угрозы. Уровень страха двукратно возрастает: уже 85 % опрошенных заявляют о наличии угрозы экономике страны и 56 % – личному материальному положению (табл. 3).

Таблица 3

Восприятие экономической угрозы от распространения коронавируса, % по столбцу

В настоящее время угроза... от распространения коронавируса (в России) – значительная, умеренная, незначительная или нет никакой угрозы?	Экономике России	Вашему материальному положению	Различие, п. п. ¹
Значительная	85	56	29
Умеренная	9	27	-18
Незначительная	1	8	-7
Нет никакой угрозы	2	6	-4
Затрудняюсь ответить	3	3	0

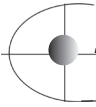
¹Разность между ответами об угрозе экономике страны и личному материальному положению

К. Дементьева обнаружила снижение лексики вражды в публикациях журналистов, интерпретируя это как более ответственное отношение к источникам информации. Но возможна и альтернативная интерпретация отсутствия лексических конструкций, разделяющих мир на своих и чужих, приписывающих чужим образ врагов. Пандемия коронавируса носит глобальный характер и затрагивает весь мир, всё общество. Респонденты в большей мере видят угрозу для всей страны, нежели для себя и своей семьи. Такое общественное мнение блокирует какие-либо попытки разделения на своих и чужих, появления иной, отличительной от других самоидентификации. Речь может идти не об ответственном отношении к информации, а об изменении характера информации, в которой уже не предусмотрены и невозможны частные признаки сегрегации, исключительности или особенности какой-либо группы.

К. Дементьева подчёркивает формирование нового языка описания, отражающего и формирующего восприятие новой коронавирусной реальности. Журналисты выступают в данном случае евангелистами

новой обыденности, подталкивая к активному употреблению неологизмов: «ковидиот» (ковид+идиот); «карантини» (карантин+мартини); «карантикулы» (карантин+каникулы); «карантье» (карантин+рантье – обладатели домашних собак); «ковидарность» (ковид+солидарность); «корониал» (коронавирус+миллениал); «зумиться» (от названия программы Zoom); «инфодемия» (информация+эпидемия); «карантинки» (карантин+картинки); «маскобесие» (маска+мракобесие) и др. [5, с. 169]. Эта обыденность пока остаётся лишь в медиасфере. В обыденной речи, опросах общественного мнения люди обходятся без употребления этих слов, рассказывая о своём восприятии коронавирусной инфекции, переживании происходящего. На открытый вопрос об угрозах в ходе второй волны опроса, выполненного в апреле 2020 г., не прозвучало ни одного неологизма нового коронавирусного времени:

– Если ситуация с вирусом действительно серьёзная, то необходимо вводить официальный режим ЧС со всеми необходимыми выплатами населению, предпринятиям, бизнесу (женщина, 30 лет, Ставропольский край);

– Введение форс-мажора для недопущения полного развала экономики (мужчина, 61 год, г. Москва);

– Был задан вопрос, как влияет на экономику страны коронавирус. Я ответила – никак. На экономику влияют меры, вызванные эпидемией (женщина, 61 год, г. Санкт-Петербург);

– Проблемы в экономике есть и будут не из-за вируса, а из-за неэффективного управления. Вирус – это ширма для несостоятельных руководителей (мужчина, 35 лет, Москва);

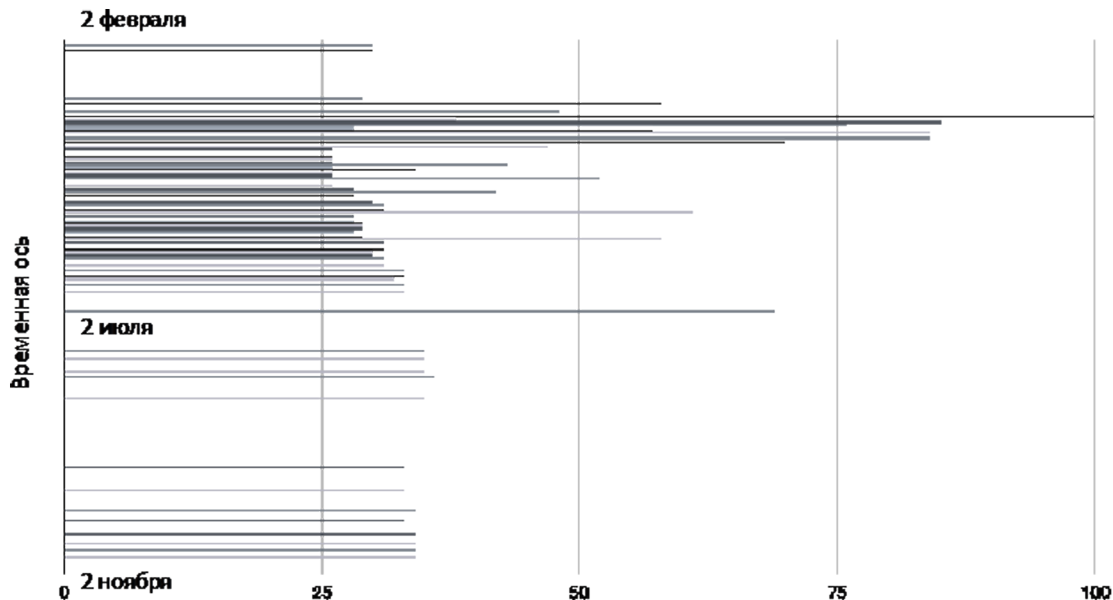
– Стоит ли ради победы над не самой смертельной болезнью разрушать экономику страны? (женщина, 68 лет, Владимирская область);

– Верните обычную жизнь. То, что творится сейчас, убьёт людей больше, чем вирус!!! (мужчина, 54 года, г. Санкт-Петербург).

Вместе с тем именно на конец марта и апрель приходится максимальный интерес к неологизмам, отражённый в поисковых запросах. В конце октября и начале ноября, когда наблюдается большой по сравнению с весной всплеск диагностики коронавируса и медиаповестка насыщена

информацией об эпидемии, уровень поисковых запросов на неологизмы составляет примерно треть от максимальных значений, фиксируемых в начале эпидемии, что отражено на рисунке (данные поисковых запросов, зафиксированные в Google Trends. Аналитика сформирована 15 ноября 2020 г.).

Нельзя сказать, что новые понятия, определяющие коронавирусную реальность, вошли в повседневную речь. Описывая ситуацию, жалуясь, негодуя, передавая новости, люди используют привычную лексику, избегая неологизмов. Всплеск интереса отражает периоды, когда ухудшается эпидемиологическая ситуация [9], и журналисты чаще начинают использовать в своих материалах новообразованные слова. Пока речь может идти лишь о словотворчестве, дополнительных усилиях по эстетическому обогащению речи, нежели о формировании новой языковой обыденности. Есть большая вероятность того, что неологизмы останутся локальными словоформами, отражающими конкретный промежуток времени конкретного локального сообщества, особенностью речи отдельных, наиболее чувствительных и поэтически настроенных носителей русского языка.

Пять наиболее часто используемых в России неологизмов из списка К. Дементьевой («ковидиот», «карантини», «карантикулы», «инфодемия», «карантинки»), %

Five most frequently used in Russia neologisms from the list of K. Dementieva («covidiot», «quarintini», «quarantine holidays», «infodemic», «quarantines»), %

Медиаповестка в связи с эпидемией коронавируса, несомненно, изменилась, но это изменение носит не тотальный и не этический характер, не привело к росту ответственности, солидарности, мобилизации общественного интереса, скорее, опосредовано текущими травмирующими событиями, которые отражали средства массовой информации. Отсюда можно предположить «событийность происходящего» [10, с. 17], временную и пространственную локальность текущего коронавирусного дискурса и последующую трансформацию его основных маркеров.

Анализируя схожий по структуре материал восприятия медийного контекста через комментирование публикаций, Надежда Шпильная приходит к выводу о преувеличенной роли медиатекстов в формировании картины мира носителя языка [11, с. 26]. Автор рассматривает более локальное, но весьма резонансное событие крушения украинского пассажирского самолёта в Тегеране. Журналистами событие подавалось через последовательное опредмечивание события, оформление пропозиционального фрейма, состоящего из слотов (по Шпильной): 1) причина крушения; 2) траур в Украине как результат события; 3) отказ Ирана передавать чёрные ящики; 4) рекомендация Росавиации не летать над Ираном и Ираком; 5) признание Ираном своей вины в крушении. При этом восприятие медиатекста, проявленное в интернет-комментариях, скорее, характеризовало актуализацию актантов (следствие, результат, каузатор, объект, цель), нежели усвоение предложенного фрейма. Носители языка интерпретировали «политическое медиасобытие», выходя за пределы его текстовой версии [Там же, с. 25; 12], инкорпорировали прочитанное в текущий обыденный контекст.

Сформулированные К. Дементьевой представления о сокращении лексики вражды могут указывать на особенности анализируемых медиа, поскольку, как правило, исследователи фиксируют обратную ситуацию: рост ксенофобии, неприятия и нетерпимости [2]. Весной во многих городах России был введён режим изоляции, закрыты публичные места, приостановлена работа тысяч организаций, фактически, реализован локдаун, что формировало критическое отношение в обществе и ещё более усугубляло риски формирования негативного ме-

диадискурса [13]. Столь травмирующая социальная среда обычно способна привести к образованию дискурса вражды, нежели его существенному сокращению.

Так, описывая медиаситуацию весны 2020 г. во Вьетнаме, Хоа и Ан Нгуыены также отмечают наличие высокого уровня недоверия к власти и высокий уровень распространения слухов и домыслов по социальным сетям [14, с. 445]. В отличие от наблюдения российской ситуации, исследователи отмечают высочайший уровень агрессии и неприятия в сообщениях, связывая происходящее, прежде всего, с низким уровнем информирования общества по официальным каналам. Возможно, причина большей склонности делиться слухами и домыслами кроется не в недоверии к власти, а в отсутствии своевременной и адекватной информации, публикуемой в официальных источниках. В отличие от вьетнамской ситуации, российские органы власти всех уровней практически сразу включились в формирование информационной повестки, что могло повлиять на снижение агрессии, враждебности и недоверия в медиaprостранстве.

Указывая на небывалый рост присутствия жителей Индии в социальных медиа в период локдауна, Нитика Шарма акцентирует внимание на другом факторе – снижении мобильности и возможности личного общения, смешной и безальтернативной необходимости осваивать электронные ресурсы [по: 15, с. 172]. Альтернатива одна – одиночество, изолированность и резкое падение уровня субъективного благополучия. Социальные медиа – более доступны для восприятия и понимания, нежели официальные источники. Речь идёт не об отсутствии доверия или страха перед неопределённым будущим, а о доступности и понятности медиасообщений, производимых людьми из однородной, понятной социальной среды.

Представленные результаты социального исследования РАНХиГС и наблюдения других авторов призваны уточнить и обогатить выбранный К. Дементьевой метод контент-анализа альтернативным подходом, основанным на опросах общественного мнения. Подобная комбинированная, междисциплинарная постановка исследовательских вопросов несёт в себе угрозы смешения аргументов, но позволяет расширить перспективы применения анализа для широких

заинтересованных групп и скорректировать выводы, подчас являющиеся поспешными и не вполне аргументированными.

Заключение. Приведённая в данной статье аргументация не позволяет подтвердить или опровергнуть перечисленные ранее гипотезы. Однако уже в настоящее время достаточно информации для уточнения гипотетических утверждений и конструирования опросного инструмента, отвечающего задачам фальсификации (по Попперу) собранного ранее эмпирического и теоретического материала.

Во-первых, гипотеза о зависимости распространения непроверенной информации от недоверия к официальным источникам может быть проверена через формирование серии независимых переменных, отражающих включённость аудитории в распространение слухов, сплетен и пересудов. Насколько снижение доверия к официальным источникам информации приводит к большему включению в неформальные, сетевые отношения и расширению корреспондентов для получения и передачи информации, можно проверить через включение в анализ социально-психологических характеристик респондентов, позволяющих нивелировать

факторы личных пристрастий и психологических особенностей.

Во-вторых, гипотеза о трансформации журналистского сообщества в сторону более этического поведения требует дополнительной аргументации и накопления материала за продолжительный период времени, что позволит выделить влияние текущих, контекстуальных особенностей медиасреды, обозначить динамику изменения стилистических и семантических особенностей публикаций.

В-третьих, гипотеза о формировании нового набора понятий и обогащении языка неологизмами требует проведения контент- и дискурс-анализа в различных средах, расширенного анализа контекста употребления неологизмов и речевых особенностей, субъективных факторов и социальных ролей участников коммуникации.

Эпидемия коронавируса переопределила жизнь всего человечества, в том числе трансформировала исследовательскую повестку, в которой работы К. Дементьевой и других авторов формируют хороший фундамент для продолжения поиска и формирования новых гипотез, опровергающих исследовательские и обыденные предрассудки.

Список литературы

1. Авксентьев Н. А., Агранович М. Л., Акиндинова Н. В. и др. Общество и пандемия: опыт и уроки борьбы с COVID-19 в России / под ред. В. А. Мау, Г. И. Идрисова, Я. И. Кузьминова, А. Д. Радыгина, В. А. Садовничий, С. Г. Синельникова-Мурылева. М., 2020. 744 с.
2. Klingberg T. More than viral: Outsiders, others, and the illusions of covid-19 // *Eurasian Geography and Economics*. 2020. Vol. 61. Pp. 362–373. DOI: 10.1080/15387216.2020.1799833.
3. Paul E., Brown G. W., Ridde V. COVID-19: Time for paradigm shift in the nexus between local, national and global health // *BMJ Global Health*. 2020. Vol. 5. Art. e002622. DOI: 10.1136/bmjgh-2020-002622.
4. WHO. Weekly operational update on COVID-19. Текст: электронный // World Health Organization; Health emergencies programme. 2020. 13 November. URL: file:///Users/nizgoraev/Downloads/wou-13-november-cleared.pdf (дата обращения: 15.04.2021).
5. Дементьева К. В. Медиакоммуникация региона в условиях распространения коронавируса: особенности медиаповестки и вовлечённости аудитории // *Гуманитарный вестник*. 2020. Т. 15, № 5. С. 166–175.
6. Гудков Л. Доверие в России: смысл, функции, структура // *Новое литературное обозрение*. 2012. № 117. С. 249–280.
7. Козырева П. М. Доверие и его ресурсы в современной России. М.: Ин-т социологии РАН, 2011. 172 с.
8. Терин Д. Ф. Конструкция политического доверия в России: эффективность и справедливость политических институтов // *Социологический журнал*. 2018. Т. 24, № 2. С. 90–109.
9. Grishina A. V., Abakumova I. V. Informational behavior in the covid-19 pandemic: psychological predictors // *International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education*. 2020. Vol. 8, no. 5. Pp. 59–67.
10. Рогозина И. В. Репрезентация категории событийности в англоязычном новостном блоге // *Филология и человек*. 2015. № 3. С. 17–28.
11. Шпильная Н. Н. Модели интерпретации политического медиасобытия в профессиональном и обыденном медиадискурсе // *Политическая лингвистика*. 2020. № 5. С. 22–28.
12. Карасик В. И. Эпидемия в зеркале медийного дискурса: факты, оценки, позиции // *Политическая лингвистика*. 2020. № 2. С. 25–34.

13. Ren X. Pandemic and lockdown: A territorial approach to covid-19 in China, Italy and the United States // Eurasian Geography and Economics. 2020. Vol. 61. Pp. 1–12. DOI: 10.1080/15387216.2020.1762103.

14. Nguyen H., Nguen A. Covid-19 misinformation and the social (media) amplification of risk: A Vietnamese perspective // Media and Communication. 2020. Vol. 8, No. 2. Pp. 444–447.

15. Ghosh R. Psychological impact of social media during COVID-19 pandemic lockdown // International Journal of Multidisciplinary Educational Research. 2020. Vol. 9, No. 5. Pp. 171–178.

Статья поступила в редакцию 20.05.2021; принята к публикации 22.06.2021

Сведения об авторах

Рогозин Дмитрий Михайлович, кандидат социологических наук, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС; 119034, Россия, г. Москва, Пречистенская наб., 11, стр. 1; e-mail: rogozin@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>.

Вьюговская Елена Васильевна, научный сотрудник, Центр полевых исследований, Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС; 119034, Россия, г. Москва, Пречистенская наб., 11, стр. 1; e-mail: vyugovskaya-ev@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3488-6025>.

Вклад авторов:

Д. М. Рогозин – основной автор, систематизировал материал, формулировал выводы.

Е. В. Вьюговская проводила исследование, оформляла статью.

Для цитирования:

Рогозин Д. М., Вьюговская Е. В. Три гипотезы о медиасреде в условиях распространения коронавируса // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 169–178. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-169-178.

References

1. Avksentyev, N. A., Agranovich, M. L., Akindinova, N. V. et al. Society and pandemic: experience and lessons in combating COVID-19 in Russia. Ed. by V. A. Mau, G. I. Idrisov, Ya. I. Kuz'minov, A. D. Radygin, V. A. Sadovnichiy, S. G. Sinel'nikov-Murylev. M: 2020. (In Rus.)

2. Klingberg, T. More than viral: Outsiders, others, and the illusions of Covid-19. Eurasian Geography and Economics, vol. 61, pp. 362–373, 2020. DOI: 10.1080/15387216.2020.1799833. (In Engl.)

3. Paul, E., Brown, G. W., Ridde, V. COVID-19: Time for paradigm shift in the nexus between local, national and global health // BMJ Global Health, vol. 5, 2020. Art. e002622. DOI:10.1136/bmjgh-2020-002622. (In Engl.)

4. WHO. Weekly operational update on COVID-19 / World Health Organization; Health emergencies programme. 2020. 13 November. Web. 15.04.2021. <https://www.who.int/publications/m/item/weekly-operational-update-on-covid-19-13-november-2020>. (In Engl.)

5. Dementyeva, K. V. Media communication in the region amid the spread of coronavirus: special aspects of the media agenda and audience engagement. Humanitarian Bulletin, no. 5, pp. 166–175, 2020. (In Rus.)

6. Gudkov, L. Trust in Russia: meaning, functions, structure. New Literary Review, no. 117, pp. 249–280, 2012. (In Rus.)

7. Kozyreva, P. M. Trust and its resources in modern Russia. M: In-t sociologii RAN, 2011. (In Rus.)

8. Terin, D. F. The Construction of political trust in Russia: efficiency and fairness of political institutions. Sociological journal, no. 2, pp. 90–109, 2018. (In Rus.)

9. Grishina, A. V., Abakumova, I. V. Informational behavior in the covid-19 pandemic: psychological predictors. International Journal of Cognitive Research in Science, Engineering and Education, no. 5, pp. 59–67, 2020. (In Engl.)

10. Rogozina, I. V. Representation of the category of eventfulness in an English-language news blog. Philology and human, no. 3, pp. 17–28, 2015. (In Rus.)

11. Shpilnaya, N. N. Models of interpretation of political media events in professional and everyday media discourse. Political linguistics, no. 5, pp. 22–28, 2020. (In Rus.)

12. Karasik, V. I. Epidemic in the mirror of media discourse: facts, assessments, positions. Political linguistics, no. 5, pp. 25–34, 2020. (In Rus.)

13. Ren, X. Pandemic and lockdown: A territorial approach to covid-19 in China, Italy and the United States. Eurasian Geography and Economics, vol. 61, pp. 1–12, 2020. DOI: 10.1080/15387216.2020.1762103. (In Engl.)

14. Nguyen, H., Nguen, A. Covid-19 misinformation and the social (media) amplification of risk: A Vietnamese perspective. Media and Communication, no. 2, pp. 444–447, 2020. (In Engl.)

15. Ghosh, R. Psychological impact of social media during covid-19 pandemic lockdown. International Journal of Multidisciplinary Educational Research, no. 5, pp. 171–178, 2020. (In Engl.)

Received: May 20, 2021; accepted for publication June 22, 2021

Information about authors

Rogozin Dmitry M., Candidate of Sociology, Field Research Center, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration (RANEPA); 1 bld. 11, Prechistenskaya emb., Moscow, 119034, Russia; e-mail: rogozin@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0001-7879-1111>.

Vyugovskaya Elena V., Researcher, Field Research Center, Institute of Social Analysis and Forecasting, Russian Presidential Academy for National Economy and Public Administration (RANEPA); 1 bld. 11, Prechistenskaya emb., Moscow, 119034, Russia; e-mail: vyugovskaya-ev@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0003-3488-6025>.

Contribution of authors:

D. M. Rogozin – the main author, definition of goals and objectives of the study, description of the methodology, formulation of conclusions.

E. V. Vyugovskaya research, article design.

For citation:

Rogozin D. M., Vyugovskaya E. V. Three Hypotheses about the Media Content Amidst the Coronavirus Infection // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. Pp. 169–178. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-169-178.

РЕЦЕНЗИИ

REVIEWS

УДК 791.43-2

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-179-188

Евгений Олегович Третьяков,
Томский государственный университет
(г. Томск, Россия),
e-mail: shvarcengopf@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9874-972X>

«Время варваров»: феномен варварства в фильме Алексея Балабанова «Брат 2»

В статье предлагается взгляд на программную кинокартину Алексея Балабанова «Брат 2» (2000), в соответствии с которым герой предстаёт воплощением концепции «нового варварства». Методология исследования включает структурно-семиотический, мифопоэтический и мотивный аспекты анализа художественного текста, явленного в кинематографическом воплощении. В образе Данилы Багрова обнаруживаются политические и этические смыслы, тогда как проведённое исследование со всей очевидностью репрезентирует в нём черты варвара. Подобно создателю Конана-варвара Роберту Говарду, Алексей Балабанов констатирует, что именно варвар есть герой современной эпохи, и в мир, «сдвинувшийся с места», он привносит несгибаемую волю и собственные жёсткие нравственные ориентиры. Но если в первом «Брате» варварство выглядит выигрышно, сочетая силу и этику – пусть прозрения и не происходит, и варвар отправляется завоевывать новые земли, – то во втором фильме диптиха герой идёт путём насилия привычно, с цинизмом. Формально он побеждает, но экзистенциально терпит крах. И потому могучая сила «нового варвара» проявляется локально, мелко, реализуясь в частных столкновениях. Нет достойного испытания для богатырства Багрова, ибо мир не соответствует его масштабу, и потому герою неспокойно – витальность, поистине варварская полнота жизненных сил, не защищает от экзистенциального страха. Несоответствие установок героя-варвара и позиции автора-интеллекта демаскирует отчуждение последнего от принципов и прописных истин персонажа и осложняет фильм драматическими коннотациями.

Ключевые слова: Алексей Балабанов, «Брат 2», феномен варварства, экзистенциализм, пост- и деколониальная мысль

Evgeniy O. Tretyakov,
Tomsk State University
(Tomsk, Russia),
e-mail: shvarcengopf@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0001-9874-972X>

“Time of the Barbarians”: The Phenomenon of Barbarism in the Film *Brother 2* by Aleksey Balabanov

This article presents a look at Aleksey Balabanov's program film *Brother 2* (2000). The hero is the embodiment of the concept of “new barbarism”. The research methodology includes structural-semiotic, mythopoetic and motivational aspects of the analysis of the work of cinematography. Political and ethical meanings were revealed in the image of Danila Bagrov, but the research carried out clearly shows the features of a barbarian in him. Like the creator of Conan the Barbarian Robert Howard, Aleksey Balabanov states that it is the barbarian who is the hero of the current era. In a world that has “moved from its place”, this “new barbarian” brings unbending will and his own rigid moral guidelines. But if in the first film *Brother* barbarism looks advantageous, combining strength and ethics – even if insight does not occur, and the barbarian goes to conquer new lands,

© Третьяков Е. О., 2021

then in the second film of the diptych the hero goes through violence as usual, with cynicism. Formally, he wins, but existentially he fails. Therefore, the mighty force of the “new barbarian” manifests itself locally, in small ways and is realized in private confrontations. There is no worthy test for Bagrov’s heroism, because the world does not correspond to its scale, and therefore the hero is restless – the truly barbaric fullness of vitality does not protect against existential fear. The discrepancy between the attitudes of the barbarian hero and the position of the intellectual director unmasks the author’s alienation from the principles and common truths of the character and complicates the film with dramatic connotations.

Keywords: Aleksey Balabanov, *Brother 2*, phenomenon of barbarism, existentialism, post- and-decolonial thought

Введение. Йохан Хейзинга в 1935 г. отмечал: «Бастионы технического совершенства, экономической и политической эффективности ни в коей мере не ограждают нашу культуру от сползания в варварство. Варварство тоже может пользоваться всеми этими средствами. Оснащённое с таким совершенством, варварство станет только сильнее и деспотичнее» [1, с. 352]; эти слова кажутся пророческими, поскольку «современное варварство – это не низкий экономический уровень цивилизации, а антигуманное, обезличенное состояние последней» [2]. Однако понятие «варварство» отнюдь не ограничивается этим социологическим определением – вспомним феномен идеализации северных народов в древнегреческой традиции, когда стали очевидны известные негативные последствия вступления античной культуры на тропу цивилизации, вспомним расхожий образ «благородного варвара», вспомним, наконец, доктрину евразийцев, объявлявших залогом нового Возрождения русской культуры «вторичное варварство», – всё это служит подтверждением великой жизненности варварства, рельефности и энергичности, вечности этого феномена. Потому искусство породило множество художественных воплощений варварства – от блоковских «Скифов» до Конана-киммерийца, созданного Робертом И. Говардом. Одним из подобных произведений видится и кинолента Алексея Балабанова «Брат 2», ставшая объектом данного исследования, тогда как реализация в фильме феномена варварства выступает предметом.

Цель статьи – доказательство субстанциональной роли феномена варварства в художественном мире фильма А. Балабанова «Брат 2», являющемся сублимацией мировоззренческих и творческих установок сценариста и режиссёра.

В соответствии с этим определяются следующие задачи:

1. Кратко обозначить связь феномена варварства как «идеи времени» 1990-х гг. с

общей историко-культурной ситуацией, сложившейся в России на рубеже XX–XXI столетий.

2. Рассмотреть поэтику фильма А. Балабанова «Брат 2» в аспекте бытования в нём феномена варварства как исключительно значимой категории мировоззрения и эстетики автора.

3. Проанализировать роль указанного феномена в содержании и форме балабановского фильма как художественного текста, отражающего общую специфику мировосприятия художника.

4. Сделать вывод о парадигме варварства как сущностной основе фильма «Брат 2», крайне репрезентативного для творимого А. Балабановым авторского мифа о национальной жизни России последнего десятилетия XX в., и месте в ней человека.

Методология и методы исследования. Методология исследования, выполненного на пересечении филологической и культурологической парадигм научной мысли, сочетает семиотический (фильм понимается как кинематографический текст, т. е. воспринимается в качестве знаковой системы, и потому выявляются связи между составляющими таковой (например, образ главного героя или пространственная организация «Брата 2») и их референтами), мотивный (ввиду того, что очевидным образом имеет место обращение к анализу мотивной структуры текста) и мифопоэтический (ориентированный на реконструкцию авторской мифологии – созданного в художественном мире балабановского фильма представления о русском национальном бытии рубежа XX–XXI вв. как актуализации модели варварства) аспекты анализа художественного текста, явленного в кинематографическом воплощении.

Результаты исследования и их об-суждение. «Брат 2» вышел в российский прокат 11 мая 2000 г., явившись реквиемом по переломному десятилетию 1990-х гг., актуализировав ещё одно понимание «вар-

варства» как «особ[ой] форм[ы] ликвидации ценностей всего общества, возникающ[ей] вследствие основополагающего дезавуирования всех этих ценностей из-за радикального и быстрого социального изменения» [3, с. 130; цит. по: 4, с. 99–100]. Это как нельзя более полно отражает контекст «лихих 90-х». «Брат 2» отразил связь искусства с изменившейся социальной действительностью, поскольку не только вечные проблемы, но и дилеммы современности получают глубокое и всестороннее осмысление в кинематографе. И одна из таковых заключается в том, что, по словам Константина Кострикова, «варваризация – это одна из тенденций (при определённых социополитических условиях) развития массовой художественной культуры информационного общества». Полагаем, именно феномен варварства, репрезентирующийся в «Брате 2», во многом обуславливает неоднозначность реакции публики и критики на кинокартину. Вторым следствием стало то, что «Брат 2» до сих пор остаётся terra incognita относительно как проблематики и поэтики, так и позиции автора. Так, Юрий Гладильщиков, верно, как представляется, отозвавшийся о «Брате»¹, довольно близоруко сводит «Брата 2» – «концептуальный фильм интеллигента» – к лубочному его истолкованию². На мрачную постгероину второй части дилогии, иронично оттенённую её очевидно умышленной тривиальностью эстетики и характерную для мизантропа А. Балабанова, рецензент внимания не обращает; мы же, в свою очередь, именно ею аргументируем высказанную сентенцию взглядом на «Брат 2» с позиции репрезентации в нём феномена варварства, могущего стать своеобразным «ключом» к балабановской картине мира.

Так, об эпической «подсветке» образа Данилы Багрова, которая определяется

¹ «"Брат" нечаянно стал знаменем для не слишком развитых слоёв, усмотревших в нём прямой призыв к ненависти <...> Между тем это концептуальный фильм интеллигента о новом для России и нередко для мира потерянном поколении. Данила Багров <...> не только солдат-супермен, но и отчаянно запутавшийся в непонятной новой жизни русский мальчик». См.: Гладильщиков Ю. В. Самый трагический из русских киногениев: портрет Алексея Балабанова. – Текст: электронный // Искусство кино. – URL: <https://kinoart.ru/opinions/samyu-tragicheskiy-iz-russkih-kinogeniev-portret-alekseya-balabanova> (дата обращения: 28.03.2021).

² «Увы, в "Брате 2" <...> режиссёр Балабанов и его продюсер Сельянов <...> сделали не трагический фильм о поколении, каким был первый "Брат", а конъюнктурную фигову о том, как наш брат мечтает ненавистных ура-патриотам долбаных америкосов» [Там же].

прозрачными аллюзиями на русские былины (к чему примыкает персонаж Виктора с «говорящей» в данном контексте бандитской кличкой Татарин, вскрывающей противоречивость образов обоих братьев), писали многие – от статусного либерала Дмитрия Быкова («Данила Багров заморозил его [Балабанова] – обаянием пустоты, силы и звериной, животной имморальности – до-моральности, сказал бы я»³) до Елены Стишовой (в чьём прочтении Данила Багров – «фольклорный герой эпохи "лихих 90-х"», ибо, «как ни крути, но идеология есть в этом вроде бы безбашенном приключении с безбашенным вроде бы героем. На пике всенародного отчаяния и бессилия по всем законам должен был появиться фольклорный герой, который, пусть символически, станет защитником и заступником»⁴).

Проблема обеих точек зрения видится в том, что они прокламируют этическую модальность высказывания по отношению к актору балабановского фильма. Нам же представляется, что, начиная с «Брата», А. Балабанов (осознанно или же бессознательно) выстраивает своё творчество как реализацию подспудного глубокого интереса к феномену «нового варварства», увиденного не с академической [5], но с художественной точки зрения и осложняющего дополнительными коннотациями его оригинальные (пост)колониальные воззрения, следуя, не зная того, тезису создателя знаменитого Кона-варвара Роберта Говарда: «Моё изучение истории – это постоянный поиск новых варваров, от эпохи к эпохе»⁵. Подтверждением этого служит и режиссёрский почерк А. Балабанова – в «Брате» и впоследствии «Брате 2» энергичное действие происходит с жёсткой прямоотой, свирепой, лютой бескомпромиссностью (особенно во втором); тем самым автор дерзает восстановить точки схождения кино и жизни, во имя достижения этой цели допуская стереотипность в стремлении к эффективности и используя чёткий и простой язык с минимумом описаний, но не чуждый метафоричности. В этом

³ Быков Д. Л. Где брат твой? // Огонёк. – 2000. – № 18. – С. 14.

⁴ Стишова Е. М. Апология «Брата»: Данила Багров как фольклорный герой. – Текст: электронный // Искусство кино. – URL: <https://kinoart.ru/opinions/apologiya-brata-danila-bagrov-kak-folklornyu-geroyu> (дата обращения: 01.04.2021).

⁵ Луине П. Вступление // Конан. Рождённый в битве / Р. И. Говард. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – С. 18.

смысле обнаружение параллелей между перекликающимися концептами столь отдалённых художественных практик, как балабановская и говардовская, выявляет известные сходства в утверждении обоими того, что «цивилизованный человек воспитан куда хуже дикаря, которому невдомёк, как это можно не поплатиться за бестактность расколотым черепом»¹; соответственно, фабулы из цикла произведений Р. Говарда и дилогии фильмов А. Балабанова доводят эту одновременно и сардоническую, и мрачную максиму до логического заключения, и в первом случае победу одерживает Конан как единственный ведомый первобытными инстинктами, во втором же формально побеждает Данила Багров, явно принадлежащий варварству, пусть и в современном его изводе, в значительно большей степени, нежели цивилизации.

Как писатель, так и режиссёр не идеализируют варварство и не превозносят его, но лишь констатируют то, что в отношении «Брата 2» страшит Быкова: «Любуюсь своим Данилой, А. Балабанов в одном из интервью назвал его героем дня: неважно, положительным или отрицательным, но – героем. Человека с дочеловеческими, пещерными представлениями о своём и чужом (“Брат он мне” – “Не брат ты мне”) он представил себе тем самым новым типажом, о котором грезил на своём исходе и девятнадцатый век: мы – хилые, кислые, слабые, измученные рефлексией. Но вот идёт грядущий гунн, и будет он нас посильней»². То, что фильмы А. Балабанова – пронзительно интимные, болезненно личные, сомнений не вызывает; сомнительно то, что альтер эго автора – это герой, который «в город, где постреливают», «привозит войну, где стреляют; это для него не драма, не повод для рефлексии – а естественное состояние» и который «целится в бизнесмена с той же готовностью, что и в рядового бандита, и в нерадивого мужа, с той же нерассуждающей готовностью он застрелил бы и случайного прохожего, окажись он на линии движения пули»³.

¹ Говард Р. И. Башня Слона // Конан. Рождённый в битве / Р. И. Говард. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – С. 110.

² Быков Д. Л. Где брат твой? // Огонёк. – 2000. – № 18. – С. 14.

³ Сапрыкин Ю. Г. Сказка о пустоте. 20 лет «Брату» // Коммерсантъ Weekend. – 2017. – № 20. – С. 24. К слову, далее Ю. Г. Сапрыкин постулирует мысль, прямо противоположную цитированной ранее сентенции Е. М. Стишовой относительно ценностных критериев

Об этих отношениях героя и автора как о чём-то само собой разумеющемся говорил Сергей Кудрявцев в микрорецензии, приуроченной к 10-летию картины «Брат»⁴; полемизируя с этим суждением, Юрий Сапрыкин указывает на то, что, «возможно, права Мария Кувшинова, автор образцовой балабановской биографии, разглядевшая альтер эго режиссёра в другом персонаже. Немец – один из тех слабых, потерянных, кого в случае чего готов защитить Данила. Немцу Данила интересен, он может разделить с ним место у костра, но он лучше понимает про силу и правду, он отказывается брать у Данилы деньги, он знает – что русскому хорошо, то немцу смерть. Он понимает, что жизнь сложнее, чем выученные в окопе этические “дважды два четыре”»⁵. При этом ни один из комментаторов «Брата» не делает предметом рефлексии фамилию Немца – Гофман, и эта номинация бомжа именем Эрнста Теодора Амадея Гофмана, изображавшего болезненное состояние человеческой души как выражение её раздвоенной природы и исключавшего возможность определяющей или окончательной трактовки своих произведений, экспонирует полисемантику балабановского фильма, отнюдь не сводимого к общеизвестным трюизмам.

Медленно и страшно разрушающийся пустой Петербург, куда прибывает из унылого, но человеческого Приозёрска Данила, символизирует собой судьбу любой метрополии, «неестественная» сущность которой должна уступить «естественным» силам. С присущим варвару умением адаптироваться, олицетворяющий это стихийное начало жизни Данила «не расспрашивал, ничему не удивлялся. В съёмном жилье, купив примитивные исходники, смастерил самопал, по наводке брата вышел на киллера, снайперским выстрелом уложил его. И растворился в пространстве большого города с наушниками и с диском “Наутилуса”»⁶.

Данилы Багрова: «Классовая вражда отсутствует в его простой ценностной сетке, где важно лишь разделение на своих и чужих, и за вычетом Татарина, который всегда свой, потому что брат, это разделение всегда устанавливается случайно, по ситуации».

⁴ Кудрявцев С. В. Брат. – Текст: электронный // 3500: книга кинокритиков: в 2 т. Т. 1. А–М / С. В. Кудрявцев. – М., 2008. – URL: <https://kinanet.livejournal.com/1227825.html?mode=reply> (дата обращения: 31.03.2021).

⁵ Сапрыкин Ю. Г. Сказка о пустоте. 20 лет «Брату» // Коммерсантъ Weekend. – 2017. – № 20. – С. 24.

⁶ Стишова Е. М. Апология «Брата»: Данила Багров как фольклорный герой. – Текст: электронный // Искус-

Не останавливаясь на сформированной в отечественной гуманитарной мысли богатейшей традиции осмысления Санкт-Петербурга как эксцентрического города, расположенного на границе культурного пространства, между землёй и водой, где очевидно актуализируется оппозиция «естественное – искусственное» [6], лишь воспроизведём формулировку Юрия Лотмана, согласно которой бывшая имперская столица – это «город, созданный вопреки Природе и находящийся в борьбе с нею, что дает двойную возможность интерпретации города: как победы разума над стихиями, с одной стороны, и как извращенности естественного порядка, с другой» [7, с. 30], и в соответствии с этим отметим, что балабановский Петербург – это Петербург Гоголя и Достоевского, в котором «креативные потенции бытия обретают черты эсхатологического сознания»¹ – именно здесь брат ради призрачного шанса сохранить жизнь предаёт брата. Ввиду этого уместным представляется вновь обратиться к аналогиям между образами Конана и Данилы Багрова и вспомнить, что «[в] своём содержащем немало плодотворных идей эссе "Роберт И. Говард: искушённый автор героической фэнтези" Джордж Найт предполагает, что <...> Конан <...> не испытывает почтения к правилам, навязанным властями или традицией, предпочитая жить по правилам, которые помогают ему "поддерживать порядок в мире, катящемся к безумию". <...> Конан, говорит Хоффман, знает, что жизнь лишена смысла <...> Но осознание полной бессмысленности каких-либо действий не приводит Конана в отчаяние: он "демонстрирует, как обладающий сильной волей человек может создавать цели, ценности и смысл жизни для самого себя"². То же можно сказать и о герое А. Балабанова, направляемом архаически незыблемой нравственной позицией и сдерживаемом собственным строгим моральным кодексом. Как бы ни позиционировал себя герой, автор придерживается точки зрения деколонизальной в тлостановском значении – как экзистенциального выбора субъекта, находящегося в позиции экстерности, т. е. трансцендентального момента «вещи в себе» [8].

ство кино. – URL: <https://kinoart.ru/opinions/apologiya-brata-danila-bagrov-kak-folklornyy-geroy> (дата обращения: 01.04.2021).

¹ Янушкевич А. С. История русской литературы первой трети XIX века. – М.: ФЛИНТА, 2013. – С. 626.

² Берк Р. Вступление // Конан. Кровавый венец / Р. И. Говард. – М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2010. – С. 15.

В связи с этим возникает дихотомия исследовательской оптики, в зависимости от выбора альтернативных составляющих которой фильмы А. Балабанова приобретают различные смысловые коннотации: так, если рассматривать образ Данилы Багрова в аспекте реализации темы «Варварство против цивилизации», то финальное кровопролитие, подводящее итог фабуле первого фильма, есть однозначное свидетельство гегемонии первого, позволяющего и торжествовать над врагом, и всё же оставаться человеком:

«– Прости меня, брат, не стреляй, пожалуйста! Не убивай меня. Не стреляй!

– Брат! Ты брат мой. Ты же вместо отца мне был! Я же «папа» тебя называл. – Данила обнял его, и Виктор заплакал. – Помнишь, на рыбалке я ногу проколол, и ты меня десять километров на руках нёс? Я помню, как я сам испугался, а ты смеялся. <...>

– Это он тебя сдал, – сказал бандит напоследок.

– Я знаю. – Данила отвернулся, и бандит исчез»³.

С другой стороны, герой, желающий, как мы узнаём во втором фильме, поступить в медицинский институт, без колебаний применяет полученный в армии навык убийства, при этом с циничной иронией рекомендуясь студентом медицинского института (227), а впоследствии – и вовсе доктором (231), т. е. метафорическая попытка постколониального «субалтерна» [9] заговорить терпит крах, и вместо выстраивания собственной траектории жизни он в контексте пресловутых девяностых – «как пуля, которая летит по прямой», безапелляционно следует путём насилия, что представляет собой «самое быстрое движение к цели, у которого срезаны все этические углы»⁴. Формальное торжество героя оборачивается его экзистенциальным поражением, демаскируя отчуждение автора от декларируемых персонажем принципов и прописных истин.

С истинно варварской логикой Данила говорит Немцу во время их последней встречи: «Вот ты говорил, город – сила. А здесь слабые все» – и, услышав в ответ: «Город – это злая сила. Сильный приезжает, стано-

³ «Груз 200» и другие киносценарии. – СПб.: Амфора, 2007. – С. 179. Далее тексты киносценариев А. О. Балабанова цитируются по этому изданию с указанием страницы в скобках.

⁴ Сапрыкин Ю. Г. Сказка о пустоте. 20 лет «Брату» // Коммерсантъ Weekend. – 2017. – № 20. – С. 24.

вится слабым. Город забирает силу. Вот и ты пропал», – снисходительно улыбается, что прописано в сценарии (181), но не отражено в фильме, где Данила недоумённо глядится в лицо философствующего бездомного и отворачивается с напряжённым выражением отчаянно желающего понять... Его мироздание рушится, сокрушённое предательством брата, самоубийственным отказом возлюбленной, сущностной пустотой всего им свершённого; но экзистенциально-прорыва к пониманию бессмысленности насилия как подчинения обстоятельствам, овнешнения под воздействием жестокости окружающей действительности не происходит. Это остаётся прерогативой автора, безрадостно наблюдающего в мучительно затянувшемся финале за тем, как варвар, отмыв от крови руки в Неве, отправляется на экстенсивное, имперского типа, завоевание новых земель:

«– А куда едешь-то?

– В Москву.

Машина пронеслась мимо» (182).

И в этом «мимо» – зазор между позициями героя и автора, отстраняющегося от изображаемого и занимающего безнадежно-трагическую позицию в противовес тщетной активности героя.

При этом возможно и иное толкование реализации антиномии «варварство – цивилизация», схожее с постулатами работ Нелли Мотрошиловой, согласно которым «и после возникновения цивилизации <...> варварство неизменно оставалось спутником, оборотной стороной цивилизации, означая её “саморазрушение”» [4, с. 78], что перекликается с идеями Клауса Оффе, в соответствии с которыми «понятие “варварство” означает “саморазрушение цивилизованности”, внезапное нарушение правил и принципов её функционирования» [10, с. 263]. Постулируемая исследователями коррелятивность концептов «варварство – цивилизация» не снимает их оппозиционность, но переводит её в качественно иную плоскость, утверждая, что историческое развитие «неминуемо порождало <...> новое, более рафинированное варварство» [11, с. 118; цит. по: 4, с. 78], и «рецидивы варварства, как полагают исследователи, не исключены и в будущем, если до сих пор сохраняющаяся, при всех изменениях, “программа модерна” не будет подвергнута человеческому коренному изменению» [4, с. 78]. И тогда

пиррова победа Данилы Багрова, т. е. торжество варварства, не тождественна поражению цивилизации, но есть актуализация тех скрытых потенциалов, что определяются предпосылкой «варвары – это отколовшаяся часть нашего коллективного Я», проблематизирующей детерминированность дефиниций обеих универсалий подобно тому, как взаимозависимы главные, в представлении Зигмунда Фрейда, движущие силы, источники мироотношения человека – Эрос и Танатос. Приведённое сопоставление видится весьма удачным, поскольку, как заявляет в главе «Дыхание варварства» книги «Между произволом и свободой» Владимир Кантор, латентное либо эксплицитное культивирование и проявление агрессии в актах насилия и жестокости представляет собой как один из основных атрибутов варварства, так и конститутивную черту человека вообще, ибо «агрессивность присуща человеческому роду как порождению природы» [12, с. 66].

А. Балабанов, подобно Н. Гоголю, не делает акцента на архитектурном величии Петербурга, но «стремится рассмотреть изнанку действительности» [13, с. 208]. Привлекает внимание то, что монументы, на которых надолго задерживается камера, всегда повернуты от героя (и зрителя) – от памятника Владимиру Ленину в Приозёрске до творения Фальконе на Сенатской площади; мысль об отчуждённости современного варвара от какой бы то ни было исторической эпохи, отсутствии у него исторической памяти, его внутренней пустоте, обуславливающей исключительно чувственное бытие, детерминированное внешними факторами, получает символично-аллегорическое воплощение – он словно «появляется из ниоткуда – влез на пригорок, отряхнулся, осмотрелся, спросил, что за песня, и понеслось»¹, как феномен русской действительности, олицетворение движения истории вспять.

Москва – столица современной Федерации – показана иначе, чем маревый Петербург – фантазмагорическая столица павшей Империи, более витальной (наплывом камеры демонстрировавшие озеро и пригорок сменились врывающимся уже в первый кадр героем; визуализация эфемерно-хрупких «Крыльев» «Наутилуса» уступила место лермонтовскому «Нет, я не Байрон, я другой...», что с трогательной серьёзностью «читал крепкий парень со стриженным за-

¹ Сапрыкин Ю. Г. Сказка о пустоте. 20 лет «Брату» // Коммерсантъ Weekend. – 2017. – № 20. – С. 24.

тылком, стоя у открытых дверей огромного чёрного "Хаммера"» (189); появились телецентр, в котором снимаются клип Ирины Салтыковой и программа «В мире людей» Ивана Демидова, банк под руководством антагониста фильма Валентина Белкина и т. д.), но улицы метрополии всё так же пусты, что видно во время автомобильной погони, а люди все так же «слабые все». Как и ранее, пролонгируется идея нежизнеспособности стагнирующей метрополии, и подобно тому, как «маршем проходит по питерским и нью-йоркским улицам Данила Багров», проходит он «прямой, весёлой и страшной»¹ дорогой через Москву; и «Третий Рим» пал от руки «грядущего гунна», как некогда Римская империя под натиском варварских орд.

Впоследствии схожая участь постигнет США, пространство которых сужается до русских кварталов Нью-Йорка и Чикаго, гротескное изображение которых вводит идею сущностного единства гаммад России и Америки при внешнем обилии демаркационных линий и, более того, нарочитом заострении внимания на таковых (выраженном, например, в простраивании окольной траектории попадания в Чикаго):

«Данила <...> гулял по Брайтону.

Здесь всё было по-русски, и ему нравилось. В музыкальном магазине он нашёл всё, что хотел, почитал вывески, купил конфеты "Каракумы" и "Белочка", снял деньги с Илюшиной карточки, поболтал с парнями в баре» (223–224).

Но американский город примечателен тем, что, в отличие от Петербурга и Москвы, в которых присутствует лишь социальная дикость (безусловно, наличествующая и здесь), в нём сохраняется и онтологическая, первобытная сила:

«— А мне кажется, сила в природном начале человека, — задумчиво сказала Даша. — Вот в них, — она кивнула на темноту, — есть что-то первобытное, что-то животное, то, что мы давно потеряли, и поэтому они сильнее» (243).

Правда, эпическая схватка между варварами завершается, фактически не успев начаться:

«Из темноты появились трое крепких чёрных парней с палками. <...> Данила сразу выстрелил.

Негр схватился за ногу и заорал. Остальные бросились бежать» (243).

Примитивная мощь мускулов и твёрдость палок не в состоянии конкурировать с варваром, вооружённым достижениями цивилизации, но не развёрнутым ею и не утратившим дикарского инстинкта, побуждающего наносить удар первым. Разумеется, этот провокационный эпизод может быть осмыслен и как метафора столкновения двух национальных культур (причём один из его участников — представитель «гибридной» идентичности, «распятый» между культурными метрополиями — России и США) с предсказуемым для сторонников националистического прочтения фильма итогом. Но и Москва, и гангстерский Чикаго признают право силы и склоняются перед Данилой Багровым как её обладателем.

Впрочем, к чему относятся эти высокопарные сентенции, как и ксенофобский и просто хамский «кирдык», который в «Брате» сулил «всей вашей Америке» Данила, затаившись косяком и «миролюбиво» обращаясь к французу (185), и который он вроде бы устроил в «Брате 2»? К автомату, упирающемуся в пах «нового русского», председателя банка, не гнушающегося криминальной деятельностью, излишне рьяный начальник охраны которого убивает однополчанина Данилы, что провоцирует неостановимую лавину ответного насилия; к сразу отдавшим герою певичке Ирине Салтыковой, образ которой олицетворяет Москву — «Она же звезда! Её вся Москва знает!» (229), — и американской телеведущей Лизе Джеффри, которая выполняет зеркальную семиотическую функцию и с которой аналогичным образом отождествляется Чикаго, в метафорическом смысле павшим жертвами мужского обаяния героя; к павшим буквально жертвам впечатляющей, но всё же локальной бойни в клубе «Метро» и в офисе Американца?..

Эти весьма скромные столкновения отнюдь не служат отголосками неких глобальных битв — напротив, демонстрируемые на экране «разборки» выглядели бы комическими (тем более, что они сопровождаются запоминающимися сценами и яркими диалогами, ставшими источником безошибочно определяемых цитат), если бы не глубокий мрачный контекст: в «Брате 2» не герой

¹ Корецкий В. Не время для героев. Боги и герои Алексея Балабанова. — Текст: электронный // Русский репортёр. — 2013. — № 20. — URL: https://expert.ru/russian_reporter/2013/20/ne-vremya-dlya-geroev (дата обращения: 31.03.2021).

измельчал, он всё тот же богатырь, но в современной действительности нет настоящего испытания для его безмерной силы, и всё, что делает «герой нашего времени», оборачивается анекдотичными ситуациями. Это подчёркивается отсутствием господствующего сюжета, заданной фабульной нацеленности, вместо чего воспроизводится естественный ход жизни.

«Рыхлая» фабула и раскованное течение художественного времени позволяют выявиться лицу героя, которого сюжет себе не подчиняет; именно поэтому события, из которых складывается повествование, явлены на уровне бытовых положений, которые лишены единства: дробность происходящего указывает на то, что мир не соответствует колоссальному масштабу пришельца из иных, мифологических времён. Но в эпическом по природе герое-правдоискателе, в котором во втором фильме, в отличие от первого, пусть насмешливо, но всё же акцентированы душевная неуспокоенность, состояние фрустрации, проявляется стремление к поиску собственных ответов на поставленные жизнью вопросы и зарождается понимание того, что невозможно прийти к их однозначному решению; таким образом, наблюдается эволюция характера вроде бы монолитного героя, что оказывается заброшен и одинок в экзистенциальном пространстве, пребывание в котором субъекта не детерминировано внешними императивами, но обуславливается возможностью выбора бытия, неотделимой от каждой личности.

При этом, хотя в образе Данилы Багрова А. Балабанов сотворил настоящего, дееспособного главного героя, который показательно затмил популярностью все прочие созданные им образы, психологический анализ в фильме со всей отчётливостью фиксирует отсутствие интеллектуальной жизни актора; этот вакуум компенсируется подчёркиванием силы чувств последнего, глубины его переживаний, что достигается, в частности, пристальным вниманием к психологическим жестам. Крайне репрезентативен эпизод встречи Данилы с Американцем, сопровождаемый хрестоматийным диалогом, несомненно, наиболее часто цитируемым из всего балабановского наследия:

«Американец с партнёром пили водку со льдом и играли в шахматы. <...> Данила сразу выстрелил, и партнёр Американца

упал. <...> Данила посмотрел на этикетку и налил два стакана. <...>

– Вот скажи мне, Американец, в чём сила? – спросил он. – Разве в деньгах? <...> А я думаю, что сила в правде. У кого правда, тот и сильнее. Вот если ты обманул кого-то и разбогател, разве ты стал сильнее? Не стал, потому что правды за тобой нет. А правда за тем, кого ты обманул. Значит, он сильнее. Да? – говорил Данила.

– Да, – ответил Американец и заплакал. <...> Данила опустил голову, потом посмотрел в окно.

– Дмитрий Громов. Мани давай, – устало сказал он» (246–247).

Два основных антагониста остаются в живых, потому что варварский кодекс чести, жестко регламентирующий действия Данилы, накладывает запрет как на лишение жизни человека, с которым была разделена трапеза, так и на убийство отца мальчика, после прочтения которым «Я узнал, что у меня // Есть огромная семья...» «комком подступил к горлу Данилы» (206):

«– Ладно, живи, гад. Сына благодари. Жалко такого парня без отца оставлять... Сиди здесь тихо, штаны суши» (208).

Безымянный же «партнёр Американца» становится случайной жертвой, которого герой ничтоже сумняшеся убивает, не давая себе труда задуматься над необходимостью расправы. Рыдания Американца открывают Даниле, что его смыслопоисковые интенции – прежде всего поиск силы как той «правды», «под крылом которой мог бы посогреться всякий»¹, бесплодны. Его усталость – это безрадостная угнетённость живущего витально варвара, при полноте жизненных сил вдруг ощутившего экзистенциальный страх как «головокружение свободы» [14, с. 160].

Заключение. Приходим к выводу, что, в образе Данилы Багрова находили политические и этические смыслы, тогда как проведённое исследование со всей очевидностью репрезентирует в нём черты варвара. Подобно создателю Конана-варвара Роберту Говарду, Алексей Балабанов констатирует, что именно варвар есть герой современной эпохи, и в мир, «сдвинувшийся с места», он привносит негибкую волю и собственные жёсткие нравственные ориентиры.

Но если в первом «Брате» варварство выглядит выигрышно, сочетая силу и этику –

¹ Шолохов М. А. Тихий Дон // Собрание сочинений: в 8 т. Т. 3. – М.: Правда, 1975. – С. 188.

пусть прозрения и не происходит, варвар отправляется завоевывать новые земли, – то во втором фильме диптиха герой идёт путём насилия привычно, с цинизмом. Формально он побеждает, но экзистенциально переживает крах. Потому могучая сила «нового варвара» проявляется локально, мелко, будучи реализована в частных столкновениях. Нет достойного испытания для богатырства Багрова, ибо мир не соответствует его масштабу, и потому герою беспокойно – витальность, поистине варварская полнота жизненных сил не защищает от экзистенциального страха.

Итак, «Данила Багров – он кто: фашист или патриот?..»¹; подчиняющийся неотвратимости своей высокой миссии вершения правосудия «благородный варвар», все усилия которого на этом пути неизбежно тщетны ввиду трагической несправедливости мироустройства, или разрушитель,

торжество которого знаменует «крушение гуманизма»?.. Если говорить о том, в чём на самом деле заключается притягательность балабановского фильма и его главного героя, можно, контаминируя высказывания Антона Долина и Артура Шопенгауэра, получить следующий тезис: «На самом деле, у Данилы Багрова не было никаких братьев. Он такой был один»², «...и так как индивид – это сама воля к жизни в её отдельной объективации, то всё его существо противится смерти» [15, с. 276]. Такая неподвластность поведения человека безнадёжности ситуации, истинно варварская витальная сила, воскрешающая в сознании тютчевские строки: «Мужайтесь, о други, боритесь прилежно, // Хоть бой и неравен, борьба безнадежна!»³ – как выражение экзистенциального кредо, согласно которому человек велик в действии, и впечатляет неизменно в «Брате 2».

Список литературы

1. Хейзинга Й. Homo Ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс: Прогресс-Академия, 1992. 464 с.
2. Костриков К. Н. Феномен переходности в развитии художественной культуры: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11. М., 2005. 271 с.
3. Clausen L. Barbarei und Eisenstadt // Modenität und Barbarei: soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1996. S. 130–136.
4. Мотрошилова Н. В. Цивилизация и варварство в эпоху глобальных кризисов. М.: ИФРАН: Канон+: Реабилитация, 2010. 480 с.
5. Кара-Мурза А. А. «Новое варварство» как проблема российской цивилизации. М.: ИФРАН, 1995. 264 с.
6. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы. СПб.: Искусство-СПб., 2003. 617 с.
7. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города // Труды по знаковым системам: семиотика города и городской культуры. Тарту, 1984. Т. 8. С. 30–45.
8. Тлостанова М. Постколониальный удел и деколониальный выбор: постсоциалистическая медиация // Новое литературное обозрение. 2020. № 1. С. 66–84.
9. Spivak G.Ch. Can the Subaltern Speak? // Marxism and the Interpretation of Culture. Chicago, 1988. Pp. 271–313.
10. Offe C. Moderne "Barbarei": Der Naturzustand im Kleinformat? // Modenität und Barbarei: soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1996. S. 258–289.
11. Giesen B. Die Struktur des Barbarischen // Modenität und Barbarei: soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1996. S. 118–129.
12. Кантор В. К. Между произволом и свободой: к вопросу о русской ментальности. М.: РОССПЭН, 2007. 272 с.
13. Дилакторская О. Г. Художественный мир петербургских повестей Н. В. Гоголя // Петербургские повести / Н. В. Гоголь. СПб.: Наука, 1995. С. 207–257.
14. Кьеркегор С. Страх и трепет. М.: Республика, 1993. 383 с.
15. Шопенгауэр А. Собрание сочинений: в 5 т. Т. 1. М.: Московский клуб, 1992. 400 с.

Статья поступила в редакцию 04.05.2021; принята к публикации 20.06.2021

Сведения об авторе

Третьяков Евгений Олегович, кандидат филологических наук, доцент, Томский государственный университет, 634050, Россия, г. Томск, пр-т Ленина, 36; e-mail: shvarcengopf@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9874-972X>.

Для цитирования:

Третьяков Е. О. «Время варваров»: феномен варварства в фильме Алексея Балабанова «Брат 2» // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 179–188. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-179-188.

References

1. Huizinga, J. Homo Ludens. In the shadow of tomorrow. Moscow: Progress; Progress-Academy, 1992. (In Rus.)
2. Kostrikov, K. N. The phenomenon of transition in the development of artistic culture. Dr. philos. sci. diss. Moscow, 2005. (In Rus.)
3. Clausen, L. Barbarei und Eisenstadt. In Modenität und Barbarei: soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1996: 130–136. (In Germ.)
4. Motroshilova, N. V. Civilization and barbarism in the era of global crises. Moscow: IFRAN: Canon +: Rehabilitation, 2010. (In Rus.)
5. Kara-Murza, A. A. “New barbarism” as a problem of Russian civilization. Moscow: IFRAN, 1995. (In Rus.)
6. Toporov, V. N. Petersburg text of Russian literature. Saint Petersburg: Art-SPb., 2003. (In Rus.)
7. Lotman, Yu. M. The symbolism of St. Petersburg and the problems of the semiotics of the city. In Works on sign systems: Semiotics of the city and urban culture. Vol. XVIII. Tartu, 1984: 30–45. (In Rus.)
8. Tlostanova, M. The Postcolonial Condition and the Decolonial Option: a Postsocialist Meditation. New Literary Review, no. 1, pp. 66–84, 2020. (In Rus.)
9. Spivak, G.Ch. Can the Subaltern Speak? In Marxism and the Interpretation of Culture. Chicago, 1988: 271–313. (In Engl.)
10. Offe, C. Moderne “Barbarei”: Der Naturzustand im Kleinformat? In Modenität und Barbarei: soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1996: 258–289. (In Germ.)
11. Giesen, B. Die Struktur des Barbarischen. In Modenität und Barbarei: soziologische Zeitdiagnose am Ende des 20. Jahrhunderts. Frankfurt am Main, 1996: 118–129. (In Germ.)
12. Kantor, V. K. Between arbitrariness and freedom: On the question of the Russian mentality. Moscow: RUSSPEN, 2007. (In Rus.)
13. Dilaktorskaya, O. G. The artistic world of St. Petersburg stories by N. V. Gogol. In Gogol, N. V. Petersburg stories. Saint Petersburg: Nauka, 1995: 207–257. (In Rus.)
14. Kierkegaard, S. Fear and Awe. Moscow: Republic, 1993. (In Rus.)
15. Schopenhauer, A. Collected Works. In 5 v. V. 1. Moscow: Moscow club, 1992. (In Rus.)

Received: May 4, 2021; accepted for publication June 20, 2021

Information about author

Tretyakov Evgeniy O., Candidate of Philology, Associate Professor, Tomsk State University; 36 Lenina ave., Tomsk, 634050, Russia; e-mail: shvarcengopf@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9874-972X>.

For citation:

Tretyakov E. O. “Time of the Barbarians”: The Phenomenon of Barbarism in the Film Brother 2 by Aleksey Balabanov // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 179–188. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-179-188.

УДК 655.552

DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-189-192

Сергей Николаевич Ильченко,*Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ**(г. Санкт-Петербург, Россия),**e-mail: tv_and_radio@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>***Фейк и реальность нашего времени**

Статья является рецензией на книги двух зарубежных авторов, переведённые на русский язык и изданные в 2020 г. Первая из них – это научно-популярное издание голландской исследовательницы фейков Аннемари Бон. Писатель на материале своих национальных и зарубежных СМИ рассказывает об истории возникновения и природе такого явления современной медиакультуры, как фейк. При этом автор проявляет некоторую предвзятость в оценке ряда ситуаций, которые складывались в последние годы в мировом информационном пространстве. Тем не менее данное издание носит вполне адекватный просветительский характер, позволяя «войти в тему» тем, кто впервые желает узнать побольше о фейках в журналистике.

Имя автора второго рецензируемого издания уже известно российским читателям. Предыдущая книга Роберта Кийосаки «Богатый папа, бедный папа» – мировой бестселлер, была переведена и издана в России. В новом труде американец японского происхождения продолжает глубокий и всесторонний анализ современной американской финансово-денежной системы. Автор использует понятия фейка и фейковой манипуляции для разоблачения, с его точки зрения, несовершенства существующей финансовой системы США.

Ключевые слова: фейк, Аннемари Бон, Роберт Кийосаки, медиа, финансы, манипулирование, информация

Sergey N. Il'chenko,*Graduate School of Journalism and Mass Communication, Saint Petersburg State University**(Saint Petersburg, Russia),**e-mail: tv_and_radio@mail.ru**<https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>***Fake and Reality of Our World**

The article is a review of books by two foreign authors translated into Russian and published in 2020. The first of these is a popular science publication by Dutch fake researcher Annemarie Bohn. She uses the material of her national and foreign media to tell about the history of the emergence and nature of such a phenomenon of modern media culture as fake. At the same time, the author shows some bias in assessing a number of situations that have developed in recent years in the global information space. Nevertheless, this publication is quite adequate educational in nature, allowing you "to enter the topic" for those who want to learn more about fakes in journalism for the first time. The name of the author of the second peer-reviewed publication is already known to Russian readers. Robert Kiyosaki's previous book *Rich Dad Poor Dad*, a world bestseller, was translated and published in Russia. In the new work, the Japanese-American continues a deep and comprehensive analysis of the modern American financial and monetary system. The author uses the concepts of fake and fake manipulation to expose, from his point of view, the imperfections of the existing US financial system.

Keywords: fake, Annemarie Bohn, Robert Kiyosaki, media, finance, manipulation, information

Тема эксплуатации фейков с современным медиамире по-прежнему сохраняет свою теоретическую и практическую актуальность. Об этом свидетельствуют не только многочисленные и постоянно появляющиеся примеры в мировой и отечественной медиапрактике, но и новые теоретические и практические книги на столь животрепещущую и волнующую тему.

Приятным удивлением стал выход книги голландского автора Аннемари Бон со звонким названием «Фейк» и с не менее угрожающим подзаголовком – «Всё, что надо знать о пропаганде, фальшивых новостях и теориях заговора». Это яркое, красочно оформленное издание, очевидно, имеет немного шансов остаться незамеченным. Обилие шуточной графики, иллюстрирую-

© Ильченко С. Н., 2021

шей теоретические тезисы и практические наблюдения автора, вызвало дополнительный интерес.

Читательское ожидание в отношении этой книги в целом было оправдано. Отметим, что иллюстрации Венди Пандерс только украшают книгу. Её автор незаметно, но неуклонно ведёт основную мысль, которая вполне конкретно сформулирована в подзаголовке. Фейкам, конечно, отдано центральное место в структуре издания, но постепенно, по мере знакомства с текстом, начинаешь понимать, что главное здесь другое. Полагаем, что можно определить сквозную идею книги голландского автора как критика не совсем чистого разума, вспоминая и Канта, и Фрейда, к которому у Аннемари Бон весьма критичное отношение. Впрочем, примерно такое же, как и к русским хакерам, которые, по её мнению, повлияли на президентские выборы в США в 2016 г.

Понятно, что голландский автор более всего ссылается на те примеры манипуляции массовым сознанием, которые случались в Королевстве Нидерланды. Этим книга и интересна. Но уже ближе к финалу текста понимаешь, что тематический разброс глав и изложенных в тексте сюжетов не так уж эклектичен, ибо адресаты критики госпожи Бон очевидны и не скрываемы – субъекты рынка медицинских и фармацевтических услуг, которые действуют по принципам некорректной конкуренции, эксплуатируя фобии, стереотипы, заблуждения определённой категории людей, верящих в паранормальные явления, мистику и т. д. Автор не щадит никого, прежде всего, тех читателей, которые ещё сохраняют какие-то остатки своих верований в сверхъестественное и потустороннее. Окончательно ощутить реальность мешает достаточно легкомысленный дизайн издания и некоторая чрезмерная напористость автора по части разоблачения всего и вся.

В ходе повествования читателям предлагаются к решению различные квесты и задачи, напоминающие примеры из известной в нашей стране книги Я. И. Перельмана «Занимательная математика». Это обстоятельство, пожалуй, еще более трансформирует формат издания в направлении научно-популярной литературы. Произведение полезно прочесть и неопитам в благородном деле противостояния фейковизации медиaprостранства, и тем, кто уже ведёт эту борь-

бу в течение ряда последних лет. Несмотря на то, что Аннемари Бон написала свою книгу совсем недавно – в 2019 г., на страницах произведения практически отсутствует информация о новых, «свежих» случаях, связанных с мистификациями и фейками. Постоянно возникает устойчивое ощущение знакомства с каким-то конспектом лекций, услышанных и записанных несколько лет назад, когда фейки ещё только подбирались к границам медийного пространства. Формат книги – развёрнутая и красочная презентация актуальной темы.

Однако никакое чтение не бывает бесполезным, поэтому стоит рекомендовать знакомство с этой книгой, чтобы погрузиться в столь актуальную в настоящее время в социуме проблематику правды и лжи в огромном медиамире. В этом, как полагаем, могут помочь и другие книги на подобную тему. Аннемари Бон (отдадим ей должное) предлагает своим читателям краткий их список в конце своего текста. Если вы хотите продолжить знакомство с таким коварным явлением современной шоу-цивилизации, как фейк, то самое время воспользоваться рекомендациями голландской писательницы.

Что же касается истории с новым трудом известного критика финансовой системы Запада Роберта Кийосаки, то затруднительно игнорировать появление книги с таким громким названием. Правда, тем, кто решит взяться за её чтение, стоит всё же прочесть её подзаголовки прежде чем открыть книгу. На обложке прямо указано то, о чём этот текст: «Фейковые деньги. Фейковые учителя. Фейковые активы». И далее: «Как ложь делает бедных и средний класс ещё беднее». Если учесть, что тот же Роберт Т. Кийосаки является автором бестселлера под названием «Богатый папа, бедный папа», то любой читатель вполне может предположить: что ждет его на пятистах с лишним страницах текста? Состоится разговор не о природе фейков как таковых, а о том, как финансовые институты США вводят в заблуждение не только граждан США, но и граждан других государств на планете, свято верящих в могущественную силу доллара как резервной валюты.

У истории господства доллара длинные ноги, как и у любой лжи. Фундамент этой лжи заложен в самом конце Второй мировой войны, когда страны-союзницы согласились с таким привилегированным положением на-

циональной американской валюты (так называемая Бреттон-Вудская финансовая система). После войны никто уже не покушался на всемирное господство «зелёных бумажек». Правда, времена изменились, и уже Китай, и наша страна сомневаются в справедливости подобного положения дел.

Сомнения присущи и мистеру Кийосаки, вполне успешному бизнесмену и критику действующих финансовых законов и принятой практики. Он, конечно, не Карл Маркс и даже не Василий Леонтьев, но всё же его мысли и рассуждения выглядят здраво. Если учитывать тот факт, что в 1971 г. президент США Ричард Никсон отменил своей властью золотовалютное обеспечение доллара, то становится ясно, что этих самых долларов можно печатать столько, сколько захочется Национальной резервной системе США. Мир, к сожалению, зависим не только от нефти и газа, но и от бумажек, на которых стоит успокаивающая надпись: «Мы верим в бога».

Роберт Кийосаки рассказывает в новой книге уже знакомую некоторым его поклонникам и читателям историю собственного успеха, так искусно изложенную в предыдущей книге про бедного и богатого папу. При этом новых аргументов и фактов за время, прошедшее с момента её издания, он выявил не так уж много. Потому и вынужден заниматься перепевами и повторами уже написанного и сказанного на предыдущих страницах текста. Это создаёт впечатление некоего авторского бессилия и отсутствия свежих идей. Ещё более усиливают это ощущение постоянные напоминания и ссылки на «богатого папу». Когда же Р. Кийосаки начинает рассуждать самостоятельно, в его тексте появляются здравые мысли. Например: «Могу вас обрадовать: кошмар – это путь к сказке. Вопрос лишь в том, готовы ли вы проснуться и пережить кошмар в со-

стоянии бодрствования» [Кийосаки, с. 494]. Такое рассуждение автор разместил под девизом «Проснуться!».

Полагаем, с этим тезисом можно и согласиться. При этом стоит принять во внимание следующее обстоятельство: медийная мировая система в настоящее время такова, что перманентно вводит потребителя информации в состояние транса и удивления. Любым способом при любых раскладах. Вот об этом и хочется узнать. Однако Роберт Кийосаки идёт по знакомому пути некоего подобного финансового мониторинга, лишая книгу практической ценности. Для себя автор уяснил некоторые законы бизнеса и с их помощью достиг вполне конкретного успеха. Сомневаемся, что он искренне и до конца жаждет их открыть нам, неофитам изучения фейков в финансовой сфере. В очередной раз возникает в его книге тот самый богатый папа, этакий персонаж, у которого учился автор, видимо, на которого хочет быть похожим.

При прочтении книги «Фейк» возможно извлечь для себя полезную информацию для теории современного медиапространства, при этом сохранив собственный взгляд на проблему фейков в нашей жизни и современном медиамире. Как утверждает сам Роберт Т. Кийосаки, «информацию можно использовать только в сочетании со знаниями. Без них она не имеет смысла. Информация без финансового обеспечения не может быть преобразована в богатство» [Там же, с. 543].

Таким образом, две новые книги зарубежных авторов (каждая по-своему) возвращают читателей в мир фейков, который так или иначе связан с информацией и медиа. Изложенные в них рекомендации и предупреждения могут оказаться полезными для тех, кто продолжает знакомиться с фейковой изнанкой современной медиапрактики.

Список литературы

Кийосаки Р. Фейк / пер. с англ. С. Э. Борич. Минск: Попурри, 2020. 560 с.

Статья поступила в редакцию 14.05.2021; принята к публикации 20.06.2021

Сведения об авторе

Ильченко Сергей Николаевич, доктор филологических наук, Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ; 199004, Россия, г. Санкт-Петербург, 1-я линия В. О., 26; e-mail: tv_and_radio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>.

Для цитирования:

Ильченко С. Н. Фейк и реальность нашего времени // Гуманитарный вектор. 2021. Т. 16, № 4. С. 189–192. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-189-192.

References

Kiyosaki R. Fake / translation from English Borich, S. E. Minsk: Potpourri, 2020.

Received: May 14, 2021; accepted for publication June 20, 2021

Information about author

Il'chenko Sergey N., Doctor of Philology, Graduate School of Journalism and Mass Communication, Saint Petersburg State University; 26, 1st line V. O., Saint Petersburg, 199004, Russia; e-mail: tv_and_radio@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-7301-3203>.

For citation:

Il'chenko S. N. Fake and Reality of Our World // Humanitarian Vector. 2021. Vol. 16, No. 4. PP. 189–192. DOI: 10.21209/1996-7853-2021-16-4-189-192.

ПРАВИЛА ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

Редакция принимает **не опубликованные ранее** материалы объемом до 1 п. л. (40 000 знаков с пробелами), выполненные в следующих жанрах:

<i>Жанр</i>	<i>Минимальный объём</i>
Статья (теоретического и эмпирического характера, содержащая основные научные результаты, полученные автором)	0, 5 п. л. (20 000 знаков)
Научные сообщения, доклады	0, 3 п. л. (12 000 знаков)
Научные обзоры, рецензии	0,2 п. л. (8 000 знаков)

В редакцию НЕОБХОДИМО ПРЕДСТАВИТЬ:

1. Электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора(-ов) и название статьи.
2. Электронный вариант заполненного лицензионного договора.
3. Личную карточку автора – сведения об авторе(-ах).

СТРУКТУРА СТАТЬИ, ПРЕДСТАВЛЯЕМОЙ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА

Отрасль науки. Название рубрики журнала.

Код: УДК, ORCID.

Имя, отчество, фамилия автора приводятся на русском и английском языках. Количество соавторов в статье может быть не более 5. При наличии соавторов первым указывается ответственный/ основной автор. На русском и английском языках даётся описание вклада в исследование каждого автора (по 1 предложению).

Город, страна – на русском и английском языках.

Место работы (постоянное и при наличии – место выполнения научного проекта) – на русском и английском языках.

Почтовый адрес – на русском и английском языках.

Источники финансирования статьи (при их наличии) – на русском и английском языках.

Название статьи – **на русском языке** строчными буквами (не заглавными), **на английском языке** – с заглавной буквы пишутся все слова названия, кроме артиклей: a, an, the; союзов: and, but, nor, or, предлогов короче пяти букв, частицы to перед инфинитивом.

Аннотация: 200–250 слов на русском и английском языках. Текст аннотации должен включать основные результаты статьи: актуальность, методы, выводы исследования. Аннотация не должна содержать каких-либо ссылок.

Ключевые слова или словосочетания (5–7 терминов/понятий) отделяются друг от друга запятой. Приводятся на русском и английском языках.

Основной текст статьи, содержащий следующие блоки: введение, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение – выводы.

Название блоков выделяется полужирным шрифтом.

Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на цитируемые источники. Ссылки приводятся в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, например [1, с. 25]. Несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [1; 3; 4].

Список литературы указывается по мере цитирования и должен включать не менее 15 источников, в том числе не менее 5 зарубежных источников.

Учебные пособия, публицистика, архивы, справочные, словарные и законодательные материалы являются источниками, не входят в список литературы и выносятся в текст статьи в виде подстрочных ссылок (сноски внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра, нумерация – постраничная.

Список литературы оформляется согласно ГОСТу Р 7.0.5-2008. Для каждого источника обязательно указываются издательство, общее количество страниц.

Необходимо повторить русскоязычный список литературы также на английском языке, оформить References согласно следующим требованиям:

- автор/ы (транслитерация в формате BSI, BGN);

- название работы/ источника (перевод на английский язык);
- выходные данные: город, издательство, год, том, диапазон страниц (транслитерация);
- указание на язык источника (In Rus.)

Самоцитирование допускается в объеме не более 20 % от общего количества источников в списке литературы.

Объем цитирования в статье должен составлять не более 30 % от общего объема статьи.

ТЕХНИЧЕСКИЕ ПАРАМЕТРЫ СТАТЬИ

Рабочие языки: русский, английский, китайский.

Общие требования: формат – А4, ориентация – книжная.

Параметры страницы: верхнее и нижнее поля – 2 см; левое и правое поля – 2,5 см. Шрифт – Arial, кегль – 14, интервал – 1,5 строки. Отступ первой строки – 1,25 см. Текст – без переносов, выравнивание – по ширине.

При использовании дополнительных шрифтов при наборе статьи следует представить их в редакцию.

При наличии в статье других языков необходимо дублировать статью в формате PDF.

На последней странице статьи указывается, что «статья публикуется впервые», ставятся дата и ФИО автора(-ов).

Особенности набора слов, цифр, формул, единиц измерения.

Единицы измерения отделяются от символов и цифр, к которым они относятся.

Следует различать: О (буква) и 0 (ноль), 1 (единица) и I (римская единица или буква «и») и т. д. Необходимо отличать дефис (-) и тире (–).

Не следует заменять букву «ё» на «е».

Таблицы оформляются в формате Word, должны быть озаглавлены и иметь сквозную нумерацию в пределах статьи, обозначаемую арабскими цифрами, например, *таблица 1*, в тексте ссылки нужно писать сокращённо, например, *табл. 1*. Содержание таблиц не должно дублировать текст. Слова в таблицах следует писать полностью, переносы должны быть расставлены верно. В ячейке таблицы в конце предложения точка не ставится.

Рисунки оформляются только в чёрно-белом варианте (графики, диаграммы – формат Excel, схемы, карты, фотографии), приводятся со сквозной нумерацией (арабскими цифрами) и везде обозначаются сокращённо, например, *рис. 1*. Представляются в формате jpg (разрешение – не менее 300 т/д) отдельными файлами с указанием его порядкового номера, фамилии автора(-ов) и названия статьи. Размер рисунка – 170 × 240 мм. Все детали рисунка при его уменьшении должны хорошо различаться. Все **подрисуночные подписи на русском и английском языках** прилагаются отдельным списком в конце статьи.

Объем рисунков не должен превышать ¼ объема статьи.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, подбор и изложение фактов, представленных в статье.

Почтовые расходы по пересылке авторского экземпляра журнала составляют 200 р.

Пакет документов, необходимый для опубликования материалов, отсылается по электронной почте: zab-nauka@mail.ru.

Адрес редакции

672007, Россия, Забайкальский край, г. Чита, ул. Бабушкина, 129
Забайкальский государственный университет
Редакция научных журналов (каб. 126).

Ответственный секретарь

Седина Елена Витальевна

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Тел. +7(3022) 35-24-79

SUBMISSION GUIDELINES

The Editorial Board accepts manuscripts which **haven't been previously published**. Manuscripts prepared should not exceed 40,000 characters with spaces.

Genre	Minimum length
Research article (theoretical or empirical articles that contain the main results obtained by the author)	0.5 printer's sheet (20,000 characters)
Scientific reports and papers	0.3 printer's sheet (12,000 characters)
Reviews	0.2 printer's sheet (8,000 characters)

SUBMISSION PACKAGE

Authors should enclose the following documents in the package:

1. Electronic copy of the article. The name of the file should contain the author's surname and the title of the article.
2. Electronic version of publishing agreement.
3. Information about the author.

THE STRUCTURE OF THE PAPER SUBMITTED TO THE EDITORIAL BOARD

Branch of science (journal section).

Code: UDK, ORCID

Author's name, patronymic (middle name), surname (in Russian and English). The number of co-authors should not exceed 5 persons. If there is more than one author, the name of the main author should be given first. There should be information on the author's contribution in Russian and English (one sentence long).

City, country (in Russian and English).

Affiliation (permanent place of work or place of a research project) in Russian and English.

Mail address (in Russian and English).

Sources of financing (if there are any) in Russian and English.

Title of the paper in **Russian** (lowercase letters only) and **English** (in title capitalization the first and last words and all nouns, pronouns, adjectives, verbs, adverbs, verbs, and subordinate conjunctions (*if, as, that*, etc. – when fewer than 5 letters are capitalized).

Abstract (200 to 250 words) in Russian and English. The abstract should reflect the main outcomes of research and should include background, aims, methods, results, and conclusion but should not contain any references.

Keywords or **word combinations** (5–7) are separated by a comma (in Russian and English).

The body text of the paper should include the parts: Introduction, Methods, Results, Discussion, Conclusion. **The names of the parts should be in bold type.**

The paper should include in-text references to the works cited. References are given in square brackets, indicating the source number and the page number, e.g. [1, p. 25]. Several sources are separated by a semicolon [1; 3; 4].

The reference list is indicated as cited and should include at least 15 sources including no less than 5 foreign sources.

Textbooks, social and political essays, archives, reference, dictionary and legislative materials are mentioned after "References" in the section "**Sources**", they are continuously numbered or are given in the text of the paper as footnotes (in the bottom of the page). A footnote marker is the Arab figure, per page numbering.

The list of references is made out according to state standard specification (GOST) P. 7.0.5-2008. For each source the publishing house, total of pages are surely specified.

References in Russian should be translated into English and meet the following requirements:

- author (s) (transliteration in BSI, BGN formats);
- title of the work/source (English translation);
- imprint: city, publishing house, year of publishing, volume/issue, pages (transliteration);
- source language (in Rus.).

Selfcitations should not exceed 20 %.

Citations should not exceed 30 %.

ARTICLE FORMAT REQUIREMENTS

Languages of publications: Russian, English, China.

General requirements: Margins of the A4-size page (book orientation) should be: top and bottom –2 cm, left and right –2.5 cm. The main text should be Arial 14 pt with 1.5 spacing. First line indent – 1.25. The text should not include automatic hyphenation; it should be centered on the width.

If using additional fonts, consult the editor.

If using additional languages in a manuscript, a PDF copy should be submitted.

The last page of the manuscript should contain the note “The article is published for the first time”, the date and the author’s (authors’) names.

Words, figures, formulas, measurements

Units of measurement are repulsed from characters and numbers to which they relate.

A clear distinction should be made about o (letter) and 0 (zero), 1 (one) and I (Roman unit or the letter “I”), a hyphen (-) and a dash (–).

Don’t use letter “e” instead of “ë”.

All **tables** must be created in Word, be titled and marked with Arabic numbers (e.g. Table 1). Within the body of the text, references to tables should be abbreviated (e.g. tab. 1). The content of the table should not duplicate the text. The words in the tables should be written in full with correct hyphenation. The table cell should not include a dot at the end of the sentence.

Black-and-white drawings (graphs, diagrams – Excel format, charts, maps, photos) should have Arabic numbers, the word “figure” should be always abbreviated (e.g. fig. 1). Illustrations are submitted in jpg format (with a minimum 300 dpi resolution or higher) as separate files, indicating their number, author’s name/authors’ names and the title of the article. Image size 170×240 mm. When reducing, all details of the image should be distinguished. **All captions in Russian and English** should be attached as a separate list to the article.

Figures must not exceed 1/4 length of the text.

Papers that do not meet the above mentioned requirements will not be accepted.

The authors are fully responsible for the accuracy of quotations and references.

Payment for the author’s copy postage

An amount of 200 rubles is paid for postage.

The complete package should be sent to zab-nauka@mail.ru

Address of the Editorial Board

129 Babushkina st., Chita, 672007, Transbaikal Territory, Russia
Transbaikal State University, The Editorial Board (Room 126)

Executive Secretaries

Sedina Elena V.

e-mail: zab-nauka@mail.ru

Tel. +7(3022) 35-24-79